Л.М.ШНЕЕРСОН

Франко-прусская война и Россия

Л. М. ШНЕЕРСОН

Франко-прусская война и Россия

Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг.

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1976

9(М)32+9(С)16
Ш76

Шнеерсон Л. М.

Ш 76 Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Мн., Изд-во БГУ, 1976.

В книге на основе архивных материалов, дипломатических документов, мемуарной литературы и прессы автор анализирует основные тенденции внешней политики России после австро-прусской войны, ее роль в важнейших европейских конфликтах тех лет (люксембургский кризис 1867 г., вопрос о Северном Шлезвиге, германские дела, восточный вопрос и т. д.). Особое внимание уделено позиции России во время франко-прусской войны.

В противовес распространенному в буржуазной историографии мнению о роли России в содействии прусско-бисмарковским планам доказывается, что, локализируя войну в пользу Пруссии, Россия исходила в значительной степени из собственных интересов и не собиралась предоставлять Пруссии полную свободу действий. Русская дипломатия старалась сплотить нейтральные государства, чтобы они смогли оказать влияние на выработку условий мира.

Книга представляет интерес для научных работников, аспирантов, всех тех, кто интересуется историей международных отношений и внешней политики России.

Ш $\frac{11101-059}{М317-76}$ 41—76 9(М)32+9(С)16

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1976 г.

Введение

Франко-прусская война 1870—1871 гг. своим исходом привела к крупным изменениям в расстановке и соотношении сил на европейской арене и тем самым стала начальной вехой нового этапа в развитии международных отношений. Эта война стимулировала уже назревший крах Второй империи и образование французской республики, способствовала завершению объединения Германии под главенством Пруссии, явилась толчком для свершения первой пролетарской революции — Парижской коммуны.

Разгром Франции и образование Германской империи, претензии кайзеровского рейха на европейскую, а затем и мировую гегемонию, безудержный рост германского милитаризма и экспансионизма представляли опасность для международных позиций и территориальной целостности России. Возникли предпосылки для обострения австро-русских противоречий, осложнился и приобрел новые грани так называемый восточный вопрос. Вместе с тем франко-прусская война облегчила России задачу освобождения от ограничений на Черном море, навязанных Парижским договором 1856 г., усилила ее международное влияние, открыв возможности использовать франко-германский антагонизм [1].

Война 1870—1871 гг. вызвала глубокую реакцию общественных кругов России. Обострилась борьба общественных направлений по вопросам не только внешней, но и внутренней политики. Наметились острые расхождения между официальным курсом русской дипломатии и преобладающим общественным мнением. Упрощая сложность проблемы, Бисмарк заметил, что «если бы Россия руководствовалась в 1870 г. чувствами всего русского народа, то войска русского царя выступили бы против Германии, и только личные симпатии русского царя заставили взять верх противоположной политике» [2].

Политика России во франко-прусской войне не подвергалась специальному монографическому исследованию и рассматривалась только в общих работах, посвященных международным отношениям того времени или самой войне как таковой. В советской историографии обзор дипломатической предыстории и истории франко-прусской войны дал в своей книге академик Ф. А. Ротштейн [3]. Документированный анализ внешней политики России второй половины XIX в. дан Н. С. Киняпиной [4]. Позицию России в критском вопросе исследовала И. Г. Сенкевич [5]. С. А. Никитин осветил влияние войны на балканскую политику России и общественное движение славян [6]. А. З. Манфред и Ю. В. Борисов исследовали последствия войны для франко-русских отношений [7]. Некоторые сведения о русско-французских отношениях в период войны содержатся в книге В. И. Антюхиной-Московченко [8], внутриполитическое положение Франции накануне и в начальный период войны освещается в монографии Э. А. Желубовской [9].

Большое внимание советские исследователи уделили изучению влияния Парижской коммуны на общественное движение России и позиции царского правительства по отношению к Парижской коммуне [10]. Внешнеполитические проблемы, вызванные австро-прусской войной 1866 г., которая, по выражению Энгельса, повлекла за собой франко-прусскую войну, исследовали Л. И. Нарочницкая и автор данной монографии [11].

Проблемы истории объединения Германии и образования Германской империи составили содержание ряда интересных исследований историков ГДР [12]. Венгерский историк Иштван Диосеги опубликовал в Будапеште монографию о политике Австро-Венгрии во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. [13]

Несмотря на то что исторический опыт обернулся крахом германского рейха, западногерманская историография продолжает поддерживать культ Бисмарка. Ценой фальсификации фактов Бисмарку приписывается роль некоего миротворца. «Все его (Бисмарка.— *Л. Ш.*) мысли,— уверяет один из столпов западногерманской историографии Людвиг Рейнерс,— скрещивались на цели — добиться возможности объединения Германии без войны» [14]. Рейнерс старается прокомментировать сделки Бисмарка с Францией и другими странами на Востоке

как поиск путей к мирному решению германского вопроса. Тенденция представить политику Бисмарка без свойственного ей вкуса «железа и крови» широко проявилась в западногерманских юбилейных изданиях, посвященных 100-летию образования Германской империи. Юбилей был использован реакционными кругами ФРГ с целью подогреть националистические и шовинистические настроения немцев. «Сегодня все сводится к тому,— писал западногерманский историк Теодор Шиман,— чтобы не захлопнуть преждевременно двери и сохранить возможность национальной связи частей урезанной империи» [15].

Тенденциозное восхваление бисмарковского дипломатического искусства и целей бисмарковской политики влечет за собой искажение германской историографией всей картины международной борьбы в годы объединения Германии. В книгах многих германских буржуазных историков политика России, преподносимая в отраженном свете немецких документов, выглядит чуть ли не производной от бисмарковской инициативы и дипломатического умения.

Французская буржуазная историография, как это ни странно, мало занималась специальным изучением русско-французских отношений второй половины 60-х гг. XIX в. и до сих пор наиболее значительным исследованием в этой области остается книга Шарля Ру «Александр II, Горчаков и Наполеон III», вышедшая в свет в 1913 г. Сформулированные в ней выводы в значительной степени определяют концепции, бытующие и в современной французской историографии. Шарль Ру, осуждая в качестве либерала режим бонапартистской империи, в то же время обелял многие стороны ее внешней политики. Он пытался, в частности, доказать отсутствие у Наполеона III враждебных Пруссии замыслов. Ничто не было более чуждым намерениям Наполеона, уверял Шарль Ру, «чем враждебная или просто эгоистическая политика по отношению к Германии, завоевательная война против нее или насильственное вмешательство в ее внутреннее развитие» [16]. На этом основании французский историк делал заключение, что Франция, даже после прусской победы над Австрией в 1866 г. и объединения Северной Германии, не нуждалась ни в оборонительном, ни в наступательном союзе с Россией, а, скорее, должна была опасаться подобного союза, способно-

го побудить Германию к враждебной Франции политике. Его тезис прост: Россия якобы была заинтересована во французской поддержке больше, чем Франция в русской.

В английской историографии наиболее близко касаются интересующей нас проблемы работы У. Мосса[17]. В своих книгах Мосс, подобно французским историкам, преувеличивает остроту польского вопроса и силу его влияния на русскую политику накануне франко-прусской войны, а также значение династических связей и общности консервативных интересов для русско-прусского сближения. Столь упрощенный подход к оценке русского внешнеполитического курса скрадывает то обстоятельство, что к сближению с Пруссией русское правительство повернуло, лишь убедившись в невозможности достичь соглашения с наполеоновской Францией. Вместе с тем Мосс вразрез с господствующей в буржуазной историографии точкой зрения признает справедливость и правомерность отказа России в октябре 1870 г. от дальнейшего признания принципа нейтрализации Черного моря.

Подлинно научное освещение проблем, связанных с франко-прусской войной, невозможно без углубленного изучения всего, что написано классиками марксизма-ленинизма о международных отношениях, о внешней и внутренней политике отдельных стран, о классовых конфликтах 60—70-х гг. XIX в. Ценнейшим методологическим пособием для исследователя являются такие работы, как воззвания Генерального совета Первого Интернационала о франко-прусской войне, «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Заметки о войне» Ф. Энгельса, работы о Парижской коммуне В. И. Ленина.

Глава I

Между Францией и Пруссией

Внутреннее положение России

К концу 60-х гг. Россия уже ощущала последствия реформ, и прежде всего отмены крепостного права. Темпы роста ее промышленного производства в первое десятилетие после реформы превысили даже темпы развития промышленности в Германии, Англии и Франции[1]. Возникали крупные машиностроительные предприятия: в 1863 г.— завод Листа в Москве, Струве в Коломне, в 1864 г.— Пермский пушечный и механический завод в Мотовилихе, в 1866 г.— завод Беллино-Фендериха в Одессе, Вейхельта в Москве и т. д. Страна переживала в это время железнодорожную горячку. Свыше 80% капиталов всех русских акционерных компаний шло на железнодорожное строительство[2]. Этот процесс поощрялся правительственной политикой. В 1866 г. было решено изготовлять собственное оборудование для железных дорог, не считаясь с издержками. В 1869 г. ввоз иностранных машин стал облагаться высокими таможенными пошлинами (кроме ввоза сельскохозяйственного, типографского и бумагопрядильного оборудования)[3].

Однако все эти меры не имели под собой еще достаточно прочной базы. Несмотря на принятое в 1866 г. решение, железные дороги вплоть до конца 70-х гг. приходилось строить «почти исключительно из иностранного беспошлинно ввозимого материала»[4], так как русская

металлургия, основанная прежде преимущественно на крепостном труде, с трудом приспосабливалась к новым условиям. В течение целого десятилетия она топталась на месте. Выплавка чугуна, в начале 60-х гг. составлявшая 18 млн. пудов, в 1867 г. упала до 17 млн. и только к 1870 г. достигла прежнего уровня [5]. В 1870 г. потребность в черном металле почти на две трети и каменном угле более чем наполовину удовлетворялась за счет ввоза из других стран [6]. На долю царской России приходилось в этот момент всего 2,9% мирового производства чугуна [7].

Большие трудности переживала хлопчатобумажная промышленность, на положении которой сказалось повышение цен на хлопок в связи с гражданской войной в США (1861—1865), вызвавшей резкое сокращение вывоза в Европу американского хлопка.

В стране ощущалась нехватка капиталов. Возрастал государственный долг, и выплата процентов по займам серьезно отягощала бюджет. В 1866—1875 гг. на эти выплаты уходило 17% бюджетных средств [8].

По мнению министра финансов М. А. Рейтерна, положение складывалось гораздо хуже, чем до Крымской войны. Ежегодное капиталообразование уменьшилось, а «потребность на капитал в огромной степени увеличилась». Он с тревогой отмечал значительную эмиграцию капиталов из России не только иностранных, но и русских [9]. Россия не могла преодолеть пассивности своего внешнеторгового баланса, в 60-х гг. рост ввоза опережал рост вывоза. В 1866—1870 гг. среднегодовой вывоз составлял 263,7 млн. руб., а среднегодовой ввоз—290,6 млн. руб. [10] Чтобы нормализовать платежный баланс, в 1864 г. были отменены таможенные пошлины на вывозимую из страны сельскохозяйственную продукцию. Задача заключалась в том, чтобы вывезти ее как можно больше (даже в ущерб внутренним потребностям) [11]. Но на мировом сельскохозяйственном рынке Россия столкнулась к этому времени с сильным соперничеством ряда стран, в том числе Румынии, Венгрии, и в особенности США.

Трудности приспособления экономики к новым условиям, особенно большие в силу недостаточно радикальной ломки прошлого, крепостники старались использовать в качестве повода для компрометации политики реформ.

Рупор этих кругов петербургская газета «Весть» утверждала, что с 1861 г. Россия не выдерживает соперничества других стран: «Америка, Азия, Африка усилили свое хлебное производство, а Россия пошла назад, особенно в последние пять лет, когда землевладельческое (читай помещичье.— *Л. Ш.*) хозяйство в ней пало за недостатком рук и денег» [12]. Газета злорадствовала: «Мы давно уже внушали, что землевладение есть краеугольный камень всякого государственного здания, что на массах ничего построить нельзя» [13].

К концу 60-х гг. Россия еще продолжала резко отставать от стран Западной Европы по уровню промышленного производства и его техническому оснащению. В 1869 г. было произведено всего 17 паровозов [14], почти не имелось рельсопрокатного производства [15], машиностроительная промышленность только формировалась.

Общая социальная и экономическая отсталость страны сказывалась на состоянии ее вооруженных сил и организации обороны в целом. Вытекающие из крепостной системы порядки комплектования армии, длительный срок службы (12 лет) не позволяли создать многочисленные обученные резервы, необходимые для массового развертывания армии в военное время [16].

Западноевропейские страны к тому времени имели более совершенные системы комплектования армий, особенно Пруссия, с 1862 г. перешедшая к всеобщей воинской повинности. Во Франции армия в военное время могла увеличиться за счет подготовленных резервов в 2 раза по сравнению с ее численностью в мирное время, в Австрии — в 2,2, а в Пруссии — в 3,4 раза. В России же в 1869 г. армия могла вырасти в случае войны за счет подготовленных резервов лишь на 63% ее численности в мирное время [17]. Ощущался острый недостаток в командном составе. В 1869 г. не хватало 1418 офицеров, или 6.6%, до комплекта мирного времени и 5559 офицеров, или 21,6%, до состава военного времени [18]. Недостаток денежных средств, низкий уровень отечественной промышленности тормозили реорганизацию и перевооружение армии. После некоторого увеличения военных ассигнований, потребовавшихся в напряженные 1863 и 1864 гг., последовали значительные урезки военного бюджета. К январю 1869 г. армия насчитывала 726 тыс. человек против 805 тыс. в 1866 г. [19] В некоторой степени это со-

кращение компенсировалось ростом численности подготовленных резервов [20].

Военный потенциал России чрезвычайно страдал от необеспеченности армии стратегическими коммуникациями, в частности почти отсутствовала железнодорожная связь центральных районов страны с западными границами. Только Петербург линией на Варшаву и отходящими от нее ветками имел прямую связь с западными границами. Весь поток грузов, переброска войск на запад лимитировались пропускной способностью этой железной дороги, которая проходила вблизи прусской границы и берегов Балтийского моря и могла быть сравнительно легко перерезана противником. Об этом настойчиво предупреждала в 1869 г. записка военного министерства о необходимости скорейшим образом соединить Москву с Варшавой прямой линией [21]. Западные границы не имели рокадной железнодорожной линии, кроме участка Одесса — Балта.

Не в лучшем положении были черноморские границы — ни одна железная дорога не доходила до Крыма. Строительство линии Харьков — Севастополь только намечалось. Железнодорожная связь с Кавказом обрывалась в Новочеркасске. В этом отношении поучительные уроки Крымской войны для царского правительства остались втуне [22]. К 1871 г. Россия имела железнодорожную сеть протяженностью лишь в 10 560 км (9899 верст) [23]. Вместе с тем пограничные с Россией на западе Пруссия и даже Австро-Венгрия обладали значительно более развитыми коммуникациями.

В связи с ненадежностью юго-западной границы России с Австрией генерал Обручев считал крайне важным строительство Брестско-Волынской железной дороги, которая сомкнулась бы в Бердичеве с Киевско-Балтской железной дорогой [24]. В записке Главного штаба в самых тревожных тонах высказывались опасения за целостность империи в случае переноса войны в Царство Польское [25].

Военное министерство подчеркивало, что в Главном железнодорожном комитете, возглавляемом графом С. А. Строгановым, при определении программы строительства мало обращают внимания на стратегические соображения, больше учитывая интересы концессионеров [26].

На строительство и укрепление портов также отпускались бюджетом очень скромные суммы. В 1870 г., например, всего 965,5 тыс. руб. [27].

Реформа 1861 г. помогла царизму предотвратить развитие революционной ситуации, нараставшей в 1859—1861 гг. Разгром польского восстания 1863 г. довершил на этом этапе наступление реакции. Либералы предательской позицией соглашательства с царизмом содействовали поражению демократических сил. Покушение Каракозова в апреле 1866 г. на царя дало новый повод для репрессий и усиления реакции. Однако подспудные процессы народного недовольства продолжали нарастать. К концу 60-х гг. они дали о себе знать вспышкой студенческих волнений. Силы польского национально-освободительного движения к тому времени были подорваны. Но политика русификации, осуществляемая царизмом в Царстве Польском, сталкивалась с сопротивлением поляков и давала повод западным державам для жонглирования польским вопросом в антирусских целях.

Острота многих проблем внутреннего развития и существенные пробелы в военной и стратегической подготовленности накладывали глубокий отпечаток на внешнеполитический курс России, вынуждая царское правительство ориентироваться преимущественно на задачи оборонительного характера и собирание сил. Однако достигнутые во второй половине 60-х гг. некоторые успехи в капиталистическом развитии стимулировали активность правящих кругов России. Особенно острые проблемы возникали в связи с развитием Юга России, где складывались относительно благоприятные условия для формирования капиталистического сельскохозяйственного производства. Порты Черного и Азовского морей стали основными каналами экспорта хлеба, в 1861—1870 гг. через них проходило 62% всего хлебного вывоза [28]. Кроме хлеба, отсюда вывозилось до 50% шерсти, льна, сырых кож, железа [29]. Возросшее значение Юга делало особенно нетерпимыми для России ограничения на Черном море, навязанные ей Парижским миром 1856 г. Так называемая нейтрализация Черного моря, лишившая Россию права держать здесь военный флот и строить укрепления, ущемляла интересы ее безопасности, осложняла освоение южных районов и развитие внешней торговли через черноморские порты.

Международная обстановка, складывающаяся на фоне обостряющихся франко-прусских противоречий, наряду с новыми осложнениями создавала и некоторые благоприятные для России возможности укрепления своих внешнеполитических позиций.

Взаимоотношения с Пруссией

Пражский мир, подведший итоги австро-прусской войны 1866 г., поражение Австрии и формирование Северогерманского союза во главе с Пруссией сдвинули центр тяжести борьбы в Европе. Определяющим фактором европейской ситуации становятся франко-прусские противоречия и таящаяся в них угроза франко-прусской войны. Возвышение Пруссии и объединение под ее господством большей части Германии затрагивали в том или ином плане интересы европейских государств и во многом определяли процесс группировки международных сил.

В России отдавали отчет в том, что создание Северогерманского союза — лишь этап на пути подчинения всей Германии прусскому влиянию. Южногерманские государства, отмечала «Неделя», неспособны противостоять прусскому центру на Севере [30]. Русская дипломатия не верила в возможность создания южногерманского союза как противовеса Пруссии [31]. Прямые угрозы, вытекающие из победы Пруссии, в России видели в ущербе, который Пруссия могла нанести русским интересам на Балтийском море, укрепив там свои позиции, в возможных притязаниях на Остзейские провинции, в активизации прусской политики на Востоке.

Имелись важные экономические мотивы для антипрусских настроений в буржуазно-помещичьих кругах России. Пруссия и Германия в целом выступали конкурентом России в области промышленного производства. В 50—60-х гг. в Царстве Польском сложились очаги немецкого капитала, преимущественно в текстильной промышленности. За короткий срок там обосновалось до 100 тыс. немецких переселенцев, получивших кредиты из германских банков [32]. Обладая большим опытом в техническом оснащении предприятий, опытом организации

сбыта, имея развитую сырьевую базу, немецко-польские фабриканты представляли собой опаснейшего конкурента для текстильных промышленников Центра России[33].

Гнетущее действие иностранной конкуренции, и в частности германской, стало особенно ощущаться после реформы, когда процесс буржуазного развития в России значительно убыстрился. В промышленных кругах нарастало требование крайнего протекционизма. Однако царизм обнаруживал неспособность решить до конца сложные экономические проблемы развития национальных производительных сил. Отечественная промышленность оказывалась не в состоянии удовлетворить повышенный спрос на чугун, железо и оборудование, который предъявило железнодорожное строительство. Пришлось прибегать к выдаче лицензий на беспошлинный ввоз металлургического сырья и фабрикатов, что открыло новые возможности для проникновения иностранного экономического влияния. Более половины ввоза железной руды в Россию и значительная часть ввоза чугуна пришлись на долю Германии, производившей в это время чугуна приблизительно в 4 раза, а стали в 20 раз больше, чем Россия[34]. В общей сложности в 1869 г. ввоз России из Германии составлял уже 40% всего импорта[35].

Внешняя торговля России испытывала сильную зависимость от иностранного посредничества. Многие товары доставлялись через вторые, третьи руки. Преимущественно таким же образом шло за границу и русское сырье[36]. Пруссия, используя выгоды своего географического положения, непосредственную границу с Россией, незамерзающие порты на Балтике и налаженные экономические связи с Западной Европой, смогла прибрать к рукам крупную, если не крупнейшую, часть посреднической торговли России. Гулишамбаров, приводя данные для несколько более позднего времени, чем интересующее нас, подчеркивал, что даже тогда в германском ввозе в Россию процентов 25 составляли товары других европейских стран[37]. Это способствовало пассивности торгового баланса России в коммерческих операциях с Германией (т. е. преимущественно с Пруссией). Так, в 60-х гг. Россия ввозила из Германии приблизительно в 2 раза больше, чем вывозила туда[38].

Значительную часть русского хлеба Пруссия закупала не в качестве потребителя, а как перепродавец, сни-

мая немалые комиссионные с русского хлебного экспорта. В 60-х гг. Пруссия и Германия в рамках Германского таможенного союза продавали пшеницы за границу почти вдвое больше, чем ввозили (например, в 1860 г. ввоз равнялся 241 тыс., а вывоз 451 тыс. т) [39]. Часть русской ржи перепродавалась дальше через порты Северного моря [40].

Зависимость от прусского посредничества, в которой оказывалась русская внешняя торговля, в свою очередь влекла установление сильного влияния берлинской биржи на финансовом рынке России. Такое положение вызывало острую реакцию в среде русской буржуазии. Так, газета «Москва» в статье «Окольные пути нашей заграничной торговли» подчеркивала ущербное влияние на русскую торговлю Пруссии [41]. Ссылаясь на официальные отчеты о русской внешней торговле, автор статьи указывал на то, что около 2/3 ввоза в Россию мануфактурных изделий европейских государств проходило через прусские руки.

С середины 60-х гг. экономические проблемы в русско-прусских отношениях стали приобретать еще более острый характер. Пруссия наращивала индустриальные силы и с повышенным интересом приглядывалась как к рынку сбыта к огромной соседствующей с ней России, отстающей в своем промышленном развитии. После заключения фритредерского торгового договора с Францией и начавшегося преобразования тарифной системы Германского таможенного союза прусские предприниматели поставили вопрос о заключении аналогичного договора с Россией, с тем чтобы уничтожить рогатки на пути германского ввоза. Прусское правительство энергично поддерживало фритредерские начинания, тем более что завоевание новых рыночных возможностей составляло существенную сторону прусской политики усиления своего влияния в Германии.

В русской печати прогрессировали протекционистские тенденции [42]. Задача освобождения русского вывоза на Запад от необходимости транзита через прусские порты и от гнета прусских таможен актуализировала, в частности, вопрос строительства железнодорожной линии от Ковно на Либаву, спроектированной еще в 1857 г. Прусские грюндеры старались парализовать реализацию этого проекта, добиваясь концессии на соединение Либа-

вы с Ригой. Между тем дорога из Ковно на Либаву позволила бы переориентировать на почти незамерзающий и ближайший к границе либавский порт грузы из внутренних районов страны, идущие по Неману и прусскому ответвлению варшавской дороги в соседние порты Кёнигсберг, Пиллау, Штеттин и др. «Вследствие этого,— писал «Вестник Европы»,— каким страшным ударом могла бы быть эта дорога для ... прусских портов, и вот почему именно пруссаки, а никто другой, никогда не бравшиеся за постройку железных дорог в других государствах, так деятельно хлопотали о дозволении им соединить железной дорогой Либаву с Ригой». Рижская же дорога способствовала бы усилению пронемецкого сепаратизма в Прибалтике, а русская торговля оставалась бы в прежней зависимости от прусских портов [43]. Только в декабре 1868 г. строительство линии Ковно — Либава было признано задачей первоочередной важности.

Ввиду того что связь центральных районов страны с западными границами почти отсутствовала, русское правительство опасалось проводить новые железнодорожные линии к прусской границе, так как, не будучи включенными в железнодорожную систему центральных губерний, они могли бы оказаться стратегически выгоднее Пруссии, имеющей развитую сеть железных дорог, подведенных к русским границам. Но именно в силу этого прусские концессионеры настойчиво добивались скорейшего разрешения на строительство пограничных линий. Еще в 1861 г. обществом восточно-прусских железных дорог была представлена заявка на постройку линии от Граева (на прусской границе) до Брест-Литовска через Белосток, которая явилась бы продолжением прусской дороги Кёнигсберг — Лык (на русской границе). В 1863 г. царь дал принципиальное согласие на переговоры об этой линии [44].

Переговоры о граевской ветке в самом начале были отрицательно встречены в промышленно-торговых кругах России и способствовали обострению внимания к стратегическим позициям Пруссии. «Голос» утверждал, что строительство этой дороги ни для России, ни для Пруссии не вызывается никакими торговыми или промышленными интересами, что она — «чисто-начисто прусская стратегическая линия, кратчайший и удобнейший в настоящее время военный путь из Пруссии в Рос-

сию»[45]. Так как граевская линия в районе Белостока вышла бы к Петербурго-Варшавской дороге, подчеркивали «Московские ведомости», то, пользуясь ею, прусская армия могла отрезать в случае войны русские войска в Царстве Польском от войск, находящихся в России[46]. «Нам нужны теперь более всего внутренние железные дороги из внутренней России к портам,— писала газета «Голос»,— но к нашим портам, а не к иноземным»[47].

В отношении буржуазно-помещичьих кругов России к прусской политике в Германии наблюдалась известная противоречивость. Непрерывно предупреждая, как опасно для России стремление Пруссии господствовать во всей Германии, «Московские ведомости» видели в переменах, происходивших в Германии, и «полезную» сторону. Реакционным чувствам Каткова глубоко импонировало то, что переворот в Германии свершился без демократической революции, без сокрушения монархической власти и явился, как хотелось ему полагать, жестоким уроком «для тех партий в немецком народе, которые в 1848 г. думали достигнуть германского единства путем революции»[48]. «Весть» писала в таком же духе: «История оценит те заслуги, которые дом Гогенцоллернов оказал Пруссии и Германии»[49]. Ненависть к революции и страх перед ней заставляли и русских либералов искать оправданий воссоединению Германии «сверху» и строить иллюзии о возможности либерального перерождения Германии, объединенной под господством Пруссии.

На общественной арене России лишь революционные демократы занимали бескомпромиссную позицию в оценке германских событий. Юнкерская Пруссия с ее резко выраженным национализмом и культом военной силы была для них синонимом крайней и притом воинствующей реакции. «Как я был прав, проклиная эту войну,— писал Герцен об исходе войны 1866 г.,— конечно, хорошо, что Австрия смертельно ранена, но я еще больше ненавижу подлое отечество юнкерства»[50].

Революционные демократы с глубоким сочувствием относились к национальным движениям, в том числе германскому. Они приветствовали стремление немецкого народа к единству, но, рассматривая национальную борьбу как составную часть революционной борьбы народов за социальное освобождение, отрицали возможность

подлинного решения национальных задач без использования революционно-демократических средств [51]. Герцен не мог достаточно реально представить процесс объединения Германии «снизу», но он трезво оценил трусливую, политически дряблую, склонную к преклонению перед деспотизмом германскую буржуазную демократию.

Новые тенденции в восточной политике

Наряду с усилением Пруссии в результате войны 1866 г. предметом большой озабоченности русской дипломатии и общественности стали и возможные для России последствия поражения Австрии. Было очевидно, что, потеряв связь с Германией, Австрия неизбежно переключит внимание на Восток, добиваясь расширения сферы своего господства в славянском мире. Австрийская печать довольно откровенно формулировала антирусские и антиславянские аспекты внешней политики Дунайской империи, вытекающие из ее поражения в Германии. «Последняя война положила конец неестественному положению Австрии,— писал тогда австрийский публицист Фишгоф.— Отныне это положение совсем иное. Ее международные отношения так же ясны и просты, как прежде были сложны и запутаны. Отныне ей нет надобности повертываться фронтом и на юг, и на запад, и на восток, против Турции и против Италии, против России и против Франции. Перед ней теперь один великий жизненный вопрос — восточный и один соперник — Россия...» [52]

Славянский вопрос, который несколько месяцев назад существовал только в идее, отмечала «Неделя», последними событиями выдвинут на видное место; о славянах заговорили почти все русские газеты [53]. Единственная надежда, добавляла «Неделя», заключается в том, что австрийская монархия не сумеет найти приемлемого способа укрепить свои позиции в славянских областях и не сможет предотвратить назревавший внутренний кризис империи [54]. О возможных последствиях войны для положения славянских народов и общей конъюнктуры на Востоке писали и «Отечественные записки» [55].

Еще определеннее выпячивал как решающее значение славянской проблемы в оценке произошедших событий орган славянофилов «Москва». Теперь борьба австрийских славян, утверждала газета, «во многом может определиться развитием самостоятельности турецкого славянства». Если сильная в Германии Австрия, продолжала «Москва», была в состоянии присоединить турецких сербов к своим южнославянским владениям, то теперь, ослабленная последними войнами и «окруженная отовсюду врагами, она может потерять и своих славян в случае освобождения славян турецких» [56]. Соответственно этим новым возможностям вырастает и значение восточного вопроса в целом. Россия «должна поспешить овладеть инициативой в его разрешении», ибо «теперь совсем нетерпимо представление о восточном вопросе как об отвлеченном, касающемся только «сердечной» стороны нашего существования» [57]. Как видно, славянофилам импонировал пример прусской настойчивости. Мы должны, писала «Москва», противопоставить «германскому единству — свое единство... мы можем и обязаны выступить со своим призванием — объединения мира славянского» [58]. Актуализация славянской проблемы привела к некоторому расширению круга сторонников славянских комитетов в русской буржуазно-купеческой среде [59].

Австро-венгерская дуалистическая реформа 1867 г. расценивалась в России как акт антиславянский и, следовательно, таивший в себе потенциальную угрозу австро-русского конфликта. Горчаков предвидел два возможных направления в дальнейшем развитии габсбургской империи: преобразование империи в Венгро-Дунайское государство с неопределенными границами или отказ от этого шага на какое-то время, если правительственные круги Австрии уяснят себе, к какому опасному финалу он способен привести. «В последнем случае,— писалось в отчете МИДа,— мы можем надеяться на политический поворот, который улучшит наши отношения (с Австрией.— *Л. Ш.*). В первом случае мы должны подготовиться к неизбежному столкновению» [60].

Однако реализация угрозы австро-русского конфликта рассматривалась в Петербурге в перспективе известного отдаления. Там полагали, что в данный момент для австрийской империи, глубоко потрясенной последствия-

ми военного поражения, рискованно выступать с далеко идущими внешнеполитическими замыслами. «Государственный кредит скомпрометирован, промышленность и торговля в состоянии застоя, скептицизм и потеря мужества охватили все классы, армия деморализована... наконец, бурный конфликт национальностей»,— писал русский посол в специальном обзоре внутреннего и внешнего положения Австрии, составленном в феврале 1867 г.[61] Тем не менее нельзя было совсем сбросить со счета опасность, которая могла угрожать с австрийской стороны. Приходилось, в частности, учитывать, что по окончании войны прусское правительство проявляло стремление к сближению с Австрией и довольно скоро между Берлином и Веной была восстановлена дипломатическая связь, в декабре 1866 г. состоялся обмен посланниками[62].

В момент завершения австро-прусской войны Горчаков пояснял русским представителям за границей, что в фазе, через которую проходит в настоящий момент Западная Европа, Россия больше чем когда-либо должна сохранять полную свободу действий заинтересованного, но одновременно и спокойного наблюдателя международных событий[63].

В отличие от некоторой части пропрусски настроенных придворно-помещичьих кругов Горчаков весьма осторожно подходил к сближению с Пруссией, парируя бисмарковские намерения втянуть Россию в активное содействие своим планам. Лишь невозможность сплочения европейских держав, упорное нежелание Франции практически договориться с Россией и тайная дипломатическая игра, которую Наполеон III вел с Пруссией, приводили вице-канцлера к мысли, что соглашение с Пруссией является «менее невыгодной политикой». Однако у него не возникало мысли о превращении близости с Пруссией в формальный союз или даже тесное, далеко обязывающее соглашение. Не отрицая конъюнктурной возможности такого союза в сложной обстановке, существующей тогда в Европе, он не считал его в то время выгодным для России. «Всякие союзы могут только вовлечь ее (Россию.— *Л. Ш.*) в сферу действий, где она будет орудием скрытых притязаний, ничего общего не имеющих с ее национальной политикой»,— утверждал Горчаков[64].

Царская дипломатия, возглавляемая Горчаковым, продолжала видеть свою задачу в использовании прежде всего франко-прусских противоречий, конечно, в рамках, предохраняющих Россию от соучастия в военном столкновении. Горчаков не одобрял посла в Вене Штакельберга, в эти дни устранявшего Францию из политических расчетов. «Мы сохраняем ее в них. Я предпочитаю переговоры à trois переговорам tête à tête с Бисмарком» [65]. Переговоры втроем сулили России больше маневренных возможностей для нейтрализации опасных тенденций в прусской и французской политике. Лучшей комбинацией Горчаков склонен был считать тройственное соглашение между Россией, Францией и Пруссией, с помощью которого можно было бы помимо прочего парализовать «злонамеренность Англии, если бы она пробудилась от своей летаргии в стремлении нанести нам вред на Востоке» [66].

Германский кризис породил ряд проблем, для решения которых европейские кабинеты были заинтересованы в содействии России. По мнению русских дипломатов, появлялась возможность добиться от них признания «жизненных интересов России на Востоке. Но приходилось, однако, учитывать, что Россия оказалась недостаточно подготовленной, чтобы воспользоваться этим, особенно осложняло положение «отсутствие черноморского флота» [67].

К осени 1866 г. положение на Ближнем Востоке обострилось в связи с восстанием на Крите. События на Крите и национально-освободительное движение, развертывающееся среди славянских народов, свидетельствовали о том, что войны 1864 и 1866 гг. с их национальными лозунгами и пренебрежением к договорам, составляющим «основу» европейских отношений, способствовали расшатыванию статус-кво на Востоке. «Все указывало,— писал Горчаков,— что пришло время для народов Востока потребовать утверждения своих прав» [68]. Этому благоприятствовало поражение Австрии, одной из сил, поддерживающих султана, а также осложнения между наполеоновской Францией и Пруссией.

Политика «успокоения» (горчаковский термин), проводимая Россией с 1856 г. с целью не допустить преждевременной вспышки нового кризиса на Ближнем Востоке до того, как она соберется с силами, теперь могла

быть чревата последствиями: потерей надежды, возлагаемой балканскими народами на Россию, и соответственно их поворотом в сторону западных держав. К тому же Франция, сумевшая значительно продвинуться в финансовом контроле над Турцией и влиянии на турецкую экономику, была заинтересована в укреплении авторитета Порты (рассчитывая через нее контролировать положение на Ближнем Востоке) и использовала для этой цели в несколько преобразованном виде политику успокоения.

Таким образом, назревала необходимость в изменении тактической линии правительственных кругов России в восточном вопросе. Новая тактическая линия вылилась в формулу «морального руководства» движением балканских народов. Известная активизация России на Востоке, выраженная в этой формуле, подсказывалась и желанием упредить активизацию в этом направлении Австрии, стимулируемую поражением габсбургской монархии в Германии. Однако и сейчас в Петербурге считали необходимым по возможности предупреждать или по крайней мере ограничивать военные столкновения на Балканах, в итоге которых мог бы вспыхнуть европейский пожар [69]. Следовательно, царская дипломатия не собиралась прибегать к тем крайним мерам, которые проповедовали славянофилы.

Россия и Франция

Между тем в международной обстановке сложились реальные предпосылки для франко-русского сближения. Настроение правящих кругов России во многом определялось тревогой по поводу неожиданно быстрого усиления Пруссии. В печати настойчиво подчеркивалось, как рискованно для России допускать распространение прусского господства на всю Германию. Переход к более активной политике на Востоке и развитие Юга России актуализировали для русских кругов проблему освобождения от ограничений на Черном море. В таких условиях французская поддержка и благожелательность могли оказаться весьма полезными. Горчаков достаточно ясно давал понять, что Россия готова установить тесную связь между судьбами договоров 1815 и 1856 гг. и не возражать против компенсации Франции за пределами «границ 1814 г.», если Франция поможет России освободить-

ся от стеснительных условий Парижского мира[70]. Создавалась реальная основа для взаимной заинтересованности в сближении. Но при этом положение России было более выгодным. В случае неблагоприятной для нее позиции наполеоновского правительства она могла прибегнуть к соглашению с Пруссией, заинтересованной в нейтрализации России на случай прусско-французского конфликта, хотя соглашение с Пруссией рассматривалось в Петербурге как менее желаемый вариант. Правда, французская дипломатия, в свою очередь, надеялась использовать австрийский реваншизм и привлечь Австро-Венгрию в качестве союзника. Но в Париже недоучитывали крайней сложности положения габсбургской монархии в этот момент, в силу чего практические возможности осуществления плана австро-французского союза были невелики. Более того, расчеты, возлагаемые на Австрию, мешали наполеоновской дипломатии ощутить в полной мере опасность внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Франция с исходом войны 1866 г., и отрицательно сказывались на развитии русско-французских отношений, усиливая в Петербурге сомнения в искренности французских намерений установить контакты с Россией.

Франко-русские переговоры в августе 1866 г. вылились во взаимный зондаж и не принесли положительных результатов[71]. К осени 1866 г. вместе с растущим влиянием Пруссии в европейской политике разочарование в возможности соглашения с Францией толкало Россию к пересмотру своих внешнеполитических расчетов и оценок. Способствовала этому и уклончивая позиция Франции в момент нарастания кризиса Османской империи, вызванного Критским восстанием и сербо-турецким конфликтом по поводу нахождения турецких гарнизонов в сербских крепостях. «Теперь, по-видимому, настала минута, когда Франция готовится пожать плоды своих десятилетних усилий»,— писал «Голос», обращая внимание на то, что после Крымской войны Франция под флагом покровительства Турции, а в последнее время и поддержкой плана политической автономии владений Османской империи на Балканах, смогла усилить свое политическое и экономическое влияние на Ближнем Востоке, «несмотря на соперничество Великобритании и неудовольствие России»[72].

Как свидетельство того, что восточный вопрос приобретает все большее значение во французской политике, расценивалось передвижение в сентябре 1866 г. поклонника «крымской комбинации», сторонника политики колонизаторских кругов французской буржуазии, считавших главной опасностью не столько Пруссию, сколько Россию и Англию, маркиза Мустье с посольского поста в Константинополе на пост министра иностранных дел. «Пока он будет оставаться у дел,— писал Горчаков,— мы должны с осторожностью присматриваться к демонстрациям французского правительства» [73].

Близкая наполеоновскому правительству «Патри» развертывала явно антирусскую кампанию [74]. В «Ревю де дю монд» известный французский журналист Форкад выступил даже с призывом к союзу с Пруссией, чтобы компромиссным соглашением умерить прусские аппетиты в Германии, подчеркивая при этом, что расхождение интересов на Востоке и в Польше, а также отрицательное отношение Франции к русскому «абсолютизму» создают непреодолимые препятствия на пути франко-русского сближения [75].

Реагируя на французскую политику и выступления французской прессы, немало русских газет, поддерживавших раньше с большей или меньшей активностью мысль о сближении с Францией, приняли по отношению к ней позицию враждебности и недоверия. Консервативно-дворянская «Весть» заявляла теперь, что «ключ мира и спокойствия континентальной Европы хранится не на берегах Сены, как думают некоторые, этот ключ в руках императора Александра и родственного ему короля Вильгельма» [76].

Приезд принца Прусского в Петербург на бракосочетание цесаревича был использован «Вестью» для того, чтобы выступить с покаянием по поводу высказываемого ею ранее беспокойства относительно усиления Пруссии и заявить, что русско-французское сближение теряет свою ценность вследствие утраты Францией влияния в Европе и ненадежности бонапартистского режима [77]. Позднее «Весть» заговаривала даже о возрождении в духе Священного союза тесных политических связей с Австрией и Пруссией, которые «уже в течение сотен лет обеспечивали спокойствие нашей западной границы». На Востоке же, поучала газета, следует отказаться от по-

литики покровительства «народам, исповедующим православие», и сосредоточить внимание на том, чтобы не допустить при распаде Турции возникновения какого-нибудь сильного государства, «которое захватило бы в свои руки ключ Черного моря — Босфор» [78].

«Неделя» стала писать о решении восточных проблем путем сотрудничества с Англией и Пруссией. Она считала, что позиция Англии в восточном вопросе уже теперь претерпевает изменения, а с постройкой Суэцкого канала для гарантии своей монополии в Индии Англия будет нуждаться уже не в сохранении Османской империи, а в «обладании Египтом». Россия же ценой отказа от противодействия английским планам может получить согласие Англии на уничтожение Парижского трактата. Что касается Пруссии, то ей выгодно, «чтобы русские силы перестали сосредоточиваться в Балтийском море и чтобы центр этих сил был перенесен в Черное море». И так как Австрия слаба, а Италия уже ничего не может извлечь из союза с Францией, присоединение же к англо-прусско-русскому союзу способно принести ей Трнент, итальянский Тироль, а может быть и Далмацию, то Франции грозит полная изоляция на Востоке [79].

В таком примерно духе выступали и «Биржевые ведомости», возлагая на Францию главную вину за ущемление русских интересов на Ближнем Востоке. «Англия уже перестала быть прежней ревностной охранительницей Турции; она уже не видит в России своего непримиримого врага на Востоке. Австрия, прежде столь благосклонная к Турции, ныне охладела к ней. Одна Франция пытается поддерживать тот статус-кво, который в данный момент более соответствует ее интересам» [80].

«Голос» в те дни тоже анализировал возможности англо-русского сближения и, хотя с оговорками, приходил к положительному выводу [81]. Однако вместе с ростом недоверия к французской политике значительная часть русских газет и журналов сохраняла настороженную позицию и в отношении Пруссии.

В начале октября 1866 г. французский посол Талейран частным письмом из Петербурга информировал Мустье, что там наблюдается заметное охлаждение к Франции, а Горчаков, «кажется, окончательно повернул в сторону Пруссии» [82]. Французское правительство, затевая новые поиски компенсаций за усиление Пруссии, не

могло совсем игнорировать настроение России, и Мустье счел нужным повторить Будбергу, русскому послу в Париже, заверения в желании Франции достичь согласия в восточном вопросе [83].

Взгляды Будберга и Горчакова в оценке французской позиции разошлись. Посол верил в реальность французских заверений, считая, что восточный вопрос для наполеоновской Франции имеет главным образом подсобное значение — средство для урегулирования западных проблем. Он недоучитывал французской экспансии на Ближний Восток и глубину франко-русских противоречий, возникших на этой почве. Будберг, например, воздержание Франции в вопросе отмены ограничений 1856 г. на Черном море объяснял, с одной стороны, зависимостью французского правительства в этом отношении от Англии и собственного общественного мнения, а с другой — возможным заблуждением Франции относительно ценности этого акта для России. Такое заблуждение могло возникнуть, по мнению Будберга, в результате мер по сокращению черноморской эскадры, в последнее время осуществленных русским правительством, и из предположения, будто «ввиду возрастающей благодаря реформам мощи России» небольшие препятствия, создаваемые договором, «отпадут сами собой, когда они действительно станут стесняющими» [84]. Весьма успокоительно высказывался Будберг и о намерениях Франции в польском вопросе, игнорируя факты использования Францией в антирусских целях польской проблемы [85].

Горчаков уже не в первый раз оспаривал заблуждения посла, его попытки приписать послу в Турции Игнатьеву пристрастность информации о поведении французской дипломатии в Константинополе [86]. В докладе царю Горчаков в противовес мнению посла перечислил важные проблемы восточной политики, в которых Франция демонстрировала явное отсутствие желания пойти навстречу России или выработать с ней общую позицию. «Всякий раз, когда французский кабинет нуждается на момент в нашем благоволении, имея в виду расчеты своей европейской политики,— писал Горчаков,— он слепит наши глаза миражем согласия на Востоке, чтобы использовать затем конфиденциальные объяснения, мотивированные этой близостью, для компрометации нас перед Англией и Турцией» [87].

Опыт подобного рода диктовал осторожность. Горчакову казалось лучшим не проявлять никакой инициативы, а лишь выразить согласие «откровенно обсудить любое предложение, которое будет сделано тюильрийским кабинетом» [88]. Но, возможно, царь пожелал пойти несколько дальше. Известно, что в эти дни Александр проявил личную инициативу, чтобы стимулировать русско-французские переговоры. Воспользовавшись встречей на балу у великого князя Константина, он попытался рассеять неблагоприятное впечатление французского посла о настроениях в Петербурге. «Что касается меня,— заявил в этой беседе царь,— я хочу сохранять с вами хорошие отношения. Они нам взаимно необходимы, в особенности сейчас, когда восточный вопрос, кажется, должен прийти в движение с момента на момент» [89].

Как бы то ни было, Горчаков набросал проект русских предложений Франции на случай, если царь «захочет сделать шаг вперед, вместо того чтобы ждать его с французской стороны». Он считал, что в ближайшие два года Франция будет вынуждена сохранять мир из-за реорганизации армии и других причин и у русского правительства будет достаточно времени, чтобы завершить слияние Польши с Россией без специального соглашения с Францией по польскому вопросу. Ненужными были, по его мнению, и связывающие Россию услуги Франции в отношении отмены ограничений 1856 г., так как можно рассчитывать, что вскоре (повод так считать давало Горчакову Критское восстание) последуют перемены в Османской империи и Парижский договор отпадет сам собой. К тому же, подчеркнул Горчаков, «нельзя показывать, что мы помышляем только о собственных интересах, забывая интересы наших единоверцев» [90]. Поэтому в Париже «следует заявить, что Россия имеет в виду только улучшение судьбы христиан и на этой почве готова вступить в соглашение с Францией». Конкретно можно было предложить совместные действия в Константинополе с целью добиться уступки Крита Греции [91]. Горчаков мало верил в успех последнего предложения, но полагал, что, даже отвергнутое, оно принесло бы пользу России, поскольку, отклонив его, Франция скомпрометировала бы себя желанием законсервировать нетерпимое статус-кво на острове. Кроме того, предлагалось придерживаться принципа невмешательства в случае, если

не удастся предотвратить общий взрыв на Востоке [92]. 28 ноября 1866 г. Будбергу была направлена конфиденциальная депеша с поручением предложить французскому правительству совместно добиться присоединения Крита к Греции, а если это покажется чрезмерным, то хотя бы предоставления Криту автономии по образцу Дунайских княжеств [93]. В частном письме послу Горчаков разъяснял, что решение сделать первый шаг, вместо того чтобы ждать французской инициативы, исходит из предположения, что Франция, которая особенно ущемлена последними переменами в Европе, почувствовала необходимость «изменить своим политическим заблуждениям» и сейчас, возможно, «ее желание достичь с нами серьезного согласия более искренне и опирается на более прочные основания» [94]. Кроме того, в Петербурге узнали, что у Франции пока не ладилось со сближением с Австро-Венгрией. Это должно было повысить в глазах наполеоновских политиков ценность русской дружбы [95]. Тем не менее послу предписывалось сохранять крайнюю осторожность, диктуемую уроками прошлого.

Спустя несколько дней Горчаков проинформировал о завязавшихся переговорах русского посла в Великобритании. Бруннову рекомендовалось, как только он заметит малейшие признаки использования этих переговоров французской дипломатией в целях шантажирования Лондона и возбуждения там недоверия к России, откровенно переговорить с английским министром иностранных дел Стенли и даже в случае необходимости познакомить того с депешей Горчакова Будбергу. Горчаков посоветовал послу подобрать к этому моменту сводку фактов, показывающих, что Англия «была первой и долгое время единственной державой, которой мы выражали желание обмена интимными мыслями» [96].

В начале января 1867 г. Бруннов ввел Стенли в курс дела [97]. Такие же сообщения были сделаны в Вене и Берлине [98]. «Россия не хотела секретного соглашения с Францией и не желала возбуждать подозрения других правительств» — так мотивировались эти акты в официальном отчете царского министерства иностранных дел [99]. Но главное заключалось в том, что франко-русские переговоры затягивались и не давали повода России для оптимистических надежд на серьезное сотрудничество. В Париже, по существу, отклонили принцип

невмешательства [100]. Не готовая же к прямому воздействию на события, которые могли произойти в результате кризиса Османской империи, Россия была заинтересована в какой-то степени связать невмешательством другие державы. Попутно французская сторона пыталась дать свою интерпретацию принципа невмешательства как исключающего якобы всякое сотрудничество Греции с Сербией и Черногорией в войне против Порты, что не могло быть принято Россией и оспаривалось ею.

После длительного раздумья наполеоновское правительство согласилось поддержать требования передачи Крита Греции и вывода турецких войск из сербских крепостей, однако выдвинуло контрпретензии: Россия должна поддержать интересы Франции на Западе [101]. В Петербурге в принципе не возражали против подобной координации, но Горчаков настаивал на точной формулировке французских проектов на Западе, нуждавшихся в поддержке России.

Боясь, что откровенность затруднит переговоры в Берлине, по своей щепетильности требующие глубокой тайны, но вместе с тем стремясь продолжить поиски контакта с Россией, министр иностранных дел Франции Мустье пошел на довольно наивный дипломатический прием. Он снабдил Талейрана вопросником, провоцирующим Горчакова высказаться о возможных вариантах компенсации Франции за прусское усиление. Горчаков был слишком опытным и проницательным дипломатом, чтобы попасть в подобную ловушку. «Вы требуете от меня,— заявил он французскому дипломату,— чтобы я встал на путь предположений и сказал вам, к каким из возможных проектов, несмотря на ваше желание, мы не могли бы присоединиться. Откровенно говоря, это значит поменяться ролями. Не мне следует вступать в область гипотез. Я подвергаюсь помимо прочего риску внушить вам мысли и планы, о которых вы, может быть, и не задумывались» [102].

Этот разговор убедил Талейрана, что Горчаков «прежде всего хочет ясности» и от него нельзя будет добиться чего-либо серьезного, не сообщив ему откровенно о целях, к которым Франция стремится [103].

В Петербурге опасались авансом связывать себя какими-либо обязательствами перед Францией, учитывая, что это чревато осложнениями отношений с другими

державами, прежде всего с Пруссией. На такой риск можно было идти, лишь получив от Франции в компенсацию серьезные гарантии поддержки России в решении важных задач ее внешней политики.

Что касается Востока, то французская дипломатия настаивала на совместных с Россией усилиях в предотвращении здесь кризисных осложнений, на создании гарантий жизнеспособности Османской империи путем рекомендации ей моральных и материальных улучшений и содействия в преодолении финансовых затруднений турецкой казны. Излагалось все это в общем виде. Таким образом, французское правительство не расшифровывало ни сути своих интересов на Западе, ни характера тех мер, которыми оно предполагало «не допускать» осложнения восточного вопроса или обеспечить жизнеспособность Порты. Поэтому в Петербурге имели основание подозревать Францию в желании обрести повод для того, чтобы оттянуть демарш в пользу Греции и Сербии [104]. Договоренность же об оказании материальной помощи Турции могла легализировать дальнейшее проникновение Франции и Англии в турецкую экономику, тогда как не располагающая свободными финансовыми средствами Россия не способна была использовать этих возможностей.

Кроме того, обходя вопрос о положении славянского населения Турции, Франция выражала намерение, кроме Крита, добиться для Греции лучших границ в Эпире и Фессалии [105]. В России неохотно соглашались с односторонней ставкой на усиление Греции. Этим могло быть ущемлено положение славянских народов Балканского полуострова, и Россия настаивала на том, что для обеспечения спокойствия на Востоке необходимо добиваться действительного улучшения положения и «других христианских народов Турции» [106]. В Петербурге считали, что французская благосклонность к Греции и в этом случае связана с уже не раз проявлявшимся желанием западных держав использовать Грецию как противовес русскому влиянию, «способный когда-нибудь заменить в этом отношении Турцию» [107]. Помимо того, Горчаков находил просто опасным чрезмерно поощрять греческую активность. «Увлекаемое народными страстями или провокациями турок», греческое правительство могло в таких условиях решиться на вторжение в Эпир и Фесса-

лию, что, в свою очередь, способно было воодушевить сербов ввести свои войска в Боснию и Герцеговину. Такой поворот событий, по мнению Горчакова, явился бы угрозой не только для Порты, но и для самих балканских народов. Все могло свестись к «напрасному пролитию крови», так как «ни одна из национальностей, призванных сыграть роль в борьбе, не имела необходимых ресурсов». Причем следовало предвидеть и вмешательство некоторых держав, особенно Австрии, которая под предлогом предотвращения сербской оккупации Боснии и Герцеговины могла оккупировать их сама с согласия Порты и Европы [108].

Французская дипломатия распаляла антирусские настроения в Вене. Мустье внушал австрийскому послу Меттерниху, что наступил момент серьезно заняться Востоком и деятельностью там России, «стремящейся подготовить к будущей весне общий взрыв, чему важно вовремя помешать» [109]. Однако необходимость концентрации внимания на внутриполитических проблемах, обострившихся до крайности в результате поражения Австрии в 1866 г., не позволяла ей пока вступать в распри с Россией. В интересах реваншистских планов на будущее ей важно было максимально ослабить побудительные мотивы, сближающие Россию с Пруссией, отвлечь силы и внимание России от европейских дел активизацией ее политики на Востоке, которая неизбежно привела бы к осложнениям во взаимоотношениях России с другими державами.

Необходимость ослабить национально-освободительное движение славянских народов внутри империи и возросшая заинтересованность Габсбургов в завоевании более сильных позиций на Востоке диктовали Австрии заигрывание с программой облегчения положения балканских народов. Отсюда при отсутствии пока возможностей для самостоятельной акции на Востоке возникала известная тенденция к поискам контакта с Россией в надежде что-нибудь извлечь из взаимной сделки.

Еще накануне прихода Бейста к руководству австрийским иностранным ведомством влиятельная клерикально-аристократическая газета «Дебатте» выступила с заявлением, что Австрия должна содействовать устранению из Парижского договора статей, ограничивающих морскую активность России, и установлению автоном-

ной администрации в «христианских областях турецкой империи» [110]. Позднее близкая по установкам статья появилась в «Винер цайтунг» [111].

В начале декабря в Петербурге получили информацию о том, что Бейст намерен держаться программы развития автономии народов Османской империи [112]. Этот принцип автономии он предпочел присоединению Крита к Греции, когда ему сообщили русские предложения от 28 ноября, утверждая, что отторжение Крита от Турции только возбудит страсти других народов вместо умиротворения [113]. В отношении же поддержки требования об освобождении сербских крепостей от турецких гарнизонов у австрийского министра иностранных дел не было возражений.

1 января 1867 г. австрийское министерство иностранных дел направило в Петербург депешу, предлагающую содействие Австрии в отмене черноморских статей 1856 г. и созыв конференции для обсуждения положения на Ближнем Востоке [114]. Горчаков усмотрел в этом повороте австрийской политики «влияние нашего согласия с Пруссией» и не доверял австрийскому кабинету [115]. В Петербурге расценили бейстовский демарш как попытку перехватить у России роль покровительницы славян и превратить австрийскую империю путем либеральных преобразований в некий центр «общеславянского» тяготения. Это не могло без тревоги восприниматься правящими кругами России. Австрийская инициатива относительно отмены ограничительных статей 1856 г. оценивалась в этих кругах как совершенно несвоевременная и опасная для России. Возбуждение этого вопроса могло вызвать недоверие, отмечал Горчаков, «относительно целей нашей восточной политики» [116] и, в частности, оказать отрицательное влияние на ход франко-русских переговоров. К тому же результат обсуждения этого вопроса на европейской конференции или на прямых переговорах с европейскими державами был очень сомнителен, а желание Австрии получить за свою «услугу» хорошую плату, и не откладывая на будущее,— совершенно очевидно. Австрийская дипломатия еще раньше зондировала в Петербурге (с отрицательным результатом) возможность осуществления своих притязаний на Албанию и Герцеговину [117]. Поэтому австрийский аванс нашел холодный прием у русского правительства.

Русский посол в Вене Штакельберг по поручению своего правительства сообщил послу Франции герцогу Грамону, что царский кабинет с неудовольствием узнал о факте возбуждения Бейстом вопроса относительно ревизии договора 1856 г., подымать который в Петербурге не намеревались, и добавил, что если бы Россия хотела что-то требовать в этой области, то, как писал ему Горчаков, она адресовалась бы не к Австрии [118]. Это заявление имело важный тактический смысл. Так как в Париже категорически отвергли план Бейста, следовало рассеять возникшее у французской стороны подозрение, будто имелась предварительная австро-русская договоренность в отношении этого плана [119].

Весь ход переговоров с Францией диктовал царской дипломатии все большую осторожность. Мустье пытался убедить Будберга в необходимости письменно зафиксировать взаимные обязательства, по которым уже достигнута договоренность [120], но в России считали преждевременным и даже невозможным официальное оформление существующих отношений. «Франция до сих пор не предложила России никаких специальных выгод, а требует очень много»,— считал Горчаков [121]. Парижу дали понять, что действия Франции на Востоке должны предшествовать той помощи, которую Россия могла бы ей оказать на Западе [122].

Чтобы выйти из состояния неопределенности, русская дипломатия предлагала уточнить взаимные расчеты. Что касается России, заявил Будберг, то она стремится предупредить катастрофу, ожидаемую на Востоке, и в этой связи нуждается в помощи Франции, чтобы добиться «преобразований в Османской империи». Взамен Франция могла бы рассчитывать на следующее: 1. Россия не только воздержалась бы от участия во враждебной Франции коалиции, но в случае необходимости использовала бы свое влияние на другие правительства, чтобы воспрепятствовать ее формированию; 2. Хорошие отношения с Россией придадут позиции Франции в Европе устойчивость и опору, которых она не имеет сейчас. Причем Россия является в настоящий момент единственно возможным для Франции союзником, так как Австрия долгое время не может браться в расчет, согласие с Англией недостаточно для решения континентальных задач, а Италия — не союзник в силу

своей относительной слабости [123]. В Париже согласились со всем этим, однако существенного перелома в переговорах не произошло.

В июле 1867 г. Наполеон III предложил осуществить одновременный демарш в Берлине в пользу реализации 5-й статьи Пражского мира о возврате Северного Шлезвига Дании [124]. Прямая заинтересованность Франции в этом вопросе была проблематичной, тогда как Россия проявляла несомненный интерес к датским делам, и Горчаков подозревал, что в Париже избрали эту тему, желая втянуть Россию в активную антипрусскую политику на Западе[125]. «У России не было оснований отклонять это предложение,— писал Горчаков,— но надо было, чтобы мотивы, руководившие Россией, не были смешаны со стремлениями Наполеона использовать вопрос как повод для враждебной Пруссии демонстрации»[126]. Инструктируя Моренгейма в связи с назначением его на пост посланника в Копенгагене, Горчаков в личном письме обратил внимание на один «тонкий, но важный нюанс». Русское правительство, писал вице-канцлер, «испытывает большие симпатии к Дании, и в особенности к королевской семье». Но, подчеркивал далее Горчаков, «мы не хотим, чтобы эти симпатии носили характер враждебности или просто дурных намерений по отношению к Пруссии и чтобы они внушали копенгагенскому кабинету надежды, которые мы не в состоянии будем осуществить»[127].

В свою очередь, в ходе переговоров по восточным делам возникали лишь новые мотивы для укрепления в Петербурге чувства разочарования и сомнения в возможности эффективного сотрудничества с Францией. Вопреки декларируемому Наполеоном III «принципу национальностей», предполагавшему якобы поддержку национальных стремлений народов, Франция по мере развития Критского восстания все больше проявляла тенденцию к поддержке Турции[128].

В течение более пяти недель по достижении некоторого согласия между Россией и Францией относительно Крита Мустье не направлял соответствующей инструкции французскому послу в Лондоне. «Не хочет ли маркиз Мустье предложить автономию Крита, когда турки станут победителями, а греки мертвецами?»,— писал Бруннов[129]. Наконец, в переданном 21 января лорду

Стенли сообщении французского правительства, в отличие от того что говорил французский посол в Петербурге и что говорили русскому послу в Париже, совершенно умалчивалось о необходимости предусмотреть меры давления в случае, если Порта откажется принять требования держав[130].

Хотя Англия отвергла французский план присоединения Крита к Греции и расширения греческих границ в Эпире и Фессалии и согласилась лишь посоветовать Турции (без всякого давления) предоставить Криту автономные права, тогда как Россия вместе с Австрией и Турцией поддержала его, Наполеон III в речи при открытии сессии законодательного корпуса счел нужным демонстративно заявить о якобы полном согласии западных держав, тогда как о России было сказано лишь, что она решила не отделяться от политики Франции на Востоке. Таким образом, России отводилась второстепенная роль, с чем царское правительство, особенно в отношении Востока, не могло согласиться[131]. Желая добиться отказа Англии от противодействия подготавливаемому Францией захвату Люксембурга, наполеоновское правительство шло на все бо̀льшие уступки английской политике в критском вопросе. Франция весной 1867 г. выказала нежелание принять идею коллективного демарша в Константинополе, ее посол дезавуировал свои советы, данные Порте относительно уступок киприотам. В этой связи Будбергу было поручено заявить в Париже, что французское поведение воспринимается в России как проявление дурной воли или отсутствие искренности[132].

Глава II

Нарастание франко-прусского конфликта

Люксембургский кризис 1867 г.

Весной 1867 г. французские притязания на Люксембург, который в Германии продолжали считать частью Германского союза и в столице которого, первоклассной крепости, содержался прусский гарнизон, вызвали острый конфликт между Пруссией и Францией.

Хотя в Петербурге полагали, что осложнения в Европе в определенной степени благоприятствуют русской политике на Востоке[1], царская дипломатия особенно не обольщалась, понимая, что выгоды из ситуации можно извлечь, лишь пока осложнения не выходят за рамки чисто дипломатического конфликта и пока Россия остается не связанной окончательно ни с одной из сторон, сохраняя возможность эксплуатировать заинтересованность в русском сотрудничестве каждой из них. Кроме того, война в Европе могла преждевременно вызвать волнения на Ближнем Востоке. Из этих соображений исходила принятая в Петербурге внешнеполитическая формула: «поддерживать между Пруссией и Францией некоторое равновесие, которое бы позволяло сохранять элементы враждебности, не толкая их на конфликт», и использовать эту ситуацию для продвижения «собственных интересов России»[2].

Русская пресса притязания Франции на Люксембург встретила отрицательными откликами. «Московские ведомости», называя люксембургскую сделку одним из

«самых неожиданных и опасных представлений Наполеона», считали, что роль России в случае войны в Европе ясна: она не должна принимать участия в борьбе «ни за Пруссию, ни за Францию, пока интересы России не будут затронуты или пока европейское равновесие не пошатнется в ущерб им». Задача русской дипломатии — локализировать войну, не дать ей коснуться владений России или турецких провинций, где Австрия (ее участие на стороне Франции Катков считал возможным, несмотря на австрийские декларации в пользу Германии) могла бы искать себе вознаграждения. С предстоящей войной Россия может связывать надежды на «освобождение единоверцев» и отмену ограничений 1856 г.[3] «Голос» держался того же мнения[4].

«Биржевые ведомости» высказывались за активный курс России в случае войны, призывая к безотлагательному заключению союза с Северогерманским союзом. Они писали, что победа Франции, вероятным союзником которой может быть Австрия, особенно невыгодна России, что России безразлично, за кем останется Люксембург, но она могла бы использовать благоприятный момент для преодоления трудностей, созданных для нее Францией на Востоке[5].

Пруссия пыталась использовать обстановку военного напряжения, чтобы подтолкнуть Австрию и Россию к союзу трех восточноевропейских держав с целью изоляции Франции. При посредничестве Баварии Пруссия предлагала Габсбургам гарантию целостности империи, а также временное соглашение и союз в турецких делах, к которому намечалось привлечь и Россию[6]. С 16 апреля в течение нескольких дней баварский дипломат Тауфкирхен вел по этому поводу переговоры в Вене с малоутешительными результатами. Параллельно прусская дипломатия выясняла и отношение России к идее сближения трех монархий.

Горчаков нашел в этом плане немало отрицательного и нереального. Он оспаривал саму возможность с помощью подобной комбинации обеспечить мир. Такое соглашение трех, заявил он Рейсу, равносильно коалиции и сомнительно, чтобы оно настроило Францию в духе умиротворения. Что касается прусской гарантии австрийских владений, то, недоумевал Горчаков, против кого они должны быть даны Габсбургам? Не против же

турок, которых Австрии опасаться нечего. Угроза для Австрии, связанная с турецким соседством, заключается в воздействии движения балканских народов против турецкого господства на родственные народы австрийской империи, но это внутреннее дело Австрии — забота самой Австрии принимать меры предосторожности на собственной территории. К тому же, добавил Горчаков, хотя Россия далека от стремления подстрекать к беспорядкам балканские народы, она не может в то же время противодействовать «желанию единоверцев облегчить свою жизнь и добиться лучшего существования».

Вице-канцлер особо подчеркнул вожделенческие притязания Австрии на Боснию и Герцеговину, с которыми Россия никогда не согласится, и использовал момент, чтобы опротестовать попытки Бейста исключить эти области из зоны реформ, требуемых европейскими державами от Турции[7].

Уклоняясь от поддержки Франции в разразившемся конфликте, Россия не рвалась и в защитницы прусских интересов. Русская дипломатия избегала брать на себя инициативу официальных шагов. «Это без всякой компенсации поссорило бы нас с Францией, не принеся пользы Пруссии»,— заявил Горчаков[8]. У России не было достаточных оснований рассматривать прусскую дружбу как надежную опору. В Петербурге сознавали, что в случае кризиса на Востоке от Пруссии нельзя ждать большего, чем благожелательный нейтралитет[9]. Поэтому при всех обстоятельствах горчаковская дипломатия не собиралась ставить на карту свои отношения с Францией ради близости с Пруссией как таковой. Тактическая линия России во время люксембургского кризиса, особенно в его начальной стадии, заключалась в том, чтобы, уклоняясь от сугубо официальных акций, неофициальным путем постараться навязать инициативу посреднических предложений Англии, надеясь этим связать свободу действий британского кабинета и нанести ущерб намечающемуся франко-английскому сближению на Востоке[10].

В последующем течении люксембургского кризиса Россия, заинтересованная в предотвращении войны в Европе, постепенно все активнее и настойчивее подключалась к переговорам, хотя и предпочитала по-прежнему неофициальную форму давления. Петербург приво-

дила в движение помимо прочего и заинтересованность в успехе переговоров по критскому вопросу. Люксембургские же осложнения давали повод Франции отстраняться от уже согласованных решений в этой области, в частности, тормозить план коллективного демарша в Константинополе. В ходе неофициальных переговоров между французским и русским послами в Лондоне Бруннов предложил план нейтрализации Люксембурга и присоединения его с этой целью к Бельгии, которая уже пользовалась европейской гарантией нейтралитета. Бруннов считал, что вопрос может быть решен только в рамках коллективного соглашения держав, подписавших договор 1839 г. Латур д'Овернь согласился, что этот план способен удовлетворить заинтересованные стороны[11].

Переговоры Бруннова стали отправной точкой для серьезного демарша со стороны России. 20 апреля Бруннов получил предписание Горчакова предложить английскому правительству созыв конференции для обсуждения люксембургского вопроса предпочтительно в Лондоне, но возможно и в другом месте[12]. В качестве одного из обоснований необходимости коллективного обсуждения русская дипломатия использовала выдвинутое Пруссией требование европейской (а не французской) гарантии люксембургского нейтралитета как обязательное условие вывода прусского гарнизона из крепости Люксембург[13]. Русское правительство предлагало за основу обсуждений принять идею нейтрализации Люксембурга с выводом оттуда прусских войск. При этом допускалась возможность передачи Люксембурга Бельгии на определенных условиях или оставление герцогства под управлением голландского короля.

Русский план столкнулся с трудностями. Дискуссии, завязавшейся вокруг высказанных Россией соображений, подверглись преимущественно два пункта: принцип нейтрализации с европейской гарантией и вопрос, кому предоставить инициативу приглашения на конференцию. Бисмарк, соглашаясь с выводом прусского гарнизона, настаивал на срытии самой крепости и нейтрализации герцогства с европейской гарантией[14]. Англия пыталась избежать европейской гарантии, оспаривая целесообразность этого, и настаивала на обязательности решений конференции для участвующих в споре стран[15]. Как

необходимую предпосылку обсуждений она требовала предварительного согласия Пруссии на вывод своих войск из Люксембурга и предлагала возложить инициативу созыва конференции на голландского короля[16].

С Францией вопрос созыва конференции решился несколько легче. Горчаков подталкивал французское правительство к примирению с Пруссией, ставя в зависимость от этого проектируемый приезд царя в Париж, который был очень нужен для укрепления позиции бонапартистской империи. 27 апреля Горчаков мог уже телеграфировать в Берлин о полном согласии Франции с русским предложением[17]. Причем Мустье даже согласился принять заранее решения конференции, как настаивал британский кабинет[18].

Согласие Франции облегчало дальнейшее давление на позицию других держав. 28 апреля Бисмарк заявил о готовности принять условия созыва конференции, выдвигаемые Англией, в том, правда, случае, если Россия даст заверения не поддерживать на конференции никакого решения, выходящего, в ущерб Пруссии, за рамки принципов, сформулированных в депеше Горчакова Бруннову от 20 апреля[19]. Эти заверения ему были даны. Открытие конференции было намечено на 7 мая.

Русская дипломатия постаралась оказать влияние на подготовку предварительного проекта соглашения. Бруннов предложил министру иностранных дел Англии Стенли свой набросок с оговоркой о совершенно частном и конфиденциальном характере этого документа[20]. Однако в проекте соглашения, на котором остановилось британское правительство и о котором оно 3 мая информировало участников конференции, не были учтены основные предложения Бруннова. В нем совершенно не упоминалось о нейтрализации герцогства и европейской гарантии, что должно было явиться основой всего соглашения. На первый план в проекте выдвигалось обязательство вывода прусского гарнизона, тогда как Пруссия заявляла, что эвакуация крепости может явиться лишь логическим следствием нейтрализации Люксембурга.

Первые критические замечания были сделаны русским послом, который раньше других получил от Стенли информацию о проекте договора[21]. Затем аналогичные замечания поступили от представителей Австрии, Фран-

ции и Пруссии. Под давлением критики Стенли выразил согласие восполнить пробел относительно нейтрализации, но продолжал упорно отказываться от гарантийных обязательств[22]. Бруннов 5 мая снова изложил Стенли свои предложения, одобренные в Петербурге[23], постаравшись при этом придать коллективной гарантии люксембургского нейтралитета менее стесняющий для Англии характер. Из трактовки Бруннова вытекало, что меры по защите нейтралитета должны будут приниматься решением всех участвующих в договоре держав. Это облегчало персональную ответственность каждой державе.

6 мая Бисмарк пригрозил в Лондоне, что, если не последует быстрого решения, Пруссии придется объявить всеобщую мобилизацию армии и обратиться с соответствующими призывами к своим южногерманским союзникам, так как она не может, мол, больше терпеть и терять время, когда Франция вооружается. Стенли уступил, в принципе согласившись с гарантиями, если их потребуют все державы, и конференция смогла приступить к работе[24].

11 мая участники конференции завершили протекавшие по ряду вопросов довольно остро споры подписанием Лондонского договора. Договор предусматривал нейтрализацию Люксембурга и коллективную гарантию его нейтралитета участниками конференции (за исключением Бельгии, которая сама находилась под гарантией нейтралитета), срытие крепости Люксембург, эвакуацию прусских войск из Люксембурга вслед за ратификацией договора. Срок эвакуации точно не фиксировался, но было указано, что она вместе с вывозом артиллерии и другого военного оборудования начнется немедленно по ратификации договора. Во время этой операции в Люксембурге «остается лишь то количество войск, которое необходимо для обеспечения сохранности военных материалов и для того чтобы завершить их отправку в возможно более короткий срок»[25].

Таким образом, люксембургский конфликт мог казаться исчерпанным. Однако мало у кого из русских дипломатов это породило иллюзии улучшения франко-прусских отношений. «Разрыв, более или менее близкий, между Францией и Пруссией представляется все еще как возможность, скорее отсроченная, чем окончательно

устраненная»,— писалось в отчете министерства иностранных дел России за 1867 г.[26]. Для бонапартистской дипломатии исход люксембургских дел был новым ударом, компрометирующим окончательно все ее расчеты, связанные с германской политикой Наполеона в последние два года.

Люксембургский кризис вместе с тем продемонстрировал возрастание международного влияния России в связи с обострением франко-прусских противоречий[27]. В условиях, когда Австрия находилась в состоянии дезорганизации после поражения 1866 г., а Англия не обладала сухопутными силами, позволяющими оказывать решающее воздействие на континентальные дела, Россия превращалась в какой-то степени в арбитра в споре двух сильнейших держав континента. Как показывают факты, в 1867 г. инициатива и направление урегулирования конфликта, по существу, находились в руках русской дипломатии. Переговоры по люксембургскому вопросу завершились в основном на условиях, предложенных Россией[28].

Визит Александра II и Горчакова в Париж

Надежда России на успешное установление полезных и выгодных контактов с наполеоновской империей все более тускнела. Даже перспектива близкой войны с Пруссией, так явственно определившаяся в конфликте из-за Люксембурга, существенно не изменила французской политики в отношении России. Это обнаружилось достаточно ясно во время визита Александра II и Горчакова в Париж летом 1867 г. в связи с открытием там Всемирной выставки.

Готовясь к поездке, Горчаков считал невозможным заранее определить план поведения: «Мы изучим обстановку и будем маневрировать в зависимости от намерений, которые мы найдем там, не теряя из виду нашу цель». Однако имелось в виду, что ни царь, ни Горчаков не обмолвятся о договоре 1856 г. «Я рассматриваю этот договор,— пояснил Горчаков свою позицию,— как потерявший всякое значение в силу того, что он нарушен в своих существенных положениях другими участниками

договора. Мы об этом заявим, как только это будет в наших интересах. Если Наполеон заговорит об этом, мы его выслушаем». Горчаков сомневался, учитывая стремление Наполеона сохранить отношения с Англией, чтобы французский император пошел дальше обещания своего голоса в случае пересмотра договора 1856 г. «Это будет только пустое слово плюс ко всем тем, которые мы слышали»[29]. Задача заключалась в том, чтобы найти путь к более практическому сотрудничеству с Францией, для чего русская дипломатия шла на сужение целей и выводила из игры до соответствующего момента прямые интересы России. «Кроме перехода Крита к Греции, мы просим только реального улучшения положения христианских народов в Турции»[30]. В конечном счете речь шла о «некотором сближении с Францией», как писалось в отчете министерства иностранных дел. Теплилась надежда, что в Париже, наконец, поймут объективную заинтересованность Франции в восстановлении «равновесия в Европе, нарушенного событиями 1866 г.», и скажется долг благодарности французского правительства, которое было обязано России по его собственному заявлению, за «беспристрастную позицию в вопросе о Люксембурге»[31]. По поручению Горчакова Будберг предупредил в Париже, что в случае отсутствия искренности с французской стороны, визит «может принести императору Наполеону больше вреда, чем пользы»[32].

В Петербурге не хотели сугубо сепаратных переговоров с Наполеоном, дабы не возбуждать подозрительности Берлина, и считали, что демонстрация (в определенных пределах) русско-прусского сотрудничества могла бы помочь сдвинуть переговоры с Францией с мертвой точки. Поэтому Александр II решительно воспротивился попытке французского правительства помешать приезду прусского короля в Париж одновременно с царем[33]. Свою позицию французское правительство мотивировало неблагоприятными для Пруссии общественными настроениями во Франции и материальными трудностями организации одновременного приема двух монархов, но в конце концов было вынуждено согласиться с настояниями из Петербурга[34]. Французскую дипломатию явно встревожила настойчивость России. «Нет нужды указывать Вам,—писал Мустье послу в Петербурге,— на-

сколько императору хотелось бы проникнуть в мотивы договоренности прусского короля и русского императора относительно одновременного приезда в Париж... Интересно, кто проявил инициативу, какая из двух сторон использует это в большей степени?»[35].

По некоторым сведениям, Горчаков по пути в Париж во время остановки в Потсдаме зондировал возможность предварительного русско-прусского соглашения (без участия Австрии, в отличие от бисмарковских предложений, переданных в апреле через Тауфкирхена). Имелось в виду, что Россия возьмет на себя поручительство относительно левого берега Рейна в обмен на соответствующую гарантию русских восточных интересов. Но король и Бисмарк не откликнулись на это, считая предложенную комбинацию «опасной и неравной»[36].

Всемирная выставка дала повод для приглашения в Париж в разные сроки многих монархов мира, вплоть до турецкого султана, впервые лично посетившего европейское государство. Блеск и размах сопровождавших выставку празднеств, французские выставочные экспонаты, занявшие почти половину специально построенного на Марсовом поле выставочного дворца, должны были подкрепить пошатнувшийся престиж Второй империи, внушить иллюзии ее процветания и политической прочности. Французская пресса, пользуясь случаем, превозносила роль Франции в мировом развитии[37].

Александр II принимался в качестве почетнейшего гостя. Всего третий раз, после Петра I и Александра I, оказавшегося в Париже с русской армией в 1815 г., русский царь наносил визит французской столице. В качестве резиденции ему были отведены апартаменты Наполеона I в Елисейском дворце. Правительственные газеты поместили большие статьи, прославляющие царя как освободителя. Не удалось, правда, избежать едких выпадов из либерально-демократического лагеря. «Авенир национаь» напомнила о кровавом подавлении царизмом польского восстания 1863 г.[38] Тогда только начинавший приобретать известность журналист-республиканец Анри Рошфор бросил ироническую реплику о демагогическом смысле амнистии, которую царь дал полякам перед отъездом в Париж[39]. Он не упустил случая высмеять и потуги Наполеона III на величие, напомнив, что, когда в Эрфурте Александр I и Наполеон I находи-

лись в театре в одной ложе, им играли трагедию. «Сегодня же нет больше речи о трагедии. Первой пьесой, которую наши знаменитые гости поторопились посетить, была оперетта „Великая герцогиня Герольштейнская“» [40]. Покушение на Александра II поляка Березовского тоже свидетельствовало, что Париж далеко не так единодушно приветствовал русского самодержца, как можно было судить по официальным манифестациям и приемам.

Журналисты догадывались, что пребывание Александра II и Горчакова в Париже не ограничится только торжественными речами и встречами. Они видели главную цель поездки царя в переговорах о ревизии договора 1856 г. и об улучшении отношений с Францией. Некоторые из французских газет поторопились выступить с заявлениями о невозможности для Франции пожертвовать Парижским трактатом[41]. Между тем русская дипломатия не собиралась заходить так далеко.

Беседа Горчакова с Наполеоном III, состоявшаяся 2 июня, внешне протекала в атмосфере откровенности, затрагивался широкий круг вопросов европейской политики, но Наполеон предоставлял высказываться русскому канцлеру, ограничиваясь больше репликами, не выдвигая определенных предложений. Горчаков настойчиво подчеркивал необходимость получить реальные доказательства желания Франции сохранить длительный мир, ибо французская политика «не перестает быть предметом беспокойства для Европы». Уклонившись от прямых возражений на уверения императора об ограничении вооружений Франции нормами армии мирного времени, он заметил, что имя, которое носит французский император, напоминает Европе о «крайностях безграничных претензий» и это требует от Франции особой сдержанности и умеренности в своих решениях, чтобы успокоить Европу и содействовать прекращению изнурительной для нее гонки вооружений. При этом Горчаков заверил, будто «прусский король и Бисмарк настроены как нельзя более миролюбиво», а хорошие отношения, которые царь стремится сохранить с Пруссией, позволяют России «служить примиряющим посредником между обеими странами».

Наполеон на это ответил, что в целом он ничего не имеет против расширения, осуществленного Пруссией,

«но нужно, чтобы она остановилась на достигнутом и не расширялась за пределы своих первоначальных претензий». Прежде всего необходимо, чтобы прусские гарнизоны покинули южногерманские крепости Раштатт, Ландау, Ульм, Гермерсхейм и др. и их заменили гарнизоны из местных войск. Не подрывая прусского влияния на юге, поскольку Пруссия обладает высшим командованием над войсками Южной Германии, это создаст хотя бы видимость примирения, которое, как считал Наполеон III, он мог бы противопоставить обвинениям оппозиции. Большие опасения высказал французский император по поводу созыва германского таможенного парламента, представляющего, с его точки зрения, новый шаг к поглощению Германии Пруссией.

В дальнейшем ходе беседы Горчаков не скрыл, что главная цель визита ему видится в урегулировании восточных дел, что только в этом случае «мир в Европе будет прочно обеспечен». Он снова заверил в отсутствии у России желания расчленить Турцию и повторил предложение о передаче Крита Греции и об улучшении положения христианских народов Османской империи предоставлением им автономии и местного самоуправления, а также путем общих реформ, касающихся турецкой администрации. В Париже как будто понимают это, заметил Горчаков, но между заявлениями французского правительства и действиями французского посла в Константинополе существует большая разница. Наполеон не оспаривал этого, ссылаясь лишь на возможность недостаточно четкой редакции инструкции, и, соглашаясь, что предложения России содержат очень хорошие мысли, оговорился, однако, о трудности достичь согласия всех заинтересованных держав[42].

Немногим больше практического смысла имели беседы с Мустье. Французский министр иностранных дел, кроме вопроса о коллективном демарше в Константинополе, на котором он обещал настаивать, во всем остальном, что касалось русских планов на Востоке, не вышел за пределы расплывчатых философских рассуждений,— так оценил результаты переговоров Горчаков[43]. Еще недавно планировавший передачу Греции не только Крита, но и Эпира и Фессалии, Мустье теперь говорил о необходимости выждать, пока сработает естественная потребность в освобождении Крита, и не спешить с пере-

дачей острова Греции, чтобы не стимулировать другие территориальные претензии греков[44].

Большие расхождения обнаружились в вопросе о программе реформ для Османской империи. В то время как Горчаков главный упор делал на реформы, обеспечивающие балканским владениям империи автономию и самоуправление, Мустье сводил все к общим административным реформам, которые должны были укрепить империю и содействовать «слиянию (la fusion) народов на почве цивилизации, внесенной извне», путем развития материальных сил, образования и т. п. — при содействии Запада. Вице-канцлер видел в этом лишь стремление Франции открыть себе пути к эксплуатации Востока[45]. Кроме того, чтобы оттянуть окончательное соглашение с Россией, Мустье была выдвинута ссылка на скорый приезд в Париж турецкого султана и открывающиеся в этой связи возможности предварительно использовать средства убеждения[46].

Таким образом, переговоры в Париже не продвинули практически выработку согласованной политической линии, но, несмотря на это, царское правительство, как писал Горчаков, «стремилось сохранить по крайней мере видимость хороших отношений (с Францией.— *Л. Ш.*)» столь долго, как это возможно, чтобы не усиливать тенденций, которые вовлекали бы Францию в ряды противников России[47].

Встреча в Зальцбурге

В связи с расстрелом повстанцами в Мексике эрцгерцога Максимилиана (брата австрийского императора), которого Наполеон III пытался навязать мексиканцам в качестве монарха, Франц Иосиф должен был отказаться от поездки на выставку в Париж. Это использовали австрийская и французская стороны как повод для визита Наполеона III в Австрию с выражением соболезнования Францу Иосифу и с целью якобы облегчить этим для австрийского императора ответный визит в Париж, который должен был служить доказательством того, что случившееся с Максимилианом не повлияло на австро-французские отношения [48].

Монархи встретились в Зальцбурге 19 августа 1867 г. и провели там несколько дней. Наполеона сопровождал только генерал Флери, с австрийской стороны присутствовали Бейст и оба министра-президента (австрийский и венгерский). Но в переговорах, кроме императоров, участвовал лишь Бейст и в некоторых случаях французский посол в Вене Грамон [49]. Было заключено соглашение, сформулированное в виде меморандума, текст которого подготовил Бейст, носящее, скорее, характер чисто морального (а не юридического) обязательства. Оно касалось обеспечения соблюдения условий Пражского мира. Из восточных дел выделялся вопрос о Дунайских княжествах. Было решено, что если Россия перейдет Прут, то Австрия с согласия и при поддержке Франции немедленно оккупирует Валахию. Франция обещала не поддерживать присоединения Крита к Греции и добиваться сохранения статус-кво на Балканах [50]. Это означало дальнейший отход Франции от России в критском вопросе.

Накануне зальцбургской встречи началась враждебная России кампания в австрийской прессе, по сведениям русского посольства, инспирированная правительством [51]. Заверения Бейста, что приезд французского императора в Зальцбург не связан ни с какими политическими целями, не внушали доверия [52]. Несколько больше успокаивало знание тяжелого положения, переживаемого Австрией после поражения в войне 1866 г. Донесения из Вены были переполнены сообщениями о выступлениях чехов, требующих равных прав с венграми, о росте влияния крайне левых групп в венгерском национальном движении, о массовых демонстрациях и митингах [53]. Накануне и в дни пребывания Наполеона в Зальцбурге статьи большинства оппозиционных газет в габсбургской монархии напоминали, что каждое сближение с Францией в прошлом завершалось для Австрии катастрофой и несло унижение или траур императорской семье (приводились в пример судьбы Марии Антуанетты, Марии Луизы, Максимилиана) [54]. Все это, по мнению русских дипломатов, не должно было позволить правящим кругам Австрии ввязаться в чреватые осложнениями внешнеполитические акции и снижало в глазах Франции ценность Австрии как союзника. В русском посольстве в Вене складывалось даже впечатление, что венский кабинет сознает опасность кооперации с Францией и предпочел бы договориться с Прус-

сией, но та не предпринимает в этом направлении никакой попытки [55].

Близкое мнение высказывали в Лондоне. Стенли полагал, что австрийская империя слишком сильно поколеблена последней войной в Германии и Италии, чтобы быть в состоянии в ближайшее время вести активную внешнюю политику, и в Зальцбурге она не сможет пойти дальше общих слов, а Наполеону нужны дела [56].

Горчаков, не имея точных сведений о переговорах в Зальцбурге, тем не менее подозревал, что Наполеон старался сделать Австрию осью своих будущих комбинаций против Пруссии и против России на Востоке [57]. Одной из предполагаемых русской дипломатией целей Наполеона в Зальцбурге было форсировать создание южногерманской конфедерации при поддержке Австрии. В этом как раз царское правительство было не прочь пожелать успеха французскому императору. «Это, как вы знаете, моя идея»,— пометил на полях донесения из Вены Александр II [58].

Общий итог зальцбургских переговоров не мог радовать Наполеона. Австрия не пошла в Зальцбурге дальше словесных заверений общего характера. Бейст не решился на обязательства, которые могли бы вовлечь Австрию в конфликт с Пруссией. Он отклонил идею организации южногерманской конфедерации под австрийским началом, которая шла вразрез с Пражским миром, отстранившим Австрию от участия в германских делах. Чтобы парировать возникшие по этому поводу слухи, австрийское правительство предписало своему поверенному в делах в Мюнхене заверить баварского короля, что Австрия не намерена вмешиваться в новую реконструкцию Германии [59].

В Петербурге при всех сомнениях в возможности в этот момент далеко идущего австро-французского соглашения и сведениях, подтверждающих эти сомнения, зальцбургское свидание все же оставило след тревоги и наложило известный отпечаток на дальнейшее развитие русско-французских и русско-австрийских отношений. Приходилось считаться, что оно может стать вехой последующего, более тесного и реального, сближения между Францией и Австрией [60].

Бисмарк, в свою очередь, использовал официозную прусскую печать, чтобы разжечь вокруг встречи в Зальц-

бурге как попытки вмешаться в германские дела националистические страсти и воспользоваться этим для укрепления прусских позиций в Германии.

Политика России на Востоке оказалась на распутье, перед необходимостью выбора направления дальнейших действий. В сентябре 1867 г. Горчаков представил царю доклад с обзором восточных дел. «Хотя в общей политике мы не испытываем изолированности, на Востоке мы одиноки в преследовании серьезных улучшений для христиан»,—подчеркивалось там. Между тем «Россия сейчас не может идти на осложнения, ибо, для того чтобы поставить армию на военную ногу, нужно десять миллионов, которых испытывающая острый дефицит казна не в состоянии обеспечить». В такой ситуации Горчаков считал предпочтительнее прибегнуть к политике невмешательства [61].

С согласия царя русское министерство иностранных дел в октябре 1867 г. обратилось к европейским державам с предложением объединиться в коллективной декларации о невмешательстве на Востоке, предупреждающей Турцию о лишении моральной и материальной помощи держав, поскольку она отказалась следовать их советам. Декларация не возымела существенного влияния на Порту. В русской дипломатической среде и в печати политика невмешательства, избранная Горчаковым, встретила резкую критику. Н. П. Игнатьев считал, что декларация о невмешательстве лишь ободрит турецкое правительство как доказательство слабости России, вызовет падение русского престижа на Балканах и будет использована западными державами, чтобы связать руки России [62].

Французская официальная печать в ответ на декларацию царского правительства о невмешательстве развернула ожесточенную антирусскую кампанию с целью скомпрометировать декларацию и изобразить Россию в качестве возбудителя страстей на Крите. Эта кампания была поддержана в Австрии [63]. В военное министерство России стекались в это время сведения о том, что в габсбургской монархии начались приготовления к войне и предполагалось, как писал Д. А. Милютин, «при первой вспышке народного восстания в северных областях Турции немедленно ввести туда австрийские войска» [64]. В Петербурге считали, что ответом на вооруженное вме-

шательство Австрии может быть только война и ввод русских войск в Галицию. 9 ноября Милютин подготовил на этот случай записку с соображениями, касающимися возможной войны с Австро-Венгрией в сложившейся обстановке [65].

Русское правительство вынуждено было сделать специальные представления венскому кабинету по поводу активно враждебной России позиции австрийской прессы [66]. Бисмарк не замедлил, в свою очередь, использовать момент для давления на русскую дипломатию. По его поручению Рейс конфиденциально сообщил в Петербурге данные относительно возможности австро-французского сближения и запросил Горчакова, не имеет ли вице-канцлер намерения помешать осуществлению этого соглашения. Горчаков не принял откровенности и ограничился замечанием, что не видит мотива для подобного соглашения между Австрией и Францией, так как Россия не выдвигает никаких территориальных притязаний или притязаний на исключительное влияние на Востоке, но если у Бисмарка есть какие-нибудь специальные соображения, он ознакомился бы с ними с особым интересом. В настоящий же момент, заметил со своей стороны Рейсу Горчаков, он ждет от Пруссии только твердых инструкций прусскому представителю в Константинополе действовать совместно с русским послом. Здесь уже Рейс должен был изыскивать средства уйти от прямого ответа. Он заявил, что может быть и лучше, чтобы русско-прусское согласие не проявлялось столь очевидно, дабы не возбуждать слишком острой подозрительности Франции [67].

Царскому правительству было очень важно выяснить цели франко-австрийского сближения. Намерения Австро-Венгрии представлялись достаточно ясными, но что связывает с этим сближением Франция? Ею могло руководить, по предположениям в Петербурге: 1) стремление противопоставить австро-французский союз Пруссии в Германии и России на Востоке; 2) желание не допустить с его помощью распада Австрии и Турции и объединения славян; 3) желание просто «выиграть время» для военной подготовки Франции. Наполеон мог также руководствоваться опасением, что Россия способна вовлечь его в большей степени, чем желательно, в осложнения на Востоке, и искал в соглашении с Австрией средство огра-

ничить русскую активность и обеспечить Франции некоторый контроль за развитием событий на Востоке[68].

Но независимо даже от того, какие цели непосредственно имелись при этом в виду наполеоновской дипломатией, само создание австро-французской коалиции, располагающей возможностями быстрой переброски сил к берегам Черного моря для «обороны» Турции или для нападения на Крым и Кавказ, представляло большую потенциальную угрозу для России. Поэтому симптомы франко-австрийского сближения вынудили царское правительство к осторожности на Балканах. «Всем русским представителям (на Балканах.— *Л. Ш.*) было предложено согласовывать свои действия с существующим положением, внушая местным правительствам, что не в их интересах рисковать своим существованием»[69]. В частности, считалось нужным оттянуть на время развитие греко-сербского движения, поскольку в настоящий момент Россия не в состоянии идти на риск войны. «Если кто-нибудь выскажет иное мнение,— говорил по этому поводу Горчакову министр финансов,— направьте его ко мне. Я продемонстрирую ему эту невозможность неопровержимыми аргументами»[70].

Германские дела и Россия

Созданием Северогерманского союза Пруссия не собиралась отказываться от расширения своего господства на Юг Германии. В 1866 г. Бисмарк не добивался еще поглощения Южной Германии, стремясь избежать военного конфликта с Францией. Его останавливало не только военное столкновение как таковое, но и необходимость в этом случае апеллировать к национально-патриотическим чувствам масс и идти ради этого на некоторые демократические уступки[71]. В то же время, когда французский посланник Бенедетти спросил однажды Бисмарка, намерен ли он в самом деле остановиться на «линии Майна» в соответствии с условиями Пражского мира, тот ответил: я смотрю на Майн как на решетку в реке[72]. Военными союзами, навязанными в момент мирных переговоров южногерманским государствам, Пруссия фактически перешла эту «линию Майна».

Важные экономические факторы принуждали южногерманские государства к более тесной связи с Пруссией и Северогерманским союзом. Влияние Пруссии на германские государства определялось не только ее военной и политической мощью, но и преимуществами в экономическом развитии. Ко времени создания Северогерманского союза ей принадлежало 9/10 общегерманской добычи угля, в границах таможенного союза на ее долю приходилось 2/3 добываемой там железной руды, 91% выпуска сырого чугуна, 97% выплавки стали, 77% производства свинца, почти вся продукция цинка и 2/3 паровых машин [73]. И в легкой промышленности по отношению к остальной Германии положение Пруссии было преобладающим.

Столь очевидное доминирование Пруссии в общегерманском экономическом балансе ставило в зависимость от нее остальные германские государства и до известной степени нейтрализовало позиции династического сепаратизма. Это ощущалось и на Юге Германии. Будучи преимущественно аграрной, Южная Германия не располагала достаточными собственными ресурсами, чтобы образовать изолированную и экономически жизнеспособную группировку. В этом крылась одна из существенных предпосылок нереальности планов создания сепаратного южногерманского союза, в котором некоторые политические круги в Европе хотели увидеть противовес Северогерманскому союзу.

Интересы промышленного развития требовали единства Юга и Севера. В промышленных кругах Южной Германии развертывалось движение протеста против раскола страны. Сила экономического притяжения была такова, что южногерманские государства остались в таможенном союзе, который возглавляла Пруссия. Больше того, во время войны 1866 г., когда Пруссия и значительная часть германских государств, выступивших на стороне Австрии, столкнулись с оружием в руках, механизм таможенного союза не переставал действовать [74].

Система обороны Южной Германии имела крупные недостатки. Южная Германия оказывалась перед угрозой одновременного вторжения со стороны Австрии и Франции, поскольку не исключалась возможность австро-французского союза. Возникал естественный вопрос: где искать защиты? Опасения оказаться в зависимости

от Франции заставляли южногерманские государства в какой-то мере консолидироваться с Северогерманским союзом.

Отказываясь из тактических соображений форсировать слияние южногерманских государств с Северогерманским союзом, Пруссия стремилась укрепить с ними экономические связи, добиваясь соглашений о совместном использовании железных дорог, почты, телеграфа, об установлении общей меры длины и веса. Ей удалось заключить с государствами Юга ряд специальных договоров — почтовых, о налогах и т. п.[75] Особое значение Бисмарк придавал таможенному союзу. Он планировал создать таможенный парламент с ясно выраженными политическими функциями, способный стать зародышевой формой общегерманского рейхстага.

Европейские дипломаты довольно верно определили смысл бисмарковской политической игры. Убри сообщал из Берлина, что «прусское правительство предупреждает сейчас преждевременные унитарные демонстрации Юга только потому, что таможенный союз, военные и другие договоры позволяют ему дожидаться своего срока, не опережая событий и не компрометируя излишним нетерпением результат, который в данной ситуации только вопрос времени»[76].

Знаменательно, что канцлер Австро-Венгрии Бейст не так опасался военных договоров, рассуждая, что, когда дело дойдет до войны, каждая из сторон будет больше руководствоваться собственными интересами, чем обязательствами, как таможенного соглашения между Пруссией и южногерманскими государствами[77].

Прусские претензии на полное объединение Германии находили поддержку в буржуазных кругах Северогерманского союза. Адрес, принятый на первой сессии северогерманского рейхстага, утверждал, что германское дело завершится только с вступлением Южной Германии в Северогерманский союз[78]. Такого рода парламентские демонстрации были на руку Бисмарку. Они выгодно оттеняли его «умеренность», а в необходимых случаях давали возможность ссылаться на давление общественности.

Южногерманские либералы, которые объединялись в Бадене, Гессене и Баварии в Прогрессивную партию, а в Вюртемберге в Немецкую народную партию, были на-

строены антипрусски. Но, отражая интересы промышленной и торговой буржуазии, которая нуждалась в едином рынке и общенациональном балансе промышленных и финансовых ресурсов, были вынуждены высказываться за создание общегерманского союза.

Расширению контактов с Северогерманским союзом отвечала политика праволиберального правительства Гогенлоэ, сформировавшегося в Баварии в декабре 1867 г. По инициативе Гогенлоэ между государствами Юга завязались переговоры об унификации военных систем и программе укрепления обороноспособности. В основу реорганизации намечалось положить прусскую военную систему. 5 февраля 1868 г. на конференции южногерманских государств в Штутгарте был подписан протокол, на базе которого позднее в каждом из этих государств были осуществлены военные реформы.

Одновременно, в связи с предстоящим созывом северогерманского рейхстага, где должна была утверждаться конституция Северогерманского союза, Гогенлоэ выдвинул проект установления связи южных государств с Северогерманским союзом в форме «союза государств», сохранявшего, как того требовал Пражский договор, самостоятельность южных государств в международных отношениях [79]. Особенно подчеркивалось, что Северогерманский союз и южногерманские государства совместно заключат, в свою очередь, соглашение с Австрией, которым будет гарантировано территориальное и политическое статус-кво в Германии, Австрия же признает на основе Пражского договора «союз держав». По мысли Гогенлоэ, это должно было в некоторой степени удовлетворить Австрию и смягчить обстановку в Баварии, где имелись влиятельные проавстрийские силы, способные создать непреодолимые трудности баваро-прусскому сближению [80].

Предложения баварского министра-президента носили компромиссный характер, сохраняя за Баварией и другими южногерманскими государствами значительную политическую автономию. В действиях Гогенлоэ не было и тени национального патриотизма. Они отражали страх за судьбу южногерманских монархий в случае, если немецкий народ возьмет в свои руки осуществление национальной задачи, и стремление преградить путь новой австро-прусской войне, которая грозила поставить под

вопрос само существование баварского государства и династии [81]. Русскому посланнику он дополнительно пояснил, что, поскольку нельзя более рассчитывать на Австрию, нужно искать союза с Пруссией [82]. Помимо того Гогенлоэ считал, что своей инициативой, какова бы ни была ее судьба, он содействует улучшению баварской позиции в переговорах с Пруссией по таким важным вопросам, как вопрос о ликвидации собственности старого Германского союза, об уничтожении соляной монополии, о возобновлении таможенного союза [83]. В Пруссии приветствовали баварские предложения [84].

Проявление южногерманскими государствами тенденций к соглашению с Пруссией, особенно в военной области, обеспокоило французское правительство. Бенедетти выразил Бисмарку недовольство выступлениями прусской прессы, официальных и официозных органов, которые поощряли развитие этих тенденций [85]. На этой почве развернулась дипломатическая дискуссия по поводу того, как следует понимать «линию Майна». Текстуально в 4-й статье Пражского мирного договора было записано, что Австрия «обещает признать более тесное федеративное объединение, которое будет создано его величеством королем прусским на север от линии Майна, и заявляет о своем согласии на то, чтобы немецкие государства, расположенные на юге от этой линии, заключили союз, национальные связи которого с Северогерманской конфедерацией составят предмет последующего соглашения между обеими сторонами и который будет иметь независимое международное существование».

Прямого обязательства для южногерманских государств слиться в этот союз статья не содержала, и, поскольку южногерманский союз не образовался, прусские дипломаты и некоторые южногерманские политики заявили, что эта статья вообще утратила значение.

Однако в Вене и в Париже иначе трактовали ее смысл, утверждая, что речь идет не только о гарантии независимого международного существования эвентуального южногерманского союза, а и о гарантии независимого существования каждой из южногерманских держав, а следовательно, исключалась всякая возможность тесного слияния их с Северогерманским союзом.

При усилении в южногерманских государствах после 1866 г. унитарных тенденций там все же продолжали пре-

обладать сепаратистские или антипрусские настроения. В самой Баварии политика Гогенлоэ встречала сильную оппозицию с различных сторон. Сказывались и противоречия в интересах отдельных южногерманских государств. Вюртемберг не хотел допустить баварского преобладания, подозревая секретное соглашение между Берлином и Мюнхеном [86]. Силы Вюртемберга и Баварии, писал Горчаков, «слишком равны, чтобы кто-нибудь из них захотел подчиниться другому в каком-либо смысле» [87].

Бисмарковская программа объединения Германии на прусско-милитаристской основе не отвечала желаниям и интересам народных масс Южной Германии. Однако их противодействие прусской политике не смогло приобрести широкого и организованного характера. Победа Пруссии в войне 1866 г. вызвала разброд в среде германских мелкобуржуазных демократов [88]. Самой сплоченной и политически влиятельной из южногерманских мелкобуржуазных демократических организаций в это время являлась Народная партия в Вюртемберге. Она имела сильные позиции в ландтаге [89]. Но федералистская программа вюртембергских демократов не могла составить действительной альтернативы прусским объединительным планам. При отсутствии партии, способной организовать пролетариат и вооружить его пониманием исторической перспективы, в стране не было силы, которая могла бы оказать действенный отпор контрреволюционной программе объединения Германии «железом и кровью».

Объединение Германии в любой форме вызывало у большей части дворянства, чиновничества и династических кругов Южной Германии беспокойство за свои социальные и политические привилегии. С ними тесно блокировался в сепаратистской активности католицизм. Его борьба против национального единства была тем более опасной, что она опиралась на силу всей системы религиозного воздействия на массы верующих.

Не способные действенно помешать расширению прусского влияния на Южную Германию, все эти противодействующие силы создавали, однако, серьезные трудности для прусской политики. Пруссии не удавалось создать такие политические институты, которые могли бы в ближайшее время обеспечить автоматическое сращива-

ние южногерманских государств с Северогерманским союзом. Приветствуя баварскую инициативу о тесном сближении обеих частей страны, Бисмарк не мог согласиться с некоторыми существенными элементами баварского плана, навеянными сепаратистскими тенденциями. Главные возражения были направлены против обособленной законодательной власти, при которой каждый из четырех южногерманских ландтагов мог при случае наложить вето на решение таможенного или другого общегерманского вопроса. Когда в мае 1867 г. была достигнута договоренность между Баварией и Вюртембергом относительно создания новой германской конфедерации в духе предложений Гогенлоэ, Бисмарк постарался торпедировать этот проект, побудив баденское правительство выступить против него.

Прусское правительство сочло лучшим придерживаться идеи создания таможенного парламента, наделенного некоторыми политическими функциями. В его состав должны были войти все депутаты Северогерманского рейхстага и 85 южногерманских депутатов, избранных на тех же избирательных основах, что и депутаты рейхстага.

Острые разногласия выявились уже при обсуждении прусского проекта. До того как 8 июля 1867 г. южногерманские государства и Люксембург одобрили его, он дополнился существенными оговорками. Бавария, например, особым протоколом 18 июня оговорила ограничение полномочий парламента сферой коммерческих вопросов и его право самостоятельно определять порядок и содержание своей работы.

Исход выборов в таможенный парламент в южногерманских государствах нельзя было считать обнадеживающим для Пруссии. Энергичную агитацию во время выборов развернули В. Либкнехт и А. Бебель. В противовес установке большинства мелкобуржуазных демократов на бойкот выборов они призывали к активному участию в выборах и использованию их для противодействия попытке через таможенный парламент присоединить южногерманские государства к Северогерманскому союзу [90].

Из 85 южногерманских депутатов только 24 представляли так называемую «германскую партию»; 46 принадлежали к различным антипрусским группировкам, а

15 занимали колеблющуюся позицию[91]. Прусская печать не скрывала своего разочарования этими результатами[92]. Собранный 27 апреля 1868 г. в Берлине таможенный парламент большинством голосов отклонил всякие попытки в пользу политического единства. Было выставлено требование свести всю работу парламента к его прямой компетенции — таможенным вопросам.

Поведение таможенного парламента усилило антипрусское движение в южногерманских государствах. Оно стимулировало отставку кабинета Гогенлоэ в Баварии, выступления против военных законов, которые вводили прусскую военную систему, в Вюртемберге. С большими трудностями встретилась ратификация военных конвенций с Пруссией в баварском и вюртембергском ландтагах. Только угроза Бисмарка в виде санкции разорвать таможенный союз принудила ландтаги незначительным большинством ратифицировать эти конвенции.

Таким образом, расчеты Пруссии преобразовать таможенный парламент в орудие прусского пангерманизма оказались неосуществленными. Выявилось, что объединение Германии на легальных основах может стать весьма продолжительным процессом, полным неожиданных для прусских планов поворотов. Это, с одной стороны, укрепляло Бисмарка в желании войны с Францией с целью загнать Южную Германию в прусскую казарму, использовав национально-патриотические лозунги. С другой — понуждало задуматься о некотором политическом маневрировании в отношениях с Францией, пока не стабилизируется германский тыл, что привело к временному смягчению во франко-прусских отношениях.

Тем не менее французское правительство продолжало муссировать вопрос о возможностях использования Пруссией таможенного союза для поглощения Южной Германии, стремясь на этой почве создать фронт в Европе против Пруссии и приобрести оправдание для последующих выпадов против нее. Французскому послу в Лондоне было предписано выразить надежду, что Англия также «не упустит ничего, чтобы предупредить эту возможность, пусть даже маловероятную»[93]. Об этом несколько позднее британскому министру иностранных дел Кларендону говорил Наполеон, усиленно подчеркивая, что он не допускает мысли о династической войне и не

представляет себе даже возможность таковой и единственная опасность таится в нарушении статус-кво, «ибо если Баден присоединится к конфедерации и, таким образом, Пруссия перейдет Майн, возбуждение во Франции, и особенно во французской армии, не посчиталось бы ни с какими препятствиями» [94].

Россия воздерживалась от прямого вмешательства в развитие внутригерманских дел и в отношения между Северогерманским союзом и южногерманскими государствами, хотя царское правительство продолжало питать заинтересованность в образовании южногерманской конфедерации, все меньше веря, впрочем, в эту возможность. Наполеон и Бейст в интимных беседах с представителями России не раз внушали мысль, что в русских интересах поддержать создание южногерманского союза с участием Австрии, так как это способствовало бы ослаблению давления Венгрии на австрийскую политику и восстановлению равновесия в Германии. Бейст давал понять, что содействие России в создании такого союза могло бы открыть путь к австро-русскому соглашению по более широкому кругу вопросов. «Мы не отклоняли этих внушений и не давали положительного ответа», чтобы «не обязываться ни перед кем и оставлять двери открытыми для всякого искреннего предложения и серьезного согласия», писалось в отчетном документе МИДа [95]. Общеполитические интересы не позволяли русской дипломатии проявлять в этой области какую-либо инициативу, чтобы не затруднять своих отношений с Пруссией, значение которых возрастало по мере того, как менее реальной становилась для России перспектива достичь соглашения с Францией. Осторожность диктовалась и позицией других держав. Так, английское правительство определенным образом мирилось с тем, что рано или поздно все закончится в Германии если не полным единством, то по крайней мере тесной связью между Севером и Югом [96].

Когда Франция попыталась привлечь Россию к оценке реорганизации Германского таможенного союза как нарушения условий Пражского договора, из Петербурга постарались смягчить французскую реакцию. Горчаков в обстоятельном письме в Париж аргументировал прусскую акцию в более розовом свете. В его изображении, сохранение таможенного союза вытекало лишь из фи-

нансовой заинтересованности в этом союзе южногерманских государств, а его реорганизация главным образом объяснялась заинтересованностью южногерманских государств в стабилизации таможенной системы хотя бы в пределах 10-летнего срока, ибо право прусского правительства денонсировать таможенный договор почти в любой момент, которым оно обладало до реорганизации, являлось «дамокловым мечом, висящим над бюджетами южногерманских государств» [97].

России не было смысла придираться к нарушениям Пражского мира, так как она сама искала момента и повода, чтобы отказаться от ограничений Парижского договора 1856 г. К тому же германские дела отодвигались интересами царской России на Востоке. «Голос» в статье «Россия и мелкие германские государства» старательно доказывал, что с объединением Италии и усилением Пруссии изменилось европейское равновесие в такой степени, что Россия «утратила — к счастью для нее — часть своего влияния на дела европейского континента», ее интересы все более определенно передвинулись на Восток. «Что же касается покровительства над мелкими германскими княжествами, интересы которых некогда так близко принимались к сердцу нашей дипломатией, то оно окончательно перешло в область преданий»,— писал «Голос», утверждая далее, что единственным жизненно важным вопросом, в котором Россия должна защищать свои интересы, «не отступая в крайности даже перед войной», является восточный вопрос [98]. Это мнение преобладало и в правящих кругах России.

Глава III

На пороге войны 1868 — 1870

Австро-французские переговоры о союзе

В начале 1868 г. из Парижа обратили внимание Бейста на угрожающую возможность соглашения Пруссии, Англии и России, как бы намекая на необходимость договориться о контрмерах [1]. Бейст в это время вынашивал идею возрождения крымской комбинации — союза Австрии с западными державами против России и для изоляции Пруссии — и не был склонен связывать себе руки двусторонним союзным соглашением с Францией, которое могло бы осложнить задачу сближения с Англией. На намеки Парижа он ответил, что Англию может толкнуть к поискам русской поддержки только напряженность в ее отношениях с США и, если Наполеон гарантирует ей свою помощь против США, почва для англо-русского сближения будет подорвана, а Франция за свои услуги сможет потребовать английского сотрудничества в защите Парижского договора [2]. Мысль о подобной комбинации австрийская дипломатия пыталась подать и в Лондоне, но Стенли не проявил к ней интереса [3]. В складывающихся условиях Англии было выгоднее не стимулировать осложнения на Востоке, а вести игру на противоречиях между Францией и Пруссией в Европе, ибо здесь Англия могла рассчитывать на роль третейского судьи, а на Востоке она выступала бы в качестве участника конфликта.

После того как в Вене убедились, что и сейчас шансы на привлечение Англии к активному сотрудничеству

минимальны, возросла заинтересованность австрийского правительства в переговорах с Францией. Переговоры развивались спорадически с интервалами и тянулись вплоть до начала франко-прусской войны. Но уже на первых стадиях переговоров, весной 1868 г., достаточно ясно определились мотивы, мешавшие Австро-Венгрии прийти к соглашению с Францией. Заключенный на почве германского вопроса союз с Францией мог нанести окончательный урон австрийскому влиянию в Южной Германии и вызвать недовольство венгров[4]. Поэтому Бейст отклонил французские предложения рассматривать слияние южногерманских государств с Северогерманским союзом в качестве казус белли или заключить соглашение о защите статус-кво в Германии[5]. Оставался восточный вопрос, на почве которого Австро-Венгрия могла заключить с Францией антирусское соглашение, сориентируясь на войну с Россией. Но восточные проблемы затрагивали остро интересы и других крупных европейских держав, прежде всего Англии, и двустороннее австро-французское соглашение в этой области могло вызвать недоброжелательство Англии, осложняя тем самым внешнеполитическое положение как Австро-Венгрии, так и Франции. Парижская газета «Франс» писала, что создание изолированных союзов, в частности союза Франции с Австрией, затруднит мирное урегулирование и чревато войной[6]. В Вене к тому же были уверены, что поддержка Франции недостаточна для успеха австрийской восточной политики, если наряду с Россией ей будет противодействовать Англия.

Пока что Бейст предпочел использовать в качестве орудия антипрусской политики идею разоружения. Австрийский министр целился в прусскую армию, являвшуюся опорой бисмарковской политики в Германии, полагая, что согласие Франции на разоружение поколебало бы аргументацию, на которой зиждилась юнкерская программа милитаризации Пруссии, и, следовательно, нанесло бы ущерб влиянию Бисмарка[7]. Он сулил Наполеону III выигрыш в глазах международного и французского общественного мнения, если французский император выступит с призывом к разоружению. К тому же это могло усилить недовольство населения Германии всеобщей воинской повинностью и поставить прусское правительство перед тяжелой альтернативой: или

взять на себя ответственность за последующие военные осложнения или примириться с крупным дипломатическим успехом Франции.

Однако Наполеон не проявил особого расположения к австрийскому проекту. Лишь в январе 1868 г. началась реорганизация французской армии в соответствии с военной реформой маршала Ниэля, и заигрывание с идеей разоружения могло рикошетом скомпрометировать французские военные планы. Наполеон предпочитал концентрировать внимание на успешном завершении австро-французских переговоров о военном союзе и на изыскании путей к повышению боевой готовности французских вооруженных сил. Но в близком окружении императора у Бейста нашлись союзники в лице наиболее ярых представителей военной партии — императрицы Евгении и государственного министра Руэра. Они рассчитывали привлечь к программе разоружения Англию, Россию и Италию и тем самым политически изолировать Пруссию. Уступая их внушениям, Наполеон согласился с предложением Руэра связать вопрос о разоружении с предъявлением Пруссии требования дать десятилетнюю гарантию статус-кво в Германии, обусловленного Пражским миром [8]. В таком сочетании программа разоружения достаточно откровенно выступала как оружие наступательной дипломатии. В определенной степени это решение Наполеона побуждалось и желанием лишить Бисмарка спекулятивных выгод от аншлагированного им сокращения прусской армии с 1 мая 1868 г. [9] Французскому послу Бисмарк прокомментировал это сокращение, которое не превышало 12 тыс. человек (по подсчетам прусских газет) и было связано с необходимостью облегчить бюджет, как доказательство миролюбия Пруссии. Между тем уволенные в бессрочный отпуск солдаты могли быть призваны так же быстро, как резервисты [10].

На первых порах австро-французское предложение получило в Англии весьма слабый отклик. Британский министр иностранных дел Кларендон высказал уверенность, что в сложившихся условиях проект разоружения способен только ускорить войну [11]. Но спустя некоторое время в его позиции наметились перемены. Затянувшаяся напряженность в Западной Европе чрезвычайно осложняла положение на Востоке. Обострялись англо-русские отношения в Средней Азии. Через прессу и ди-

пломатическую переписку проникали упорные слухи о намечающемся франко-австро-итальянском соглашении, ближайшей целью которого явится предложение всеобщего разоружения [12]. Франко-австрийский союз, способный оказать влияние не только на континентальную, но и восточную политику, был явлением, нежелательным для Англии. К тому же к этому времени уже был урегулирован конфликт с США и Англия приобрела большую свободу рук. Все эти обстоятельства побуждали Лондон к более активному воздействию на ход событий, и ранее демонстрировавшая крайнюю холодность к идее разоружения английская дипломатия решила перехватить инициативу ее дальнейшего продвижения. На протяжении августа — сентября 1869 г. Кларендон встречался в Кобленце с прусской королевой Августой, в Гейдельберге с Горчаковым и, наконец, в Париже с Наполеоном III. Анализ бесед Кларендона проясняет основную задачу английского демарша — помешать прусско-русскому сближению и формированию франко-австро-итальянского союза.

Королеву Августу британский министр запугивал панславизмом, которому царь якобы не в состоянии противодействовать, и в выгодном свете представлял ей английскую политику на Востоке. При встрече с Горчаковым Кларендон говорил о размежевании интересов в Средней Азии и в заключение заявил, что для укрепления мира желательно сокращение больших армий, которые обременяют финансы всех государств, способствуя общественному недовольству и революционным настроениям. Он просил Горчакова взять на себя миссию поговорить по этому поводу с прусским королем, тогда как он сам выяснит мнение Наполеона III. Державам, стоящим вне непосредственного участия в конфликте, трудно было отклонять идею разоружения, не демонстрируя этим прямой заинтересованности в его военном исходе. Горчаков в принципе согласился с Кларендоном, высказав лишь мнение, что в настоящий момент угроза исходит, скорее, от Франции и он сможет связаться с Бисмарком лишь после того, как будет знать результаты переговоров Кларендона с французским императором [13].

Наполеона III британский министр заверил в отсутствии русско-прусского соглашения, но предостерег, что если Франция начнет войну, то за месяц объединение

Германии продвинется дальше того результата, которого Бисмарк в состоянии был бы добиться за пять лет мира, а если к Франции примкнет Австрия, то против нее выступит Россия [14]. Наполеон правильно понял предостережение Кларендона и пытался уверить его в том, что он отказался от прежнего стремления заключить союз с Австрией и Италией, чтобы не побудить Пруссию к открытой враждебности. Относительно разоружения, о котором тут же упомянул Кларендон, у французского императора не было возражений, но никакой определенной договоренности о путях дальнейшего продвижения вопроса не последовало, все ограничилось выяснением мнений.

Неутешительные итоги принесла встреча Горчакова с прусским королем в Баден-Бадене (середина октября), во время которой Горчаков передал Вильгельму I содержание своего разговора с английским министром в Гейдельберге и поставил перед ним вопрос: «Что он думает о разоружении?» Позиция короля оказалась сугубо отрицательной. Он согласился только ознакомиться с французскими предложениями, если таковые будут ему переданы через посредничество России и Англии [15].

Если рассматривать английский демарш в пользу разоружения на фоне европейской обстановки и учесть опасения, высказываемые в английской дипломатической переписке относительно возможного развития событий в Европе, то напрашивается предположение, что Англия обратилась к идее разоружения с целью оказать воздействие на страны, втянутые во франко-прусский конфликт, средствами, которые внешне не выходили за рамки принципа невмешательства и облекались в оболочку миролюбивой акции. Можно допустить также, что в Лондоне были не прочь ускорить начало войны, поставив Пруссию перед угрозой политической изоляции. Лондонский кабинет и опасался войны, казавшейся уже неизбежной, и в то же время тревожился, что оттяжка ее даст время для оформления австро-французского союза. Франция с ее преобладанием на континенте, хотя и пошатнувшимся с победой Пруссии в 1866 г., с ее активной экспансией на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии была в тот момент в глазах британской буржуазии опасным соперником. Союз с Австрией мог дать Наполеону решающий перевес над Пруссией, а победа Фран-

ции, последующее раздробление Германии и укрепление австро-французского союза привели бы к столь полной гегемонии бонапартистской империи, что возможности Англии играть на так называемом европейском равновесии и пользоваться внутриконтинентальными противоречиями сузились бы значительным образом.

Английская дипломатия, кроме того, должна была опасаться и возможности тесного сближения России и Пруссии как ответной реакции на австро-французский союз, которое тоже таило для Англии немало угроз.

„Военное соглашение“ Александра II и Вильгельма I

Франко-австрийские переговоры протекали на фоне новых осложнений на Востоке. Развертывалось антитурецкое движение в Сербии, назревал кризис в Румынии, волнения в Болгарии, оставался еще болезненной точкой Крит. Поэтому существовала возможность для австро-французского сближения на почве решения чисто конкретных проблем, связанных с этими событиями, что в перспективе могло облегчить и соглашение более общего характера. Это приходилось учитывать русской дипломатии. Бисмарк время от времени подбрасывал горючее в австро-русские распри, чтобы Россия сильнее ощущала потребность в прусской поддержке, а Австрия — необходимость более осторожной политики в отношении Пруссии. В марте 1868 г., например, он поручил своему посланнику в Вене «тактичным и незаметным образом» известить Бейста, что Россия всякую попытку оккупировать Боснию и Герцеговину будет рассматривать в качестве казус белли [16].

В начале 1868 г. наряду с разговорами об австро-французских контактах в Европе возникли слухи о прусско-австрийском сближении. Пищу для них дали встреча Бисмарка с австрийским генералом Вимпфеном, выступления Бейста с дружественными заявлениями в адрес Пруссии, появление пропрусских статей в австрийской прессе и, наконец, выступление против России такой газеты, как «Нойе пройсише цайтунг» [17].

В Петербурге не могли не обратить внимания на приезд кузена французского императора принца Наполеона

в Берлин [18]. По сведениям, дошедшим до русского министерства иностранных дел, знатный визитер добивался в Берлине присоединения Пруссии к общему фронту на Востоке, противостоящему России, заверяя, что если Франция допустила уже усиление Пруссии, то еще большей ошибкой с ее стороны было бы теперь противиться этому. Горчаков не исключал, что в Пруссии могли поддаться этим увещеваниям, исходя из того, что Наполеон не вечен, а «после него Франция может быть парализована анархией» и, следовательно, окажется бессильной помешать прусским планам в Германии, а пока важно выиграть время, «переключив внимание западных держав с Рейна на Восток» [19]. Возможность такого решения подтверждалась как бы и тоном столь официозного органа, как «Норддойче альгемайне цайтунг», который в это время стал, по выражению «Голоса», «немало благоволить к Франции» [20].

В связи с поездкой австрийского дипломата графа Витцума в начале 1868 г. в Париж и Лондон возникли предположения о попытках привлечь и Англию к австро-французской комбинации. Таким образом, многие обстоятельства вынуждали и Пруссию и Россию стремиться в этот момент к уточнению взаимных позиций.

Вопрос о том, откуда исходил побудительный толчок к переговорам, начавшимся между Россией и Пруссией в феврале 1868 г., оказался запутанным в последующем споре, который возник по этому поводу между русской и прусской дипломатией. Убри утверждал, что инициатива предложений исходила от Бисмарка, и, хотя Бисмарк отрицал подобное и Рейс оспаривал в Петербурге утверждения Убри [21], Горчаков в своих письмах продолжал подчеркивать инициативу Бисмарка, упоминая о «демонстрации, желаемой Бисмарком в случае франко-прусской войны» [22]. Наконец, в отчете министерства иностранных дел России за 1868 г. было отмечено, что в связи с военными приготовлениями Франции, обеспокоенное этим, «правительство Пруссии стремилось увериться в намерениях России» [23].

Вряд ли можно считать отправной точкой этих переговоров неофициальную беседу директора Азиатского департамента Стремоухова с Рейсом 1 апреля 1867 г., в которой Стремоухов выразил надежду, что люксембургский кризис побудит Россию и Пруссию к более тесному

сближению. Россия, пояснил он, в случае заключения австро-французского союза могла бы сковать Австрию, придвинув к ее границе обсервационный корпус, если, в свою очередь, Пруссия выскажется за упразднение черноморских ограничений 1856 г. и даст заверения, что не согласится на присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии. Рейс не придал особого значения словам Стремоухова. «Ни князь Горчаков, ни император не авансируются в такой степени на будущее»,— писал он Бисмарку.

Бисмарк, который в тот момент считал возможным предотвратить австро-французское сближение путем предоставления Австрии гарантии ее границ и некоторых выгод на Востоке и вынашивал план союза трех восточноевропейских монархий, упоминавшийся ранее, ограничился указанием Рейсу при случае дать понять Горчакову, что Пруссия охотно поддержит желание России освободиться от стеснений на Черном море, уклоняясь при этом от определенных заверений относительно Боснии и Герцеговины [24].

Начало переговоров, скорее, следует связывать с предложением Бисмарка в декабре 1867 г. обменяться мнениями о мерах, способных воспрепятствовать австро-французскому союзу [25].

Из опубликованной прусской дипломатической переписки следует, что в начале февраля 1868 г. Александр II, выразив опасения по поводу возможной военной интервенции Австрии в связи с волнениями в Боснии и Герцеговине, заявил прусскому посланнику: «Мы надеемся, что этого не произойдет, мы надеемся, что и Франция не нападет на Германию, но если против ожидания то и другое случится, то король может рассчитывать на меня в том, чтобы парализовать Австрию, в той же мере как я мог бы воспользоваться его помощью» [26].

Если для прусского посланника это заявление было неожиданностью и он, уходя от прямого ответа, ограничился выражением благодарности императору за проявление дружественных чувств [27], то Бисмарк не выразил никакого удивления, очевидно подготовленный к тому, что произошло. «Я на вашем месте,— написал он посланнику,— тотчас же ответил бы на это, что взгляды императора полностью разделяются его величеством королем». Затем он предписал Рейсу заверить Горчакова,

что в сложившихся условиях Пруссия видит в России единственного приемлемого партнера для тесного сотрудничества [28]. То же он высказал Убри, подчеркнув, что в отличие от принца Прусского, на взглядах которого сказывается английское влияние, он рассматривает Россию как единственного серьезного союзника, на которого Пруссия может рассчитывать [29].

В свою очередь, Горчаков 3 марта направил Убри письмо, где извещал посланника, что русское правительство расположено «согласиться на демонстрацию, желаемую графом Бисмарком, при условии, которое президент совета найдет, конечно, справедливым,— взаимной демонстрации в соответствующем случае» [30]. Он подчеркнул, что исход войны Пруссии с объединившимися Францией и Австрией вовсе не безразличен России, но и в русско-австрийской войне, даже если она возникнет на почве восточных осложнений, будут затронуты прусские интересы, ибо эта война неизбежно обострит польский вопрос «и примет революционный характер», ставя под удар «принципы, которые современный монарх и глава его кабинета должны прославлять и охранять» [31]. В это же время в беседе Рейса с Александром II последний выразил готовность в случае войны Пруссии с Францией выдвинуть к австрийской границе 100-тысячную армию, если Пруссия окажет аналогичную помощь России в момент ее войны с Австрией [32].

Между тем Убри в течение нескольких дней не имел или не искал случая встретиться с Бисмарком, чтобы передать ему содержание писем Горчакова [33]. Узнав об этом, Горчаков реагировал не сразу. Лишь 16 марта он написал Убри, что дальнейшее молчание может вызвать упреки в Берлине [34]. Действительно, там уже обратили внимание на молчание Горчакова относительно царских заявлений. Но Бисмарка беспокоило не столько отсутствие сообщений от Убри, сколько то обстоятельство, что Горчаков не вступал по этому поводу в переговоры с Рейсом [35], заметно устраняясь от проявлений инициативы в обмене обязательствами с Пруссией, уступая ее полностью царю. Это давало основания думать, что министр не одобрял действий Александра II, его обещания выставить обсервационный корпус. Поведение Горчакова заставляло и Бисмарка занять более осторожную выжидательную позицию.

20 марта Убри, наконец, посетил Бисмарка и имел с ним продолжительную беседу. Официальный отчет посланника об этой беседе, к сожалению, не удалось обнаружить [36]. Имеется лишь его личное письмо Горчакову с некоторыми комментариями к официальному отчету [37]. Однако Горчаков подтверждает, что отчет Бисмарка об этом разговоре (с этим отчетом его познакомил прусский посланник) в основном соответствует версии Убри [38]. Бисмарк заявил, что в войне с Францией Пруссия может положиться на собственные силы и не заинтересована втягивать в войну другие державы, придавая ей всеобщий характер. Он предложил рассматривать как казус белли лишь нападение двух держав — Франции и Австрии. Вне этого будет достаточно, если Россия прикроет прусский тыл от Австрии, а Пруссия обеспечит подобное прикрытие России. Но, явно не желая на почве восточных дел оказаться союзником России в войне против Австро-Венгрии, Бисмарк тут же оговорился, что не видит смысла в переброске прусских войск к австрийской границе в случае австро-русской войны, так как это обнажит французскую границу и только поощрит Францию к вмешательству. Прусские войска должны концентрироваться на границе Франции, «чтобы помешать ей поддержать Австрию на Востоке» [39]. Это означает, уверял Бисмарк Убри, что «на нашу долю выпадает более тяжелый жребий», так как «сковывать Францию значительно труднее, чем Австрию». Он добавил, что солидарность двух держав должна носить преимущественно оборонительный характер, давая этим понять, что Пруссия не намерена поощрять наступательную антиавстрийскую активность России. Затем прусский министр-президент высказался против оформления взаимных обязательств в виде письменного договора. Король Пруссии, мотивировал он свою позицию, «мирно настроен и желает уменьшить шансы новой войны; он опасается, что заключение союза на случай войны само способно вызвать войну, так как союз не сможет остаться тайным» [40]. Но, конечно, за этой осторожностью скрывались не «мирные» чувства Вильгельма I, а те расчеты, о которых говорилось выше, и плюс к тому нежелание ущемить и оттолкнуть во враждебный лагерь Англию.

Таким образом, из Берлина предлагалось, чтобы русско-прусская близость и сотрудничество определялись

«солидарностью взаимных интересов» и «личными отношениями обоих монархов». У Горчакова, стремившегося сохранить за Россией как можно большую маневренность, позволяющую ей при главной ставке (в силу конъюнктурных обстоятельств) на прусскую карту не терять возможности извлечь пользу и из сближения с Францией, а также сохранять в запасе средства противодействия крайностям прусской политики, оговорки, сделанные Бисмарком, не нашли возражений [41]. Его предписания Убри также не предусматривали завершения переговоров подписанием формального договора [42]. «Я думаю, что не следует настаивать в настоящий момент на большем,— подчеркнул он, получив информацию о платформе Бисмарка.— Это вопрос будущего, его решение зависит от существа отношений, которые будут складываться у нас с Пруссией» [43]. Таким образом, формула взаимных обязательств, определившаяся в переговорах, стала содержанием соглашения, основанного на «согласии двух монархов».

В ходе переговоров в Петербурге вызрело недовольство тем, что король и Бисмарк обошли молчанием вопрос о позиции Пруссии в случае австрийской интервенции в Боснии и Герцеговине. Горчаков сделал по этому поводу замечание Рейсу [44]. В конце марта Игнатьев посетил Берлин специально для разговора относительно осложнений, которые могла бы вызвать оккупация Боснии и Герцеговины австрийскими войсками. Бисмарк и на этот раз уклонился от уточнения прусской позиции, попытавшись отделаться заявлением, что Австрия не посмеет этого сделать, если на нее оказать сильное предостерегающее давление [45].

Удельный вес Востока во внешней политике России заставлял ее и в сближении с Пруссией искать удовлетворения потребностей своей восточной политики, тогда как Пруссия не могла проявлять активного практического интереса к Востоку в силу сложности внутригерманского положения и стремления к гегемонии в Европе, поглощавших все ее внимание. Восточный вопрос занимал Пруссию в это время, скорее, как фактор европейской политики. Он мог играть роль разменной монеты для нейтрализации или привлечения держав на сторону Пруссии в германских делах, восточные споры отвлекали внимание потенциальных противников Пруссии и

сеяли рознь между ними. Пруссии приходилось, правда, учитывать, что на базе восточных интересов могли возникнуть и нежелательные, опасные для Пруссии блоки европейских держав, прежде всего франко-австрийский. В этом случае перед Пруссией вставала трудная альтернатива: или содействовать России на Востоке против франко-австрийской коалиции или оказаться почти в полной изоляции. К тому же не исключалось и франко-русское соглашение на восточной платформе.

Пока Россия не имела оснований быть довольной результатами сотрудничества с Пруссией. Бисмарк старался не переступать граней, за которыми для Пруссии возникала опасность увязнуть в восточных осложнениях. Его маневрирование с этой целью часто ущемляло интересы России. На конференции держав в Париже (январь — февраль 1869 г.), созванной для рассмотрения греко-турецкого конфликта в связи с Критским восстанием, прусский уполномоченный проявлял большую уступчивость настояниям других западных держав, оставляя Штакельберга, уполномоченного России, в одиночестве. Конференция приняла решения в духе турецких претензий к Греции, пресекающие возможность возобновления восстания на Крите[46]. Прусский кабинет, отмечается в годовом отчете министерства иностранных дел России, «потерял случай подтвердить с небольшими издержками свои заверения в содействии, которые он нам расточал, думая иметь нужду в нас»[47]. Сомнительная позиция прусской дипломатии на Парижской конференции охлаждающе отозвалась на русско-прусских отношениях. В Берлине это почувствовали. Бисмарка к тому же не оставляли опасения, что австрийская позиция в греко-турецком конфликте, и особенно в назревающем в тот момент конфликте между Турцией и активизирующей попытки добиться независимости Румынией, связана с желанием Австрии найти повод втянуть Россию и Пруссию в военный конфликт на Востоке и в Польше и этим на неопределенное время оттянуть осуществление прусских планов в Германии. Подобная угроза заставляла Пруссию вновь проявить заинтересованность в согласии с Россией. Чтобы изменить впечатление от Парижской конференции, «Бисмарк неожиданно и весьма конфиденциальными путями дал самые удовлетворительные заверения относительно направле-

ния, которому он намерен следовать, в случае если греко-турецкие противоречия приведут к конфликту», отмечено в отчете русского министерства иностранных дел [48].

В конце февраля 1869 г. состоялась беседа Бисмарка с Убри, в которой прусский министр-президент сосредоточил внимание на опасных замыслах Бейста вызвать на Востоке бурю, предоставив Пруссии выбор: или отмежеваться от России или вести ради нее непопулярную наступательную войну. Бисмарк заявил, что он, однако, найдет, объединившись с Россией, способ придать событиям с помощью бельгийского или даже испанского вопросов такой оборот, который бы вынудил Францию взять на себя роль нападающего [49]. Убри прокомментировал это заявление в своем донесении в Петербург как согласие Пруссии вместе с Северогерманским союзом выступить на стороне России в случае австро-русского конфликта на почве восточных осложнений [50]. Между тем в доверительной беседе с Рейсом Бисмарк разъяснил своему дипломату, что все сказанное им Убри преследовало лишь цель убедить Россию, что лучшей гарантией для нее является возможность положиться на Пруссию [51]. Это откровение, предназначенное только для посланника, подчеркивало демагогическую суть заявления Бисмарка, в то время как в Петербурге бисмарковские заверения Убри поняли как обещание Пруссии, в случае если греко-турецкие противоречия приведут к конфликту, немедленно принять меры, чтобы отвлечь военные действия с Востока, где обстоятельства неблагоприятствовали русско-прусскому военному сотрудничеству [52].

И тем не менее в русском министерстве иностранных дел осталось впечатление, что «в целом содействие Берлина на Востоке было, скорее, кажущимся, чем действительным» [53]. Это чувство неудовлетворенности прусским поведением в восточных делах сохранилось в Петербурге вплоть до начала франко-прусской войны. Пруссия «обнаруживает безразличие или вялость, когда речь идет о том, чтобы объединиться с нами на Востоке: ждать установки из Лондона и Парижа, чтобы приспособить к ним свою собственную позицию,— не признак дружбы», писал Горчаков, анализируя линию Пруссии в турецко-черногорском конфликте [54]. Малая эффективность прусской поддержки на Востоке заставляла гор-

чаковскую дипломатию не исключать из поля зрения соглашения с Францией. При этом Горчаков считал, что необходимо постоянно держать прусское правительство в курсе «добрых намерений», которые высказывает России относительно восточных дел Франция. «В этом отношении,— инструктировал он русскую миссию в Берлине,— я не рассчитываю на равную силу действия, ввиду различия географического положения держав, но будет во всяком случае хорошо стимулировать рвение Пруссии примером Франции» [55]. Общая тактическая линия русской дипломатии была сформулирована Горчаковым следующим образом: 1) держать постоянно открытыми двери для сближения с Францией, но только при условии положительных и прочных доказательств ее искренности; 2) поддерживая хорошие отношения с Пруссией на базе взаимных интересов, не стеснять при этом свободу русских действий по отношению и к Франции и к Пруссии; 3) стремиться к сохранению некоторого равновесия между Францией и Пруссией; 4) использовать данную ситуацию для развития возможными средствами собственных интересов [56].

Попытки улучшения франко-русских отношений

В ноябре 1869 г. на смену Талейрану в Петербург прибыл один из наперсников Наполеона генерал Флери [57]. Светский генерал произвел впечатление при царском дворе и пришелся по душе Горчакову [58]. Новый посол заявил, что цель его миссии — рассеять все черные точки на горизонте франко-русских отношений, укрепить мир и установить тесные контакты с Россией [59].

Знакомство с политическими настроениями русских правительственных кругов склоняло Флери к мысли, что не только Горчаков, но и сам Александр II желает резервировать возможность соглашения с Францией. «Россия,— писал он,— хочет остаться в сердечных отношениях с Пруссией и в то же время в предупредительных отношениях с Францией» [60]. В этом его убеждало постоянное стремление царя сгладить впечатление от особых знаков внимания, оказываемых Пруссии, одновременными знаками внимания к нему как послу Фран-

ции. Флери был уверен, что семейные связи и симпатии, которые связывают царя с прусским двором, «не могут оказать серьезного влияния на неумолимые требования политики» и должны будут отступить перед давлением «весьма горячего общественного мнения» России [61].

Действительно, бисмарковская внешнеполитическая программа не могла не вызвать опасений и раздумий даже у поглощенного чувствами династической привязанности Александра. Имелось немало пунктов, по которым правительственные круги выражали прямое недовольство прусской политикой. Сюда относились вопрос о «линии Майна», судьба Северного Шлезвига, которая по условиям Пражского мира должна была решаться плебисцитом, опасения в связи с укреплением позиций Пруссии на Балтике, несмотря на то что Бисмарк заверял в отсутствии у Пруссии реальных политических интересов в Остзейском крае, сводя все на почву чисто платонического «сердечного интереса к немецкому элементу» этого края [62].

Однако для решения задачи улучшить отношения с Россией французское правительство предоставило в распоряжение Флери весьма ограниченные средства. В особой инструкции, полученной им при отъезде из Парижа от императора, предлагалось главным образом дать понять петербургскому кабинету об опасности, которую влечет для Европы, в том числе и для России (Остзейский край), идея германизма, и стараться возбудить его тревогу [63]. И сам Флери первое время был склонен переоценивать роль этих факторов; ненависть к панславизму в Берлине и боязнь пангерманизма в Петербурге казались ему достаточным залогом против тесного, а тем более прочного, сближения России с Пруссией [64]. Упускалось из виду, что сугубо практические расчеты, связанные с использованием существующей международной обстановки и насущными внешнеполитическими интересами России, могли заставить ее пренебречь этими опасениями.

Первый и единственный демарш конкретного характера, осуществленный Флери, выразился в рекомендации России оказать совместное давление на Пруссию по поводу возвращения Северного Шлезвига Дании в соответствии с 5-й статьей Пражского мира [65]. Хотя царский двор женитьбой наследника на принцессе Догмаре был

связан родственными узами с датской династией и Дания представляла для России важный стратегический интерес (в Париже это учитывали), русская дипломатия вынуждена была соблюдать осторожность, чтобы не оттолкнуть Пруссию и не оказаться в конце концов в политической изоляции. В Петербурге считали, что проблема Северного Шлезвига должна решаться на прямых переговорах между Данией и Пруссией и если нужно внешнее вмешательство, то оно может исходить только от Австрии, подписавшей Пражский договор. Между тем Бейст неоднократно повторял, что Австрия обязана уважать 5-ю статью Пражского договора, но она не связывала себя обязательством добиваться ее осуществления и тем более не намерена вступать в военный конфликт из-за вопроса, затрагивающего в какой-то мере германские интересы [66]. Да и Франция, подталкивая Россию, сама воздерживалась от открытых форм давления. Вслед за демаршем Флери в Петербурге французское министерство иностранных дел направило своему посланнику в Берлине указание «продолжать сохранять сдержанность», которую Франция проявляла до сих пор в отношении переговоров между Пруссией и Данией, выжидая, какое впечатление произведут советы из Петербурга [67].

В подобных условиях Россия не могла идти дальше неофициальных советов прусскому королю о желательности в интересах мира ускорить исход датско-прусского спора, и Горчаков порекомендовал Флери не проявлять чрезмерной настойчивости в этом «деликатном деле» [68]. Демарш Флери, о котором датский посланник в Петербурге узнал от самого Флери и Горчакова, не обрадовал, а, скорее, встревожил датское правительство. Граф Фриз, министр иностранных дел Дании, опасался, что Франция, поднимая вопрос о Северном Шлезвиге, заинтересована не столько в его решении, сколько в использовании его как средства давления на Пруссию с целью добиться соглашения с ней по другим вопросам ценой последующих уступок относительно выполнения 5 статьи Пражского договора [69].

Новое французское правительство Эмиля Оливье, сформировавшееся в январе 1870 г., в доказательство своих «пацифистских» стремлений предписало Флери прекратить всякие разговоры о Северном Шлезвиге.

В конфиденциальном письме новый министр иностранных дел Дарю пояснил Флери, что следует избегать заявлений и демаршей, которые могли бы вызвать осложнения. «Урегулирование этого вопроса,— писал он,— значительно важнее берлинскому кабинету, чем нам. Мы не особенно заинтересованы в том, чтобы торопить его выйти из затруднений, которые он создает себе, откладывая выполнение 5-й статьи Пражского договора, и вводить этим в игру национальное прусское чувство для оправдания отсрочки»[70]. В той области, где Франция могла серьезно заинтересовать Россию — в восточном вопросе, Флери рекомендовалась особая осмотрительность, и полномочия его здесь сводились почти к нулю.

В январе 1870 г. состоялась продолжительная беседа Горчакова с французским послом. Русский министр подробно распространялся о бескорыстии России, умеренности ее политики, о ее желании найти способ спасти «больного человека» — Турцию «путем действительного улучшения судьбы христиан» и установить согласие между Парижем и Петербургом. Он перечислил некоторые черные точки на горизонте франко-русских отношений, ликвидация которых должна была восстановить поколебленное в России доверие к Франции: деятельность французского представителя в Константинополе, нередко расходящаяся с официальными заверениями французского правительства; католическая пропаганда; привлечение в число французских дипломатических представителей на Востоке (консулов, секретарей) польских эмигрантов[71]. Это были частные претензии. Но Флери показалось, как он пишет в своем отчете, «что намерением канцлера, если бы моя холодная сдержанность не охладила бы его, было сделать намек на договор 1856 г.»[72].

Французское правительство решило сделать вид, что не понимает намеков Горчакова. Флери получил предписание с Ке-д'Орсе действовать таким образом, чтобы предотвратить всякие формальные предложения России подобного рода; если же, несмотря на все усилия, этого не удастся избежать, уклоняться от всякого ответа и лишь в случае настояний Горчакова адресовать русского министра к правительству Наполеона. «Вы понимаете, как важно не позволить склонить нас на эту почву,— наставлял Дарю своего посла.— Договор 1856 г.—

это один из самых крупных и наиболее счастливых актов французской политики. Он регулирует положение на Востоке в духе, наиболее соответствующем нашим традиционным интересам и общим интересам Европы. Он стоил многих жертв, и без серьезных мотивов нельзя отказываться от достигнутого. Это — политический капитал» [73].

Инструкция Дарю полностью связывала французскому послу руки. Флери не решился сам возражать против нее, но его атташе Вердье написал одному из служащих Тюильри с надеждой, что это будет передано императору, как сковала их установка министра. Вердье сетовал, что курс Дарю повторяет печальный опыт политики Луи Филиппа, исходя из единственной мысли — не вызвать какие-нибудь трудности, «но именно крайняя осторожность часто может явиться причиной затруднений». Подобная политика, писал он далее, «не позволяет извлечь никакой пользы из превосходного положения, приобретенного здесь генералом (Флери.—*Л. Ш.*), и все это только на руку Бисмарку» [74]. Наполеон, хотя и реагировал на это в письме Флери, однако не в том духе, как желал последний. «Все наши усилия,— писал император,— должны ограничиться тем, чтобы достигнуть согласия, скорее, обменом мнений, чем предложением определенных проектов» [75]. Это соответствовало ранее данным им личным инструкциям послу. «В отношении Востока,— говорил он тогда,— нужно желать сохранения статус-кво, но не мешает говорить о будущем. Представляется крайне важным знать, как Россия рассматривает завтрашний день Турции. Если бы Франция полностью знала взгляды России, она могла бы определить свои интересы в предполагаемом будущем» [76]. Более неопределенной и неясной программы трудно было представить.

Еще за несколько дней до войны Горчаков в не вызывающей сомнения форме дал понять, в какой плоскости возможно улучшение русско-французских отношений. «Франция,— говорил он Флери 7 июля,— должница России. Необходимо, чтобы она дала залог примирения на Востоке» [77]. Вместо ожидаемого Россией, французская дипломатия усиленно упирала на наличие на стороне Франции права и договоров, изображая эти договоры незыблемой основой европейского мира и призывая Россию защищать их от подрывных поползновений

Пруссии. Могло ли это прийтись по душе России, готовящейся к ревизии Парижского трактата?

Часть русской прессы накануне войны продолжала настойчиво пропагандировать идею русско-французского сближения. Особенно активно ее поддерживали «Московские ведомости» М. Каткова. В 1868 г. Катков сформулировал условия, на которых, с его точки зрения, могли бы установиться добрые отношения между Францией и Россией: 1) Франция должна отказаться «от призрака, именуемого восстановлением Польши»; 2) она должна на Востоке следовать тому же принципу национальностей, который проповедует для Запада, содействуя «мирному и прогрессивному развитию христианского населения Турции» и отказавшись от пропаганды католицизма там [78]. С назначением Флери, когда опять промелькнула надежда на франко-русское сближение, Катков возобновляет агитацию в его пользу. Но он подчеркивает и трудности его реализации при существующих настроениях придворных кругов России, «хотя сближение России и Франции неотразимо вызывается силой вещей» [79].

Программу русско-французского сближения защищал и петербургский орган протекционистов «Деятельность». Правда, газета при этом оговаривалась, что суть русской внешней политики не на Западе, а на Азиатском Востоке, «туда нам и дорог нужно строить побольше да поскорее, чем на Запад»[80].

За несколько месяцев до начала войны в Париже вышла анонимная брошюра «L'Jmpasse politique actuelle» («Современный политический тупик»). Ей приписывалось официальное русское происхождение, хотя «Журналь де Сан-Петерсбург» это опровергал [81]. Флери высказал предположение, что автором ее мог быть барон Жомини.

В брошюре утверждалось, что политика французского правительства последних лет привела страну в состояние политической изоляции и Франция может выйти из тупика, только изменив направление своего внешнего курса и сблизившись с Россией. Автор успокаивал французские круги относительно целей восточной политики России, заявляя, что они не расходятся с «разумными интересами Франции». Россия не требует обязательно падения султана и автономии славян; всякий

разлад на Востоке выгоден объединяющейся Германии.

Брошюра дала повод для обмена мнениями между Горчаковым и французским послом. Горчаков одобрительно отозвался о главных положениях этой брошюры, сказав при этом, что не прочь был бы иметь ее автора в числе своих сотрудников, но оговорился, что термин «союз», употребляемый в брошюре, был бы ошибочной формулой для франко-русских отношений; речь должна идти о дружественном согласии [82].

Катков посвятил брошюре специальную статью, вполне соглашаясь с ее выводами[83]. Поддержка редактором «Московских ведомостей» столь осторожной, сопровождаемой многими оговорками формулировки восточных интересов России (совсем не в духе Каткова) свидетельствовала о сильной тревоге, которую внушало ему международное положение России. Даже менее воинствующий «Голос» отметил, что эта брошюра несет на себе печать неловкого заискивания, способного, по мнению газеты, вызвать в Европе лишь высокомерно-презрительную реакцию[84]. Также поддержав в общих чертах идею сближения с Францией, признавая его крайне желательным, газета выразила пессимизм относительно сроков его осуществления, считая, что прочное сближение возможно лишь с прекращением «внутренних усобиц» во Франции и установлением там надежного статус-кво. Только после этого «Франция сделается для нас действительно полезной союзницей» и Россия, в свою очередь тоже должна путем внутренних преобразований — финансовых и военных — повысить свою ценность как союзника в глазах Франции[85].

На Ке-д'Орсе, проанализировав положения брошюры, с которыми Горчаков выражал согласие, нашли, что в европейской политике интересы России и Франции в большинстве случаев совпадают. Меньше точек соприкосновения министерство видело в восточной политике, но отметило, что они тоже имеются. Тем не менее в заключении своей депеши по этому поводу Дарю снова категорически предостерег Флери от обсуждения какой-либо программы с Горчаковым [86].

Постоянное стремление Франции избежать уточнения своих позиций на Востоке по отношению к интересам царской России, особенно в сочетании с переговорами, идущими между Парижем и Веной, питало расту-

щую подозрительность петербургского кабинета по поводу намерений Наполеона. Горчаков приходил к выводу, что пока во Франции сказывается преобладание «двух наиболее активных сил — радикализма и клерикализма, которые обе в высшей степени враждебны нам, нет оснований рассчитывать на искреннее сотрудничество с ее стороны»[87].

Франция явно предпочитала искать противовес Пруссии в союзе с Австрией и Италией, а также в сближении с Англией, не желая поступаться своими интересами на Востоке. Сближение с Россией Наполеон готов был рассматривать лишь как конъюнктурную комбинацию, не связанную с жертвой общим направлением французской политики. Эта позиция официальных французских кругов облегчала бисмарковской дипломатии борьбу за нейтралитет России.

Иллюзии умиротворения в Европе

1870-й год начинался с благоприятных предзнаменований для европейского мира. Казалось, что во франко-прусских отношениях, вселявших еще недавно столько беспокойства, наступило затишье. Русские новогодние газеты были полны оптимистических предположений. «Не подлежит сомнению,— писали «Санкт-Петербургские ведомости»,— что в последнее время в Европе укрепилась уверенность в возможности сохранить мир. Война уже не считается теперь такой близкой и неминуемой, какой она считалась, например, в конце 1868 г. или даже в истекшем году» [88]. Журнал «Вестник Европы» в заключение политического обзора 1869 г. писал, что в Европе давно не случалось «встречать новый год с таким видимым, по крайней мере, спокойствием во внешней политике и с такими всеобщими тревогами каждого по своим делам» [89].

Эта ложная самоуспокоенность повлекла переключение внимания русской прессы и русского общественного мнения с франко-прусских разногласий на другие вопросы, среди которых особое место заняли восточные дела. Сложная обстановка вводила в заблуждение не только прессу, но и лиц, принадлежавших к высшим правительственным сферам. Военный министр Д. А. Милютин,

весьма наблюдательный и осведомленный в вопросах европейской политики, опустил в своих воспоминаниях за 1869 г. обычно помещаемый им «Обзор международных дел», ибо, как ему казалось, «наступил период успокоения и ничто в политическом отношении не затрагивает и не угрожает интересам России». За полтора месяца до войны, в мае, он выезжает в отпуск за границу. «Никто не мог предвидеть,— писал он позже,— что на политическом горизонте собрались тучи, которые вскоре разразятся страшной бурей» [90]. Горчаков в отчете министерства за 1869 г. тоже отмечал упрочение пацифистских тенденций в европейской политике. Это объяснялось, по его мнению, прежде всего внутренними затруднениями, которые поглощают внимание большинства европейских правительств, обеспокоенностью общественного мнения и боязнью войны при наличии больших армий и новых средств разрушения [91].

Неустойчивость положения бонапартистского режима во Франции сказывалась в двойственности позиции правящих кругов Франции. Крайне воинственные бонапартистские верхи, ослепленные династическими интересами, настаивали на войне как единственном средстве спасения режима, тогда как более трезво мыслящие политики предчувствовали риск развязывания войны при существующей ненадежности тыла, понимая, что поражение — это крах империи. Сдерживало и неблагоприятное внешнеполитическое положение Франции, скомпрометированное серией промахов бонапартистской дипломатии. Побывавший в Париже весной 1869 г. А. А. Киреев так сформулировал царившие там настроения: «Шовинизм прикусил зубы, одними криками Бисмарка не запугаешь, а идти одним страшно» [92]. Отступление Франции в недавнем конфликте по поводу бельгийских железных дорог [93], отказ французской дипломатии от дальнейшего давления на Россию с целью побудить ее к воздействию на Пруссию в вопросе о Северном Шлезвиге [94] как бы подкрепляли предположение о стремлении Наполеона избегать новых международных осложнений.

В свою очередь, внутренние противоречия в развитии Северогерманского союза, сильная оппозиция в областях, присоединенных к Пруссии в 1866 г., взвешивались в России как факторы, способные оказать сдерживающее влияние на внешнюю политику Бисмарка. Александр II

в беседе с Флери в конце января 1870 г. заявил по личной инициативе: «Я могу вам гарантировать одно: скажите императору Наполеону и вашему правительству, что Пруссия не предпримет ничего угрожающего миру» [95].

Некоторые иллюзии возбуждали псевдолиберальные и пацифистские декларации нового французского кабинета, сформировавшегося в январе 1870 г. под руководством ренегата-республиканца Эмиля Оливье. Напряженная политическая обстановка, складывающаяся во Франции в начале 1870 г. и свидетельствующая о продолжающемся углублении кризиса Второй империи, вынуждала бонапартистский режим усилить характерную для него политику лавирования не только в области внутренней политики, но и в сфере внешнеполитических проблем.

В январе 1870 г. французская дипломатия обратилась к идее разоружения. Опыт переговоров на эту тему в июне — октябре 1869 г. не должен был внушать каких-либо надежд на успех, но это, пожалуй, меньше всего интересовало французских дипломатов. Практический смысл своего демарша они видели не в достижении действительного разоружения, а в создании политических затруднений для Пруссии и в подготовке алиби на случай войны. «Поставить Бисмарка в наиболее трудное положение по отношению к Германии, если он откажется от предложений, которые ему будут сделаны... вот цель политики, которой я следую»,— писал французский министр иностранных дел Дарю [96]. План разоружения, соответствующий духу «либеральных» маневров правительства Оливье, мог оказаться ценным средством маскировки военных целей империи, а будучи отвергнут Пруссией, служил бы оправданием дальнейших вооружений Франции как оборонительной реакции на прусский отказ от разоружения. Он мог также стать поводом для активизации либеральной оппозиции бисмарковскому курсу и осложнить внутриполитическое положение в Пруссии и в Северогерманском союзе, поскольку в конце октября 1869 г. в прусском, а затем и в саксонском ландтаге уже выдвигалось требование разоружения. Кроме того, в 1870 г. в Пруссии, как предполагали в Париже, неизбежно должна была возникнуть дискуссия относительно военного бюджета и набора в армию в связи с окончанием пятилетнего срока, на который утверждались

ландтагом в 1866 г. военные ассигнования [97]. Однако Наполеон III не захотел прибегать к прямому демаршу в Берлине, ибо отказ Пруссии привел бы в этом случае к немедленному и резкому осложнению франко-прусских отношений [98]. Было решено просить британское правительство взять на себя инициативу предложения о франко-прусском разоружении и посредничества в ходе дальнейших переговоров.

Кларендон 26 января в беседе с французским послом в Лондоне выразил сомнения в возможности успеха, но согласился принять участие в мероприятии, затеянном Парижем [99]. К прежним факторам, побуждавшим в последнее время Англию к некоторой активности, теперь присоединилась заинтересованность в контакте с правительством Оливье, вызванная тем, что во Франции усилилась критика англо-французского торгового договора 1860 г. Влиятельная протекционистская группировка во главе с Тьером выступала за денонсацию этого договора. В январе 1870 г. в законодательном корпусе было выдвинуто предложение о пересмотре торговых отношений с Англией. Правительственное большинство отклонило это предложение. Но дальнейшая судьба столь выгодного для Англии договора, как прекрасно понимали в Лондоне, прямо зависела от прочности наполеоновского режима. Французская дипломатия использовала это обстоятельство, добиваясь английского посредничества. Не случайно в инструкции Дарю и в беседе Лавалетта (французский посол) с Кларендоном вопрос о торговом договоре был затронут прежде, чем речь зашла о проекте разоружения. Лавалетт заверил английского министра в прочности торгового договора, «существование которого в столь сильной степени заботит общественные круги Англии» [100].

В позиции Кларендона и французского правительства были, однако, и расхождения. Кларендон не желал придавать английскому посредничеству официальную окраску, как того хотели в Париже. Франции пришлось согласиться с этим, хотя Наполеон предпочитал бы глубже втянуть Англию в переговоры о разоружении, чтобы, поссорив ее с Пруссией, вынудить занять благоприятную Франции позицию в случае войны. В итоге решили, что Кларендон будет действовать частным образом, только от своего имени, ссылаясь на общую заинтересованность

Европы в разоружении с экономической и политической точек зрения[101]. Подобной предосторожностью смягчалось возможное впечатление от английской акции в Берлине, где в ней могли усмотреть намерение Англии выставить Пруссию виновницей военных осложнений в Европе. Английскому послу в Берлине тут же был направлен меморандум, с которым он должен был ознакомить Бисмарка. Внимание Пруссии обращалось на чрезмерность регулярных армий, что держит Европу в состоянии между миром и войной, подрывает взаимное доверие стран, заставляя предпочесть войну существующей неопределенности. Предлагая Пруссии взять на себя почин по существенному сокращению контингента ежегодных призывов, Кларендон уверял, естественно, не упоминая о предварительных переговорах с Францией, что располагает достаточно достоверными сведениями о миролюбивой настроенности Франции и убежден, что она пойдет на разоружение в равной мере с Пруссией[102].

Столь робкая дипломатическая диверсия была обречена на неудачу и, скорее, осложняла, чем разряжала политическую атмосферу. Бисмарк отрицательнейшим образом реагировал на английские предложения. Он сослался на отсутствие достаточных гарантий мирных настроений Франции, на неблагоприятное географическое положение Германии, ставящее ее под угрозу удара с любой стороны, и протяженность германских границ как факторы, осложняющие задачи ее обороны. Он утверждал, что, хотя Франция, Россия и Австро-Венгрия находятся в значительно более благоприятном географическом положении, они в последние годы увеличили свои вооружения якобы в пропорции большей, чем Пруссия. Притом, добавил он, прусская военная система носит публичный характер и позволяет легко обнаружить всякое количественное изменение в составе армии[103]. В дальнейшем ходе беседы с Лофтусом прусский министр-президент заметил, что еще больше, чем Франция, его заботит Россия, поскольку царь болен, а наследник настроен не в пользу Пруссии. Осторожность требует, чтобы Пруссия была готова на своих восточных границах ко всяким неожиданностям[104]. Демарш Кларендона набрасывал тень двусмысленности на английскую политику. Бисмарк не мог не подозревать о наличии договоренности между Англией и Францией, ибо в Париже не так

давно тоже заговаривали о разоружении с прусским поверенным в делах [105]. Правда, он не был уверен, как далеко зашел этот сговор, и на всякий случай выразил Лофтусу желание, чтобы французское правительство не узнало ни о предложении лондонского кабинета, ни о приеме, который оно нашло в Берлине [106].

В Париже отвергли бисмарковскую аргументацию, утверждая, что для Франции организация обороны и комплектование армии представляют бо́льшие трудности, чем для Пруссии, в особенности если последняя получит определенные гарантии со стороны России. Пруссия имеет значительно менее протяженную, менее открытую, более сильную линию обороны, чем Франция, ей не приходится размещать свои войска за пределами Европы, призыв же в прусскую армию может быть осуществлен простым приказом военного министра [107]. Настаивая в Лондоне на необходимости продолжать переговоры, французское правительство заявило о сокращении на 10 тыс. человек очередного призыва в армию, с тем чтобы, осуществляя подобное сокращение, в течение 10 лет уменьшить численность армии на 90 тыс. человек [108].

Кларендон, озабоченный судьбой торгового договора с Францией, в марте решился использовать этот французский жест как повод для повторного демарша, хотя английские послы в Берлине и Париже высказывали опасения, что подобная настойчивость может повлечь охлаждение прусско-английских отношений. Возражения британского министра против выдвинутых Пруссией аргументов и ссылка на заявление Дарю о сокращении на 10% ежегодного рекрутского набора во Франции не оказали влияния на позицию Бисмарка. Он отказался считать декларированное сокращение французской армии достаточной гарантией прусской безопасности, ссылаясь на существование якобы антипрусской коалиции, которая в любой момент способна обеспечить Франции перевес над Пруссией [109]. Чтобы пресечь всякие дальнейшие разговоры на эту тему, Бисмарк, не прибегая к формальному отказу от переговоров о разоружении, который мог бы бросить неблагоприятный свет на политику Пруссии, потребовал от Англии гарантий того, что разоружение будет взаимным. Это предполагало участие Англии в санкциях по отношению к нарушителю соглашения и было для нее

совершенно неприемлемо. Кларендон смог только заметить, что «лучшей гарантией являются существующие во Франции настроения» [110].

Теперь Бисмарк получил повод для дискредитации английских предложений. «Я сам не терял надежды на получение такой гарантии,— писал он в Лондон,— и тогда мы были бы в состоянии серьезно рассмотреть вопрос. Но нельзя подвергать существенным изменениям военную систему, полагаясь только на настроения французского правительства и законодательного корпуса, которые способны измениться в короткий срок под воздействием различных обстоятельств» [111].

Британской дипломатии пришлось сложить оружие. 23 марта Кларендон известил французский кабинет, что переговоры в Берлине прекращаются. Бисмарк смог найти пути к нейтрализации англо-французского демарша, используя нерешительность британской дипломатии, ее межеумочную позицию по отношению к соперничающим державам. Таким образом, англо-французская акция с планом разоружения не принесла Франции желанных результатов.

Атмосфера снова сгущается

В начале 1870 г. на европейском горизонте вновь стала скапливаться облачность. Вслед за преобразованием с 1 января прусского министерства иностранных дел в иностранную службу Северогерманского союза, которое вызвало известное беспокойство во Франции, прусский посол в Лондоне заговорил, по указанию Бисмарка, о желательности заменить для прусского короля титул президента Северогерманского союза на титул императора [112]. Британский министр иностранных дел Кларендон, который раньше в частной беседе выражал удивление тем, что в 1866 г. Вильгельм не принял титул императора, сейчас, когда вопрос стал на грани официального решения, заговорил о многочисленных опасностях, вытекающих из этого проекта. Даже в распространении императорского титула на Северную Германию, предостерегал он, увидят медиатизацию союзных государств, в том числе столь крупного, как Саксония [113]. Еще более определенно высказался французский министр Дарю, заявив-

ший, что это был бы моральный переход через «линию Майна» [114]. Хотя неофициально идея об императорском титуле продолжала обсуждаться в узких европейских кругах на протяжении всей весны 1870 г., Россия не информировалась об этом [115]. В Берлине русского посланника уверяли, что слухи, идущие по этому поводу, лишены основания [116].

Возбуждение в Европе, особенно во Франции, вызвала тронная речь 14 февраля прусского короля. «Совокупность договоров, связывающих Северную и Южную Германию,— заявил король,— обеспечивает безопасность и благополучие совместной немецкой родины, достаточные гарантии этого несет в себе сильная и прочная организация Северогерманского союза. Доверие, которое наши южногерманские союзники питают к этой гарантии, покоится на полной взаимности». Дарю не только выразил недовольство прусскому послу заявлением короля, но и постарался обыграть его в Мюнхене и Штутгарте, чтобы усилить там недоверие к прусской политике и побудить к мерам для защиты самостоятельности Юга [117].

По сильному акценту, который делался в этой королевской речи на национальный вопрос, в отличие от бесцветно составленной предыдущей тронной речи, зачитанной в Северогерманском рейхстаге 4 марта 1869 г., в некоторых европейских политических кругах заключили, что Бисмарк намеревается перейти к более активным действиям. Тронная речь короля, писал Убри из Берлина, «представляет еще один шаг вперед в германской национальной политике» [118]. «Норддойче альгемайне цайтунг» в унисон с королевской речью выступила на следующий день со статьей, подчеркивающей строгую обязательность межгерманских договоров [119].

Между тем нарастающие в прусской политике тенденции к поглощению южногерманских государств вызывали там растущий отпор, и все это снова приковывало внимание Европы к германской проблеме. В Вюртемберге развернулось общественное движение против военно-союзных договоров 1866 г. с Пруссией [120]. В Баварии разразился политический кризис. В результате давления оппозиции 7 марта должен был уйти в отставку пропрусский кабинет Гогенлоэ. Французская дипломатия всячески поощряла новое баварское правительство графа Брея к противодействию централизаторской политике Прус-

сии, подчеркивая, что Франция «следит с симпатиями за усилиями большинства народов Юга сохранить свою автономию» [121]. Баварские консерваторы-автономисты опубликовали свою политическую программу, в которой впервые после 1866 г. публично выражалась идея организации Южной Германии с помощью и участием Австрии [122].

Усиливалось антипрусское движение и в Бадене, но баденское правительство тем не менее выразило желание присоединиться к Северогерманскому союзу, что открыло Пруссии возможность для прецедента с нарушением «линии Майна» и дало повод для тревожных предположений европейской дипломатии и прессе. Однако, учитывая сильную оппозицию на Юге и опасаясь преждевременно осложнить внешнеполитическое положение Пруссии, Бисмарк, несмотря на настояния национал-либералов, высказался против вхождения Бадена в Северогерманский союз. Выступая в рейхстаге, он отклонил проект Ласкера, предлагавший удовлетворить просьбу Бадена. Бисмарк заявил при этом, что Пруссия может согласиться на объединение Германии, только когда этого потребуют все немецкие государства и правительства [123]. Таким образом, отвергая сепаратное присоединение Бадена, прусский министр-президент ни словом не обмолвился о неприкосновенности «линии Майна», а, наоборот, подчеркнул принципиальную возможность расширения германского союза под флагом фиктивного единодушия германских государств. Накануне своего выступления в рейхстаге он откровенно заявил французскому послу: «Течение фатально несет нас к этому» [124]. Бисмарк хотел войны, но такой, которая не была бы связана с риском оттолкнуть германский Юг по другую сторону баррикад, а, наоборот, способствовала бы консолидации военных и политических сил Германии под прусским руководством, а также не исключала бы возможности нейтрализации Европы. В этом свете большое значение приобретал вопрос о предлоге войны.

Немецкая пресса довольно точно прокомментировала позицию Бисмарка. «Провинциаль-цайтунг» (за спиной которой стоял сам министр-президент) заявила, что «федеральный канцлер отклонил поступательный шаг в национальном развитии только для того, чтобы не компрометировать естественное и обеспеченное дело единства

всей германской родины», и это вскоре поймут истинные друзья национальных интересов Германии. Из Карлсруэ ей вторила «Официаль-цайтунг»: «Граф Бисмарк не рассматривает современное полуединство Германии как окончательное решение вопроса» [125].

Русские газеты подробно описывали в те дни напряженное развитие событий на Юге Германии, подчеркивая, что «положение дел в Германии продолжает быть ахиллесовой пятой европейской политики и тучи, покрывающие горизонт Пруссии, угрожают всему материку» [126]. «Весть» скептически отнеслась к желанию прусского министра-президента считаться с мнением немецких государств. «Если бы действительно было так,— писала газета,— то Европа могла бы быть совершенно спокойна и не тревожиться пресловутым германским вопросом потому, что время, когда все народы и правительства Германии почувствуют столь нежную любовь к Пруссии, должно быть причислено к разряду политических грёз и утопий... но, к сожалению, союзный канцлер хорошо помнит изречение Талейрана, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли» [127]. Русский посланник в Берлине тоже выразил сильное сомнение в том, что заявление Бисмарка предполагает незыблемость «линии Майна» в качестве границы Северогерманского союза «в духе тех, которые имели слабость верить в возможность предписать ему этот идеальный барьер» [128].

В дипломатических и общественных кругах Европы не могли не учитывать влияния на внешнеполитическое поведение Франции кризиса бонапартистской империи, который приобретал все большую очевидность в 1870 г.[129] Назначение в мае 1870 г. министром иностранных дел Франции герцога Грамона, известного своими антипрусскими настроениями и тесно связанного с клерикально-шовинистической военной партией императрицы Евгении, заставляло думать, что на Ке-д'Орсе решили перейти в наступление. Этих опасений не могли ослабить ни заверения Грамона в беседе с прусским послом о том, что слухи о его предубеждениях лишены основания, ни выступления французских официозных газет «Конституционель» и «Патри», пытавшихся убедить общественное мнение в намерениях Грамона как министра абстрагироваться от личных чувств и добиваться мирного урегулирования спорных вопросов [130].

Бисмарк при этом старательно фиксировал внимание царской дипломатии на соотношении правительственных перемен в Париже и Вене. В Австрии во главе правительства встал граф Потоцкий, связанный с польскими аристократическими кругами партии Чарторыйского. Во Франции — Грамон, «доказанный австриец, тоже расположенный к польскому» [131]. И все же в кругах русской дипломатии еще существовали иллюзии, что вынужденная к преобразованиям наполеоновская империя должна будет проявить заинтересованность в сохранении мира. Судя по проекту его инструкции Бруннову, которого намеревались назначить послом в Париж после кончины Штакельберга, Горчаков даже в конце июня 1870 г. исходил из наличия такой тенденции. «Император Наполеон,— писалось в инструкции,— в настоящий момент увлечен либеральным потоком, в котором, кажется, предназначено раствориться его личной власти. Нельзя еще предвидеть влияния на внешнюю политику новых институтов, между которыми он будет искать равновесия. Тем не менее кажется бесспорным, что французская политика вступила в полосу умиротворения. Таким представляется всеобщее желание нации, которая в настоящий момент приобрела значительное влияние на решения правительства» [132]. Британский министр иностранных дел Кларендон тоже считал, что внутренние перемены во Франции благоприятствуют сохранению мира, и заверял в этом Бисмарка [133].

Но в действительности кризис наполеоновского режима таил в себе предпосылки войны. Все бо́льшая часть бонапартистских верхов склонялась к победоносной войне как последнему шансу предотвратить крушение империи и укрепить позиции династии Бонапартов.

Встречи 1—4 июня 1870 г. Александра II с Вильгельмом I в Эмсе, где царь вместе с Горчаковым проходили курс лечения и куда прусский король прибыл в сопровождении Бисмарка, еще не дали русскому правительству почувствовать непосредственную близость военной угрозы. Бисмарк старался свести политическое содержание бесед, проходивших здесь, к вопросам о положении на Балканах и в Польше, стремясь на этой почве обосновать необходимость более тесного сотрудничества между Россией и Пруссией. Используя момент, он пытался разжечь опасения Петербурга относительно политики нового авст-

рийского правительства графа Потоцкого в Галиции, имея в виду авансы польской шляхте, сделанные графом некоторое время назад [134], и вместе с тем рассеять недовольство русской дипломатии поведением Пруссии в последних событиях в Румынии [135]. Прямых свидетельств о содержании переговоров в Эмсе немного. Официально усиленно подчеркивалось, что это была чисто родственная встреча и вызывающее подозрения присутствие на ней Бисмарка объяснялось только тем, что во время проезда Александра II через Берлин канцлер был болен и не смог встретиться с царем и теперь должен был отдать визит вежливости [136]. При последующей встрече в Штутгарте с вюртембергским министром Варнбюллером Александр II говорил, что он очень ясно высказался в Эмсе против всякого расширения прусского влияния за Майн и получил соответствующие заверения; опасность может возникнуть лишь с кончиной Вильгельма и переходом трона к принцу Прусскому, на взглядах которого сказывались национал-либеральные влияния [137]. В заключение царь счел нужным предостеречь от использования либеральных идей в защиту южногерманской независимости: «Я буду всегда другом и защитником монархии, обеспечивающей спокойствие и порядок, и никогда не буду покровителем страны, возмущающей порядок, являющейся очагом революционной пропаганды. Несправедливая агрессия Пруссии против спокойного и мирного Вюртемберга встретит мое противодействие, интервенция Пруссии с целью восстановить порядок в том же Вюртемберге, охваченном демагогическими страстями, напротив, вызовет у меня одобрение» [138].

В это время предметом острой озабоченности правящих европейских кругов стало растущее влияние Первого Интернационала. Бруннов доносил из Лондона, что британский министр иностранных дел в значительно большей степени, чем осложнениями в Румынии, встревожен распространением революционных идей «международным центром в Женеве». Английская беднота, подчеркивал Кларендон, «начинает понимать значение слов... „собственность есть зло“». По его мнению, война между бедными и богатыми угрожает «поколебать социальные основы всех государств» [139].

Александр II во время своей поездки в Германию, встревоженный заметным ростом революционных идей, в

беседах в Эмсе высказал мысль о необходимости объединения «монархических правительств перед лицом социализма» [140]. Горчаков поручил Окуневу сообщать ему все сведения об организации Интернационала, его центрах и руководителях, которые посол сможет получить [141].

Инцидент Гогенцоллерна

2 июля 1870 г. «Газет де Франс» сообщила о выдвижении кандидатуры принца Леопольда Зигмаринген Гогенцоллерна, родственника прусского короля, на испанский трон, остававшийся «вакантным» после свержения королевы Изабеллы в результате революции 1868 г. 3 июля агентство Гавас официально подтвердило этот факт. На следующий день французский поверенный в делах Сурд сделал соответствующий запрос в Берлине. Тиле ответил, что прусское правительство не имеет касательства к этому делу, но воздержался от категорического утверждения, что оно ничего не знало о существовании переговоров между Мадридом и принцем Леопольдом и о их результатах [142]. «Все радовались отсутствию спорных дел и спокойствию политической обстановки в Европе...— писал по горячим следам событий Убри,— но известие из Мадрида напомнило тем, которые это забыли, что политическое спокойствие, скорее, внешнее и что современное положение Европы таит в себе многочисленные источники осложнений» [143].

6 июля, выступая в законодательном корпусе, французский министр иностранных дел Грамон под аплодисменты депутатов бросил перчатку Пруссии, угрожая войной в случае принятия кандидатуры принца Леопольда. Правительство Наполеона III предпочло попыткам дипломатического воздействия открытый вызов, требуя от Пруссии публичного отступления. Французский посол поставил Горчакова в известность о намерении своего правительства, не останавливаясь перед войной, воспрепятствовать воцарению Гогенцоллернов в Испании [144]. В таком же духе Грамон имел беседу с русским поверенным в делах в Париже [145]. В свою очередь, в Берлине русскому послу внушали, что Пруссию не пугает война. Бисмарк заявил, что современный момент благоприятен для Пруссии, имея в виду настроения в Германии и ее военную

подготовленность [146]. «Несколько дней достаточно, чтобы пополнить наши вооружения» [147]. Опасность войны становилась зримой.

Бисмарк придавал кандидатуре Леопольда большое значение и настойчиво инспирировал ее выдвижение. Он уверял прусского монарха, что воцарение Гогенцоллерна в Мадриде вызовет рост авторитета Пруссии в Европе и в Германии, окажет живительное влияние на немецкое национальное чувство, положит конец попыткам создания антипрусского блока католических держав и вместе с тем нейтрализует один-два французских корпуса в случае франко-германской войны, поскольку Франции придется считаться с Испанией как потенциальным прусским союзником. Чтобы преодолеть колебания Вильгельма, Бисмарк интерпретировал все это в качестве факторов, которые окажут на Францию сдерживающее влияние и, таким образом, будут способствовать предотвращению войны. Он запугивал в то же время короля возможностью провозглашения республики в Испании и ростом революционного движения в Италии и Франции в случае, если вступление Леопольда на испанский трон не состоится [148]. Когда в мае 1870 г. принц Леопольд по совету отца отклонил предварительный запрос из Испании, Бисмарк оказал давление на отца Леопольда князя Карла Антона [149], заставив его изменить позицию, и направил в Мадрид Лотара Бюхера, чтобы снова активизировать продвижение вопроса о передаче испанской короны Леопольду. 21 июня с согласия Вильгельма все было окончательно договорено с Салазаром, приехавшим в Германию в качестве уполномоченного маршала Прима.

Закулисная сторона событий оставалась тогда еще недостаточно известной русской дипломатии и прессе. Серьезность значения инцидента с испанским троном в Петербурге почувствовали лишь после выступления Грамона в законодательном корпусе. «Провокационный инцидент сам по себе не безнадежен,— писал Убри,— но речь французского министра в законодательном корпусе 6 июля перенесла вопрос в плоскость, где остается мало надежды на мирное решение» [150]. Воинственная позиция, занятая с самого начала Францией, европейской дипломатии представлялась слабо мотивированной. Бейст считал, что Франция должна была использовать дипло-

матические средства, обратившись с соответствующими представлениями к Испании и правительствам европейских стран «в твердом и умеренном тоне». Это выключило бы Пруссию из прямого участия в конфликте и, вероятнее всего, Пруссии пришлось бы отступить. Но даже если бы Пруссия настаивала на кандидатуре Гогенцоллерна, несмотря на советы Европы, «война разразилась бы в более морально благоприятных условиях для Франции» [151]. Подобного же рода мнение высказали послы Англии и Австрии и посланник Италии в Париже в интимной беседе с Окуневым 8 июля в приемной Грамона. Они соглашались, что Франция не могла не возражать против кандидатуры Гогенцоллерна, но заметили, что не было никакой нужды ставить вопрос в качестве казус белли, так как вопреки Франции Гогенцоллерн все равно не мог бы укрепиться на испанском троне, да и Мадрид не захотел бы ссориться с сильным соседом [152].

В русских дипломатических кругах еще в начале событий предполагали, что Бисмарк, по крайней мере, осведомлен о готовящейся интриге [153]. Окунев имел даже некоторые сведения о наличии длительного контакта испанского посланника по этому поводу с прусским правительством [154]. Журналисты, менее озабоченные последствиями своих заявлений, высказывались особенно определенно. «Московские ведомости» не сомневались в строго секретной договоренности между маршалом Примом и Бисмарком [155]. Петербургскому «Голосу» все дело представлялось как ловко осуществленная Бисмарком интрига [156]. Более реалистично отнеслась к событиям «Неделя». Подчеркивая инициативу Бисмарка в развязывании конфликта, газета одновременно возлагала значительную долю ответственности за его дальнейшее развитие на Францию, характеризуя инцидент как жалкий дипломатический маневр. Она писала: «Мы уверены в том, что Бисмарк действительно принимал участие в кандидатуре принца Леопольда, но и французское правительство приложило усилия, чтобы раздуть пламя» [157]. Из крупных русских газет лишь «Санкт-Петербургские ведомости» односторонне подчеркивали вину Франции в обострении конфликта. В разнообразии родственных уз Леопольда, по утверждению газеты, была достаточная гарантия беспристрастности его политики [158]. «Выбор кандидата, казалось, можно было назвать удачным,—

писала газета,— однако французские государственные деятели и журналисты «ударили в набат», лишний раз сказалось, как глубоко оскорблено мелочное самолюбие французских шовинистов успехами Пруссии в 1866 г.» Неуместной горячностью и резкостью французское правительство, по мнению газеты, «само отняло у Пруссии и принца Гогенцоллерна возможность отступить с честью» [159]. Позднее «Санкт-Петербургские ведомости» несколько изменили свое мнение, равномернее распределяя ответственность за обострение ситуации, и подчеркивали, что «нынешняя война имеет свои более глубокие причины, их не следует смешивать с подвернувшимся поводом» [160].

Из назревавшего столкновения двух сильнейших держав континента Россия могла надеяться извлечь пользу, в особенности при подчеркнутой готовности Пруссии оплатить русский нейтралитет. Горчаков не преминул намекнуть на это французскому послу, когда тот попытался запугать его возможными последствиями войны для России, чтобы побудить к активному дипломатическому воздействию на Пруссию [161]. Однако в Петербурге сознавали таящиеся в войне неожиданные осложнения, для разрешения которых Россия, переживающая стадию еще не завершенных реформ и серьезные экономические трудности, была плохо подготовлена. К тому же, как говорил Александр II, война могла сыграть на руку европейской революции [162].

С другой стороны, недостаточно ясно представлялись позиции Англии и Австро-Венгрии. В английских правительственных кругах заметно ощущалась тенденция к признанию в качестве уже свершившегося факта прусской гегемонии над всей Германией. Это проявилось, в частности, в упразднении английских дипломатических представительств в мелких германских государствах. «Морнинг пост» писала весной 1870 г.: «Единство Германии теперь столь реально и зрело, что каждая европейская держава должна, очевидно, сделать важный вывод, что фактически Пруссия и Вюртемберг или Бавария так же едины, как Пруссия и Ганновер» [163]. Бруннов считал, что британский кабинет будет стараться помешать франко-прусскому конфликту, но в случае его неизбежности отойдет в сторону и «сохранит полную свободу действий» [164]. Русский посол, с последующего одобрения

Петербурга, пытался побудить английское правительство сделать в Мадриде заявление относительно несвоевременности выдвижения кандидатуры Гогенцоллерна. Этим путем вопрос был бы перенесен в плоскость переговоров с Испанией, и согласие Испании снять кандидатуру Гогенцоллерна ликвидировало бы исходный повод для конфликта. Однако Гренвиль, прикрываясь парламентскими традициями, не позволяющими якобы Англии ущемлять свободу решений кортесов, уклонился от этого демарша, хотя и согласился, что, действительно, важно ограничить спор чисто испанскими рамками [165]. Англия избегала совместных действий с Россией, Италией или Австрией, каждая из которых была как-то связана с одной из участвующих в конфликте стран. Она отклонила итальянское предложение, сделанное 9 июля, решить спор путем согласованного вмешательства четырех незаинтересованных в нем держав [166]. Но воцарение Гогенцоллерна в Испании в какой-то мере затрагивало и английские интересы, так как с ним в некоторых политических кругах Испании связывались планы объединения Испании и Португалии, отвергаемые Англией. Это побуждало британское правительство все же к известной активности в Мадриде [167].

Австро-Венгрию в Петербурге имели основание подозревать в близости к Франции и в спекулятивных расчетах воспользоваться франко-прусскими противоречиями [168]. Все это заставляло русскую дипломатию занять сдерживающую, но вместе с тем и осторожную позицию, стараться избежать официальных посреднических акций, к которым ее побуждали Франция и Пруссия, каждая в своих интересах.

При встрече с прусским посланником 9 июля на параде в Царском Селе царь сказал, что не допускает мысли о возможности согласия короля Вильгельма с решением принца Леопольда принять испанскую корону. Испанская корона не стоит того, подчеркнул царь, чтобы поддерживать акт, который сам по себе не в состоянии снискать симпатии старых монархий и, кроме того, чреват осложнениями между Пруссией и Францией. Рейс, не располагая указаниями для определенного ответа, отделался маловразумительным замечанием: «Нельзя поставить около принца жандарма, чтобы помешать принять испанскую корону» [169].

Спустя некоторое время в русское посольство в Берлине была направлена секретная телеграмма следующего содержания: «Император настоятельно просит короля учесть серьезность момента. Может быть, еще возможно предупредить войну, если принц Леопольд возьмет на себя инициативу отвести свою кандидатуру, признав, что не может править Испанией» [170]. Горчаков, выехавший 10 июля на отдых в Висбаден, проезжая через Берлин, не упустил возможности встретиться там с Бисмарком, чтобы дополнительно пояснить мнение Петербурга [171]. Однако в своей деятельности в Германии русский канцлер исходил из более сложных расчетов. Он, например, через баварского министра иностранных дел Брея сделал некоторые предложения австрийскому правительству о выработке позиции «согласованного и лояльного нейтралитета», которая могла бы стать отправным пунктом и для серьезного сближения [172].

Отказ Леопольда от испанской короны, одобренный прусским королем и сообщенный 12 июля французскому правительству, на какой-то момент создал впечатление разрядки. Убри рискнул на этом основании даже попросить разрешения использовать свой отпуск, но в Петербурге не разделяли подобного оптимизма, и Александр II начертал на его донесении: «Я хочу, чтобы он остался на своем посту, пока вопрос не решен до конца» [173].

Известие о новом французском требовании прусскому королю — гарантировать, что и в будущем принц Леопольд не будет претендовать на испанский престол, вызвало большое недовольство в правительственных кругах России и основательно поколебало позиции Второй империи в Петербурге. «Требования, выдвинутые императором французов,— писал Горчаков,— трудно согласовать с миролюбивыми намерениями, заверения в которых были переданы нашему августейшему монарху» [174]. А Д. А. Милютин квалифицировал их как прямой «вызов на войну» [175].

Флери, поспешившему объясниться с царем, хотя и удалось смягчить впечатление от пристрастности германской информации о французских действиях [176], но он не смог убедить Александра в том, что французские требования справедливы и обоснованы вынужденной необходимостью. Император заявил, что не желает продолжать посредничество, которое при создавшихся условиях мог-

ло поставить Россию в напряженные отношения с Пруссией [177].

Грамон также старался оправдать перед Окуневым французский демарш, ссылаясь на то, что отказ Леопольда не адресован прямо Франции и не дает уверенности в том, что Леопольд не приедет в Испанию, как его брат Карл в свое время приехал в Румынию, поставив всех перед свершившимся фактом. Окунев заметил, что общественное мнение и пресса убеждены в намерении Франции развязать войну, а в случае, если нынешний инцидент будет исчерпан, изыскать новый повод для конфликта. Грамон тут же ответил: «Мы заявляем определенно, что не имеем никакой задней мысли, не ищем повода для войны и просим короля, желая помешать принцу Леопольду Гогенцоллерну действовать вопреки своему самоотречению. Если король согласится, мы найдем в этом достаточную гарантию на будущее, и инцидент будет исчерпан». По ходу беседы Грамон сформулировал это заявление на листке и вручил его Окуневу, как бы давая этим письменное заверение в отсутствии у Франции стремления развязать войну [178].

Французская дипломатия, стимулируя военную развязку, пыталась все же создать себе какое-то алиби [179]. Подобное желание и, видимо, также некоторые колебания Наполеона, всегда нуждавшегося во внешнем давлении при окончательном принятии чреватого риском решения, заставили императора Франции 14 июля при встрече с Меттернихом и затем в беседе с австрийским дипломатом Витцумом, утром 15 июля, разыграть живую заинтересованность в идее срочного созыва европейского конгресса с целью попытаться, если это не поздно, спасти мир. Он даже вполне официально уполномочил Витцума просить от его имени императора Франца Иосифа взять на себя инициативу подобного предложения [180]. Однако, когда Витцум, в тот же день встретившись с Грамоном, сказал ему об одобрении Наполеоном идеи конгресса, министр пришел в такое возбуждение, что австрийский дипломат не смог продолжать этот разговор [181]. 14-го утром Окунев также имел с Грамоном беседу относительно того, желает ли Франция обратиться к посредничеству держав. Грамон ответил отрицательно, но добавил, что Франция все же приняла бы предложение конгресса, «если бы оно было сделано». Тем не менее у Оку-

нева осталось твердое убеждение, что при этом Грамон не имел намерения побудить к предложению созыва конгресса, поскольку он быстро оговорился, что созыв конгресса в настоящий момент может оказаться беспредметным и своевременным конгресс будет только по завершении конфликта [182].

В эти дни в Париже была упущена возможность использовать для мотивировки своей позиции тот факт, что вопрос о кандидатуре Леопольда уже всплывал в марте 1869 г. и тогда в Берлине заверяли, что все это не имеет якобы серьезного значения. Когда Окунев поинтересовался у Грамона, почему этот факт не фигурировал в обзоре о переговорах с Пруссией, сделанном им законодательному корпусу 15 июля [183], французский министр сослался на нежелание окончательной компрометации берлинского кабинета, поскольку в тот момент отношения с Пруссией не были еще полностью порваны. Но из другого источника Окунев узнал, что главной причиной явилась забывчивость чиновников французского министерства иностранных дел: никто не помнил о соответствующем донесении Бенедетти от 31 марта 1869 г. Лишь по возвращении Бенедетти в Париж удалось подготовить эти данные для циркулярной депеши Грамона от 24 июля 1870 г.[184]

Французское требование гарантий осложнило международное положение Второй империи, создав твердое впечатление в Европе о воинственности ее политического курса. Оно дало сильное оружие в руки Бисмарка для давления на южногерманские государства в качестве доказательства того, что вопрос о Гогенцоллерне лишь предлог для форсирования антипрусских и антигерманских планов Наполеона III. «Мы могли бы надеяться в случае конфликта на нейтралитет Юга (Германии.— *Л. Ш.*), теперь мы на него не можем рассчитывать»,— писал 13 июля французский посланник из Штутгарта [185]. Отклики на французский демарш в Мюнхене и в Бадене подтверждали это мнение [186].

Английское правительство сочло нужным отмежеваться от какой-либо поддержки французской акции. Утверждение Грамона в законодательном корпусе, будто бы все державы признали справедливость французских требований, вызвало заявление британского посла, который подчеркнул, что сказанное не применимо по отноше-

нию к Англии [187]. Действительно, еще в ночь на 13 июля в Париж прибыла телеграмма Гренвиля, предупреждающая об огромной ответственности, которая падает на Францию, если она, стараясь расширить мотивы для развязывания войны, не удовлетворится отказом принца Леопольда как решением вопроса. Утром 13 июля английский посол довел содержание телеграммы до сведения Грамона [188].

В Петербурге, как уже отмечалось, тоже выразили недовольство поведением Франции. Александр II был уверен, что его вмешательство решающим образом сказалось на смягчении конфликта. Горчаков писал, что именно русский император внушил прусскому королю мысль «обязать принца Леопольда отказаться добровольно» от предложенного ему трона, но последовавшие затем новые требования Франции «не допустили успеха этих примирительных попыток» [189]. Несмотря на то что в беседе с Флери царь отказался от продолжения посреднической миссии, русская дипломатия не снижала активности в последние предвоенные дни. Руководствуясь секретной депешей Горчакова из Берлина от 13 июля, Бруннов пытался побудить английское правительство воздействовать на ход событий, выдвигая, в частности, идею подписания всеми великими державами коллективного протокола, в котором будет зафиксировано заявление прусского короля, предназначенного придать отказу Гогенцоллерна значение европейского акта [190].

К Англии апеллировало и баварское правительство, сталкивающееся с сильной оппозицией ультрамонтанов и демократических группировок в вопросе о поддержке Пруссии в надвигающейся войне. Брей через английского посланника просил, чтобы Форин оффис предложил Франции и Пруссии принять принцип, которому последовали в свое время в Греции,— члены правящих династий великих европейских держав не могут приглашаться на иностранный трон [191]. Британский совет министров снова продемонстрировал нежелание прибегнуть в какой бы то ни было форме к коллективному демаршу. Он решил рекомендовать Пруссии исчерпать инцидент с помощью просто письма прусского короля, в котором король выразил бы свое одобрение по поводу отказа принца Леопольда от испанского трона, предполагая, что это удовлетворит Францию и она откажется от настояний на га-

рантиях в отношении будущего [192]. Бисмарк, не вдаваясь в обсуждение, отклонил этот вариант, расценив его как оскорбительный для национального чувства в условиях сложившихся в Германии общественных настроений [193]. Тогда телеграммой в Берлин и Париж 15 июля Гренвиль напомнил XXIII протокол от 14 апреля 1856 г., предусматривающий обращение спорящих держав к дружественным посредническим услугам других держав, прежде чем начать войну, и предложил английское посредничество [194]. Франция отклонила английский демарш [195]. Не больший успех он имел в Берлине [196].

В ночь на 19 июля в качестве последней попытки Убри было телеграфировано предложить прусскому королю адресовать России и Англии заявление в форме ответа на настояния России, одобряющее и подтверждающее отказ Леопольда от испанского трона как окончательный [197]. Но дополнительные требования Франции и затем пресловутая «эмсская депеша», провокационно «отредактированная» Бисмарком, так форсировали ход событий, что эта русская акция оказалась собственно запоздалой. В этот день уже последовало официальное объявление войны Францией [198].

Разобщенность великих держав Европы, находившихся вне конфликта, наличие разъедающих их среду противоречий не позволили создать реальное препятствие военной развязке. Изолированные посреднические акции отдельных стран не могли быть действенными тем более, что они носили весьма малообязывающую форму. Попытки же организовать коллективное давление на спорящие стороны остались без результата. Особенно эгоистичный характер носила политика Великобритании, всегда тяготевшей к игре на континентальных противоречиях. И хотя для Англии в 1870 г. война, скорее всего, была нежелательной, поскольку она могла бы активизировать восточные планы России и привести к более определенному перевесу одной из главных континентальных держав, поведение ее дипломатии облегчило правящим кругам Франции и Пруссии их задачу в области развязывания войны.

С началом войны развернулось дипломатическое сражение за общественное мнение. Обе стороны изощрялись в доказательствах агрессивности своего противника и, следовательно, его ответственности за случившееся.

Французы прибегли к разоблачениям смысла «эмсской депеши», опираясь на то, что фактические события в Эмсе не соответствовали духу этой депеши и что именно поэтому она носит печать явной провокации [199]. Они пытались спекулировать своей ролью в секретных переговорах о разоружении в начале 1870 г. (некоторые данные об этих переговорах были напечатаны в газете «Либертэ») и добивались от английского правительства согласия снять печать секретности с этих переговоров, свидетельствующих якобы о том, что Франция искала путей избежать войны [200].

Но Гренвиль дал понять, что ему трудно пойти здесь навстречу французским желаниям, сославшись на то, что «положение британского правительства внушает ему абсолютную осторожность в отношении обеих воюющих держав» [201]. После повторных настояний французского посла в беседе, которая состоялась 23 июля, британский министр иностранных дел согласился только с тем, что у Франции и Пруссии нет оснований сохранять в отношении переговоров ту сдержанность, которую сохраняет Англия [202]. Это дало возможность Грамону обратиться к теме переговоров относительно разоружения в своей циркулярной депеше от 3 августа [203]. Роль подрывной мины здесь играло упоминание, что Бисмарк сослался на Россию, мотивируя свой отказ принять английское предложение о разоружении. «Но он (Бисмарк.— *Л. Ш.*) особенно подчеркнул озабоченность, которую внушает ему политика России, и высказал при этом частные соображения о петербургском дворе, о которых я предпочитаю умолчать, не решаясь воспроизвести оскорбительные (blessantes) инсинуации»,— писал Грамон. Это звучало провокационно, сея в России подозрения относительно намерений Бисмарка. Когда Окунев, естественно, заинтересовался уточнением причин озабоченности прусского министра-президента, Грамон пояснил, что Бисмарк выражал недоверие политике русского правительства, а также опасения относительно здоровья царя и по поводу того, что в случае несчастья на трон вступит цесаревич, враждебно настроенный в отношении Пруссии [204].

Бисмарк не остался в долгу. Он передал в распоряжение «Таймс» проект договора, написанный рукой французского посла в Берлине Бенедетти и якобы предлагавшийся прусскому правительству в 1867 г. После того как

25 июля «Таймс» опубликовала этот документ, его перепечатали германские газеты. Оригинал демонстрировался Бисмарком иностранным дипломатам. Убри для этой цели был приглашен в прусское министерство 25 июля, но еще 19 июля Бисмарк в ходе беседы с ним, как бы к слову, сказал о существовании в его бумагах подобного документа [205]. 19 июля этот проект договора был передан прусским послом в Лондоне Гладстону и Гренвилю [206].

Проект предусматривал оборонительный и наступательный союз с Пруссией на условии, что Франции обеспечивается аннексия Бельгии и Люксембурга, а Северогерманский союз в этом случае вправе включить в свой состав южногерманские государства. Цель публикации была ясна — продемонстрировать французскую агрессивность и неуважение к договорам (Пражский мир запрещал объединение Северной и Южной Германии), обосновать тезис о заинтересованности Франции в войне и в использовании как предлога инцидента с испанским престолонаследием. Эта публикация должна была возбудить беспокойство Англии по поводу судьбы Бельгии.

В дуэли, которая развернулась тут же между французской и немецкой прессой, французская сторона ссылалась на то, что сам Бисмарк по своей инициативе предлагал Франции компенсации за ее нейтралитет в войне 1866 г. и что именно он подталкивал французскую дипломатию к агрессии за счет Люксембурга и Бельгии, вовлекая в переговоры по этому поводу. Бенедетти опубликовал опровержение прусской версии происхождения договора (письмо от 29 июля, напечатанное в «Журналь офисьель», перепечатанное, в частности, и русскими газетами) [207]. Он заявлял, что как такового проекта договора французское правительство не предлагало, что имеющийся в руках Бисмарка текст был написан Бенедетти во время переговоров под диктовку и по просьбе Бисмарка без всякого, естественно, официального значения, причем на последующие сообщения в Париж о записанном им проекте Бенедетти не получил оттуда одобрительного ответа, и переговоры прервались.

Однако Бенедетти не мог привести точных доказательств, а репутация наполеоновской империи была уже настолько скомпрометирована, что никто не был бы удивлен, если бы все, что ей вменялось в вину прусской

прессой, оказалось правдой. И Оливье впоследствии должен был признать, что Бисмарк торжествовал [208], хотя торжество его не было полным. При всем раздражении намерениями Франции, выставленными Бисмарком, в английском общественном мнении и политических кругах возникли сильные сомнения в чистоплотности поведения самого канцлера. Английская королева Виктория была убеждена, что Бисмарк и Бенедетти с помощью этого договора хотели перехитрить один другого и оба одинаково виноваты [209]. Рассел, выступая в палате лордов, в равной степени осудил обе стороны [210].

«С опубликованием истории, касающейся договора (о Бельгии),— писал Маркс,— Бисмарк тоже перестарался. Даже респектабельные круги Лондона не отваживаются больше говорить о честности Пруссии. Макер и К°! Я вспоминаю, впрочем, что незадолго до 1866 г. читал в газете достойного Брасса («Норддойче цайтунг».— *Л. Ш*). и в «Kreuz-Zeitung» статьи, в которых Бельгию поносили как «гнездо якобинцев» и рекомендовали Франции ее аннексировать» [211].

Впечатление, что Бисмарк не чист в инциденте с проектом, осталось и у русских дипломатов. «Я не знаю,— писал Убри,— хорошо ли Бисмарк сделал, опубликовав договор Бенедетти, но не доказав собственной невиновности» [212].

В качестве реакции на своеобразный демарш Бисмарка последовало обращение английского правительства к обеим воюющим державам с настоянием обновить гарантии бельгийского нейтралитета, выражающее готовность Англии объединиться с одной из воюющих держав, если другая нарушит нейтралитет Бельгии. Причем участие Англии в войне будет ограничиваться защитой бельгийской территории. Такие договоры были подписаны 9 августа с Пруссией, 11 августа с Францией [213]. Их оборотной стороной была компрометация автоматической действенности старых договоров [214].

На первых порах Александр II в беседе с английским послом сказал, что не видит необходимости в дополнительных гарантиях бельгийского нейтралитета, но не возражает против них в интересах согласия с Англией. Однако, когда британский кабинет уточнил суть своего предложения и включил в него конвенцию о совместных действиях против державы, нарушившей нейтралитет

Бельгии, русская дипломатия изменила свое мнение. Бьюханену было заявлено, что «соглашение о принудительных мерах, когда обе воюющие стороны заявили публично о своем уважении бельгийского нейтралитета, было бы неоправданным дурным прецедентом (movais procedé)», и выражено сожаление по поводу того, что Англия «готова выйти из состояния изолированного нейтралитета, лишь когда затрагиваются частные английские интересы». Таким образом, в Петербурге явно отрицательно относились к эвентуальным сепаратным связям Англии с воюющими державами, вытекающими из этой конвенции. Если бы английское правительство хотело бы, писал Вестман, «вступить с нами в более широкое соглашение в пользу восстановления мира и охватить им все вопросы, которые связаны с этим, в частности Данию, оно всегда нашло бы нас расположенными договориться об идентичной позиции и тоне...» [215]

Глава IV

Начало войны и русский нейтралитет

Русская декларация о нейтралитете

19 июля 1870 г. Франция объявила Пруссии войну. Бисмарку удалось, следовательно, с помощью провоцирующих дипломатических ходов заставить правительство Наполеона III взять на себя инициативу военной развязки.

Еще 14 июля вечером в столицы южногерманских государств телеграфировали из Берлина, предупреждая, что всякая задержка или сомнение в казус федерис будут рассматриваться Пруссией как отказ от союзных обязательств со всеми вытекающими последствиями [1]. На следующий день Бисмарк потребовал отзыва представителей южногерманских государств в Париже в тот момент, когда прусский посол заявит о разрыве дипломатических отношений и потребует свои паспорта [2]. Грубые просчеты французской дипломатии облегчили Бисмарку использование национальных мотивов для обоснования войны как необходимого средства противодействия наполеоновским стремлениям к вмешательству во внутренние германские дела с целью не допустить полного объединения Германии. Это, в свою очередь, приглушило оппозицию в государствах Южной Германии, нараставшую накануне войны, и предрешило их вступление в войну на стороне Пруссии. «Германия едина бо-

лее чем когда-либо. Современная война сцементирует ее еще больше, чем политическая деятельность, которая ведется в этом направлении»,— делился своими прогнозами с Горчаковым русский посланник в Берлине [3].

Демонстративное нежелание Второй империи согласовывать свои действия с внешнеполитическими интересами России, чтобы создать серьезную базу для сближения, во многом определило позицию Россию в 1870 г., толкая ее к более тесным контактам с Пруссией. В политике царского правительства стало превалировать стремление использовать борьбу Пруссии для предотвращения угрозы воссоздания крымской комбинации и ликвидации пут, сковывающих Россию на Черном море. Сказывались также родственные династические интересы, заинтересованность части русских помещиков в хлебной торговле с Пруссией и, наконец, общая заинтересованность царизма и прусской монархии в том, чтобы помешать возникновению независимой Польши.

На свой вопрос русскому посланнику 14 июля [4]: допустит ли Россия разгром Пруссии, рискуя увидеть французов в Берлине,— Бисмарк получил из Петербурга заверения в сотрудничестве против Австрии, если та вмешается в войну в качестве французского союзника. Александр II известил прусского короля, что в этом случае он постарается парализовать австрийские вооруженные силы армией в 300 тыс. человек и, если потребуется, вторгнется в Галицию [5]. Была удовлетворена просьба Бисмарка оставить Пруссии для морских крепостей, недостаточно обеспеченных артиллерией, пушки, заказанные Россией у Круппа [6]. Но так как прусское командование взяло только 9-дюймовые орудия, то 11-дюймовые Бисмарк дал разрешение транспортировать в Россию через Эйдкунен [7].

Царская дипломатия старалась избегать шагов, которые могли бы комментироваться в антипрусском духе. Поэтому, например, было решено отложить переезд Бруннова в Париж к своему новому посту, поскольку в условиях начавшейся войны это могло произвести неблагоприятное впечатление в Пруссии [8].

22 июля, на четвертый день войны, была опубликована царская декларация о нейтралитете России. Границы нейтралитета определялись формулой: «пока случайностями войны не будут затронуты интересы России» [9].

В декларации ничего не говорилось о зависимости русского нейтралитета от нейтралитета Австро-Венгрии, но русская дипломатия немедленно зафиксировала внимание Вены на наличии этой связи. Австрийскому послу Александр II лично заявил, что он намерен соблюдать строгий нейтралитет, «пока не будут затронуты прямые интересы России». И пояснил: «Прямым интересом России я считаю польский вопрос, с которым я не могу примириться. В момент же, когда вы примете вооруженную и угрожающую позицию, этот вопрос возбудится, и я, хотя и против желания, должен буду перейти к вооруженному нейтралитету и направить к вашей границе войска» [10]. В стремлении прочнее нейтрализовать Австрию царь заверил от своего имени и от имени прусского короля, что безопасность ее границ гарантируется, если Австрия останется спокойной [11]. И уже не только с целью укрепить австрийский нейтралитет, а в силу того, что русское правительство не собиралось оставлять за Бисмарком полную свободу действий и на этой почве желало заручиться возможностью контакта с Австрией, Александр высказался за предоставление Австрии протектората на Юге Германии. При наличии австро-русского согласия в этом вопросе, заключил царь, «мы всегда найдем средство заставить выслушать нас даже победоносную Пруссию» [12].

Еще более определенно царь высказался по этому поводу перед Берхтольсхеймом, австрийским военным уполномоченным при его императорской особе, которого Александр II специально пригласил в Красное Село, чтобы через него установить контакт с Францем Иосифом, минуя Бейста. Царь просил передать австрийскому императору, что нет оснований опасаться последствий военного успеха Пруссии, «так как к концу этой войны найдется средство, чтобы добиться положения, более терпимого для всего мира (tout le monde)» [13].

В связи с декларацией о нейтралитете в правительственных и военных кругах России взвешивался выбор между невооруженным и вооруженным нейтралитетом. Горчаков был против последнего варианта. Имеются данные, что он также отрицательно относился к обещанию царя выставить при нарушении Австрией нейтралитета на ее границе обсервационную армию [14] и что одним из мотивов, побудившим его воспользоваться отпуском в

момент франко-прусского конфликта, было желание устраниться от участия в решении этого вопроса, оставив его на ответственности царя [15]. По мнению Рейса, не отсутствуй Горчаков, царь вряд ли решился бы обещать прусскому королю парализовать австрийские силы в случае, если Австрия объявит войну [16].

Судя по письму Жомини [17], помощника Горчакова, к Д. А. Милютину от 24 июля 1870 г., министерство иностранных дел интересовалось мнением военного руководства по этим вопросам. На его рассмотрение представлялись следующие варианты. Австрия занимает позицию вооруженного нейтралитета, тогда и Россия придает своему нейтралитету вооруженный характер — это ясно. Австрийский вооруженный нейтралитет полезен Франции, вынуждая Пруссию держать обсервационные силы в Богемии, русский же нейтралитет благоприятен в любом варианте (вооруженном или невооруженном) Пруссии, освобождая ее от необходимости усиленной охраны границ с Россией. Но что предпринять, если Австрия изберет невооруженный нейтралитет,— «должны ли мы взять на себя инициативу мер военной предосторожности или оставить ее за Австрией?» По мнению министерства иностранных дел, в этом случае невооруженный нейтралитет России был бы даже выгоднее Пруссии, так как удерживал бы Австрию от перехода к вооруженному нейтралитету, позволяя Пруссии сосредоточить свои силы на Рейне и сократить войска в Богемии. Вся трудность такого решения вопроса заключалась в том, указывал Жомини, «можем ли мы остаться безоружными перед лицом этого страшного кризиса? в состоянии ли мы собрать вовремя силы, необходимые для того, чтобы гарантировать нас от возможных его последствий; не рискуем ли мы быть опереженными нашими противниками?» [18]. У русских дипломатов были основания при этом предполагать, что в Австрии «берет верх пассивный нейтралитет». Вестман писал: «Давление австрийцев (симпатизирующих Пруссии) и венгров (которые, несмотря на их расположение к Франции, не хотят войны) ставит Бейста в затруднительное положение» [19]. Убри также высказывал мнение, что Австрия не решится на выступление, «германское население и Венгрия мало расположены поддержать подобную политику, да и финансовое состояние страны и внутриполитические трудности диктуют ей воздержание» [20].

Но в то же время нельзя было считать подобную позицию Австрии заранее предрешенной. Многое зависело от давления Франции, а главное — от хода военных событий [21].

Д. А. Милютин был сторонником невооруженного нейтралитета. Еще во время австро-прусской войны 1866 г. министерство отказалось от особых военных приготовлений, учитывая помимо финансовых и политических соображений то обстоятельство, что недавно введенная в русской армии система не требовала формирования новых частей, а лишь развертывания существующих до норм военного времени. Это облегчало и ускоряло мобилизационные мероприятия. В докладе царю 1 января 1869 г., анализируя результаты реорганизации русской армии, начатой в 1862 г., Милютин особо подчеркнул значительный рост численности подготовленного запаса (со 190 тыс. в 1865 г. до 483 тыс. человек к 1 января 1869 г.), что обеспечивает при необходимости более быструю мобилизацию армии [22].

31 июля 1870 г. Милютин направил предписание русскому военному агенту в Австро-Венгрии Ф. Таркову тщательно следить за деятельностью австрийского военного ведомства и не упустить начала военных приготовлений с австрийской стороны, поскольку решено, что Россия до этого момента останется на мирном положении. «В последнее время,— пояснял Милютин,—мы должны были избегать всяких лишних расходов и употребляли все меры к уменьшению военного бюджета. Поэтому для нас чрезвычайно важно не упустить драгоценного времени, чтобы начать приготовления, лишь только предвидится в них надобность» [23]. Главный штаб получил указание давать еженедельные сведения о подготовке армии в случае необходимости к переходу на военное положение. Серией распоряжений начиная с 22 июля были временно оставлены в строю отслужившие свои сроки казачьи полки и части, отменены отпуска, укомплектованы 15 пехотных дивизий, ускорено перевооружение пехотных дивизий западных округов винтовками Крика, приняты меры для пополнения боезапасов, увеличения производства пороха и т. п.[24] Таким образом, избегая явных и серьезных военных приготовлений, Россия обеспечивала исходные позиции для скорейшего по возможности перевода армии на военную ногу, когда это потребуется обстоятельствами.

Поскольку в последние годы габсбургская империя считалась в России вероятным военным противником, в военном министерстве и главном штабе имелись уже раньше наметки плана действий в случае австро-русской войны и предположения относительно возможного театра войны и мер, необходимых для его стратегического укрепления. В ноябре 1867 г. были разработаны «предварительные соображения на случай войны» [25], а несколько позднее, видимо, в 1868 г., генерал Обручев подготовил «Общие соображения о выборе пунктов обороны в юго-западном пространстве, пограничном с Австрией, и о проведении в оном железной дороги». Обручев предполагал, что, вероятно, военные усилия Австрии будут нацелены прежде всего на Царство Польское, тогда как в направлении Киева будут вестись лишь отвлекающие операции, ибо, если Польша, писал он, останется в русских руках, «никакие успехи австрийцев на Волыни и Подолии не могут быть прочны» [26].

Сомнения в прочности австрийского нейтралитета и недоверие к политике Англии заставили вскоре после начала войны уточнить мероприятия на случай вступления России в войну. По этому поводу Милютин 21 августа представил доклад царю. Оценив австрийские силы в 500—600 тыс. человек, из которых, за вычетом войск, необходимых для несения охраны других границ и внутри империи, по его расчетам, против России могла быть выставлена 400-тысячная армия [27], Милютин утверждал, что это позволяет при нейтралитете других европейских держав ориентироваться в войне с Австро-Венгрией на наступательную тактику. Основа плана, предложенного Милютиным, сводилась к сосредоточению на австрийских границах двух армий — одной в Царстве Польском до 350 тыс. человек, другой на Волыни — 117 тыс. человек. В Польше и в западной части страны накапливаются значительные резервы, которые одновременно должны были обеспечивать «порядок» среди польского населения. Предусматривались военные силы для наблюдения за Турцией даже в случае, если та и не приняла бы открыто сторону Австрии.

На протяжении франко-прусской войны военное руководство России поддерживало контакты с командованием прусской армии. К главной квартире прусской армии был прикомандирован полковник Генерального шта-

ба барон Зеедлер, русские офицеры также находились при крупных соединениях прусской армии. Милютин выражал готовность направить русских представителей и во французскую армию, но французское правительство «с открытия войны объявило решение не допускать в своих армиях присутствия иностранцев» [28].

Россия и Австро-Венгрия

Еще накануне войны, весной 1870 г., внимание правительственных кругов России притягивал разразившийся политический кризис в Австрии, в ходе которого пало правительство Гаснера — Гискры и австрийским министром-президентом стал А. Потоцкий. Серия депеш русского посольства в Вене в апреле и мае была посвящена исключительно внутренним австрийским делам — политике Потоцкого, борьбе чехов, положению в Галиции.

Особое внимание возбуждала в Петербурге активизация польских аристократических кругов в Галиции, выступления князя Чарторыйского с проектами перехода Польши и Румынии под суверенитет австрийского императора (в качестве возмещения России намечалась украинская часть Галиции и Буковина) [29]. Чарторыйский пропагандировал идею неразрывной связи судьбы Польши с настоящим и будущим австро-венгерской монархии [30]. В русском посольстве подозревали, что к выступлениям Чарторыйского причастен Бейст и, следовательно, за ними скрываются официальные австрийские расчеты [31]. Эти подозрения возникли, еще когда журналист Клячко, считавшийся доверенным лицом Чарторыйского и открыто афишировавший свою враждебность к России в многочисленных статьях в «Ревю де дю монд» и в других органах прессы, в начале 1870 г. был вызван в Вену для сотрудничества в министерстве иностранных дел. Александр II выразил тогда австрийскому послу свое недовольство по этому поводу [32].

В инструкции Новикову, который в начале июля 1870 г. переводился из Афин на пост посла в Вену, очень резко подчеркивалось недовольство так называемым польским предпочтением в политике австрийского правительства: «Эти полумеры бесплодны, они не могут удовлетворить галицийских поляков и в то же время поощря-

ют их». Новикову рекомендовалась роль бдительного, но осторожного наблюдателя: «Путь, который венский кабинет, кажется, избирает,— не тот, который ведет к сближению. От него зависит определить наши отношения. Избранное направление внутренней организации империи неизбежно окажет на это решающее влияние» [33].

У русских дипломатов помимо этого складывалось впечатление, что центр правительственной жизни в габсбургской империи перемещается из Вены в Пешт [34]. Это влекло озабоченность России возможными сдвигами в австро-венгерской внешней политике. В Пеште много говорили о создании Дунайско-Вислинской конфедерации, но особенно настойчиво здесь обсуждалась идея вторжения в Турцию. В этом случае «наше положение будет исключительно трудным», писал Орлов и уточнял: «Пруссия, очевидно, останется нейтральной, Великобритания, вероятно, будет на стороне Турции, никто не в состоянии предвидеть, что сделает Франция. Следовательно, России придется самой решать: поддержать ли Турцию, выступив против Австро-Венгрии, или предпочесть двинуть свои армии против Османской империи. Дай бог, чтобы эта дилемма представилась возможно позднее» [35].

Царское правительство при каждом крутом повороте европейских событий вынуждено было задумываться о возможном резонансе этих событий в Польше. С началом войны из западных губерний стали поступать сведения об активизации польской шляхты [36]. Тревогу вызывали некоторые меры австрийского правительства, предпринятые в Галиции. Стало известно, что во Львове, Тарнополе, Збараже открылись магазины, торгующие оружием, изъятым в 1863, 1864 гг. у участников польского восстания, эмигрировавших в Австрию [37]. По этому поводу через Хотека Горчаков сделал представления в Вене [38]. Из Вены шли встречные обвинения в поощрении Россией панславистской пропаганды и деятельности.

При определении австрийской позиции в начавшейся войне руки так называемой «дворцовой партии» (консервативная аристократия и военные верхи) с ее крайне реваншистской платформой были связаны венгерской оппозицией, добивавшейся сохранения нейтралитета. Позиция правящих кругов Венгрии в начале войны, подсказываемая антипрусскими и антирусскими настроениями, складывалась в пользу Франции. «Пешти напло» оправ-

дывала поведение Франции в вопросе об испанском престоле заботой об европейском равновесии и мире [39]. Однако Венгрия не стремилась ради Франции ввязываться в войну с Пруссией, опасаясь ответного вмешательства России, и не хотела присоединения к Австрии германских территорий, поскольку это нарушило бы существующее равновесие между частями империи в пользу Цислейтании. «Победа им кажется, следовательно,— писал французский дипломат,— столь же опасной, как и поражение» [40]. К тому же в венгерских кругах в начале войны преобладала уверенность в успехе Франции.

Немецкая либеральная партия тоже противилась участию Австрии в войне против Пруссии. Через свою прессу она старалась активизировать главным образом чувство германской родственности и оживить старые обиды на Францию. «Фрайе прессе» писала, что «печальные воспоминания о Богемии не должны заслонять подобных же воспоминаний о Сольферино» [41]. Почти сто городских и сельских организаций партии обратились к императору с петициями в пользу нейтралитета [42]. Подобный же адрес был составлен венским муниципалитетом [43]. При всей враждебности к Гогенцоллернам и прусскому юнкерству, выбивших почву из-под великогерманских вожделений австрийских буржуазных либералов, здесь понимали, что реванш меньше всего осуществим через участие в антигерманской войне в качестве французского союзника. Притом в либеральных кругах пабаивались, что война укрепит положение абсолютистско-феодальных сил в Австрии в ущерб конституционной системе [44].

Бейст, правда, уже несколько приспособил официальный смысл реваншистской программы к противоречивым взглядам руководящих партий империи — венгерской партии Деака, конституционной партии немецких либералов и «дворцовой партии». Главной целью бейстовской политики в отношении Германии стало обеспечение незыблемости «линии Майна», недопущение прусского господства над южногерманскими государствами. Таким образом, Бейст формально отказался от борьбы за восстановление Австрии в роли ведущей германской державы, так как это было связано с острыми внутриполитическими осложнениями [45].

Позиция рабочего класса в обеих частях империи тоже сулила правительству немало трудностей. Рабочие

демонстрации, прошедшие в июле 1870 г. в Вене и Будапеште, выдвинули требование политических свобод и мира [46].

18 июля собравшийся в Вене под председательством императора коронный совет, на котором помимо общеимперских министров, министров-президентов Австрии и Венгрии присутствовал эрцгерцог Альберт, представлявший военное руководство, пришел к заключению, что в данный момент Австро-Венгрия не может принять участия в войне. К этому мнению вынуждены были присоединиться и представители «дворцовой партии», главным образом учитывая военную неподготовленность габсбургской империи для немедленного вмешательства. Однако в принятом решении подчеркивалась относительность нейтралитета («пока соблюдать нейтралитет») и предусматривалось «вынуждаемое положением вещей» вооружение, и прежде всего «требующие времени виды подготовки»— работы по сооружению укреплений, покупка лошадей [47].

Анализ источников позволил венгерскому историку Иштвану Диосеги прийти к выводу, что в конечном счете все группировки правящих классов габсбургской монархии предполагали в скобках за нейтралитетом подготовку Австро-Венгрии к участию в войне или, по крайней мере, использование, опираясь на силу своего оружия, плодов французской победы. Расхождения вызывали определение момента и обстоятельств, при которых Австро-Венгрия должна была включиться в войну, а также стадий (материальных и дипломатических), которые должна пройти ее подготовка. Представители «дворцовой партии» преимущественно считали, что вступление в войну обусловливается лишь достижением военной готовности как таковой. Бейст связывал этот момент с французской победой, а Андраши, представлявший точку зрения венгерских правящих кругов,— с русским вмешательством. Ему казалось, что в случае поражения Пруссии Россия, чтобы обезопасить свое господство в Польше, попытается обязательно захватить Галицию и тогда можно было бы вместе с победоносной французской армией выступить против России [48].

В ходе дискуссии были сделаны даже попытки уточнить время вступления Австрии в войну. Эрцгерцог Альберт полагал, что между 27 и 30 июля французские вой-

ска будут в состоянии переправиться через Рейн. Пруссия завершит свою подготовку между 1 и 4 августа, следовательно, в начале сентября следует ждать генерального сражения, которое потребует от Австрии решения [49]. Военный министр Кюн, тоже представлявший «дворцовую партию», был не столь уверен во французских победах и допускал возможность победы Пруссии. Поэтому он предлагал не ждать первого решающего успеха Франции, а вступить в войну тотчас по завершении военной подготовки Австрии, чтобы быстрым вмешательством парализовать возможность прусского триумфа [50].

С целью заручиться возможностью политического маневра Бейст еще в преддверии войны поспешил в инструкциях послу в Париже очертить строгими рамками австрийскую позицию. Он дезавуировал заявление Грамона в совете министров о том, что Австрия выставит обсервационный корпус в Богемии. «Единственное определенное обязательство, которым мы связаны, является обязательство,— писал Бейст,— содержащееся в письмах обоих императоров: не договариваться с третьей державой без ведома друг друга... Этого обязательства мы будем придерживаться скрупулезно». Помимо того австрийский министр заверил, что Франция может быть уверена в дипломатической поддержке Австро-Венгрии. «Мы всегда заявляли, что охотно обязались бы выступить активно, если Россия примет сторону Пруссии,— пояснял Бейст,— но если та одна будет воевать против Франции, мы сохранили бы право остаться нейтральными» [51]. Он не преминул добавить, что Франция своими выступлениями создала из вопроса о кандидатуре Гогенцоллерна германскую проблему и этим сделала невозможным вмешательство Австрии, «учитывая настроения ее собственного немецкого населения» [52].

Тем не менее Бейст не собирался еще хоронить программу военного союза с Францией, ибо тогда вообще пришлось бы отказаться от осуществления антипрусских реваншистских целей. 20 июля вслед за официальной депешей, которая, как он и ожидал, вызвала разочарование в Париже, Бейст направил Меттерниху личное письмо, написанное в ином ключе. Подробно разъясняя внешние и особенно внутренние обстоятельства, мешающие Австрии сейчас выйти за пределы нейтралитета, он подчеркивал в заключение: «В этих условиях слово «нейтрали-

тет», которое мы произносим не без сожаления, внушается нам повелительной необходимостью и логической оценкой наших общих интересов. Но этот нейтралитет — только средство приблизиться к действительной цели нашей политики, единственная возможность пополнить наши вооружения, не подвергаясь внезапному нападению Пруссии или России прежде, чем мы окажемся в состоянии обороняться» [53].

Франция и Австро-Венгрия

Во Франции связывали с Австро-Венгрией определенные расчеты. Прежде всего надеялись при австрийском содействии нейтрализовать южногерманские государства. «Пока имеется одна услуга, которую венский кабинет способен нам оказать — это помочь нам сохранить благоприятные позиции Вюртемберга и Баварии»,— писал Грамон французскому поверенному в делах в Вене 14 июля [54]. 17 июля он телеграфировал в Вену, что настал момент для Австрии использовать все влияние, которое она сохранила в этих государствах, чтобы возможно более оттянуть или ослабить их кооперирование с Пруссией, если невозможно добиться их нейтралитета [55]. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты Бейстом, но австрийский министр не мог скрыть, что они имели незначительный успех [56].

Однако в Париже не ограничивались надеждами на дипломатическую поддержку Австро-Венгрии. От нее добивались более прямого материального давления на ход событий: пропуска через австрийскую территорию в направлении баварской границы 70-80-тысячной французской армии, выставления 150-тысячного корпуса в Богемии и мобилизации 200-300-тысячной армии. Если Австрия выполнит эти условия, сулил Грамон, то мир будет подписан в Берлине и Австрия сотрет «славным договором» все воспоминания и последствия 1866 г. «Никогда,— убеждал он Бейста,— подобный случай не представится вновь, никогда вы не найдете поддержки столь реальной, никогда Франция не будет столь сильной, как сегодня,— лучше вооруженной, лучше экипированной, воодушевленной бо́льшим энтузиазмом» [57].

Результаты коронного совета от 18 июля в Вене французский поверенный в делах оценил довольно оптими-

стично: «Не решив относительно немедленной помощи, он (совет.— *Л. Ш.*) все же принял решения, благоприятные нам. Я думаю, можно надеяться на более активную помощь» [58]. Казо считал, что Бейст нуждается в известном сроке, чтобы «подготовиться морально и материально» к событиям, которые застигли его врасплох быстротой своего развития. «В совете, который только что состоялся под председательством императора,— сообщал он Грамону,— тон канцлера был очень благоприятен нам, и в только что объявленном вооруженном нейтралитете мы не должны усматривать меру, противную нашим интересам». Сведения, полученные Казо из разных источников, наводили его на мысль, «что венский кабинет надеется в течение шести недель закончить военные приготовления и после этого он мог бы вступить в войну» [59].

Однако в Париже нуждались в более осязаемых гарантиях. Утром 23 июля Тур д'Овернь, только накануне прибывший в Вену в качестве французского посла, посетил Бейста, чтобы выразить неудовлетворенность Франции «простой декларацией о нейтралитете» и настоять на каком-нибудь заявлении, подтверждающем «твердое желание Австрии» прийти на помощь Франции, а также на посылке обсервационного корпуса в Богемию в подкрепление этого заявления. Бейст не согласился на последнее, утверждая, что это даст новый повод для активизации антифранцузских настроений в стране и вмешательства России и что вообще о подобной мере не может быть речи до момента полного завершения вооружения австрийской армии. Акт констатирования благоприятных намерений в отношении Франции Бейст не отклонял категорически, но оговорил возможность его осуществления по достижении предварительного согласия между Австрией и Италией [60].

В первые дни войны французское правительство настаивало на усилении австрийского флота в Средиземном море, особенно в районе Гибралтара, чтобы получить возможность перебросить на север больше своих военных кораблей [61]. Наполеон в личном письме австрийскому императору живописал в самых мрачных красках могущие быть тяжелейшие последствия, если Австрия, не уделив достаточно внимания своим вооружениям, позволит разбить Францию. «Интересы империи Вашего Величества, интересы Италии,— писал Наполеон,— так-

же обязывают руководителей обеих стран напрячь все усилия, чтобы помочь мне в решительной войне, которую я предпринял» [62].

Французская дипломатия не пренебрегала угрозами с целью преодолеть нерешительность Австрии. «Если здесь хотят остаться нейтральными,— заявлял Казо,— Франция не в состоянии этому помешать, но следствием этого может быть то, что мир будет создан на костях Австрии» [63]. Запугивали австрийский кабинет позицией и намерениями России, стараясь возвысить в его глазах союз с Францией и Италией [64]. Вместе с тем в Париже были не против, чтобы Австро-Венгрия ради выигрыша времени для своих приготовлений вела переговоры с Россией [65].

Поскольку, как смогли заметить в Париже, на Австрию производили дурное впечатление франко-русские контакты, Грамон счел нужным заверить Бейста, что Франция не предпримет в Петербурге никаких серьезных шагов, минуя Австрию [66].

Французское посольство в Вене было убеждено в необходимости воздействия на австрийскую прессу, для того чтобы успешнее склонить ход переговоров в пользу Франции. Оно настойчиво добивалось предоставления для этого широких финансовых полномочий. «Нельзя терять ни минуты»,— телеграфировал 16 июля атташе посольства [67]. 21 июля в Париж пошла аналогичная телеграмма второго секретаря посольства, сигнализирующая о крупных средствах, используемых Пруссией для подкупа прессы в Австрии [68]. Но Грамон оказался нерасточительным на субсидии в этой области. «Я никоим образом не намерен конкурировать с Пруссией в покупке венской прессы и не разделяю вашей точки зрения в этом отношении. Кредит в 12 тыс. франков, который я вам открыл, является окончательным»,— ответил он в тот же день [69].

Австрийская декларация о нейтралитете

27 июля Хотек вручил в Петербурге австрийскую декларацию о нейтралитете. По некоторым данным, первоначально, по крайней мере до 16 июля, Бейст был против фиксирования австрийского нейтралитета в виде публич-

ной декларации, ссылаясь на то, что этот акт был бы фактически на пользу Пруссии, поскольку этим, замечал он, «мы предупредили бы пруссаков, что они могут безнаказанно разоружить свою южную границу». Но известие о готовности России выставить 300-тысячную армию в случае вступления Австрии в войну, полученное вечером 16 июля от поверенного в делах в Берлине, который, в свою очередь, узнал об этом благодаря преднамеренной нескромности русского посланника, видимо, оказало воздействие на австрийского канцлера, и на заседании коронного совета 18 июля Бейст счел необходимым высказаться за публичное декларирование нейтралитета [70].

Особенно беспокоился относительно содержания декларации Хотек, считавший нужным формальными заверениями смягчить настороженность Петербурга. Он, вероятно, хотел более четких и пространных пояснений австрийской позиции. И это вызвало раздражительную телеграфную реплику Бейста: «Вы излишне беспокоитесь. Наша декларация ясна, декларация России условна. Оговорка относится, очевидно, к Польше. Хотя, если там возникнет какое-нибудь движение, России для подавления его нет необходимости выходить из состояния нейтралитета. Если же она выйдет, это будет означать, что она хочет идти дальше. Мы не желаем подчеркивать этого, но это не заставляет нас быть расточительными в объяснениях» [71].

Однако австрийская декларация была далека от ясности и определенности. В царском министерстве иностранных дел о ней выразились так: «Хотя она более длинна чем наша, она ничем не более ясна. Констатируемая необходимость заботиться о безопасности империи и быть готовыми ко всему очень эластична» [72]. В своих комментариях австрийские дипломаты упирали на то, что нейтралитет не исключает некоторых военных мероприятий и в этом нет «ничего анормального», ибо, например, Голландия и Бельгия, будучи нейтральными, тоже прибегают к подобным мерам [73]. Андраши без обиняков заявил Васильчикову, что он отправляется в Пешт и будет просить в сейме чрезвычайных кредитов «для доведения армии до полного комплекта мирного времени» [74]. Имперский министр финансов запросил разрешение на внутренний заем в сумме 12 млн. флоринов для

покрытия военных нужд [75]. Совет министров империи признал необходимость немедленного осуществления значительных расходов на военные нужды, а на заседаниях 3 и 4 августа рассмотрел вопрос об ускорении строительства некоторых особо стратегически важных железнодорожных линий, а также о покупке лошадей и частичном призыве резервистов в количестве почти 100 тыс. человек [76].

Отводя упреки с русской стороны, Бейст признавал, что Россия не дает Австрии повода сомневаться в своем нейтралитете, но ссылался на уязвимость географического положения Дунайской монархии. «У вас оно хорошее,— говорил он русскому поверенному в делах,— вы не атакуемы с флангов и примыкаете к Азии. Что же касается нас, то мы подвергаемся опасности со всех сторон и вынуждены заботиться о нашей обороне». Он уверял, что речь идет об оборонительных работах на границах, запроектированных давно, не скрывающих за собой никаких агрессивных планов [77]. В Петербурге с этим не соглашались. Когда в соответствии с инструкцией Бейста Хотек на придворном балу высказал все эти соображения лично Александру II, царь выразил недоумение, о каких опасностях идет речь. Франция не может сейчас напасть на Австрию, с Италией Австрия в лучших отношениях, на Востоке Россия проповедует спокойствие, а что касается Пруссии, то за безопасность австрийской границы с ее стороны, напомнил царь, «я поручился своим честным словом» [78].

Австро-Венгрия была опасна не только сама по себе, но и в качестве фактора, содействующего активизации итальянской и турецкой политики. В первые дни войны слухи об австро-итальянском союзе или соглашении в разных вариантах не сходили со страниц газет. Наблюдения дипломатов тоже давали пищу для такого рода предположений. Когда австрийское правительство направило Витцума, австрийского посланника в Бельгии, с особой миссией во Флоренцию, Васильчиков уже самым определенным образом протелеграфировал, сославшись на надежный источник частного характера, что 28 июля Италия и Австрия заключили в Вене союз о помощи Франции в случае ее поражения. Турция тоже должна была выступить, если вмешается Россия [79]. Хотеку о сообщении Васильчикова тут же стало известно от Флери,

который об этом каким-то путем узнал в министерстве, и Бейст пригласил русского поверенного в делах для объяснений. Васильчиков инсценировал удивление[80]. В этой связи Бейст протелеграфировал Хотеку: «Васильчиков отрицает авторство сообщения, которое ему приписывает Флери. Цель наших переговоров с Флоренцией в том, чтобы успокоить возбуждение, вызванное эвакуацией французских войск, и надеждами, которые она могла вызвать у гарибальдийцев»[81]. Именно эта задача, уверял австрийский канцлер, и составляет смысл инструкций Витцуму, направленному с миссией во Флоренцию[82]. Между тем Витцум действительно имел проект секретного договора о наступательном и оборонительном союзе между Австрией и Италией[83].

Одновременно с миссией Витцума Вена усилила давление на Францию, настаивая на немедленном решении римского вопроса. «Мы глубоко убеждены,— сообщал Бейст в Париж,— что без справедливого, немедленного и практического решения римского вопроса нет никакой возможности достичь двойной цели, которая имеется в виду, то есть обеспечить безопасность папского престола и открыть возможность королю Италии делать общее дело с нами и Францией»[84]. Однако французское правительство, ознакомленное с австрийским проектом договора, запротестовало против включения в него пункта, касающегося римского вопроса, и попыталось внести в договор элементы тройственного соглашения, выражая желание, чтобы в договоре предусматривалась возможность совместного посредничества двух монархий, «согласованного с Францией»[85].

Затруднения в связи с проектом договора возникли и во Флоренции, где существовало сильное недоверие к поведению Франции в римском вопросе и опасения, как бы соглашение с Австрией не поставило Италию уже на стадии нейтралитета в сложное положение перед Англией и Россией[86]. Здесь сначала был выдвинут контрпроект[87], а затем, встревоженный французскими военными неудачами, Виктор Эммануил решил прервать переговоры «до получения более определенных известий о ходе войны» и заявил, что выдвинутый итальянским правительством контрпроект следует считать недействительным[88]. Витцум получил указание прервать переговоры и вернуться в Брюссель[89].

Франция

Известное влияние на расчеты России в начале франко-прусской войны имело неверное представление о соотношении сил воюющих сторон. Осведомленность о подлинном состоянии французской армии была недостаточной даже в руководящих военных кругах России. Допуская, что в 1866—1867 гг. военные силы Франции находились в плохом состоянии и именно это не позволило ей тогда занять более решительную позицию по отношению к Пруссии, в этих кругах считали, что с тех пор благодаря реформам Ниэля французская военная система претерпела многие улучшения и это меняло положение[90]. Донесения русского военного агента в Париже, генерал-майора Витгенштейна, отмечали некоторые пробелы в подготовке французских вооруженных сил, в частности, консерватизм в переводе артиллерии на орудия, заряжающиеся с казенной части, преувеличение значения территориальных частей — национальной гвардии и т. п.[91] Но общее состояние французской армии характеризовалось им в довольно оптимистических тонах. Он сообщал, что численно в начале 1869 г. французская армия превышала почти на 50 тыс. человек нормальный состав мирного времени, достигая 448,7 тыс. человек, а в случае войны Франция могла бы в короткий срок довести свои вооруженные силы, учитывая и национальную гвардию, до 1268 тыс. человек и форсировать границу силами более чем полумиллионной армии. По его данным, было завершено перевооружение французской пехоты новыми скорострельными ружьями типа Шаспо[92].

Орган военного министерства «Русский инвалид» считал, что в случае решительного и быстрого наступления шансы на победу склонятся в пользу Франции, армия которой превосходит силами первой линии и степенью их концентрации германскую армию, рассредоточенную благодаря системе ландвера по всей стране. В течение трех-четырех недель, требуемых Северогерманскому союзу для развертывания и сосредоточения своих сил, Франция будет иметь численный перевес. Но если Франция не использует этот шанс, то война приобретет затяжной характер, и поскольку в конечном счете Северогерманский союз будет обладать количественно большей ар-

мией, «то можно сильно сомневаться, чтобы Франции удалось достигнуть какого-либо успеха» [93]. Следовательно, в самом неблагоприятном для Франции обороте событий усматривалась лишь утрата ею возможности достичь решительной победы.

Даже газеты, которые расценивали шансы сторон как приблизительно равные, делали оговорки в пользу Франции, для которой, по их мнению, плюсом является уже тот факт, что Пруссии часть войск придется держать в качестве заслона от Австрии. Учитывалось и морское преобладание Франции, создающее угрозу германскому морскому побережью [94]. Настоящая война, не в пример войнам 1859 и 1866 гг., представлялась затяжной, с неясным исходом и взаимным истощением противников [95]. Об этом в своем ретроспективном обзоре в сентябре 1870 г. «Вестник Европы» писал: «В Европе и России были убеждены, что вся война, как бы продолжительна она ни была, начнется и закончится непременно где-нибудь в Германии или где-нибудь на восточной границе с Германией — не дальше. Распространению и укреплению этого убеждения в публике способствовала невежественная, построенная на истрепанных исторических воспоминаниях уверенность газет в превосходстве французской армии над немецкой» [96].

Из русского посольства в Париже сообщалось, что французы «рассчитывают прежде всего на свои финансовые ресурсы, которые значительно превосходят ресурсы противника, на французское вооружение и военные орудия, которые считают лучше прусских, и, наконец, на настроения населения Южной Германии» [97]. Правящие круги Франции были полны оптимизма относительно исхода войны. Их планы заходили далеко: захват Саара, возвращение Шлезвига Дании, срытие укреплений в Раштатте и Майнце, ликвидация Северогерманского союза и восстановление прежней германской конфедерации. Это был минимум, но подумывали даже о возвращении Пруссии в границы герцогства Бранденбургского [98]. В Петербурге, информированном об этих планах самим Грамоном, отдавали отчет в их безрассудности, однако самоуверенность французской дипломатии в первые дни войны невольно производила впечатление и способствовала переоценке военного потенциала Второй империи. Взвешивая, насколько далеко должна зайти война, до-

пускали, что Наполеон может пойти после первых побед на умеренный мир, как писал Окунев из Парижа, основываясь, видимо, на мнении, существующем там в дипломатической среде, вопрос только — примирится ли Пруссия с первыми неудачами и согласится ли принять французские условия. «Но все были убеждены,— писал далее русский дипломат,— что сам Наполеон, потерпев первое поражение, не остановится, ибо это чревато революцией и поставит под удар династию» [99]. В начале августа Окунев мог уже сообщить, что во Франции война «не вызвала к настоящему моменту патриотического подъема; ее, кажется, принимают как вынужденную необходимость» [100].

Грамон, с его прочно укоренившимся пристрастием к союзу с Австро-Венгрией, был противником реального сближения с Россией, хотя и прибегал для притупления настороженности русской дипломатии к переговорам и даже полуфантастическим посулам, запросив в начале войны как бы между прочим Окунева, не пожелает ли Россия приобрести Данциг и Кёнигсберг [101]. Он утверждал, что от России нечего ждать эффективной помощи (в Париже помимо прочего существовало мнение, что, несмотря на усилия последних лет, организация русской армии не подвинулась существенно вперед), а оплачивать ее услуги придется дорого [102]. Наоборот, выступление России против Франции могло, по мнению Грамона, повлечь выгодные для последней сдвиги в международной обстановке. Оно стимулировало бы переход Австро-Венгрии к более активному и прямому участию в войне, оказало бы подобное воздействие на Турцию, поскольку успехи России явились бы угрозой целостности Османской империи, нарушило бы «германский характер» войны со стороны Пруссии и этим ослабило бы единство германских держав. Наконец, угроза статус-кво на Востоке со вступлением в войну России была способна побудить к сближению с Францией Англию [103].

Но это были только гипотетические прогнозы, поэтому французская дипломатия соблюдала осторожность в обращении с Россией. 18 июля Флери было направлено телеграфное указание прозондировать намерения России, исходя из того что лучшим вариантом был бы ее строжайший нейтралитет [104]. Инструкции от 20 июля требовали от него добиваться безоговорочного нейтралитета

России, не связывающего свободу действий Австрии [105]. Но Флери был лишен возможности предложить России какие-либо реальные компенсации, это весьма осложняло его задачу [106]. Трудно было соблазнить Россию только заявлением Грамона, что нейтралитет «обеспечит ему (Александру II.— *Л. Ш.*) очень важную роль в последующих переговорах» [107]. Лишь 27 июля Флери, наконец, (как он выразился сам) получил от Грамона полномочия дать формальное заверение, что французское правительство не будет создавать для России трудностей в каком-либо пункте и никоим образом не будет возбуждать надежды Польши [108].

В Париже отказались от мысли использовать в целях давления на Россию польский вопрос. Если бы развитие событий в Польше не удалось удержать в рамках контроля, они могли бы задеть и интересы габсбургской монархии. К тому же это была не та область европейской политики, где можно было снискать благоволение Англии и заставить ее поступиться своими противоречиями с Францией в Бельгии и Северной Африке. Но отказ от выдвижения польского вопроса был использован французской дипломатией и в целях демагогического воздействия на Россию.

Грамон формально заверил Окунева в решении Наполеона III не поднимать польский вопрос. Хотя польские заговорщики действительно побуждают Францию к организации диверсии в Познани, французское правительство, мол, решительно отказалось от этого. Грамон утверждал также, что он непрестанно убеждает Бейста избегать в Галиции всего, что способно вызвать недовольство России [109]. Окунев, приняв к сведению эти заявления, счел нужным все-таки предупредить, что всякое осложнение в Польше «поставит Россию перед необходимостью занять решительную позицию». Это замечание дало повод французскому министру разразиться тирадой об отсутствии в современной войне чего-либо ущемляющего интересы России, поскольку польский вопрос отпадает. «Цель, которую мы преследуем,— заявил Грамон,— освобождение Германии от прусского господства и восстановление равновесия, подорванного резким усилением Пруссии. Для достижения этой цели мы желаем создания южногерманской конфедерации, независимой от Пруссии. Я не думаю, что разрыв связей южно-

германских государств с Пруссией противен вашим интересам, он к тому же вытекает из Пражского договора»[110]. Как бы продолжая эту мысль, Грамон спустя некоторое время добавил, что Франция нуждается в соглашении с Россией. Однако это был только жест, и когда Окунев тут же поинтересовался, на какой базе возможно соглашение, французский министр заявил, что «еще не наступил момент говорить об этом» [111].

Официально Наполеон III выразил удовлетворение позицией, занятой Россией в войне [112]. «Кажется, в Париже в такой степени уверовали в слух о формальных обязательствах, существующих между нами и Пруссией,— заметил по этому поводу Горчаков,— что опасались увидеть нас противниками и были, следовательно, счастливы, увидев нас нейтральными» [113]. Однако Флери был убежден, что нейтралитет России и в самом деле на руку Франции своей связью с австрийским воздержанием. Участие Австрии в войне, учитывая настроение венгров, нежелающих ее, уязвимость позиций в Галиции, состояние австрийских финансов и другие обстоятельства, чревато угрозой для единства габсбургской монархии. Между тем существование Австро-Венгрии необходимо Франции. «Она станет,— писал Флери,— весьма важной картой в нашей игре, когда наступит момент последующих переговоров и восстановления европейского равновесия. Я думаю, что нас не должны заботить мотивы действий императора Александра, нужно учитывать лишь их результаты. Внушая Австрии нейтралитет и тем самым лишая нас ее поддержки, он думает, что служит только интересам своей страны и своим чувствам к королю Вильгельму. Император Александр заблуждается, но не будем рассеивать эти заблуждения» [114].

Русское правительство старалось не допустить никаких иллюзий в Париже относительно пределов своего воздержания. Это было тем необходимее, что у французской стороны проскальзывало стремление расширенно трактовать австрийский нейтралитет, вплоть до возможности концентрации австрийских войск в Богемии [115]. Заставляло задумываться и признание Грамона, что в случае, если война обернется для Франции неудачей, она намерена обратиться за помощью к Австро-Венгрии. Возбуждаемая этим заявлением тревога мало смягчалась от обещания французского министра договориться с Рос-

сией прежде, чем обращаться за содействием к Габсбургам [116]. Горчаков считал, что даже такое предварительное соглашение «не предотвратит возбуждение Польши», а союз двух крупных военных держав создал бы сам по себе серьезную угрозу безопасности России, поставил бы ее «в зависимость от благоволения Франции и Австрии» [117]. Окунев должен был еще раз напомнить в Париже, что позиция России находится в строжайшей зависимости от позиции Австрии. Если Австрия вооружится, то вооружится и Россия, а если Австрия атакует Пруссию, то Россия атакует Австрию. Грамон заверил, что Франция не имеет никакого союзного договора с Австрией и в настоящий момент не ищет ее военной помощи, тем более что их отношения «значительно охладели вследствие постоянных отказов Австрии на просьбы Франции...» Но Франция, говорил министр, «не может тем не менее взять формальных обязательств не прибегать к вмешательству Австрии при всех обстоятельствах, которые могут быть вызваны современной войной» [118].

В Париже пытались вынудить при этом русскую дипломатию раскрыть карты. Грамон, инструктируя Флери, и в беседе с Окуневым настойчиво подчеркивал, что он «не видит, как петербургский кабинет оправдает свою агрессию в отношении Австрии, если эта держава не нападет на Россию и если Россия не связана до настоящего времени секретным соглашением с Пруссией» [119]. Это действительно было слабое звено в позиции России, но русская дипломатия, не утруждая себя поисками новых аргументов, продолжала ссылаться на общую угрозу для безопасности России, и прежде всего для ее польских владений, вытекающую из австрийского вмешательства, и отрицала наличие каких-либо секретных соглашений, связывающих Россию и Пруссию.

Европейскую печать переполняли сведения, которые, даже при наличии порой сомнений в их достоверности, заставляли задумываться Петербург. Распространялся слух о франко-австрийском соглашении относительно защиты статус-кво в Румынии, об австро-итальянском союзе, о перебросках оружия в Галицию. По дипломатическим каналам шла информация о военных мероприятиях Австро-Венгрии. В этих условиях Горчакову казалась подозрительной настойчивость, с какой, по особому распоряжению Наполеона III, Флери выражал надежду

на неизменность русского нейтралитета. Не скрывается ли за этим тайная мысль, писал Горчаков, «усыпить нашу бдительность и отдалить наши меры военной предосторожности» [120]. Сложилась, как выразился Горчаков, «очень деликатная ситуация»: нельзя было уступить инициативу военных приготовлений Австрии, но и рискованно было предварительными вооружениями дать ей предлог для нарушения нейтралитета. В этой связи Окуневу предписывалось «предложить французскому правительству энергично использовать свое влияние в Вене, чтобы удержать австрийское правительство в рамках скрупулезного нейтралитета и помешать всяким военным мерам с его стороны, которые могли бы вынудить нас вмешаться» [121].

Окунев не доверял заверениям Грамона об отсутствии у Франции соглашений с Австрией, Данией и Италией. «Я убежден, что эти соглашения существуют»,— писал он в начале августа. Но допускал, что Франция не собирается немедленно использовать эти союзы и намерена прибегнуть к ним лишь в двух случаях: если Россия вступится за Пруссию в момент продвижения победоносной французской армии к Берлину или если армия Франции потерпит поражение. «Остается узнать,— заключал свои прогнозы русский дипломат,— склонны ли Австрия и Италия выполнить свои обязательства в случае поражения Франции» [122]. Александр II в пометах на полях письма выразил полное согласие с этими соображениями, хотя и подчеркнул, что в отличие от Окунева сомневается в наличии у Франции соглашений с Италией и Данией. Но из русской миссии во Флоренции шли сведения о растущей симпатии к Франции в так называемых высших слоях итальянского общества [123]. Изолированное сотрудничество Италии и Франции не считалось в Петербурге опасным для интересов России, и царь в беседе с Флери подчеркнул это [124]. Однако вмешательство Италии могло стимулировать военную активность Австрии, за ним могла скрываться предварительная австро-итальянская договоренность. Это вынуждало русскую дипломатию внимательно следить за всем, что происходило во Флоренции.

Переговоры об эвакуации из Рима французских войск, которые начались в первые дни войны, могли создать предпосылки для франко-итальянского соглашения. По-

этому, когда 29 июля Франция объявила в Риме об отзыве своих войск из Чевита-Веккиа, возникли подозрения о тайной договоренности на этой почве между Парижем, Флоренцией и Веной [125]. Заверения французских дипломатов, что эта эвакуация осуществляется строго в рамках сентябрьской конвенции 1864 г., встречали недоверие [126]. «Французы не оставят Рим даром,— писалось в одном частном письме, пересланном Васильчиковым из Вены,— 8 тыс. человек, которых они имеют там, не представляют ценности на Рейне». Следовательно, делал вывод автор письма, это может быть расчетом на «содействие итальянцев в случае поражения» [127]. Между тем Грамон мотивировал необходимость скорейшего решения вопроса о выводе французского гарнизона именно ссылкой на заинтересованность Франции в каждом солдате. «События торопят нас,— писал он французскому посланнику во Флоренции,— и нет времени, чтобы ждать завершения переговоров об окончательном соглашении с флорентийским кабинетом» [128].

7 августа Грамон запросил Италию, не может ли она помимо Австрии принять участие в войне и послать армейский корпус на помощь французской армии. При этом было упомянуто, что русский император, как он сказал Флери, «считал бы естественной готовность Италии оказать помощь Франции» [129]. 8 августа итальянское правительство дважды собиралось для обсуждения просьбы Франции о помощи и не пришло к результату [130]. Обсуждение продолжалось 9 и 10 августа. Было решено, что Италия не в состоянии взять на себя обязательство немедленно вступить в войну, но призовет под ружье два класса запасных и будет вооружаться со всей возможной активностью, чтобы через 20-25 дней располагать силами, достаточными для парирования любых внутренних и внешних случайностей. Только тогда (имея в виду также, что к этому времени четче определится ход войны и положение сторон) итальянское правительство вновь сможет обсудить с Францией вопрос, «насколько своевременно и полезно будет вступление Италии в войну» [131].

Грамон отрицал и наличие какого-либо соглашения по румынским делам. Между тем по инициативе Карла Гогенцоллерна вопрос о гарантиях его режима со стороны Англии, Австрии и особенно Франции путем взаимного соглашения, исключающего Россию, ставился в нача-

ле июля перед Францией [132]. Этот вопрос повис в воздухе прежде всего из-за неясности смысла подобных гарантий, их неспособности в любом варианте предохранить Румынию от внутренних потрясений и революции. Наполеоновская же дипломатия помимо того была заинтересована в поддержке напряженной атмосферы в Румынии, в поощрении планов свержения Гогенцоллерна. Этот переворот толкнул бы Россию на оккупацию Румынии, а так как Австрия не допустила бы военного контроля России над Дунайскими княжествами, последовала бы желаемая Францией австро-русская война.

Саксонский посланник в Вене получил, как он пишет, из «достоверного источника» сведения, что французы организовывают восстание для свержения Карла, и связал это с намерением Франции «изгнанием румынского князя (который придерживался проавстрийской ориентации.— *Л. Ш.*) естественно подвести Австрию к решающим действиям» [133]. Один из лидеров румынской оппозиции Розетти почти публично утверждал, что Франция хочет свержения князя. Обеспокоенный этими данными, Андраши имел долгий разговор с Казо, желая выяснить, ответственна ли Франция в инспирировании внутрирумынских осложнений, и предупредить об опасных последствиях падения румынского режима. Казо уклонился от определенного ответа. «Я ответил,— пишет он,— что не могу ни утверждать, ни отрицать. Пока я ничего не знаю» [134].

Так как в Бухаресте действительно был раскрыт заговор против Карла, а в августе после волнений в Плоешти была даже сделана попытка провозглашения республики, то царская дипломатия имела основания для беспокойства. В Петербурге даже складывалось явно преувеличенное представление о Румынии как о стране, превращающейся в опасный «очаг революции» [135]. Близкими к истине оказались предположения о втягивании Румынии французской дипломатией во враждебные России комбинации. Терроризированное многочисленными заявлениями западной дипломатии и прессы, что Россия намерена воспользоваться схваткой между Францией и Пруссией для возвращения себе Южной Бессарабии и пересмотра Парижского договора, консервативное правительство Румынии, в котором преобладали антирусские настроения, дало в июле 1870 г. наполеоновскому прави-

тельству обещание выставить тридцатитысячную армию в случае выступления западных держав против России [136].

Для Венгрии, владевшей Трансильванией, положение в Румынии имело особое значение. Тайные инспирации против князя Карла способствовали заинтересованности Австрии в соглашении с Францией по румынским делам. Речь могла идти, конечно, только о хорошо законспирированной интриге, ибо, будучи раскрытой, подобная политика оттолкнула бы от Франции прежде всего Австро-Венгрию. По дипломатической линии французское правительство стремилось снять с себя всякие подозрения такого рода. Реагируя на вышеупоминавшийся разговор Андраши с Казо, Грамон протелеграфировал тут же поверенному в делах: «В современной обстановке мы очень заинтересованы в том, чтобы никакой инцидент не вызвал бы потрясений в Дунайских княжествах и не стал бы предметом беспокойства для России. Всякая попытка ниспровержения князя была бы, следовательно, несвоевременна и опасна. Я сообщил это мнение нашему представителю в Бухаресте. Информируйте об этом Бейста, чтобы согласовать усилия наших правительств, и попросите его договориться в этом отношении, если это уместно, с венгерским правительством» [137].

Но и в стремлении к этой согласованности был тоже пугающий для России смысл, ибо в Петербурге соглашение между Францией и Австро-Венгрией о протежировании князю Карлу рассматривалось как «явный симптом усилий Франции расширить свои связи с Веной» [138]. Австро-венгерская дипломатия, в свою очередь, была заинтересована в том, чтобы уяснить себе ближайшие намерения России в румынском вопросе. Венгерский помощник государственного секретаря министерства иностранных дел Орчи, поддерживавший хорошие отношения с русским послом [139], предпринял с этой целью любопытный зондаж. 18 июля он неожиданно заявил Васильчикову: «Хотя вы меня не спрашиваете, я скажу вам, что имеющиеся у нас сведения заставляют доверять вашим мирным намерениям, тем более весомым, когда изолированная Франция повсюду прилагает безуспешные усилия, чтобы побудить к действию нейтральные державы. Если произойдет взрыв в Бухаресте и даже если вы вступите в Молдавию, мы ограничимся тем, что

укрепим наше патрулирование и пресечем контакты с нашими румынами». Но Васильчиков решительно отверг эту тему беседы, заявив, что подобные предположения бесполезно обсуждать, так как никаких мотивов для русской оккупации Молдавии не предвидится [140].

Датский нейтралитет

Если вопрос о бельгийском нейтралитете был для России лишь побочным продуктом международной обстановки, то датский нейтралитет имел прямую связь с ее интересами. Французские приготовления на Балтийском и Северном морях внимательно взвешивались в Петербурге сквозь призму ущерба, который они способны были нанести русской торговле и военно-морским позициям России [141]. По сведениям русского посольства, в Париже придавали большое значение этому «военному театру» [142]. Французская печать в преддверии войны призывала к созданию союза скандинавских государств против Пруссии, который, однако, мог представлять угрозу и для России [143]. С началом же войны на ее страницах появились высказывания, что Дания — это наиболее вероятный союзник Франции, так как у нее имеется немало претензий к Пруссии [144].

Дания была озабочена слабостью своих военных ресурсов и недостаточностью морских укреплений Копенгагена. Ее примерно 30-тысячная армия в случае войны имела бы против себя прусский армейский корпус в Шлезвиге и Голштинии, насчитывающий 50 тыс. человек [145]. Однако соблазн воспользоваться союзом с Францией для реванша за 1864 г. был здесь достаточно велик, тем более что Пруссия, проявляя заинтересованность в нейтрализации Дании, ограничивалась общими словами о возможности с помощью нейтралитета расчистить путь к решению спорных вопросов, но не давала никаких гарантий выполнения хотя бы условий Пражского мира о возвращении Дании Северного Шлезвига. Такого рода поведением Пруссия удобряла питательную почву датского реваншизма.

Военная декларация Франции была встречена одобрением многими датскими газетами [146]. Французская дипломатия старалась приковать внимание Копенгагена к пер-

спективе возможностей, которые Дания обретет в качестве союзника Франции в войне, и запугивала новым расширением Пруссии, утверждая, что оно «представляет самую серьезную угрозу для Скандинавских стран и ставит под сомнение даже их существование» [147]. Один из активных сторонников войны с Пруссией, бывший военный министр Дании генерал Рааслов, посетил Париж для неофициальных переговоров (16—18 июля) и был горячо принят на Ке-д'Орсе. При встрече с Грамоном датский генерал заявил, что Дания затрудняется определить свою позицию, так как не в силах противостоять военным угрозам со стороны Пруссии. Изменить положение могла бы только переброска на Балтику французской эскадры и экспедиционных войск, достаточных, чтобы не допустить разгрома Дании. Рааслов советовал оккупировать острова Рюген и Альс, опираясь на которые можно было бы сковать, по его мнению, по крайней мере 60 тыс. человек [148]. «Я отдаю себе полный отчет в том, какой опасности вы подвергаетесь, выступив в настоящий момент против Пруссии,— откликнулся на эти замечания Грамон.— Мы желали бы, чтобы вы, оставшись временно нейтральными, дали бы нам секретное заверение, что в подходящий момент вы выступите за нас» [149]. В качестве платы за союз с Францией речь шла о возвращении Дании всего Шлезвига.

Прямым следствием вояжа в Париж Рааслова явилось обращение Грамона к морскому министру Франции с просьбой принять самые срочные меры для переброски французской эскадры к берегам Ютландии [150]. 28 июля французские корабли бросили якоря у Скагена (северное побережье Ютландии), а 1 августа в Копенгаген для переговоров о союзе прибыл герцог Кадор, бывший французский посланник в Баварии [151].

Русская дипломатия принимала контрмеры. В день начала войны министерство иностранных дел России обратилось в Париж и Берлин с требованием уважать нейтралитет Дании [152]. Однако оставалось неизвестным, как поведет себя сама Дания. В Петербурге были хорошо осведомлены о военных и экономических слабостях Дании, об опасениях, внушаемых там военной мощью Пруссии, но в то же время Моренгейм сообщал из Копенгагена, что Дания не отказывается от мысли поставить свой нейтралитет в зависимость от выполнения Прус-

сией условий Пражского мира относительно Северного Шлезвига [153]. Даже, когда 25 июля датское правительство официально декларировало нейтралитет, причины для тревоги не рассеялись окончательно. В Копенгагене продолжала свою деятельность миссия Кадора, предлагавшая Дании крупную плату и гарантии в обмен на военный союз, ее задаче могло помочь появление французского флота на Балтике [154]. Датские дипломаты сами всячески подчеркивали трудность положения правительства, если Франция осуществит нажим, который будет подкреплен демонстрациями флота [155]. Бисмарк ставил под сомнение опасения датских дипломатов, расценивая их лишь как средство давления на Пруссию, но в России не соглашались с ним. «Канцлер заблуждается,— писал Убри,— думая, что Дания в состоянии сопротивляться Франции, если та захочет использовать меры морской угрозы. Во-вторых, я говорю это с сожалением, Германия была слишком мало щепетильна перед войной 1864 г. и слишком мало великодушна после своих побед, чтобы датское правительство могло проникнуться верой в неопределенные обещания, данные сейчас под впечатлением трудностей момента» [156]. Слова «канцлер заблуждается» были подчеркнуты, и против них Александр II сделал помету: «Совершенно верно».

Учитывая прусскую позицию, приходилось искать таких путей укрепления датского нейтралитета, с которыми датчане «не будут связывать чрезмерных надежд на окончательное решение своего спора с Германией относительно статьи 5 Пражского договора» [157]. Положение датского короля было бы, несомненно, легче, писал Горчаков, «если бы берлинский кабинет не отказывал ему постоянно, несмотря на наши настойчивые просьбы, в необходимом удовлетворении, способном смягчить в стране недобрую память (о Пруссии.— *Л. Ш.*), и если бы он, наконец, предупредил воздействие Франции своими формальными гарантиями на будущее» [158]. Прежде всего надо было нейтрализовать французское давление в Копенгагене. В беседах с Окуневым Грамон держался двусмысленного тона. Он уверял, что Франция намерена уважать добровольный датский нейтралитет, пока тот будет желаем датским правительством (и Кадор якобы направлен в Данию как раз с целью заверить в этом), но добавлял, что Франция, однако, будет рассматривать как

вражескую территорию весь Шлезвиг, включая северную его часть, и оставляет за собой «право высадки туда войск и посылки эскадры на Балтику» [159]. В выражении Грамона «добровольный нейтралитет» Горчаков почувствовал определенный смысл. Из этого вытекает, комментировал он, что, если Дания, «возбужденная присутствием французского флота или прельщенная французскими обещаниями, позволит увлечь себя, Франция не допустит, чтобы ей (Дании.— *Л. Ш.*) помешали в этом, а отсюда до того, чтобы породить эти увлечения, дистанция не столь велика» [160].

В Петербурге понимали, что многое будет обусловлено ходом войны. «И положение Австрии и положение Дании,— писал Вестман,— зависят от того, какой оборот примут военные события» [161]. Цесаревич, будучи в эти дни в Копенгагене, передал королю Христиану письмо Александра II, в котором царь советовал датскому королю сохранять принятый нейтралитет и в случае французского давления публично протестовать против него, решительно воздерживаясь от объявления войны Пруссии [162]. Этот же совет был передан и через датского посланника [163]. Состоялся также разговор царя с французским послом. Готовый согласиться с важным значением для Франции датской помощи, Александр II настаивал, однако, на том, чтобы от Дании не требовали «откровенной и далеко идущей кооперации» [164].

Русская дипломатия стремилась стабилизировать положение при помощи международных гарантий датского нейтралитета, считая особенно важным добиться в этой области согласованной позиции с Англией. Бруннову 1 августа было послано телеграфное предписание предложить британскому правительству совместно с Россией напомнить в Париже, «что, поскольку существование Дании было признано необходимым для европейского равновесия, долг держав, принявших этот принцип, не впутывать ничем эту страну в превратности современной войны» [165].

В Лондоне не выказали большого энтузиазма. Гренвиль явно искал повода, чтобы уклониться от подобного демарша. «Насколько лондонский кабинет горячо защищает нейтралитет Бельгии,— сетовал русский канцлер,— настолько он вял в отношении защиты нейтралитета Дании» [166]. Однако Гренвиль все же пообещал об-

судить русское предложение на ближайшем заседании кабинета[167]. В результате английское правительство уполномочило Гренвиля проконсультироваться с русским послом относительно тона, которого должны держаться английский и русский представители в Париже, выступая в защиту датского нейтралитета. Представления, сделанные французскому правительству в соответствии с английскими пожеланиями, были составлены в весьма мягкой форме — без упреков, без угроз. Французское правительство убеждали сделать заявление, что «Франция ни в коем случае не помышляет заставить Данию изменить системе нейтралитета, которая является лучшей гарантией ее спокойствия и независимости»[168]. Но уже согласившись на демарш, английская дипломатия тянула с его осуществлением. Лайонс получил инструкции, идентичные инструкциям, направленным Окуневу, но ему предписывалось ждать специальных указаний относительно времени, когда эти инструкции можно привести в исполнение[169]. Это вынудило и Окунева задержать свои представления французскому правительству[170].

В двадцатых числах августа практическая необходимость в намеченном демарше фактически уже исчезла. Французское давление на Данию потеряло свою силу из-за поражений французской армии. Французский корпус в Шербуре, предназначенный для вторжения в Северную Германию, а также в Шлезвиг, был значительно ослаблен переброскими на угрожаемые участки фронта. Почти одновременно с известиями о первых крупных поражениях французских войск в Копенгаген пришла телеграмма от датского посланника в Париже, что проект французской военной экспедиции становится неосуществимым, так как Франция нуждается в каждом человеке на Рейне[171]. Все это в совокупности с русским воздействием на Данию привело к полному крушению миссии Кадора[172]. 12 августа он покинул Копенгаген. Это означало конец франко-датских переговоров.

Получив 23 августа донесение Бруннова о выработке согласованной русско-английской инструкции, Александр II пометил: «Мне кажется, в настоящий момент будет лучше оставить этот вопрос совсем, поскольку французская миссия окончилась полной неудачей»[173]. Для Горчакова тоже было ясно, что практическая необходимость в подготовленном демарше миновала, но он считал, что его

осуществление могло бы иметь существенное моральное значение для будущего. Получив согласие царя, он изложил свою точку зрения в инструкции Бруннову 24 августа. «Оборот, который приняли военные события,— писал Горчаков,— действительно может сделать этот демарш практически бесполезным. Однако, по моему личному мнению, это будет акт, морально выгодный в предвидении переговоров о мире; он был бы полезным новшеством, ибо я не вспомню, чтобы за время существования Второй империи представились хоть сколько-нибудь серьезные обстоятельства, когда бы французское правительство столкнулось с **идентичностью тона русского и английского представителей в Париже** (выделено в тексте.— *Л. Ш.*)» [174]. Бруннову поручалось изложить все это Гренвилю и сказать, что судьба демарша зависит от британского правительства [175].

Гренвиль не польстился на этот моральный эффект демонстрации англо-русского единства и был рад возможности легально похоронить с самого начала малосимпатичный ему акт коллективного давления на Францию [176].

Поведение Англии вызывало в России озабоченность, особенно в связи с содействием, которое Англия оказывала операциям французского флота в Северном и Балтийском морях. Торговые дома Ньюкасля взяли на себя поставку горючего французским военным судам, одна из английских компаний взялась за установление телеграфной связи между французским флотом, действующим на Северном и Балтийском морях, и правительственными французскими органами [177]. Из Англии шли поставки оружия, обмундирования, лошадей. Ливерпульские фабрики производили патроны для французской армии [178]. На протесты из Берлина английское правительство отвечало ссылкой на принцип свободной торговли и на статут времен Георга II, которым категорически запрещались в условиях английского нейтралитета лишь продажа судов воюющим странам и вступление английских граждан на службу этим странам [179]. Гренвиль напомнил помимо того, что Пруссия, провозгласившая во время Крымской войны нейтралитет, поставляла России боеприпасы [180].

После обсуждения в парламенте 9 августа была опубликована английская декларация, имевшая силу закона,

где определялась английская трактовка нейтралитета. В более резких тонах формулировалось запрещение продажи судов (в которых Франция не испытывала особой нужды) и оставлялись без изменений положения о поставках оружия и боеприпасов [181]. Предпринимательские интересы наживы брали верх над интересами локализации войны.

Английская помощь грозила сделать французскую блокаду на Северном и Балтийском морях более эффективной, способной нанести ущерб торговле и свободе передвижения русских судов. Из Петербурга шли обвинения Англии в том, что она слишком стушевывается перед Францией. Английское правительство упорно отказывалось противодействовать французской морской блокаде. Гренвиль заявил 24 июля русскому послу, что в настоящий момент внимание Англии по-прежнему концентрируется на предотвращении всего способного скомпрометировать нейтралитет Бельгии и могущего сказаться на судьбе Антверпена. Если же французский флот оказался бы способным установить блокаду прусских берегов, Англия не могла бы препятствовать использованию в этом случае права, «признанного за воюющими странами международным законом» [182]. Бруннов нашел нужным тут же предупредить британского министра о возможности осложнений, если Франция распространит морские диверсии на побережье Восточной Пруссии, прилегающее к русской границе, и высказал, в форме личного мнения, предположение, что в подобном случае Россия окажется вынужденной принять меры предосторожности в интересах своей безопасности. 12 августа вице-адмиралом Фуришоном, командующим французскими морскими силами в этом районе, была объявлена блокада североморских германских портов [183]. 15 августа шесть французских военных кораблей показались у Свинемюнде и последовало заявление о блокаде балтийских портов Германии [184].

Однако французская морская блокада не успела набрать силы из-за неудач, постигших французскую армию [185]. В конце сентября наполеоновскому правительству пришлось дать официальные заверения в прекращении блокады германских портов на Северном море. К этому времени фактически свернулась и блокада на Балтике [186].

Война и общественное мнение России

Свидетельства современников и прессы воссоздают общую характеристику первоначального размежевания русского общества в его отношении к войне. «Значительное большинство,— писал Д. А. Милютин,— открыто желало успеха французам, и первые сообщения о победах немецких войск возбудили в русском обществе не только некоторое удивление, но даже разочарование и прискорбие. Напротив того, в придворных сферах, начиная с самого государя и царской фамилии, высказывалось явное сочувствие успехам немецкого оружия» [187]. «Отечественные записки» определяли положение таким фигуральным оборотом: «На стороне Пруссии стоят большей частью все тузы. Защиту Франции ведет так себе... более мелкота» [188]. В пользу Пруссии, следовательно, были настроены преимущественно придворные круги, высшая бюрократия. Однако и в этой среде существовало расслоение. Так, консервативно-помещичья «Весть» занимала накануне войны критическую позицию по отношению к Пруссии [189]. Крайне славянофильские круги помещиков также отрицали прусскую ориентацию.

Таким образом, пропрусские тенденции правительственной политики сталкивались с оппозицией в различных общественных кругах — демократических, либеральных, славянофильских и панславистских вообще. Но если для демократов и в какой-то мере для либералов помимо внешнеполитических соображений важное значение имел вопрос о последствиях войны для прогрессивного развития Европы и России и сближение с Пруссией рассматривалось как союз консервативных сил на династической основе, повторяющий печальный опыт Священного союза, то для националистических элементов разного рода решающее и исключительное значение имела проблема обеспечения активной наступательной политики России, в особенности на Востоке, и необходимое для этой цели укрепление ее европейских позиций. С этой точки зрения они рассматривали опасности, таящиеся в тогдашних взаимоотношениях России и Пруссии, и все проблемы, которые возникали в ходе франко-прусской войны.

В демократических кругах война, показавшая, как далеко зашло сплетение политики с милитаризмом, возбуждала сильную тревогу за судьбы народов. Эти настроения ярко проявлялись на страницах «Отечественных записок». Правда, долгое время журнал игнорировал освещение вопросов международной жизни. До августа 1870 г., то есть до разгара войны, в нем почти не встречаются упоминания о внешних делах. Нужно отметить, что подобная тенденция характерна и для другого журнала этого направления — «Дела». Насколько можно судить из замечаний, встречающихся на страницах этих журналов, такого рода положение объяснялось боязнью, что внешние дела отвлекут внимание от назревших проблем внутренних преобразований. Когда война началась, «Отечественные записки» сетовали в разделе «Наши общественные дела», что военная шумиха грозит совсем поглотить интересы русского общества [190].

Законное и понятное стремление сконцентрировать внимание читателя на больных проблемах внутренней жизни не могло, конечно, оправдать устранение из сферы его внимания вопросов внешней жизни, ход которой в существенной мере влиял также и на внутреннее положение и развитие России. Журналы изменяли здесь традициям великих русских демократов, всегда внимательно и глубоко анализировавших явления международной политики с позиций интересов русского и европейского демократического движения.

С сентября из номера в номер в «Отечественных записках» начинают публиковаться «Беседы по поводу франко-прусской войны». Стремясь отдать отчет в более глубоком смысле войны, «Отечественные записки» с иронией отзывались о газетной шумихе, поднятой в то время вокруг войны, скользящей по внешней оболочке событий. Современная война не есть результат взаимных обид и оскорблений, главный вопрос даже не в господстве на Рейне, «а в иных причинах, заключающихся не за границей, а внутри уродливо устроенного государства»; войну можно изобразить в качестве своеобразного горчичника, оттягивающего напряжение внутренней социальной борьбы [191]. Упоминая о народных войнах [192], эту войну журнал рисовал как столкновение правительств без ведома и согласия народа. При всех своих результатах она ничего не принесет народу, не повы-

сит его благосостояния, даже в случае победы, а тяготами своими целиком обрушится на его плечи [193].

Однако «Отечественные записки» вовсе не безразлично относились к исходу войны, считая особенно тяжелой своими последствиями для Европы победу Пруссии. Полемизируя с теми печатными органами, которые представляли Пруссию «как образец честной, мудрой и либеральной политики в противоположность Франции», журнал разоблачал бисмарковскую реакцию, подчеркивая, что она таит в себе даже больше опасных исторических потенций, чем французский бонапартизм. Наполеоновский режим уже изжил себя, знаменитая наполеоновская легенда обветшала, и Наполеон держался на престоле только интригами, обманом и насилием. Бисмарк же — это «восходящее светило», его сила в эксплуатации национальных устремлений большого народа, он выступает как создатель и спаситель Германии, он неизбежное порождение всего уклада жизни и развития Пруссии и Германии. В то время как наполеоны для Франции — преходящее явление, писал журнал, бисмарки «только тогда прекратятся в Германии, когда Пруссия покончит вполне со своими старыми традициями, когда в ней не будет милитаризма, когда исчезнет самый запах юнкерства, когда не министры-президенты будут кричать палате «цыц», а сама палата будет чувствовать силу сказать, когда потребуется, министр-президенту «цыц» [194].

Это перекликалось с характеристикой, данной Бисмарку в свое время Герценом. Для Герцена Бисмарк был персонификацией самых отвратительных черт пруссачества. Но Герцен отмечал одновременно, что этот прусский помещик при всей своей классовой ограниченности обладает чутьем времени, смелостью в выборе средств, и поэтому считал его особенно опасным врагом революции и демократии [195].

«Отечественные записки» напоминали о великом вкладе Франции в человеческий прогресс, идеях 1789 и 1848 гг. Двадцатилетие господства бонапартистской империи, по их мнению, не могло отнять у французского народа права возглавлять прогресс, ибо он не по своей воле нес иго Наполеона, да и другие народы переживали подобное иго в разных видах [196]. Будучи чужд точки зрения агрессивных интересов царизма, журнал довольно

скупо высказывался о внешнеполитических проблемах, связанных с ходом войны. Но в немногом написанном на его страницах по этому поводу содержится довольно категорично сформулированный вывод, что и с внешнеполитической точки зрения победа Пруссии невыгодна для России и только одна Англия может извлечь пользу из возвышения Пруссии и унижения Франции. Тогда еще трудно было предвидеть будущую конкуренцию Германии и Англии за мировое господство, и обозреватель «Отечественных записок» утверждал, что между Пруссией и Англией нет серьезных оснований для столкновений, они как бы взаимно дополняют друг друга: одна — военная держава, другая — морская, одна — земледельческая, другая — мануфактурная. Обе, кроме того,— протестантские страны с династиями, имеющими родственные связи (старшая дочь английской королевы — жена кронпринца, немецкий принц — муж английской королевы) [197].

Журнал выражал сомнение в том, что «общественные низы» России способны оказать влияние на ход международных событий, ибо для этого нужно международное объединение рабочих, а в России «не существует никаких подобных ассоциаций, наши рабочие не имеют с существующими за границей никаких сношений» [198].

В «Деле» политическая хроника шла за подписью француза Жака Лефреня, который во время войны публиковал в журнале «Дневник парижанина». Под этим псевдонимом выступал французский социалист Эли Реклю. Его обзоры были пронизаны антибонапартистскими настроениями: «Почти двадцать лет Францию не грело солнце, не освещал свет, ее организм был поражен страшным морозом декабрьской ночи». Французский народ и даже армия, писал Лефрень, не хотят войны, она— следствие «придворных интриг... армия не более заботится о славе, как и народ, довольно ей выпало на долю бонапартов; люди более развитые убеждены, что внешняя война вовсе не нужна для внутренних перемен» [199].

«Дело» особенно не углублялось в выяснение социальной стороны войны, уступая в этом отношении «Отечественным запискам»; в некоторых обзорах Лефреня критика политики Второй империи давалась через противопоставление французскому курсу политики англий-

ского либерального правительства Гладстона. Таким образом, идеализировался английский буржуазный либерализм. В известной степени это объясняется тем, что «Дело», фактически редактируемое Г. Е Благосветловым, находилось в особо тяжелых цензурных условиях: над ним сохранялась предварительная цензура, тогда как почти все столичные издания, в том числе и «Отечественные записки», были от нее освобождены.

Преимущественно антибонапартистский характер носили и выступления народнической «Недели». «Существование Второй империи во Франции,— писала газета,— постоянно угрожало европейскому миру». На ее страницах критиковалась позиция «Московских ведомостей» и других правых органов печати, которые видели за происходящими событиями только Бисмарка и Наполеона, а не французский и немецкий народ, тогда как «в современную эпоху стремления народов положительно начинают преобладать». Газета выступала в защиту принципов мирного сотрудничества, честной дипломатии, свободы торговли. Заявляя о ложности теории «европейского равновесия», она называла «эгоистической и завоевательной формулой» желание слабости соседа, игнорирование национальных потребностей соседних народов. С этой точки зрения «Неделя» отстаивала право Германии на объединение и высказывала убеждение, что в объединенной Германии пруссачество якобы растворится в национальных народных чувствах и в лице такой Германии Россия найдет «лучшего друга для своего внутреннего развития».

Улавливались газетой некоторые различия в характере войны с обеих сторон. «Франция идет на войну из-за династических интересов, и потому образованные классы ее не могут сочувствовать своему правительству,— писала «Неделя».— В Германии мы имеем другую картину; здесь война приобретает национальный характер, и о существовании немецкой нации действительно сейчас идет дело» [200]. Однако это не оправдывало в глазах русской демократии бисмарковскую политику, ибо приходилось помнить, «что война происходит главным образом между двумя военными монархиями... и, если смотреть на нее с точки зрения воюющих правительств, имеет своей ближайшей целью Рейн». Газета приветствовала нейтралитет, провозглашенный русским прави-

тельством, высказывая лишь сожаление, что в нем не был предусмотрен категорический отказ от дипломатического вмешательства, так как «всякое посредничество всегда чревато опасностями для посредника» и в интересах России, чтобы война прошла вообще без вмешательства третьих держав. «Вооруженное вмешательство Австрии против Германии может побудить и Россию обнажить свой меч, хотя, нам кажется,— оговаривалась газета,— что и в этом случае один вооруженный нейтралитет на австрийской границе может настолько отвлечь военные силы Австрии, что для похода против Германии у нее останется лишь незначительная армия» [201].

И. С. Тургенев, которому глубоко претил реакционный режим Наполеона III и воинственный шовинизм его политики, писал: «В одном бесповоротном падении наполеоновской империи вижу спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе». Некоторое время писатель еще обманывался относительно подлинных целей Пруссии, видя их в патриотическом стремлении немцев к объединению, но затем для него стала очевидной завоевательная подоплека бисмарковской политики [202].

При рассмотрении либеральной печати, в частности одной из наиболее крупных газет этого направления — газеты «Голос» Краевского, связанной главным образом с либеральными кругами петербургской бюрократии, особенно ясно проступает граница, разделяющая демократов и либералов в вопросе войны. Вся аргументация органа Краевского своей, не всегда выдержанной в одном тоне, внешнеполитической концепции опиралась на тезис: Россия должна извлечь максимум политических и экономических выгод из столкновения крупных европейских держав. И в этом отношении разница между «Голосом» и пресловутыми «Московскими ведомостями» Каткова была не в их принципах, а только в резкости тона, в нюансах мнений, в выпячивании отдельных частностей.

Из возможных исходов войны, по мнению «Голоса», присоединение левого берега Рейна к Франции было бы меньшим злом, чем усиление Пруссии. Но нет смысла помогать Франции, лучше предоставить воюющим державам полную свободу взаимно ослаблять друг друга, не вмешиваясь даже в случае вмешательства Австрии или Италии. «Чем больше государств примут участие в вой-

не,— писала газета,— тем выгоды нейтралитета сделаются для нас значительнее. Вспомним, как обогатил Пруссию ее нейтралитет в Крымскую войну»[203]. И сейчас «Голос» надеялся, что в результате нейтралитета немецкие порты будут блокированы, иностранные корабли вынуждены будут переключиться на балтийские порты России, снизится фрахт, вырастет внешнеторговый оборот, улучшится затем вексельный курс и т. п.[204] Теперь, рассуждала газета, связанная с петербургскими торгово-промышленными кругами, Пруссия окажется в экономической зависимости от России. Поднимется спрос на русский хлеб и промышленную продукцию, так как война сократит прусское земледелие и промышленное производство.

Усиление экономического влияния на Пруссию даст еще один шанс России, если в решительную минуту она захочет «высказаться словом и делом против не в меру усиливающейся соседки по балтийскому побережью»[205].

Строгий нейтралитет Краевский понимал как полную свободу действий в будущем, как возможность для России «явиться решительницей настоящей распри в тот момент, когда найдет то наиболее сообразным со своими интересами политическими и экономическими». Однако перед глазами был печальный опыт французского нейтралитета в 1866 г., беспомощные попытки Наполеона воздействовать на исход австро-прусской войны и все последующие затруднения французской политики. Основной порок позиции Наполеона в 1866 г. «Голос» видел в неподготовленности Франции в то время к войне. Россия не должна повторять этой ошибки, она должна заняться приготовлениями к войне, не смущаясь военными издержками, «как бы ни были они тяжелы в настоящее время, минута слишком важна». Но, вооружаясь, Россия должна сохранять сейчас полный нейтралитет, не выдвигая войск ни к прусской, ни к австрийской границе, чтобы не оказаться преждевременно втянутой в войну в чужих интересах. Военная подготовленность России укрепит позиции русской дипломатии, придаст весомость ее требованиям. Газета довольно ясно намечала и цели, которых следует добиваться: «Изменить в нашу пользу постановления Парижского трактата 1856 г. и получить в Европе принадлежащий нам по праву голос в делах, слишком близких племенным интересам России (т. е. в восточных делах, связанных с судьбой славянских народов.—*Л. Ш.*)»[206].

Таким образом, «Голос» противопоставлял идее пассивного нейтралитета вооруженный нейтралитет, не исключающий возможность военной демонстрации и даже при необходимости применения вооруженных сил. Не говоря об этом прямо, газета изложением своей установки фактически критиковала правительственную трактовку нейтралитета, настраивала против благожелательной позиции по отношению к Пруссии, против давления на Австрию, требовала сохранения свободы рук у России и подчинения ее действий только собственным интересам. «Голос» считал, что особенно опасна для России победа Пруссии, так как встанет вопрос о подчинении ей всех «земель немецкого языка», создастся потенциальная опасность новой войны, объектом которой может стать Россия, единственная преграда на пути окончательного усиления Пруссии, ибо Австрия и Франция к этому времени будут устранены, а английские интересы на континенте Европы «склоняют ее (Англию.— *Л. Ш.*) в пользу создания в Средней Европе сильной державы, будь то Германия, Пруссия, все равно, лишь бы эта держава могла служить противовесом России и Франции» [207].

Много общего с этой позицией имела позиция, занятая «Московскими ведомостями». Политическая физиономия «Московских ведомостей», редактируемых Катковым, достаточно известна. Националистическая реакция внутри страны, подавление всяких национальных свобод и прав в империи органически переплетались в убеждениях Каткова с внешнеполитической агрессивностью в панславистском духе. Но для этих целей требовалось прежде всего упрочить международное влияние России, пошатнувшееся после 1856 г. Пруссия связывала, как представлялось Каткову, самостоятельность русской политики; Катков предвидел в будущем сближение (Пруссо) Германии с Австрией, где у первой имелся естественный союзник в лице австро-немецких и мадьярских элементов [208]. Его беспокоила перспектива использования Англией сильной Германии против России. Пруссия выдвинула воинствующе националистическую платформу пангерманизма, в корне враждебную не только революционному движению славянских народов, но и противостоящую другой воинствующе националистической платформе — панславизму, что настраивало и Каткова и многих славянофилов против Пруссии. Пангерманизм создавал угрозу целостности

царской империи. Встречая поддержку в Пруссии, сепаративно настроенные прибалтийские немцы требовали особых прав. Прусская печать, постоянно возвращаясь к теме германских прав на Прибалтику, давала серьезные основания для тревоги России в отношении балтийского вопроса. Гегемония Пруссии на Балтике не отвечала ни экономическим ни стратегическим интересам России, она усугубила бы трудности развития самостоятельных международных экономических связей России в этом районе, ухудшила бы положение русских портов.

Начавшаяся война дала повод Каткову подвергнуть критике французскую внешнюю политику. Коренная ошибка Франции, по его мнению, заключалась в том, что она предпочла войну соглашению с Россией на Востоке. «Не лучше ли, не проще ли было,— вопрошал Катков,— разорвав Парижский трактат, чистосердечно подать руку России и отказаться от той грубой, бессмысленной и самоубийственной системы действий на Востоке, которая навязана Франции ее врагами» [209]. Но он еще не терял надежды, что война образумит Наполеона, который поймет, насколько эта война непопулярна во Франции и как выигрывает Пруссия, получив возможность спекулировать идеей «национальной войны». И тогда во время войны или после нее французское правительство предпримет те шаги для сближения с Россией, которые оно не решилось сделать до войны.

«Московские ведомости» стремились рассеять опасения, связанные с перспективой победы Франции. Хотя между Францией и Россией были войны, утверждала газета, своеобразие их отношений заключается в том, что они воевали друг с другом лишь как союзники других государств. «Мы никогда не слышали о национальной ненависти между французами и русскими», утверждали «Московские ведомости», для нее не было почвы, ибо «Франция и Россия не соседи», и ущерб, причиняемый России, невыгоден Франции [210]. Что касается польского вопроса, то он, по мнению газеты, «был возбужден Англией, опасавшейся нашего сближения с Францией, которая была так же обманута, как и мы» [211].

В концепции Каткова большую роль играли его антианглийские настроения. С Англией «ни в чем у нас не может быть соглашения», утверждал Катков. С его точки зрения об этом достаточно красноречиво свиде-

тельствовали уроки русской политики накануне Крымской войны, когда Англия использовала попытки решить вопрос англо-русским согласием лишь для того, чтобы привлечь на свою сторону и настроить против России оттесняемую и задетую этой комбинацией на Востоке Францию [212].

В континентальной политике, писал Катков, Англия — естественный союзник Германии, в которой она видит противовес Франции и России. Это делает победу Германии особенно угрожающей для России, и в то же время это ослабляет возможные опасности, вытекающие из победы Франции. «Торжество Франции, как бы ни было оно решительно, никогда не может быть для нас так опасно (как торжество Пруссии.— *Л. Ш.*), ибо,— подчеркивал редактор «Московских ведомостей»,— о том, чтобы успех ее не был сверх мер, без нас позаботится соседняя с ней на Западе держава» [213].

Отталкиваясь от этих рассуждений, в передовой, посвященной опубликованию правительственного решения о нейтралитете, «Московские ведомости» резко подчеркнули, что «при настоящем положении дел сохранять нейтралитет — значит только не действовать в пользу Пруссии», услуги которой в улаживании русских дел на Востоке совершенно иллюзорны. «Только крайнее легкомыслие может поверить, что торжествующая Пруссия будет помогать нам в разрешении славянского вопроса, что Германия станет действовать на Востоке в союзе с нами и против Англии» [214],— писала газета. Но поскольку война уже идет, и Франция не проявила уступчивости на Востоке, не может быть речи и о немедленном союзе с Францией. Катков выступал против создания обсервационной армии на австрийской границе: «поступить так — значило бы принять сторону Пруссии», в то время как при сложившихся условиях единственно приемлемая политика для России — это политика, обеспечивающая ей полную свободу в выборе момента и направления действий в соответствии с собственными интересами [215].

При всем том «Московские ведомости» были настроены антиавстрийски. Они видели в Австрии соперницу России на Балканах и державу, тяготеющую в силу многих обстоятельств к союзу с Германией. Катков считал обманчивыми надежды Франции на австрийскую под-

держку в ее борьбе против Пруссии[216]. Поэтому намечаемая Россией демонстрация на австрийской границе представлялась ему лишенной смысла. Иное дело, полагал Катков, если бы Россия нашла повод к серьезному расчету с Австро-Венгрией «по своим делам» и нанесла бы ей удар в то время, когда будет идти война на Рейне[217].

Развивая свою концепцию нейтралитета, Катков избегает прямо говорить о целях русской политики, но незадолго до начала войны он сформулировал их достаточно определенно: это прежде всего достижение существенного успеха на Востоке, пересмотр положения, созданного Крымской войной. Следовательно, «Московские ведомости» также противопоставляли правительственному курсу свою политику нейтралитета, но имеющего в отличие от «Голоса» наступательный, по существу антипрусский, характер. Таким образом, Катков, который в связи с польским восстанием 1863 г. и критским вопросом в 1867—1868 гг. поддерживал политику Горчакова, теперь рвал со старыми взглядами[218]. Он отказывался понимать вынужденность многих шагов русской дипломатии, от него ускользала маневренная сущность горчаковской тактики, заслоняемая официальным заигрыванием с Пруссией в угоду чувствам царя. Попытки Горчакова при посредничестве Жомини и Феоктистова убедить Каткова, что министерство иностранных дел не намерено «очертя голову броситься в объятия Пруссии», а предпочтет тот из союзов, который окажется более выгодным, не удались[219].

Профранцузской ориентации держалась «Деятельность», объединяющая протекционистски настроенную часть петербургской буржуазии и дворянства. Полемизируя с прусскими газетами, «Деятельность» заявляла, что их надежды на помощь России по меньшей мере странны, ибо прямой интерес России — «в случае необходимости взяться за оружие и действовать заодно с Францией против Пруссии»[220]. Строгий нейтралитет, который Россия должна пока соблюдать, ей нужно использовать, уверяла «Деятельность», для улучшения финансов, развития промышленности, перевооружения, а также для ликвидации Парижского трактата и укрепления позиций на Черном море, военная же подготовка России должна учитывать опасность не только со стороны Пруссии, но

и со стороны Англии и поэтому включать в себя обязательно задачу улучшения флота [221]. «Деятельность» требовала изменений в русской финансовой системе, чтобы уничтожить «противоестественную зависимость русского фондового рынка от Берлина и Лондона». Газета отмечала как аномальное явление то, что при тождественности русско-французских торговых интересов благоприятная обстановка на русском фондовом рынке определяется прусскими успехами в войне [222].

Что касается славянофилов, их возможности печатных выступлений в тот момент были довольно ограничены. После закрытия в 1868 г. «Москвы» отсутствовал орган чисто славянофильского направления. Преимущественно из внешнеполитических соображений правительство стремилось воспрепятствовать панславистской агитации славянофилов внутри страны и среди славян Балканского полуострова, угрожающей преждевременным с точки зрения правительства осложнением восточного вопроса.

Попытки России сколотить в 1867 г. балканский союз оказались неудачными и обнаружили довольно сильные позиции, которыми успела овладеть Австрия на Балканах. Лобовая атака в разрешении так называемых славянских проблем поэтому считалась тогда несвоевременной и опасной. Кроме того, в возбуждении славянофилами национальных устремлений славянских народов царские сановники усматривали слишком рискованное заигрывание с народными страстями, особенно недопустимое в момент, когда русское правительство не было уверено в своей способности удержать под контролем могущие возникнуть национальные движения, не дав им выйти за рамки, соответствующие интересам царизма.

Отношением правительства к славянофильской агитации объяснялось не только отсутствие славянофильского печатного органа, но и отсутствие выступлений в печати самых одиозных вождей славянофильства, прежде всего И. С. Аксакова, публицистическая деятельность которого была запрещена. Некоторая наиболее консервативная часть славянофилов группировалась тогда вокруг журнала «Заря», издаваемого фактически под редакцией Н. Н. Страхова. Но журнал не имел выдержанного направления и влачил жалкое существование, терпя недостаток подписчиков [223].

В «Заре» в 1869 г. была опубликована работа Н. Данилевского, с именем которого связано так называемое позднее славянофильство, окончательно утратившее свои либеральные привески, под названием «Россия и Европа» [224]. Она позволяет уяснить славянофильское толкование задач внешней политики России.

Отрицая единство общественного развития и общую историческую закономерность, Данилевский стремился доказать коренную противоположность развития славянского Востока и романо-германского Запада и вытекающую отсюда органическую враждебность Европы к России [225]. Интересы России и славянства поэтому «не позволяют ей вступить в политическую систему Европы», ибо это повлекло бы «усвоение ею (Россией.— *Л. Ш.*) европейских интересов и превращение в орудие чужой воли» [226]. Подобная теория определяла внешнеполитические взгляды не одного Данилевского. И. С. Аксаков писал в «Москве» в 1867 г.: «Нет у Запада мира с Востоком» [227]. Ф. И. Тютчев считал: «Усобица на Западе — вот наш лучший политический союз» [228].

Вместе с Тютчевым и Аксаковым Данилевский утверждал, что всякий раз, как Россия забывала об этих «истинах», она теряла в своей силе. Ошибкой якобы был, например, европейский поход России в 1813 г., вслед за которым Священный союз сковал свободу России. «Новейшие события, начиная с Восточной войны и оканчивая войной Пруссии с Австрией,— пишет он,— показали ясно, что нам не на кого опереться в Европе и что даже опоры этой нельзя купить никакими жертвами» [229].

В начале франко-прусской войны журнал «Заря» высказывал тревогу по поводу того, что Бисмарк в случае победы Пруссии и присоединения Южной Германии приступит к двум другим шагам, чтобы «увенчать здание германского единства»,— поглощению немецких провинций Австрии и Остзейских России. Журнал призывал не верить в дружеское расположение Пруссии и перестать рассчитывать на Пруссию в противоборстве с Австрией на Востоке и Англией в Средней Азии. «На наших глазах,— писала «Заря»,— с быстротой почти баснословной, в сердце Европы, на рубеже нашего отечества возникла такая громадная политическая сила, какой еще не существовало в новой истории и зловещее могущество

которой сказывается вполне только в настоящую минуту»[230]. Журнал пугало, что Россия могла быть, помимо желания, вынуждена к военному вмешательству, когда в связи с поглощением Австрии выступит на сцену «славянская проблема». Хуже всего, предупреждала «Заря», что в этой войне Россия не будет иметь ни одного союзника, так как само свойство славянского вопроса ставит ее в положение, не только изолированное, но даже враждебное интересам всей остальной Европы[231].

Таким образом, намечались определенные расхождения между правительственным курсом и направлением ряда печатных органов в вопросах, касающихся внешнеполитической ориентации.

Маркс, внимательно следивший за русской печатью, считал оппозицию в России во время войны достаточно сильной, чтобы в конце концов вынудить царя выступить против Пруссии. «Пресса московитской партии (я кое-что из нее посмотрел у Боркхейма),— писал Маркс,— столь же резко напала на русское правительство за его дружественную позицию по отношению к Пруссии, как французские газеты тьеровского направления нападали в 1866 г. на Бустрапу за его флирт с Пруссией. Только император, немецко-русская партия и официальный орган «Journal de Saint-Pétersbourg» выступают все вместе против Франции. Но и они отнюдь не ожидали столь решительных прусско-немецких успехов»[232].

Глава V

Первые поражения Франции и дипломатия России

„Лига нейтральных“

Поражение французских войск при Вейсенбурге и Вёрте и вторжение немецкой армии на территорию Франции взбудоражили Европу. Под угрозой оказались многие расчеты дипломатии нейтральных стран, базирующиеся на предположении о военном превосходстве Франции или, по крайней мере, о сравнительном равенстве сил соперничающих держав. Резче всего, пожалуй, это затронуло Австро-Венгрию, внешнеполитические планы большинства группировок правящего класса которой при известном разнообразии строились в конечном счете на использовании предполагаемого французского успеха в войне. Русский военный агент Ф. Таркез заметил, что особые опасения в Вене вызвали даже не столько успехи германской армии сами по себе, «сколько боязнь падения императора Луи Наполеона и провозглашения французской республики» [1]. Некоторым утешением для австрийцев было лишь ощущение того, что ход современной войны как бы морально смягчает военный позор, пережитый Австрией в 1866 г. «Я слышу со всех сторон,— писал Васильчиков из Вены в эти дни,— выражения удовлетворения при сравнении печальных ошибок австрийских генералов с неудачами, которые

испытывает теперь при столкновении с тем же противником французская армия»[2].

Вынужденная необходимость существенной переориентации австрийского внешнеполитического курса привела к углублению раскола в правящих кругах Австро-Венгрии. Влиятельные консервативные круги («дворцовая партия») считали, что новые обстоятельства еще более настойчиво требуют от габсбургской империи активизации антипрусского курса. Либеральная австрийская буржуазия («конституционная партия»), наоборот, находила, что теперь следует взять линию на сближение с Пруссией. В венгерской же партии Деака мнения разделились[3].

В России в первых неудачах французов еще не усматривали предрешенности исхода войны. Убри доносил в Петербург о самоуверенных прогнозах прусского командования[4], но по-прежнему полагал, что война все же будет продолжительной: «Пруссия продвигается от успеха к успеху, но с развитием войны сопротивление должно возрастать»[5]. Однако было очевидно, что Франция неожиданно быстро уступила военную инициативу. Александр II откровенно приветствовал прусские успехи. Когда он, выходя из Петровского дворца в Москве, получил известие об исходе сражения под Седаном, пишет Д. А. Милютин, то «не скрыл своей радости перед свитой, собравшейся у подъезда»[6]. Немедленно была послана поздравительная телеграмма королю Вильгельму. А. А. Киреев пометил в своем дневнике: «4 сентября 1870 г. Государь очень сочувствует успехам Пруссии... Государь выражает удивление, что в его гвардии более сочувствуют французам. Наследнику запрещено слишком выражать свое сочувствие французам»[7]. Щедро раздавались русские ордена прусским военачальникам: два прусских принца, Фридрих Вильгельм и Фридрих Карл, командовавшие армиями, были возведены в ранг русских фельдмаршалов,— хотя подобного рода наград было принято удостаивать иностранных генералов лишь за крупные успехи в войнах, в которых Россия сама принимала участие. «Оба прусских принца,— писал по этому поводу петербургский корреспондент в «Индепандан Бэльж»,— оказали большие услуги своей родине, но ничем не доказано, что эти услуги с какой-нибудь стороны полезны для России, и, откровенно говоря, почести, ко-

торые им пожаловали и которые как бы свидетельствуют, что мы радуемся поражениям Франции, мне кажется, трудно примирить с нашим нейтралитетом» [8].

Однако полного совпадения личной пристрастности к Пруссии царя и его оценок и решений как политика быть не могло, и это ощущалось теми, кто входил с ним в контакт. Горчаков, не разделявший династической привязанности царя к Пруссии, был далек от восторгов по поводу направления, которое приняли военные события. У французского посла сложилось впечатление, что Александр II и Горчаков болезненно ощутили крах иллюзий о сравнительном равенстве сил и столкновение с действительностью заставило их задуматься и заколебаться. Флери показалось даже, что имеется возможность использовать эти колебания Александра, чтобы отвлечь его от Пруссии и сблизить с Австрией. Если бы Австрия дала России формальные гарантии ее безопасности со стороны Галиции, высказывал он предположение, царь может быть отказался бы далее сковывать австрийские действия [9]. Флери не ошибался в одном — в возросшем желании России найти пути к сближению с Австрией, но переоценивал ситуацию, полагая, что в Петербурге готовы на определенных условиях примириться с вооружением Австрии и возможностью ее вмешательства в войну.

19 августа Окунев напомнил Туру д'Оверню, только что сменившему Грамона на посту министра иностранных дел, что русское правительство останется нейтральным, лишь пока Австрия будет сохранять подобную же позицию [10]. Довольно скоро французская дипломатия оставила попытки добиться от Петербурга свободы действий для Австрии, ибо к тому времени становилось сомнительным желание самой Австрии при сложившейся обстановке участвовать в войне на стороне Франции. Тур д'Овернь заверил Окунева, что французское правительство «считает совершенно несвоевременным и бесплодным призыв к какой-либо иностранной державе о военной помощи назавтра после серьезного поражения» [11]. Французские власти теперь поглощала забота о том, как избежать территориальных потерь и спасти империю от краха. На Ке-д'Орсе строили планы привлечения в этих целях к посредничеству Россию. Главный аргумент, должный, по мнению французских министров, воздействовать на петербургский кабинет, заключался в

том, что поражение Франции будет якобы иметь результатом всеобщую революцию, толчком к которой послужит падение наполеоновского трона и провозглашение французской республики. Надеялись, что осознание этой опасности активизирует царя.

В Петербурге хорошо представляли себе подобную перспективу. «Ширится всеобщее недовольство Наполеоном за ведение войны,— телеграфировал 12 августа Окунев.— В случае нового поражения возможно падение трона и установление республики даже без революции, выскажись лишь законодательный корпус». Все это выглядело настолько актуальным, что поверенный в делах уже просил инструкций на этот случай [12]. Становилось очевидным, что перемещения в правительственных французских кругах, происшедшие после стихийных выступлений масс 7—9 августа (отставка Оливье и формирование правительства генерала Паликао, а также отстранение Наполеона от командования армией), не смогли хоть сколько-нибудь стабилизировать обстановку [13]. «Министерство Паликао — это не оборона Франции, но ужас всему, что есть либерального в Париже»,— комментировал положение «Вестник Европы» [14].

Журнал видел в реакционном бонапартистском режиме главное препятствие спасению Франции от поражения. «Будь она (Франция.— *Л. Ш.*) как в 1792 г...— писал «Вестник Европы»,— она сумела бы справиться с внешним врагом... так как в настоящее время все французы, во всех углах своего отечества, начинают сознавать свое унижение, и если они все-таки не сливаются в одно непоколебимое целое, то отчасти потому, что 20-летнее политическое развращение лишило их инстинкта инициативы в государственных и общественных делах, а отчасти потому, что значительная часть их справедливо опасалась, что, пока власть находится в руках императора, народный энтузиазм мог в конце концов сыграть роль слепого орудия в руках той самой власти, которая довела Францию до нынешнего губительного состояния» [15].

Обозреватель журнала «Дело» сообщал из Парижа, что состав нового кабинета произвел самое тяжелое и неприятное впечатление на парижан. «Паликао, Шевро, Дюзернуа, Граннере, Жером Давид — более непопулярных и ненавидимых всеми личностей трудно было выбрать» [16].

Только решающий военный успех, утверждал вслед за Окуневым Бруннов, мог предотвратить падение Второй империи, «которое, по всей видимости, уже близко, и, если она падет, мы окажемся перед лицом республики или временного правительства, глава которого нам неизвестен» [17].

Бруннов считал, что ему теперь уже совсем нет смысла торопиться в Париж к своему новому посту, так как он прибыл бы туда в разгар катастрофы, не успев сориентироваться и не располагая связями, тогда как, оставаясь в Англии, он может быть значительно полезнее. В Петербурге согласились с этим.

Очевидная озабоченность руководящих кругов России внутренним положением Франции переплеталась с опасениями по поводу возможности чрезмерного усиления Пруссии, расчленения Франции и вытекающих отсюда радикальных перемен в соотношении сил на континенте. Царь передал через прусского посла пожелание, чтобы Пруссия ограничилась при заключении мира требованиями возмещения военных издержек и срытия пограничных французских крепостей и не предъявляла бы никаких территориальных притязаний [18]. Горчаков через послов пропагандировал в нейтральных странах убеждение, что Франция, несмотря на любые поражения, «вряд ли согласится когда-либо на расчленение, если оно входит в намерение пруссаков: мир, продиктованный опьянением победой, не может быть прочным» [19].

Локализируя войну в пользу Пруссии, горчаковская дипломатия не собиралась оставлять за Бисмарком полную свободу в определении конечных результатов войны. Изучение русской дипломатической переписки военного периода, еще мало использованной в научной литературе, свидетельствует, что активность России с начала войны была многосторонней, значительнее, более гибкой, чем представляется в западной историографии. Россия добивалась не только локализации войны, оказывая давление на Австрию, ища путей к обеспечению датского нейтралитета и нейтралитета других малых стран, но и стремилась к известному сплочению нейтральных государств, и воздействию на решение послевоенных проблем. «Мир, почетный для Германии, но умеренный для побежденного, может быть, по-моему, достигнут только при участии нейтральной Европы»,— писал Горчаков [20].

Уже 19 июля Бруннову была направлена инструкция, требующая выяснить возможности контакта с Англией относительно защиты принципов нейтралитета. Продолжительная беседа с британским министром иностранных дел 24 июля по этому поводу убедила посла, что он был недалек от истины, высказывая еще до этого предположение о желании Англии остаться вне континентальных осложнений и не вступать в систему согласованного нейтралитета [21]. Однако он подметил и новый, обнадеживающий на будущее нюанс в словах Гренвиля, что «может наступить момент, когда Россия и Англия будут призваны поднять вместе голос в пользу восстановления мира». Этот час наступит, пояснил британский министр, «когда воюющие державы, попытав счастья оружием, почувствуют некоторую усталость, которая сделает их расположенными выслушать примирительные советы» [22]. Кроме того, в английском парламенте и прессе намечалась оппозиция правительственному курсу. Рассел, выступая 28 июля в палате лордов, поддержал идею согласованного нейтралитета [23]. На согласованном нейтралитете настаивал Дизраэли [24]. Это поощрило русскую дипломатию на повторение своего демарша. 4 августа Бруннову была направлена секретная телеграмма: «Несмотря на сказанное Гренвилем, мы находим в мнении английских палат колебания относительно изолированного нейтралитета. Прозондируйте, имеются ли шансы склонить лондонский кабинет к принятию нейтралитета, согласованного с нами, Австрией, Италией и второстепенными государствами, чтобы морально, не используя силы, укрепить европейские нейтральные государства. Соглашение может принять форму протокола или любую другую, которая будет приемлема» [25].

Однако на отношении Форин оффис к русским предложениям сказывалось еще и недоверие, связанное с предположением, что Россия является, по крайней мере «официозным, союзником Пруссии», как выразился Бьюханен в одном из своих донесений [26].

Аналогичная инициатива итальянского королевства, перед которым стояла проблема присоединения Папской области и Рима, создания единого итальянского государства, в немалой степени была активизирована русским зондажем, осуществленным во Флоренции в такой же форме, как и в Лондоне. Либеральная «правая», нахо-

дящаяся у власти, не решалась овладеть Римом силой, боясь этим поощрить развитие революционных тенденций, вызвать конфликт с Ватиканом и католическими державами, и намеревалась добиваться цели путем переговоров с папой. Однако упорное нежелание Пия IX идти на переговоры и давление итальянского народа, требующего воссоединения Рима, вынуждало флорентийский кабинет предпринять шаги к овладению итальянской столицей.

В этой связи особенно важно было заручиться нейтралитетом великих держав, предполагавшим, что никакие осложнения не заставят их выйти из состояния нейтралитета и вступить в войну. Это обеспечивало Италии невмешательство держав и в случае осложнений на почве римского вопроса [27]. Италия, находясь под все более усиливающимся давлением Франции, кроме того, испытывала, по мнению Горчакова, потребность опереться на свои обязательства перед другими державами, которые связывали бы ее нейтралитетом и тем самым амортизировали бы французское да и, возможно, прусское давление [28].

Но и итальянское предложение не сразу возымело действие. Когда в конце июля Висконти-Веноста запросил Лондон, «не готова ли Англия возбудить в Вене и Петербурге вопрос об установлении контакта нейтральных держав с целью локализации войны», английское правительство ответило отрицательно, ссылаясь на трудность осуществления подобного предложения [29]. Однако последовавшие поражения Франции, известия о начавшемся там революционном брожении, сообщения прусского посла о том, что Бисмарк серьезно опасается сейчас вступления Австрии в войну и самое время предостеречь от этого в Вене и Флоренции, и, наконец, давление оппозиции в английском парламенте и в прессе заставили британскую дипломатию несколько изменить свою линию. Повторное предложение Висконти-Веносты о создании «лиги нейтральных» государств, сделанное 9 августа, было поддержано в Лондоне, и 10 августа Гренвиль обратился с этим проектом в Петербург [30]. Речь шла об обмене нейтральных государств обязательствами не выходить из состояния нейтралитета без предварительного обмена мнениями и информацией других участников соглашения. Англия предпочитала избежать оформленного соглашения в виде конвенции

или коллективного протокола, предлагая обмен нотами [31]. Не исключено, что механизм «лиги нейтральных» английская дипломатия думала попутно использовать и в целях предотвращения пересмотра Парижского договора 1856 г.

Против соглашения с Англией резко высказались «Московские ведомости». Россия должна быть нейтральной, чтобы располагать свободой рук «ради собственных интересов», зачем жертвовать ими ради интересов Англии? — задавала вопрос газета. «Англии, несомненно, желательно лишить нас самостоятельного участия в ходе событий» [32]. Среди русских дипломатов тоже были противники «лиги нейтральных». Например, Убри считал, что «столь аморфная» комбинация малопрактична, но вместе с тем осложнит осуществление намерения России следовать за эволюцией австрийского нейтралитета, принизит роль России в европейском ареопаге, ставя ее на один уровень с Италией. По мнению Убри, интересам России и ее положению в Европе больше соответствовал бы совершенно свободный от внешних обязательств нейтралитет. Война ему представлялась затяжной (он полагал, что от поражения к поражению сопротивление Франции будет возрастать), и чем дольше она будет продолжаться, писал он, «тем больше мы извлечем выгод из нейтралитета, необремененного обязательствами по отношению к другим державам» [33].

Мнение Убри не нашло поддержки. 24 августа Бруннов получил полномочия обменяться соответствующими нотами с британским министром иностранных дел [34]. 31 августа этот обмен состоялся [35]. Ноты констатировали согласие России и Англии «ни в чем не отклоняться от нейтралитета в ходе современной войны без обмена мнениями и без предварительного сообщения другой стороне о намерениях изменить свою политику в том, что касается нейтралитета, если бы такие намерения возникли» [36].

К «лиге нейтральных» присоединились также Италия и Австро-Венгрия. Последняя в ходе переговоров настаивала на внесении в английский проект ноты оговорки, запрещающей всякое сепаратное посредничество в войне договаривающихся нейтральных держав и выраженной в следующей формуле: «Венский кабинет рассматривает как разумеющееся, что ни одна из договаривающихся сторон не будет без ведома другой предпринимать посред-

ничество между воюющими державами. Если подобное изолированное посредничество будет иметь место, другая держава тотчас приобретает вновь полную свободу действий» [37].

Австрийское предложение вызвало в Петербурге крайнее недовольство. Его принятие осложнило бы проявление активности нейтральных держав в определении условий мира. Горчаков заявил, что эта оговорка лишена смысла, «ибо в настоящий момент никто из воюющих не проявляет стремления к мирным переговорам». И подчеркнул: «Если же одна из нейтральных стран найдет способ расположить воюющие державы к этому, я не вижу, почему эта попытка должна вернуть остальным полную свободу в отношении нейтралитета. Не имеет значения, кто откроет дверь для переговоров». Сепаратная инициатива, считал русский министр, не помешает никому принять участие в мирной конференции [38]. В течение некоторого времени Бейст упорно доказывал, что Австрия не может нести ответственность за сепаратные действия Англии. «Английская импровизация при обыкновении Форин оффис легкомысленно забегать вперед в области дипломатии... могла бы поставить договаривающиеся державы в ложное положение»,— говорил Бейст [39]. За этим упорством скрывались не приглушенные окончательно, несмотря на французские неудачи, надежды Австрии извлечь все же какие-то выгоды из состояния вооруженного нейтралитета. Лишь седанская катастрофа и крушение Второй империи перечеркнули эти надежды. Терялся всякий смысл подвергать лишнему испытанию свои отношения с Россией, и 10 сентября, сочтя за лучшее снять свою оговорку, Австро-Венгрия присоединилась к «лиге нейтральных» [40].

Установившаяся, таким образом, между нейтральными государствами договоренность носила весьма поверхностный характер. Бейст, иронически относясь к действенности «лиги», определил ее сущность как взаимную возможность для участников спрягать «Je suis neutre, tu es neutre, nous sommes neutre» [41]. Однако даже в подобном «концерте» нейтральных некоторые круги в Германии узрели угрозу внешнего давления. В «Кройццайтунг» 10 августа появилась статья «Neutrale» («Нейтральные»), полная выпадов против нейтральных держав. Статья вызвала сильное возбуждение в политических сферах

Европы, в том числе России. Убри по своей инициативе, одобренной постфактум царем, выразил по этому поводу недовольство в прусском министерстве иностранных дел [42]. Чтобы смягчить столь неприятный резонанс, бисмарковская «Норддойче альгемайне цайтунг» вынуждена была опубликовать заметку, имевшую официальный характер, где заявлялось, что высказанные в «Кройццайтунг» взгляды на образ действия нейтральных держав не соответствуют ни фактическому положению дел, ни воззрениям правительства Пруссии [43].

Русско-австрийские переговоры

Когда перевес Пруссии в войне стал очевиден и в силу этого значительно менее вероятным стало вступление в войну Австро-Венгрии в качестве французского союзника, в Петербурге появились тенденции к сближению с габсбургской монархией с целью совместными усилиями парализовать крайние намерения Пруссии. В указаниях Новикову, выехавшему из Афин в Вену, чтобы приступить к исполнению своих новых обязанностей посла в Австрии, Горчаков подчеркнул, что в самом принципе зависимости позиции России от позиции Австрии таятся предпосылки для установления между обеими странами «согласия, благоприятствующего европейскому равновесию»; это согласуется с желанием русского правительства, и есть основания думать, что подобное желание имеется и в Вене [44].

Действительно, некоторые симптомы заинтересованности в подобного рода соглашении в Вене замечались. Причем Бейст полагал, что в переговорах с Россией Австрия будет занимать выгодное положение. Настойчивое противодействие России австрийским вооружениям он расценивал как признак слабости России, которая «боится быть поставленной перед необходимостью выполнить свои обязательства перед Пруссией» [45]. Хотек тоже считал, что, эксплуатируя намерение России помешать австрийскому вооружению и концентрации австрийской армии, можно выторговать у России различные уступки в процессе «обмена мнениями» [46].

Затевая переговоры с Австрией, петербургские круги некоторые надежды возлагали на Хотека, чеха по нацио-

нальности, пользовавшегося благосклонностью русского двора и, в свою очередь, выражавшего симпатии России. 14 августа царь и Горчаков воспользовались вызовом Хотека для доклада в Вену в качестве повода передать венскому кабинету свои соображения относительно возможного кооперирования усилий России и Австро-Венгрии [47]. «Нужно крепче держаться друг друга, чтобы помешать Пруссии урегулировать дела одной и только в свою пользу,— заявил царь,— я дам свое согласие только на условия, обеспечивающие длительный мир, а не на условия, неприемлемые для Франции и невыгодные с точки зрения европейского равновесия» [48]. Исходя из этого, царь и Горчаков развили перед Хотеком идею коллективного посредничества нейтральных держав и созыва конгресса для выработки условий мира. Особенно детально прокомментировал эту идею Горчаков. «Не следует оставлять Пруссии даже возможность инициативы в прекращении войны,— говорил он,— нужно внушить ей это первыми». Посредническая миссия нейтральных держав должна завершиться конгрессом с участием глав правительств, который решил бы по возможности полнее все вопросы, прямо или косвенно связанные с войной (о будущем Юга Германии, о выполнении условий Пражского мира и т. д.). Горчаков наметил схему приемлемого мира: возмещение издержек войны, разоружение пограничных французских крепостей, в самом крайнем случае — отделение Эльзаса и слияние его с Люксембургом в нейтральное государство под гарантией держав, которое играло бы роль буфера. Но нельзя согласиться с прусскими претензиями на аннексию Эльзаса и Лотарингии и другими чрезмерными требованиями Пруссии. Горчаков предусматривал консультации между Россией и Австро-Венгрией в случае падения империи Наполеона III. В качестве мотива сближения фигурировала также ссылка на необходимость сплотить силы «против международной революции».

В этот момент заинтересованность монархической Европы в сохранении французской империи явилась известного рода фактором, объединяющим европейские кабинеты. Бейст, проводя параллель с обстановкой в Европе в канун падения империи Наполеона I, говорил Новикову: «Тогда объединенная Европа боролась против Наполеона, поддерживаемого французским общественным

мнением. Сейчас Франция не хочет больше наполеоновской династии, а Европа, наоборот, готова оказать последней материальную помощь, не исключая Пруссии, ибо все понимают, что лучше иметь возможность договариваться с существующим правительством, чем с неизвестным»[49]. Тем не менее Бисмарк все же побаивался, не соблазнятся ли все-таки в России и Англии переворотом в пользу Орлеанской династии, чтобы, ссылаясь на устранение Наполеона, против которого велась война, добиваться снисходительных условий мира для Франции. Он постарался поэтому заблаговременно рассеять подобные надежды. «Именно в отношении их (Орлеанов.— *Л. Ш.*) было бы особенно необходимо обеспечиться на будущее, ибо они для укрепления своего господства должны были бы поощрять ожесточение французского народа и оказались бы вынужденными вести реваншистскую войну против Германии»,— наставлял он своего посланника в России для соответствующего разговора с Горчаковым[50].

Предпосылкой австро-русского сближения должно было стать урегулирование спорных вопросов и устранение поводов для взаимного недоверия. Александр II заверял, что он рассматривает Австрию как великую державу, необходимую для укрепления европейского равновесия, и у него нет намерений напасть на нее. Горчаков в унисон добавлял, что Россия, если появится необходимость, готова выступить в Берлине с рекомендацией отказаться от враждебного отношения к Австрии.

В глазах царя самым острым вопросом в австро-русских отношениях оставался вопрос о Польше. «Здесь я не могу пойти на сделку». Австрия должна отказаться от политики ополячивания Галиции и от поддержки революционных элементов в Царстве Польском, предупреждал он. Хотек тут же возразил, что Австрия не может пожертвовать своими политическими принципами. Это вынудило царя последующими словами смягчить смысл своих требований. Что же касается Горчакова, то он не скрывал от австрийского посла, что расходится с царем во взглядах на польский вопрос и не считает последний в настоящий момент столь острым и важным в отношениях с Австрией.

Царь и министр старались успокоить Австрию, заверяя, что у России не имеется никаких претензий на

Востоке и ее первым желанием является сохранение независимости и целостности Османской империи. «Но если, помимо наших желаний и несмотря на них, Турция бы распалась,— заметил Александр Хотеку,— то наша точка зрения на это такова: Константинополь — свободный город и центр конфедерации суверенных балканских государств. Лучше всего, если бы мы вдвоем договорились об условиях преобразования и существования этого объединения и привлекли бы позднее Европу, чтобы освятить это дело». Царь был не против принять за основу русской и австрийской политики на Востоке идеи, выраженные Бейстом в депеше в январе 1867 г. Хотека удивило при этом, что ни Александр II, ни Горчаков ни словом не обмолвились о Черном море и Парижском договоре 1856 г. Видимо, русская дипломатия не спешила раскрывать свои карты, пока оставались невыясненными намерения партнера.

После беседы с Хотеком у Горчакова зародилась надежда на успех миссии австрийского посла, которого, как казалось Горчакову, удалось убедить в отсутствии опасности для Австрии со стороны России, Пруссии и даже Востока. «Во всяком случае он (Хотек.— *Л. Ш.*),— делился Горчаков своими впечатлениями с Васильчиковым,— не возражал. Он мне даже подтвердил, что в отношении Турции в Австрии успокоились». Это очень важно, считал русский министр, так как Восток — «уязвимая сторона для несправедливых подозрений в отношении России» [51]. Горчаков просил Васильчикова помочь Хотеку успешно завершить возложенную на него миссию.

Австрийский ответ, привезенный Хотеком 29 августа и сформулированный в нескольких депешах Бейста, базировался на решениях, принятых коронным советом в Вене 22 августа после обсуждения русских предложений. Бейст, вопреки новым пропрусским тенденциям «конституционной партии», склонялся к идее русско-австрийского сотрудничества с целью совместно воздействовать на результаты войны и предотвратить ее возможные революционные последствия для Европы. Позиция Бейста с оговоркой относительно необходимости продолжения австрийских вооружений и пресечения попыток России оказать влияние на внутреннее устройство австрийской империи получила поддержку «дворцовой партии» и венгров во главе с Андраши [52].

Настояния Вены на так называемом довооружении австрийской армии стали серьезным препятствием для урегулирования русско-австрийских отношений. В Петербурге, учитывая смутную обстановку, царящую в Европе, видели опасность в самом факте наращивания и концентрации вооруженных сил соседней страны. Поэтому отношение к австрийским военным приготовлениям не смягчалось оттого, что они, как сообщал Новиков, были перенесены главным образом на границу с Германией, тогда как в начале войны упор делался на укрепление границы с Россией [53]. В общем смысле ответных австрийских депеш в Петербурге улавливали намерение Австрии в данный момент с помощью военных приготовлений оказать давление на Пруссию. Это намерение не одобрялось русской дипломатией. Австрия не может рассчитывать в подобном случае, полагал Горчаков, ни на Англию, ни на Россию, ни на Италию, а ее изолированное давление, представляя недостаточную силу, только осложнит процесс переговоров [54]. «Из австрийского предложения,— писалось позднее в отчете МИДа,— можно было заключить, что Бейст хочет вооруженного нейтралитета и рассчитывает на Россию, чтобы вместе оказать материальное давление на Пруссию» [55]. Это было далеко от сути русских предложений и намерений. Царь продолжал связывать с австрийским вооружением угрозу осложнения польского вопроса. Как резюмировал русский канцлер, вопрос о вооружениях благодаря австрийской позиции снова переносился «в ту плоскость, в которой он находился до отъезда Хотека из Петербурга» [56].

Соглашаясь в общем с горчаковской формулой восточной политики, изложенной в разговоре с Хотеком 14 августа, австрийское правительство настаивало на публичном отмежевании России от панславистской пропаганды, на что Россия не могла пойти уже по одному тому, что подобный акт означал бы признание ею справедливости обвинений, которые выдвигались в этой области западной дипломатией против России. Затем от России требовали проявить бóльший интерес к строительству железных дорог в Румелии, тогда как эти дороги, что тут же заявил Горчаков Хотеку, своим направлением стали бы «обстоятельством, в высшей степени неблагоприятным для торговли и интересов Юга России. И предлагать России протежировать или ускорять их

строительство — все равно что требовать от нее акта самоотречения, более чем странного для любого правительства, поставленного в те же условия» [57].

Бейст хотел также получить разъяснения о возможности посредничества, об основных условиях мира, которые следует предложить воюющим державам, о том, как следует реагировать в случае, если предложения нейтральных держав не будут приняты той или другой воюющей стороной. В Петербурге сочли эти вопросы преждевременными; а в отношении же последнего Горчаков дал понять, что данный вопрос вообще не согласуется с самим духом благожелательности намерений нейтральных держав, подчеркивая тем самым, что Россия с самого начала исключает всякое насильственное давление на воюющих [58].

Таким образом, общий итог первоначальной стадии русско-австрийских переговоров оказался практически малорезультативным. Продолжалась дискуссия по поводу польской агитации. 23 августа Горчаков телеграфировал Васильчикову предписание выразить недовольство польской прессой. «От австрийского правительства,— подчеркивал русский министр,— зависит принятие мер в отношении газет, издаваемых на австрийской территории» [59].

В середине сентября Андраши посетил Новикова для неофициальной беседы с целью, как он выразился, «рассеять откровенными объяснениями облачки, которые возникли в ходе миссии Хотека». Он сказал, что точка зрения России о полнейшей зависимости ее поведения от поведения Австрии «как нельзя более справедлива» и отсюда вытекает возможность их сближения. Что, только сейчас ознакомившись с инструкциями Хотеку, он убедился в наличии там некоторых неясных фраз, двусмысленное истолкование которых может дать повод к недоразумению. Что он не знает, как вкралась в эти инструкции мысль, будто австрийские дополнительные вооружения должны оказать материальное давление на Пруссию, ибо это никогда не входило в намерения австрийского императора и его министров. «Наши вооружения вызываются совсем другими причинами»,— убеждал Андраши русского дипломата. На вопрос Новикова: что же это за причины? — Андраши ответил, что в австрийском вооружении надо различать несколько эта-

пов. В начале войны, при неясности намерений России и Пруссии, австрийское правительство было заинтересовано укрепить безопасность своих границ. Затем, когда были получены заверения царя в благожелательной позиции России и в отсутствии угрозы со стороны Германии, австрийский кабинет решил не прибегать к экстраординарным военным приготовлениям. «Но так как в силу мании экономии, охватившей Делегации [60], австрийская армия была сильно недоукомплектована», необходимо было использовать чрезвычайные обстоятельства, чтобы привести армию в более нормальное положение «не только на время кризиса, но и на более длительное будущее», ибо, упустив момент, правительство рисковало снова столкнуться с отказом Делегаций в кредитах. Андраши ссылался еще на внутренние потребности империи и необходимость «учитывать революционные очаги в Италии и Румынии» [61]. Визит с объяснениями лидера враждебной России венгерской группировки был симптоматичен как признак трудного положения, в котором оказалась в связи с направлением войны дипломатия габсбургской монархии.

Англия

Бруннов в своем пространном письме Горчакову констатировал, что прусские успехи в 1870 г., как и в 1866 г., не вывели Англию из состояния пассивности. Англия, по мнению Бруннова, не имела оснований тешить себя победами Пруссии, поскольку ее отношения со Второй империей в политической и коммерческой области складывались в целом выгодно для английских интересов, тогда как в Берлине, писал Бруннов, куда грозит переместиться европейский центр, «кредит английской дипломатии остается до сих пор весьма скромным», а лично Бисмарк «внушает английскому кабинету больше оснований для беспокойства, чем для доверия». Гренвиль понимает все это, отмечал русский посол, но он, во-первых, не доверяет политике Бейста и низко оценивает значение поддержки Австрии, зная недостаточность ее людских, денежных и военных средств; во-вторых, считает равными почти нулю итальянские возможности в материальном и моральном сопротивлении Пруссии; в-тре-

тьих, сомневается в мотивах русского стремления договориться с Англией о совместных действиях против Пруссии, веря в существование интимных отношений между Россией и Пруссией. Наконец, к этому нужно добавить еще два обстоятельства, отмечает Бруннов: отрицательное отношение английского общественного мнения ко всякому проекту континентальной коалиции и то, что сам Гренвиль, по своим взглядам, слишком придворный, чтобы предложить королеве комбинацию, направленную против интересов прусского королевского дома [62].

Наиболее влиятельный орган английской прессы «Таймс» выступил с призывом к снисходительным условиям мира, ссылаясь на то, что французский народ не должен нести ответственность за политику своего правителя. Однако последовали раздражительная реакция на это выступление прусской печати и разговор Бернсторфа с главным редактором «Таймс» Делане, которого прусский посол предупредил, что подобные рассуждения вряд ли способны сделать Англию привлекательным посредником для Германии. И газета изменила свою позицию, 24 августа «Таймс» выступила с заявлением о том, что Англия не думает навязывать Германии свое посредничество или какие-либо условия мира [63].

Прусский военный уполномоченный, полковник Вердер, узнал прямо от царя французские условия мира, изложенные Грамоном Окуневу в первые дни войны, которые намечали крупные территориальные изменения в Германии, сведение Пруссии к границам 1866 г. и возможную передачу Данцига России как плату за нейтралитет. Реализация этой программы вела бы к установлению господства Франции в Европе. Бисмарк дал указания Бернсторфу использовать в английской прессе эти сведения для притупления английской оппозиции германской программе мира [64].

Когда Бруннов познакомил британского министра с письмами Горчакова от 24 августа, где высказывались соображения относительно посреднической роли нейтральных держав, Гренвиль ответил, что, по его мнению, Бисмарк будет стремиться к прямым переговорам с французским правительством, каким бы оно ни было. Франция же, как сообщил Гренвилю Тур д'Овернь, считает возможными переговоры лишь при двух условиях: сохранение династии и территориальной целостности.

Гарантировать и то и другое вне возможностей Англии. Англия, пояснил министр, хотя и желает сохранения империи Наполеона, не может высказаться по конституционному вопросу, не нарушая права другой нации на выбор формы правления, не в ее силах обеспечить и территориальную целостность Франции. Все это, дескать, заставляет его сделать вывод об отсутствии в данный момент шансов на успех примирительного вмешательства нейтральных держав[65]. Англия, действительно, не хочет нарушения территориального статус-кво Франции, комментировал беседу Бруннов, но ничто, заключал он, «не позволяет мне в тоне Гренвиля предвидеть намерение противодействовать усилиям Пруссии, если та захочет расширить германские границы по «праву войны»»[66].

Уклоняясь от посредничества, Гренвиль заметил Бруннову, что Англия уже фактически отвергла аналогичное предложение итальянского министра иностранных дел Висконти-Веносты и это само по себе связывает ее. Бруннов постарался парировать это соображение, подчеркнув различие между англо-итальянскими и англо-русскими переговорами в данном случае. «Италия не подписывала совместно с нами мирных договоров 1814 и 1815 гг., которые определили тогда территориальные границы Франции. Результаты, которые они (эти договоры.— *Л. Ш.*) предназначены были освятить, куплены ценой совместных жертв России и Англии. Гренвиль,— пишет Бруннов,— признал эту истину без оговорок. Я ухватился, чтобы сделать желаемый вывод: Россия и Англия, приложившие свои усилия, чтобы определить территориальное положение Франции в интересах европейского равновесия, вправе не позволять подрывать или изменять это положение без их участия»[67]. Но все же разговор завершился лишь беспредметным обещанием Гренвиля сообщить высказанные Брунновым соображения британскому премьер-министру.

Германия против посредничества

Зондируя возможности совместного посредничества в Вене и Лондоне, русская дипломатия придерживалась осторожного тона с Францией, стараясь не забегать вперед в своих обещаниях. Меньше всего Горчаков хотел, чтобы посредничество России выглядело как результат

русско-французского сближения, а не как вмешательство нейтрального государства, совместно с другими нейтральными государствами озабоченного судьбами европейского равновесия. Сближение с Францией только способствовало бы раздражению Пруссии и обострению ее настороженности, что вряд ли могло компенсироваться для России благодарностью сомнительного в своей прочности наполеоновского режима, обещания которого в современной обстановке едва ли могли иметь практическую ценность. К тому же и сейчас из Тюильри, собственно, ничего не обещали России, обходя молчанием Парижский договор. Флери представлялась возможность лишь стращать Александра II и Горчакова последствиями распространения германизма с победой Пруссии и отменой Пражского договора: «Пруссия, завершив уничтожение Дании, распространит свое влияние на Швецию, превратив Балтику в германское озеро; под флагом пангерманизма возмутит Курляндию и Эстонию и закроет в будущем для России всякое сообщение с Западом» [68]. В Петербурге не игнорировали угроз, связанных с пангерманизмом, но не считали, что пангерманизм уже представляет непосредственную, прямую опасность.

24 августа Горчаков заверил Флери, что «Россия не согласится на посредничество, способное унизить Францию или предусматривающее малейшее уменьшение ее территории» [69]. Эта формула имела обнадеживающее для Франции значение и сулила возможность несколько укрепить французские позиции в случае мирных переговоров. Хотя в Петербурге в сложившихся обстоятельствах при всем предубеждении монархических кругов России к наполеоновской династии предпочитали сохранение империи неизвестности, связанной с ее крушением и чреватой революционными последствиями, Горчаков уклонился от всяких обещаний поддержать династию, когда Флери заявил ему, что Франция может договориться только при условии сохранения династии. Горчаков ответил, что династия здесь ни при чем и было бы неосторожно выставлять это условие [70].

В Берлине располагали сведениями о желании России воздействовать на выработку условий мира. Особенно настойчиво и подробно информировала об этом прусского посла великая княгиня Елена, тетка царя, бывшая вюртембергская принцесса, настроенная в высшей степе-

ни прогермански. Она старалась одновременно и предостеречь царя от «опасных последствий» идеи коллективного посредничества [71]. Помимо великой княгини Елены в прогерманском духе действовал русский военный агент в Берлине генерал Кутузов [72]. Еще 7 августа при встрече с только что вернувшимся из Германии Горчаковым Рейсу бросилось в глаза, что русский канцлер, высказывавшийся на германской земле в дружественном по отношению к Германии тоне, теперь держался сдержанно, делая упор на строгий нейтралитет России и заявляя, что не упустит необходимого момента, чтобы содействовать восстановлению нарушенного мира [73]. Вскоре Рейс получил сведения, что Горчаков уже предпринимает шаги к организации вмешательства нейтральных держав [74].

Рейс некоторое время надеялся, что царь может придерживаться иной, чем Горчаков, точки зрения особенно после своей беседы с Петром Шуваловым, который в начале августа, вернувшись из поездки по Франции и Германии, сказал Александру II, что при царящих в Германии настроениях там не удовлетворятся миром, «подкрашенным розовой водичкой» [75]. Однако влияние Горчакова, видимо, оказалось сильнее. 17 августа царь впервые в разговоре с Рейсом коснулся вопроса о будущем мире, а 18 августа, вернувшись вновь к этой теме, повторил, что надеется на умеренность победителя, так как в территориальных завоеваниях таятся корни новой войны, и посоветовал удовлетвориться денежным возмещением и срытием крепостей. Этот совет он высказал и в личном письме прусскому королю. Благодаря нейтралитету держав, «для укрепления которого Россия приложила усилия», подчеркивал Александр II, Пруссия смогла полностью и свободно распоряжаться своими силами в войне. Это дает Европе право на то, чтобы мир учитывал ее интересы, ибо, писал царь, «прочным и длительным может быть только мир, выработанный с ее (Европы.— *Л. Ш.*) участием» [76].

Между тем в Германии была организована активная кампания против вмешательства нейтральных держав. Из Берлина, Мюнхена, Лейпцига и других мест направлялись адреса королю с настояниями не допускать нейтральные государства к посредничеству [77]. Была поднята на ноги германская пресса, призванная образовать фронт против нейтральных [78]. «Кройццайтунг» требовала согла-

шения непосредственно между воюющими [79]. В ее выступлениях стали пробиваться антирусские ноты. На заграничные советы нечего обращать внимания, заявляла газета, этих советов, мол, немцы вдоволь наслушались в 1815 г.; Германии же 1870 г. нужны те материальные гарантии, которых в 1815 г. ее лишила Россия «из зависти к прусским победам» [80]. В таком же духе выступала «Кёльнише цайтунг». «Франция объявила войну Пруссии и Германии без посредничества иностранных держав,— писалось на ее страницах,— и само собой разумеется, что всякое вмешательство сейчас должно быть отвергнуто... Нейтральные державы заявили, как известно, в начале войны о необходимости локализировать ее. Пусть локализируют также и мир» [81].

От совета царя не предъявлять территориальных требований Франции Вильгельм заслонился ссылкой на германское общественное мнение, которое якобы трудно убедить в необходимости отказаться от завоеванных территорий [82]. Стремление нейтрализовать русскую активность побудило Бисмарка реагировать самым недвусмысленным образом на поведение России и начать настойчиво обрабатывать царское правительство. Он потребовал от Рейса не вступать в обсуждение каких-либо предложений о содержании будущего мира, если они будут высказаны, и разъяснять в Петербурге, что попытки принудить Германию к миру на условиях, не соответствующих размерам ее жертв и опасностям, которым она подвергалась, чреваты угрозой активизации национальных и революционных сил, способных выйти из-под контроля правительства [83]. Рейсу предлагалось самому или через великую княгиню Елену довести до сведения царя, что Пруссия без обеспечивающих безопасность Южной Германии территориальных уступок ни при каких обстоятельствах не заключит мир. Пускались в ход и соблазны: «Если у России имеются пожелания относительно Парижского трактата, мы охотно сделаем для нее все, что сможем» [84]. Этим путем к выгоде Берлина можно было осложнить противоречия в лагере нейтральных держав, связанные с проблемой черноморских проливов.

30 августа в беседе с Горчаковым, когда русский канцлер подчеркнул связь перемен, вытекающих из войны, с интересами других держав, не позволяющую этим державам сейчас оставаться в стороне, Рейс заявил, что

Пруссия не закрывает глаза на существование особых интересов отдельных стран [85]. Находя важным заручиться русским отказом от идеи конгресса, Бисмарк на словах не прочь был признать особое положение России как единственной, придающей своему нейтралитету дружественный Пруссии характер, и выражал готовность доверительно обсудить условия мира с Россией, но без конгресса [86].

На петербургские круги сильное воздействие оказывали события на фронте. Если за начальными неудачами французских войск многие видели только доказательство того, что Франция не может рассчитывать на территориальный триумф, то после сражения под Мецом и блокирования там армии Базена оснований для таких предположений уже не оставалось [87]. «Военная мощь Франции, по всей вероятности, полностью уничтожена,— писал Энгельс,— и теперь честолюбивым стремлениям немцев, кажется, нет других пределов, кроме весьма сомнительного препятствия — немецкой умеренности» [88]. Все острее вставали перед русскими дипломатами вопросы: с кем придется иметь дело во Франции, с каким режимом? что можно от него ждать? может ли Россия в этих условиях что-нибудь выиграть, навязывая Пруссии против ее воли посредничество нейтральных держав и осложняя тем самым свои отношения с ней? Эти размышления постепенно гасили активность горчаковской дипломатии в продвижении программы конгресса, тем более что не удавалось отрегулировать отношения с Австро-Венгрией и выработать с ней общую тактическую линию, а Англия, несомненно обеспокоенная тем, что конгресс может быть использован для постановки Россией вопроса о пересмотре Парижского договора 1856 г., вообще не проявила никакого энтузиазма в отношении этой идеи.

Бисмарковские намеки на возможность договориться о черноморских проблемах не остались втуне. Причем по мере углубления прусских успехов значимость прусской помощи в этой области для России возрастала. Поражение французской армии под Седаном и крушение 4 сентября Второй империи подвели черту под этими размышлениями. Горчаков решительно отклонил последовавшую тут же попытку Бейста навязать России инициативу посреднического вмешательства [89].

Глава VI

После Седана

Падение Второй империи. Отношение России к временному правительству

Падение наполеоновской империи в результате революционных событий 4 сентября осложнило решение проблем, стоящих перед европейской дипломатией. Факт рождения республики во Франции был приобщен прусскими политиками к числу обстоятельств, требующих продолжения войны, которая якобы приобретала теперь классовый и социальный характер (хотя у Пруссии не было оснований обманываться относительно природы правительства Трошю). 12 сентября Бисмарк в продолжительной беседе с принцем Леопольдом Баварским, направляющимся в Вену с особой миссией, излагая свои взгляды на перспективы развития войны, подчеркнул, что война против Франции в данный момент означает защиту монархического принципа от республиканско-социалистического, представляющего большую опасность для монархической Европы, и развил идею союза Германии, России и Австрии [1].

В официальных сферах Вены высказывали опасения, что временное французское правительство будет стремиться возместить военные неудачи Франции и отвлечь от них внимание с помощью разжигания революционных настроений в Европе. Андраши сказал русскому послу, что он рассматривает французскую республику как угрозу тронам не только в Испании и Италии, но также в Австрии и даже в Германии [2].

Германские правительства отказывались признать новый французский режим. Через прессу было передано сообщение из главной прусской квартиры в Реймсе, что в глазах германских правительств «императорское правительство является единственным, имеющим право, до установления нового режима, вести переговоры международного характера... ни одна из держав (в этих условиях.— *Л. Ш.*) до сих пор не пыталась посредничать и маловероятно, что попытается, ибо не имеется никаких шансов на успех» [3]. В таком же духе выступала официозная прусская пресса. «Норддойче альгемайне цайтунг» распространяла слухи о том, что власти ряда французских городов обособились от временного правительства и это превращает его правовое значение в «сплошной нуль» [4].

В Берлине были готовы содействовать реставрации Наполеона, чтобы предотвратить смену режимов во Франции, способную создать новые трудности для достижения прусской победы и выгодного для прусского милитаризма мира. Бисмарк пытался уже переговоры о капитуляции французской армии под Седаном превратить в мирные переговоры, понимая, что за этой военной катастрофой почти неизбежностью становится крушение империи. Он соглашался оставить Наполеону его армию, чтобы тот использовал ее для поддержания своей власти. Но император, желая уйти от прямой ответственности за тяжелые условия мира, предпочел заявить, что как пленник он не вправе вести мирные переговоры и предоставляет решение этого вопроса правительству и стране [5]. «Катастрофа под Седаном,— писал в этой связи Убри,— действительно событие, но пленение Наполеона, я думаю, скорее, помеха для Пруссии». Александр II пометил здесь на полях депеши: «Я думаю так же». «Что касается императора Наполеона,— продолжал Убри,— то многие полагают, что он воспользовался своим пленением, чтобы выпутаться из затруднительного положения, так как не мог ни вернуться в Париж, ни подписать дурной мир. Пребывание же в Вильгельмсхёе предупреждает его от обеих опасностей». Александр II пометил: «Я в этом убежден» [6]. Бисмарк говорил некоторым из своих приближенных, что ничего бы не имел против, если бы в Бельгии, по пути из Седана в Вильгельмсхёе, Наполеон бежал и вернулся бы во Францию [7]. Для давления на европейскую дипломатию с целью международной изо-

ляции нового французского режима Бисмарк настойчиво подчеркивал в дипломатической переписке и через официозную прессу, что Пруссия намерена иметь дело только с наполеоновским правительством [8]. Но державам Европы приходилось считаться с фактами. Да и рискованно было полностью отдавать Францию в жертву бисмарковскому произволу.

Первым установившим сношения с временным правительством был британский посол Лайонс. Он 5 сентября по своей инициативе встретился с министром иностранных дел Фавром [9]. Его примеру последовал австрийский посол Меттерних и итальянский посланник Нигра. 7 сентября утром через Деспре, который остался начальником политического отдела, Жюль Фавр, министр иностранных дел временного правительства Франции, пригласил Окунева. Русский поверенный в делах согласился на встречу с оговоркой, что до получения инструкций из Петербурга его визит может иметь лишь частный характер. Обстоятельства настолько серьезны, заявил Фавр Окуневу, что он решил, пренебрегая всякими условностями, откровенно высказаться о положении, в котором оказалась Франция. Он и его партия, заверял Фавр, всегда осуждали войну против Пруссии, ибо она несправедлива (Германия должна остаться хозяйкой своей судьбы) и опасна; лишь в 1864 г., когда Дания подверглась нападению, война могла бы соответствовать интересам Франции. Сегодня Франция понесла поражение, но не потеряла мужества. У временного правительства одна цель — защита французской земли от иностранного завоевания, утверждал министр, но прежде оно считает своим долгом обратиться с призывом к державам о вмешательстве в пользу приемлемого для обеих воюющих сторон мира, который должен исходить из признания территориальной целостности Франции; Франция же готова оплатить Пруссии военные издержки. Фавр информировал Окунева, что подобные предложения он сделал Лайонсу, Меттерниху и Нигра и все трое обещали запросить по этому поводу свои правительства. Если же Пруссия отвергнет эти условия, заключил Фавр, «Франции останется только воевать до последнего человека; если падет Париж, война продолжится на Луаре» [10].

На следующий день Фавр уже сам нанес визит Окуневу, чтобы сообщить русскому послу о полученном из

Лондона ответе на свои предложения, в котором британское правительство выражало готовность участвовать в коллективном демарше на базе французских условий, но отказывалось взять на себя инициативу демарша. В таком положении, сказал Фавр, временное правительство связывает основные надежды с поддержкой России и просит ее взять на себя инициативу коллективного демарша. Фавр подчеркнул, что выступление России может оказать особое влияние на Германию, учитывая пограничность России с Германией и характер русско-прусских отношений [11]. Сообщение Окунева в Петербург об этом заявлении французского министра опередила телеграмма от Новикова о том, что Австрия уклонилась от посредничества. Это сводило к минимуму шансы на возможность коллективного демарша [12].

В правящих кругах России и в реакционной прессе, при всем их предубеждении к легитимности наполеоновского режима, провозглашение республики во Франции нашло враждебный отклик [13]. Однако царское правительство решило последовать примеру Англии и установить с временным правительством официозные отношения как с правительством де-факто, не признавая его официально [14]. В правительстве Трошю Горчаков видел все-таки меньшее зло в условиях глубокого кризиса, испытываемого Францией [15]. Он был согласен с Брунновым, что «до установления окончательного режима во Франции все правительства в интересах мира и порядка должны сомкнуть свои ряды с целью помешать анархии изо дня в день расширять брешь в охранительной системе социальных порядков в Европе» [16].

Значительно больше, чем республиканская форма правления нового французского правительства (его политическая физиономия выявилась довольно скоро), петербургский двор беспокоило и существенно влияло на его решения отсутствие уверенности в прочности этого правительства, в его способности стабилизировать внутреннее положение Франции, подавить поступательное развитие революционной тенденции. Это было замечено, в частности, Тьером, который писал позднее в одном из своих отчетов о переговорах в Петербурге, что он столкнулся там с предубеждением «не столько против формы, сколько в отношении неустойчивости республиканского правительства» [17].

Такого рода предубеждение, с одной стороны, усиливало стремление русских кругов содействовать быстрейшему окончанию войны, чтобы предотвратить таким путем угрозу углубления французской революции и помочь конституированию государственного аппарата, способного ликвидировать состояние внутренней «анархии». Но, с другой стороны, посредническое вмешательство могло нанести ущерб отношениям России с Пруссией в условиях, когда отсутствовали возможности компенсировать этот ущерб (при существующей во Франции политической неустойчивости и обнаруженной ею военной слабости) за счет прочного сближения с Францией. Русские дипломаты предвидели, что такой оборот дела помимо всего мог помешать реализации планов, связанных с пересмотром Парижского договора. К этому присоединялось и то, что в Петербурге не верили в способность временного правительства оказать Пруссии решительное сопротивление. По сведениям, поступавшим от Витгенштейна, военного агента в Париже, после Седана и осады Меца Франция располагала «весьма незначительной регулярной армией», хотя Витгенштейн попутно отмечал большие возможности, имеющиеся для обороны Парижа [18]. На тирады Фавра о готовности вести войну до последнего человека Александр II отреагировал репликой: «По-моему, все это только слова» [19]. В Петербурге понимали, что при таком положении Франции мир не может быть достигнут на условиях, декларированных в циркуляре Фавра от 6 сентября, которым новый французский министр иностранных дел сообщал о страшном разгроме под Седаном и взывал к посредничеству нейтральных держав в защиту территориальной целостности Франции. «Вам нужно все же подготовиться к некоторым жертвам,— заметил французскому поверенному в делах Горчаков.— Ни одной пяди вашей земли, ни одного камня ваших крепостей — это звучит гордо, но этого в действительности очень мало» [20]. Категорическое требование Фавра вызвало критику и в печати. Так, «Голос» считал, что оно закрывает путь к вмешательству европейской дипломатии, хотя, подчеркнула тут же газета, «в еще большей степени затрудняют роль дипломатии пруссаки, твердя, что не может быть мира без Эльзаса и Лотарингии» [21]. Британский министр иностранных дел тоже неофициальным путем дал понять временному правитель-

ству Франции, что упорное настояние на территориальной целостности не приведет вопрос о посредничестве к положительным результатам [22].

Взвесив все эти обстоятельства, русская дипломатия отказалась от инспирирования коллективного демарша, способного приобрести принудительный характер в отношении Пруссии, но вместе с тем развила большую активность, расчищая почву для прямых переговоров между участниками войны. Она отстаивала в Берлине мнение, что с правительством Трошю можно вести такие переговоры, поскольку, как писал Горчаков, «оно выражает готовность передать свою власть в руки будущего учредительного собрания и предоставить последнему определить будущий режим... представляется неоспоримым, что взятие им власти в момент глубокого кризиса, когда Франция, высказавшаяся против наполеоновской династии, не могла остаться без какого-нибудь правительства, было необходимостью» [23]. Заинтересованность в скорейшем прекращении войны буржуазно-помещичьих кругов России была так велика, что даже столь правая газета, как «Московские ведомости», примыкавшая к враждебному французской республике лагерю, высказывалась за контакты с новым французским правительством и обвиняла «Санкт-Петербургер цайтунг», оспаривающую правомочность этого правительства, в подыгрывании Берлину [24].

Царское правительство не проявляло никакого желания содействовать Германии в реставрации Наполеона III, хотя было в достаточной мере информировано о заговорщицких намерениях бонапартистов. Первое время, главным образом из опасения дать пищу демократической пропаганде, цензура старалась сдержать наиболее резкие разоблачительные выступления прессы о наполеоновском режиме и о Наполеоне III лично, тем более что эти выступления обычно характеризовались выражением республиканских симпатий [25]. Но уже в конце октября 1870 г. совет Главного управления по делам печати разрешил выпуск памфлета Дмитриева «Экс-император Наполеон III» [26]. В монархических кругах России династия Бонапартов всегда воспринималась с привкусом антилегитимизма, а теперь бонапартистские интриги осложняли и международное положение, давая повод для затягивания войны. В начале декабря 1870 г. в Пе-

тербурге выразили недовольство прусскому послу тем, что Бисмарк своими замыслами относительно реставрации Наполеона демонстрирует неуважение к легитимистским чувствам царя [27]. Англия и США также настаивали, чтобы Бисмарк отказался от мысли заключить мир с регентством и восстановить власть Наполеона [28].

Прусская программа мира. Циркуляры от 13 и 16 сентября

Успехи прусской армии актуализировали вопрос об условиях завершения войны не только для воюющих сторон, но и Европы в целом. Хотя первоначально в официальных формулировках целей войны прусское правительство воздерживалось от территориальных претензий к Франции, подчеркивая национально-оборонительные задачи, для европейской дипломатии и общественных кругов не являлись секретом стремления Пруссии к территориальному расширению за счет Франции.

С началом войны в Германии появилась масса брошюр немецких ученых и публицистов из консервативного и либерального лагерей, изощрявшихся в обосновании исторических претензий к западному соседу. Историк Больман, например, требовал «обратно» Эльзас, всю Лотарингию, бывшие епископства Мец, Туль, Верден, голландский Люксембург и развивал идею дальнейшего расчленения Франции путем присоединения французской Фландрии к Бельгии, Ниццы и Корсики — к Италии [29]. Правда, были и опасения по поводу масштабов подобных перемен. Так, Зибель полагал, что поглощение в чрезмерном количестве «французского элемента» осложнит внутренние национальные проблемы, затруднит объединение империи. Он выражал готовность «удовлетвориться» Эльзасом, немецкой Лотарингией и Мецом [30].

Как только прусская армия добилась первых успехов, германская пресса приступила к анализу возможных выгод войны. «Националь-цайтунг» и «Провинциаль-цайтунг» видели их в присоединении Эльзаса и Лотарингии. Убри сообщал из Берлина, что в правительственных кругах Пруссии тоже фигурирует план присоединения Эльзаса и части Лотарингии. «Бисмарк разделяет это мнение» [31],— писал он Горчакову. Баварская пресса настаи-

вала на передаче Баварии баденского Палатината и возмещении Бадену в Эльзасе. Наиболее умеренные из печатных органов «довольствовались» требованием исправления границ со стороны Вейсенбурга и Вогез [32].

Все это позволяло предвидеть с самого начала войны завоевательные намерения Пруссии. Тютчев уже в своей августовской переписке в связи с военными неудачами Франции высказал предположение, что Франция «потеряет, если будет побеждена, Эльзас и Лотарингию», и сожалел, что 1814—1815 гг., когда Александр I воспротивился этому отчуждению, теперь не повторятся [33]. 4 сентября пала Вторая империя, а уже спустя несколько дней прусское правительство декларировало программу тяжелого и унизительного для Франции мира в циркулярных депешах от 13 и 16 сентября, которые Бисмарк адресовал представителям Северогерманского союза при нейтральных дворах.

Если раньше прусская пропаганда утверждала, что ответственность за вовлечение в войну двух «миролюбивых народов» лежит на императоре Франции, повторяя при этом заявления самого Бисмарка, сделанные в начале войны, то теперь вина возлагалась на всю французскую нацию. Такой крутой поворот вызывался стремлением «аргументировать» необходимость продолжения войны после падения наполеоновской империи и потребность в так называемых гарантиях безопасности для Германии на будущее. «Нам нельзя считать себя застрахованными от настроения французской нации,— писал Бисмарк в циркуляре от 13 сентября,— необходимо добиться более надежных гарантий безопасности германских границ, особенно беззащитных границ Южной Германии» [34]. В депеше от 16 сентября расшифровывалась суть этих «гарантий». «Пока Франция владеет Страсбуром и Мецом,— утверждалось там,— ее стратегическая позиция сильнее нашей оборонительной относительно всего Юга и северной части Германии, лежащей на левом берегу Рейна. Страсбур, находясь в руках Франции,— открытые ворота в Южную Германию. Напротив, в руках Германии Страсбур и Мец приобретают оборонительный характер» [35]. И далее еще более декларативно: «Вслед за войной мы должны ждать вскоре новой агрессии со стороны Франции, а не длительного мира. Поэтому, каковы бы ни были условия мира, которые мы ей предложим,

Франция будет рассматривать всякий мир как перемирие и атакует нас вновь, для того чтобы отомстить за теперешнее поражение, как только почувствует себя достаточно сильной в отношении собственных возможностей и помощи внешних союзников»[36]. В духе этих циркуляров германским представителям предлагалось давать объяснения на запросы иностранных правительств. Оба циркуляра были почти сразу же опубликованы в «Штаатсанцайгер», приобретая этим подчеркнуто программный характер[37].

Бисмарковские циркуляры не таили в себе ничего неожиданного в смысле формулировки германских завоевательных целей, но дипломатию России и других нейтральных стран волновал вопрос, почему Бисмарк выбрал именно этот момент для их публикации. Адресуются ли они Франции или нейтральным странам, с тем чтобы уведомить их о желаниях федерального канцлера в тоне, исключающем всякие возражения, высказывал свои предположения Убри[38]. В любом из этих случаев своевременность русского демарша представлялась Убри весьма сомнительной[39]. Английский посол в Берлине Лофтус высказал Убри свое мнение о том, что нейтральные державы теперь вынуждены воздержаться от всяких переговоров, чтобы «избежать необходимости скрепить своей подписью акт, который будет, очевидно, только переходным». Александр II согласился с этим мнением: «Это лучшее, что они (нейтральные державы.— *Л. Ш.*) могут сделать в настоящий момент»[40].

Между тем меньше всего Бисмарк намеревался циркулярами побудить нейтральные державы к обмену мнениями о прусской программе мира, давать повод для своеобразного приглашения к участию в выработке мирных условий. Он был крайне встревожен, например, созывом 29 сентября специального заседания британского кабинета министров для обсуждения этих документов и сделал внушение Бернсторфу, который якобы, передав содержание циркуляров Гренвилю в письменной форме и в переводе на французский язык, дал повод Англии думать о заинтересованности Германии в выяснении английского мнения[41].

К компрометации правомочности временного правительства решать вопросы мира Бисмарк присовокупил в циркулярах ссылку на крайне возбужденный тон заявле-

ний этого правительства, который якобы не позволяет верить в его готовность вести переговоры. А между тем имелось достаточно данных, чтобы судить о чисто демагогическом характере крикливых деклараций Трошю и Фавра относительно национальной обороны. Уже на заседании временного правительства 8 сентября 1870 г. возник вопрос о возможности уступки Германии прирейнских земель и было решено поторопиться с выборами Национального собрания, назначив их на 16 октября, что свидетельствовало об ориентации Франции на скорейшее окончание войны [42]. Французская буржуазия опасалась продолжения войны как фактора патриотического подъема, осознания народными массами своей роли в судьбе страны. Поэтому вопреки официальной декларации Фавра французская дипломатия тайно давала понять Пруссии, что возможны значительные уступки. Гамбетта, министр внутренних дел Франции, предлагал помимо оплаты военных издержек передачу Германии части французского флота [43]. Он пытался, хотя и безрезультатно, установить контакт с Бисмарком через одного из представителей банковского дома Блейхредера [44].

С появлением циркуляров от 13 и 16 сентября русская дипломатия еще более укрепилась во мнении, что Бисмарк стремится изолировать нейтральные державы от участия в выработке условий мира. Горчаков в этой связи подчеркнул, что Россия не будет дополнительно настаивать на соучастии в подготовке мира, но и не даст никакой санкции миру, выработанному без ее участия. «Роль простого регистратора столь важного факта,— писал Горчаков,— не подобает России. Впрочем, если Бисмарк не перестанет упорствовать в своих претензиях, преданных гласности, мир будет возможен лишь в случае полного истощения Франции» [45].

Усиливающиеся сомнения в возможности получить практические результаты в переговорах с Наполеоном [46] и тактические соображения заставили Бисмарка во второй половине сентября занять более гибкую позицию в отношении правительства Трошю. Он не отклонил категорически французское предложение о перемирии, переданное через Гренвиля, а запросил, считает ли себя временное правительство достаточно полномочным, чтобы обеспечить выполнение условий мира. И, получив утвердительный ответ, дал согласие на встречу с Фавром [47].

Известие о начале переговоров Бисмарка с Фавром в Ферьере (19—20 сентября) приветствовалось в петербургских официальных кругах. «Это, наконец, уже что-то»,— заметил Александр II [48]. Но царящая во Франции атмосфера патриотического подъема народных масс не позволила Фавру принять территориальные требования, выдвинутые Бисмарком. Речь на переговорах шла о перемирии и созыве Национального собрания. В качестве условия перемирия Бисмарк потребовал передачи Германии крепостей Туль, Верден и Страсбур. «Условия представляются умеренными,— писал Убри из Берлина,— и здесь не понимают причин отказа». Александр II не согласился, сделав на полях депеши Убри помету: «Да, если бы наряду с этим не имелось двух прусских циркуляров, опубликованных перед самыми переговорами» [49]. Таким образом, переговоры в Ферьере оказались безрезультатными.

Перемены в настроениях общественных кругов России

После первых значительных успехов германской армии 15 августа 1870 г. Никитенко, академик, литературный деятель умеренно либерального направления, записал в своем дневнике следующую распространенную сентенцию, которая отразила преобладающие настроения общественных кругов России: «Франция на краю пропасти. Тут доля и нашей вины. Мы дали Пруссии усилиться и, конечно, дадим ей еще больше усилиться, пока она, наконец, не даст и нам испытать своего гнета. А в наших так называемых высших сферах продолжают радоваться успехам пруссаков... Зато в обществе решительная и всеобщая неприязнь к пруссакам и сочувствие Франции» [50].

Другой мемуарист С. М. Сухотин, внук директора Академии наук С. Г. Домашева, камергер, действительный статский советник, свой человек в славянофильском мире Аксаковых, пишет в памятных тетрадях 22 октября 1870 г.: «Из подобострастия к государю все почти министры и придворные сочувствуют прусским успехам и говорят в тоне прусских газет, порицая парижское временное правление за упорство в защите. Но обществен-

ное мнение и наша армия, напротив, все более и более озлобляются против немцев, против их жестокостей и варварской беспощадности относительно Франции. Все почти предвидят в скором времени грозные для нас события и беспокоятся о том, что наше правительство ничего, кажется, не извлечет из громадных современных событий» [51].

О сильном резонансе французских поражений свидетельствуют и строки из переписки Ф. И. Тютчева: «То, что происходит, кажется каким-то сном. Французы не более австрийцев могут противостоять влиянию Пруссии... Старый Барбаросса широко открыл глаза и готовится выйти из пещеры, а наполеоновская империя вот-вот туда провалится, чтобы уступить место германской империи» [52]. В письмах из Москвы и Петербурга он констатирует, что здесь, как и по всей России, «очень враждебно настроены против Германии», что это настроение охватывает армию и раздражает «его величество государя, которого очень коробит разлад между его личными чувствами и чувствами его верноподданных» [53].

Резкий поворот произошел в позиции печатных органов, ранее колебавшихся, кому отдать предпочтение: Франции или Пруссии,— или поддерживавших последнюю [54]. Этому содействовало обнажение завоевательных целей Пруссии, ибо с крахом империи и понесенными поражениями Франция явно перестала быть препятствием для устройства германских дел. С падением наполеоновского режима, непопулярного в России, в прессе возросли симпатии к Франции среди тех, кто ценил ее прогрессивные традиции.

«Седан и события в Париже (революция 4 сентября.— *Л. Ш.*) заставили нас изменить взгляд на немецко-французскую войну,— писал «Вестник Европы»...— До последних дней мы имели войну между Наполеоном и немецкой нацией, теперь обстоятельства придают войне характер почти совершенно противоположный. Мы имеем теперь французскую нацию, сражающуюся за целость своей территории, на которую заявляют претензии хищники из немцев вроде Наполеона III» [55].

«Санкт-Петербургские ведомости» еще накануне Седана под впечатлением предыдущих прусских побед вынуждены были заключить, что в настоящую минуту совершается радикальное изменение политического значе-

ния ролей противных сторон. «Если до сих пор,— писала газета,— война велась со стороны Франции во имя династических интересов императора Наполеона... а со стороны Германии — в интересах великого народа, отстаивающего свою самобытность и независимость от чужеземного посягательства, то теперь, наоборот, Франции уже приходится отстаивать целость и независимость своей территории от властолюбивых замыслов гогенцоллерновского дома» [56].

Русская демократическая общественность приветствовала провозглашение французской республики и связывала с ней перспективы возрождения Франции и ее спасения от окончательного поражения в войне. «Неделя» выступила со статьей «Да здравствует Франция!», завершив ее словами: «Свобода опять связана с именем Франции, и да здравствует Франция! Значит — да здравствует свобода!» С пренебрежением отзываясь о французской буржуазии, автор статьи особо выделяет историческую роль вооруженных рабочих Франции, известных геройской и стойкой защитой баррикад. «Национальное, народное представляли лишь рабочие — в них одних жили величавые мечты Франции»,— писал он. За опубликование этой статьи газета получила предупреждение от Главного комитета по делам печати [57].

Даже некоторые либеральные органы России, трусливо враждебные всему революционному, рассматривали возможность перелома в ходе войны, связывая его с революционными событиями во Франции. «Как бы то ни было,— писал «Голос»,— революционное увлечение, конечно, может лишь облегчить правительству решение трудной задачи, выпавшей на его долю» [58].

После Седана популярной темой становится вопрос о бессмысленности и жестокости войны со стороны Пруссии, о попрании ею принципов гуманности и международного права. «Вообще жестокости немецкой армии производят на русскую публику самое раздражительное впечатление»,— писал Сухотин [59]. Демократическая печать с осуждением писала о расправах немцев с мирным населением, сопротивлявшимся немецким войскам. «Со времени седанской битвы,— писали «Отечественные записки»,— это собрание ужасов всякого рода, а никак не война» [60]. В том же духе писало «Дело»: «Надо принять во внимание, что французы защищают свою родину, что

их дома разрушены, поля истоптаны, леса сожжены, что их отягощают непомерными поборами пришельцы из чужой земли» [61].

Осуждал Пруссию и умеренно либеральный «Голос» за применение в настоящей войне «принципа средневекового самоуправства» в виде «свирепой системы в отношении побежденных» и расправы с «французскими ратниками, участвующими в подобной войне, не как с солдатами, а как с разбойниками» [62]. Вообще непринятие прусского террора в русской прессе было всеобщим. «Московские ведомости» полемизировали с бисмарковским циркуляром, в котором прусский министр-президент старался объяснить и оправдать жестокости войны ссылкой на поведение французского временного правительства, которое «волнует страну и не хочет мира». В истории войн не раз были факты жестокостей, замечали по этому поводу «Московские ведомости», «но едва ли встретится в преданиях европейской политики теория, которая ставила бы противнику в вину усилия обороны» [63]. Даже в таких официальных местных изданиях, как харьковские, саратовские и симбирские ведомости, в рубрике «К франко-прусской войне» помещались перепечатки из зарубежной прессы с описаниями германских зверств во Франции [64].

Беспощадный характер войны и упоение прусского милитаризма своей силой вызывали тревогу в русских общественных кругах и ощущение непосредственной опасности. «В России, и даже в Германии,— писал Сухотин,— предвидят через два-три года неминуемость войны между Германией и Россией» [65]. «Современные известия» видели предпосылку этой войны в антиславянских замыслах Пруссии и, акцентируя внимание на существующей разобщенности славянства, обвиняли царское правительство в бездеятельности и равнодушии к руководству славянским миром и задаче его объединения [66].

Царская цензура старалась приглушить проявление антипрусских настроений в прессе. Была запрещена розничная продажа номера «Биржевых ведомостей», в котором содержался отрицательный отзыв о Бисмарке и высказывались резкие суждения о неприемлемости для России союза с Пруссией, вызывающей у всех честных людей отвращение своей политикой коварства и насилия [67]. Строгое предупреждение получили одесские цен-

зоры за то, что пропустили в одесской и новороссийской газетах резкие статьи против Бисмарка [68].

В печати все чаще при анализе сложившейся в войне ситуации возникал вопрос, в какой степени оказываются под угрозой русские интересы. «Отечественные записки» выступили с критикой правительства за его увлечение прусскими успехами и пассивность в предотвращении военной опасности для России. «Нас, не французов и не немцев, а русских людей,— писал журнал,— особенно занимает вопрос, непосредственно касающийся нас самих: не придется ли и нам, непричастным к деяниям Наполеона и Бисмарка, ни за что ни про что участвовать болезнями и жизнью в счетах, которые еще предстоит сводить Франции и Германии?» [69]

Требование строгого нейтралитета в начале войны в какой-то мере подсказывалось опасением, что вмешательство, судя по характеру взаимоотношений русского двора с Берлином, может осуществиться только в пользу Пруссии. Нельзя было допустить, чтобы русская армия превратилась во вторую линию прусских войск. Теперь, с поражением Франции, обстановка менялась. На этой стадии посредническое вмешательство могло вести только к невыгоде побеждающей стороны, то есть Пруссии, связывая ей руки. Катков в августе, после битвы при Гравелоте, выигранной прусскими войсками, убеждал в необходимости вооруженного русского нейтралитета [70]. После Седана он уже настаивал на европейском вмешательстве. «Теперь, наконец,— писал редактор «Московских ведомостей»,— наступает пора нейтральным сказать свое слово», ибо Европа не может быть равнодушной при решении судьбы одной из своих великих держав, потерпевшей катастрофу подобного значения, если она — Европа «не пустое слово» [71]. Ведущая роль в организации вмешательства должна принадлежать при этом России, так как Англия, по мнению Каткова, не хочет заботиться о сохранении европейского равновесия: ей выгодно усиление Германии за счет Франции. Россия теперь, подчеркивал он, держит в своих руках ключи к европейским делам, «к ней обращены все взоры, но надо торопиться, ибо завтра все может измениться и вопрос о равновесии станет анахронизмом», Европа будет подчинена одной господствующей политике — «германской или англо-германской» [72].

Идею европейского вмешательства выдвигали и другие газеты. Либеральный «Голос» писал: «Если нейтральная Европа желает мира в будущем, ее обязанность сейчас употребить не одни дипломатические, но и более энергические приемы для того, чтобы оградить свое будущее от тех потрясений, которые подготавливает ей завоевательная политика Бисмарка и Мольтке» [73].

С падением французской империи в консервативной и либеральной печати зазвучала тревога по поводу возможного углубления революционных тенденций, которым чревато затягивание войны. Тот же «Голос» предупреждал, что, «если Францию постигнут новые несчастья», она, «униженная, нравственно оскорбленная, дошедшая до последней степени материального истощения, может предаться отчаянию, которое обнаружится страшным взрывом анархических страстей». И продолжал: «Нет ничего удивительного, если она снова переживет террор, которым сопровождалось царство конвента. Кто же, однако, в состоянии сказать, что это не коснется государств, сопредельных с Францией? Разве в Западной Европе не скопилось достаточное количество горючего материала?» [74]

К. Маркс в одном из писем к Энгельсу обращал внимание, что «большинство русских газет говорит уже о необходимости европейского дипломатического вмешательства для сохранения европейского равновесия» [75].

Глава VII

Черноморский вопрос

Русская декларация от 31 октября 1870 г.

Заседание совета министров в Царскосельском дворце 27 октября 1870 г. открылось речью царя о тягостных последствиях Парижского мира, особенно черноморских ограничений и потери части Бессарабии. Александр пожелал выслушать мнение министров относительно возможности отмены этих статей. Согласившись с необходимостью такого шага, министры выражали сомнение в подготовленности России к могущим возникнуть на этой почве военным осложнениям. Это заставляло избегать всего, что могло бы дать повод приписать России желание пересмотреть восточный вопрос в целом. Военный министр Милютин выступил с предложением «на первый раз ограничиться заявлением об отмене статей Парижского трактата, относящихся к Черному морю, не касаясь вопроса территориального». Это предложение не вызвало споров, и в духе его последовало окончательное решение [1].

А. А. Киреев, хорошо осведомленный о происходившем на совете, отмечает, что все оказались застигнутыми врасплох речью Александра, «оппонентов почти не было», все осуществлялось «с необычайной поспешностью». У Киреева даже сложилось впечатление, что «государь сделал все это, не посоветовавшись предварительно и основательно с близкими ему людьми», хотя сейчас, пишет Киреев, «Горчаков все берет на себя» [2]. Почти в тех же словах писала И. С. Аксакову из Петербурга его

невестка М. И. Бирилева, вращающаяся при дворе: «Дело сделано, правда, с чувством, но без расстановки, особенно без приготовлений и обсуждений. Министрам, не исключая великого князя Константина Николаевича, объявили об этом как о решенном вопросе; осталось поклониться и прокричать «ура» [3]. Внезапность постановки вопроса, подчеркиваемая во всех источниках, была чисто внешней и, скорее, служила доказательством того, что этот вопрос, все время находившийся в поле зрения русской дипломатии, ранее рассматривался и взвешивался строго конспиративно в очень узком кругу лиц.

В некоторых источниках инициатива выбора момента демарша приписывается царю. Горчаков сам старался создать такое впечатление. Он уверял в этом, в частности, Татищева [4]. Однако имеются авторитетные свидетельства о горчаковской инициативе в этой важной акции. Жомини, помощник Горчакова, писал Бруннову, что «канцлер изучил вопрос со всех сторон, прежде чем решился приступить к нему» [5].

Предвидение благоприятных условий для выступления против Парижского трактата, которые сложились в результате франко-прусской войны, было одним из существенных факторов, определявших политический курс России в этой войне. Уже падение наполеоновской империи было воспринято в дипломатических кругах России как существенная предпосылка для перехода к активным мерам. «Режим 1856 г. больше не существует во Франции,— писал Убри,— ничто не может помешать нам восстановить флот на Черном море» [6].

Бисмарк, как отмечалось выше, сам напоминал России о возможности пересмотра Парижского договора. Не уверенный в том, как будет реагировать Европа на реализацию его аннексионистской программы мира и подготавливаемое провозглашение Германской империи, он старался заинтересовать Россию в тесных связях с Пруссией. Бисмарку было важно к тому же нейтрализовать антипрусские настроения общественных кругов России. Русская пресса почти всех направлений резко высказывалась против аннексионистских вожделений Пруссии и ее претензий на объединение всей Германии под своей эгидой. Не было доверия и к Горчакову. Бисмарк продолжал считать его зараженным «французским тщеславием». Осада Парижа затягивалась, и прусское прави-

тельство сталкивалось с некоторыми политическими затруднениями в форсировании ее. Поэтому Бисмарку казалось «большой удачей» то, что тогдашняя ситуация давала Пруссии возможность оказать России услугу в отношении ограничений на Черном море [7].

Однако вначале Горчаков так же осторожно реагировал на инициативу Берлина, как и в 1866 г., когда подобное предложение было сделано через Мантейфеля. Бисмарку пришлось, в известной степени в обход Горчакова, использовать для посредничества при петербургском дворе в этих целях русского военного агента в Пруссии графа Кутузова [8]. Но в октябре, с вступлением войны в критическую фазу, сложились относительно благоприятные условия для русского демарша. Франция, ослабленная и ищущая русского посредничества для заключения мира с Пруссией, не могла оказать серьезного противодействия требованиям России. Внимание Австрии поглощали германские дела. К тому же поражение Франции в войне явилось крушением австрийских планов, что углубляло внутренний кризис габсбургской монархии. Можно было надеяться, что Англия одна не решится на крайние меры, будучи ко всему еще озабоченной затянувшимся и тяжелым конфликтом с США по делу крейсера «Алабама». Кстати, этот конфликт и враждебные настроения в США, вызванные поведением английского правительства во время гражданской войны в Америке 1861—1865 гг., дали России неожиданного союзника в лице США. Государственный секретарь Фиш заявил русскому посланнику в Вашингтоне, что возможно даже заключение оборонительного и наступательного союза с Россией, если Россия поддержит американские требования по делу «Алабамы». Русское правительство из осторожности уклонилось от этих проектов [9].

По сведениям Тютчева, в Царском Селе помимо того рассчитывали, что «нравственное» содействие, оказанное Пруссией русскому демаршу, лишит ее «многих симпатий в Германии» и, таким образом, Пруссия окажется в большей зависимости от доброго согласия с Россией [10]. Можно было, конечно, ждать окончания войны, когда Европа будет призвана санкционировать мир, но, писал позднее Горчаков, тогда менее вероятной стала бы поддержка Пруссии и возможность избежать серьезного противодействия со стороны других держав. «Пока идет

война,— заключал Горчаков,— мы с большей уверенностью могли рассчитывать на благожелательность Пруссии и осторожность держав, подписавших договор 1856 г.»[11] С окончанием войны разрыв черноморских статей мог выглядеть к тому же слишком прямо связанным с победой Пруссии, болезненно ущемляя общественное мнение России, да и Франции тоже. На фоне же затруднений, испытываемых Пруссией в стремлении завершить войну, выступление России носило бы более самостоятельный характер.

Подобная поспешность не входила в планы Пруссии. Стремясь связать Россию контактами в вопросе о судьбе черноморских ограничений, подогревая надежды на прусскую помощь, Бисмарк не желал форсировать момент решительного выступления России. Декларация Горчакова не была заранее согласована с прусским кабинетом. Получив ее 7 ноября, Бисмарк заявил, что Пруссия всегда стремилась помочь России освободиться от неестественных постановлений 1856 г., однако избранный Россией момент неудобен для Пруссии[12]. В таком же духе реагировал на известие о русской декларации и Вильгельм, получивший вместе с декларацией личное письмо Александра II, в котором выражалась надежда, что король не только поддержит Россию, но и окажет соответствующее влияние на остальные державы[13].

В последующие дни в Берлине объясняли свою позицию тем, что война еще в разгаре и Пруссия не обладает свободными вооруженными силами, для того чтобы оказать давление в пользу России во время весьма возможного конфликта России с Англией и Австро-Венгрией на почве декларации[14]. Некоторые из немецких дипломатов ссылались на опасения по поводу того, что русский демарш в случае, когда Пруссия откажется присоединиться к протестам держав, подписавших договор 1856 г., может поощрить Францию в предвидении ею английской, австрийской и итальянской помощи к более упорному сопротивлению[15].

Но невысказанными оставались более важные соображения. Прусской дипломатии было выгодно иметь черноморский вопрос в качестве приманки, позволявшей бы на протяжении всей войны держать Россию в напряжении и ожидании, обеспечивая себе ее поддержку в случае возникновения перед Пруссией препятствий в процессе

завершения войны. Достигнув же до окончания войны того, к чему она стремилась, Россия могла утратить интерес к Пруссии. К этому прибавлялись опасения, что выступление России инспирирует созыв европейской конференции, которую европейская дипломатия может попытаться использовать для постановки вопроса о вмешательстве в ход франко-прусской войны. На этой почве возникала угроза восстановления крымской коалиции, направленной не только против России, но и против Пруссии. С другой стороны, в Берлине отдавали себе отчет в том, что, в свою очередь, разрыв с Россией чреват созданием того активного объединения нейтральных стран, которое не удалось в августе 1870 г.[16] Поэтому Бисмарк поторопился принять некоторые меры, сообщив в Константинополь, Вену и Лондон, что демарш России явился неожиданностью и для Пруссии[17], в то же время продолжая заверять Петербург в неизменности своих намерений[18].

Циркулярная нота Горчакова была прежде всего передана в Берлин (7 ноября), затем в Лондон (9 ноября), Вену (10 ноября), Флоренцию (12 ноября), Константинополь (15 ноября). Франция получила официальное сообщение последней (17 ноября). Аргументация, использованная в ней, сводилась к следующему. Так называемая нейтрализация Черного моря ставит Россию в крайне опасное положение, так как Турция продолжает держать флот в проливах, а Англия и Франция в Средиземном море. Притом в военное время Турция может разрешить проход через проливы в Черное море военным судам иностранных государств, что само по себе уже является нарушением принципа нейтрализации черноморских вод. Кроме того, подписавшие Парижский договор державы за прошедшее время неоднократно нарушали его и он претерпел существенные изменения. В результате равновесие на Востоке, которое предполагалось договором 1856 г., нарушено в ущерб России. Все это делает невозможным дальнейшее признание Россией обязательств, вытекающих из 11-й и 13-й статей Парижского договора, которые ограничивают ее суверенные права на Черном море. Одновременно давались заверения в желании России оставить в силе главные положения Парижского договора и подтвердить их совместно с другими державами или составить с ними новый договор[19].

Особое значение для Петербурга имела позиция Англии. «Лондон является корнем вопроса»,— писал Горчаков [20]. Следуя инструкциям, Бруннов при вручении русского циркуляра обратил внимание британского министра иностранных дел на то, что в 1864 и 1866 гг. у английского правительства не возникло никаких возражений против того, что Лондонский договор 1850 г. и Венский договор 1815 г. были односторонним решением лишены силы. Он напомнил, что идея нейтрализации принадлежит не Англии, а ныне свергнутому Наполеону III и, следовательно, не связана с английскими интересами. Посол заверил, что у России нет намерения поднимать восточный вопрос и менять направление своей восточной политики, и напомнил, что в 1866 г., когда стоял вопрос о созыве конгресса с целью предупредить войну между Пруссией и Австрией, тогдашний министр иностранных дел Великобритании Рассел при обсуждении программы конгресса признал, что Россия нуждается в компенсациях и гарантиях безопасности «ввиду некоторых событий, способных изменить статус-кво на Востоке» [21].

Дополнительно секретной депешей Бруннову разъяснялось, что хотя в официальной инструкции отсутствует упоминание о возможности такой компенсации для Англии, как распространение на Черное море статута открытого моря, предложенного еще в 1866 г. Брунновым, это не означает, что в Петербурге отказались от подобной идеи. «Нам кажется более выгодным держать ее в резерве как средство переговоров в предвидении противодействия, которое мы можем встретить» [22].

Бруннову представлялось, что положение в Англии может быть чревато для России серьезными осложнениями, ибо хотя Гладстон, несомненно, желает сохранить мир, имеются влиятельные антирусские силы, давление которых «способно решить дело» [23]. 10 ноября, не считаясь с аргументацией Петербурга, британский кабинет министров выработал резко протестующий ответ на русский циркуляр. Правда, удар был направлен не столько против сути русского демарша, сколько формы, в которой он был предпринят. Гренвиль заявил, что односторонняя декларация о лишении силы международного договора противна принципам международного права, что если бы циркулярная нота России содержала просьбу к Англии пересмотреть договор совместно с дру-

гими подписавшими его державами, то английское правительство не отказалось бы рассмотреть вопрос. В ответ на это Горчаков пояснил английскому послу, что Россия прибегла к декларации в силу того, что всякий раз, как она выдвигала предложение созвать конференцию или конгресс по вопросам, имеющим общий интерес, ее предложения неизменно отклонялись в Лондоне в результате «довольно ясно выраженной озабоченности, что предметом рассмотрения конференции может стать восточный вопрос» [24].

Британская печать взяла под обстрел русскую декларацию, требуя от правительства активного противодействия ее осуществлению. Бруннов констатировал крайне серьезное положение. Его тревожила возможность секвестра русских фондов и русских судов, находившихся в Англии [25].

Вместе с тем горчаковский циркуляр породил в Лондоне предположения о наличии русско-прусского согласия и заставил британских политиков задуматься о последствиях крушения французской империи и потери в ее лице союзника на Востоке. В результате в Англии усилилось проявление чувств к Франции. От правительства требовали вмешательства с целью ускорения мира на умеренных условиях, попутно полагая, что с окончанием войны Пруссия потеряет заинтересованность в сотрудничестве с Россией [26]. Пока же Англия искала путей для затягивания состояния неопределенности вокруг поднятого циркуляром вопроса [27]. Британский кабинет направил вице-министра иностранных дел Одо Рассела в Версаль, в главную прусскую квартиру, для переговоров с Бисмарком. В зависимости от исхода этих переговоров чаша весов могла склониться в ту или другую сторону. «Англия отступит перед опасностью войны с объединенными Россией и Пруссией,— полагал Бруннов,— но может решиться на войну с одной Россией» [28].

Вместе с тем русская дипломатия убеждалась в наличии разногласий в политических сферах Лондона. Часть британских министров, в том числе Гладстон и Гренвиль, склонялись к тому, что в условиях 1870 г. проблема Черного моря не стóит для Англии риска войны. «Общественное мнение, кажется, становится менее единым,— сообщал Бруннов,— говорят, что радикальные министры не хотят содействовать разрыву» [29]. Брун-

нов не сомневался, что лично Гладстон желает сохранить мир [30]. Австрийский посол в Лондоне Аппони, располагавший надежным источником информации, примерно в таком же духе оценивал обстановку в своем донесении в Вену. Он называл ряд английских министров, в их числе Гладстона, Гренвиля, государственного секретаря по военным делам Гардвелла, государственного секретаря по финансовым делам Лове, которые «придерживаются мнения, что интересы Англии на Востоке не стóят того, чтобы извлекать шпагу из ножен» [31].

Исход переговоров Рассела в Версале охлаждающе подействовал на Форин оффис. Бисмарк был сдержан при обсуждении вопроса с английским уполномоченным, ссылаясь на то, что Пруссия не подписывала в 1856 г. особого документа, гарантирующего неделимость Османской империи, и в силу этого не обязана реагировать на подобные действия России. Но заметил, что, по его личному мнению, постановления 1856 г., действительно, ущемляли интересы России, и выразил пожелание скорейшего созыва конференции с целью найти примиряющее державы решение и избежать конфликта [32]. Осторожные формулировки прусского министра-президента, не желавшего дразнить Англию откровенным заявлением в пользу России, сохраняли почву для некоторых предположений о нюансах прусской политики, но не оставляли сомнений в том, что на Пруссию нельзя рассчитывать при создании антирусского фронта. «Бисмарк высказался перед Расселом в основном за нас»,— констатировал Горчаков [33]. В свою очередь, из Петербурга настойчиво внушали британским политикам мысль о наличии у Пруссии твердой решимости сохранять лояльность в отношении России [34].

В Вене известие о русском циркуляре вызвало также бурную протестующую реакцию и панику на фондовой бирже. Напоминание русского посла о заявлениях, сделанных Австрией в прошлом, в которых она высказывалась в пользу ревизии положения на Черном море, не возымело на Бейста действия. Он выразил недовольство внезапностью постановки вопроса. Горчаковская акция ставила под удар курс Бейста на установление контакта с Россией, принятый им после Седана, и позволяла венгерской аристократической оппозиции во главе с Андраши открыть кампанию против Бейста, припомнив ему ян-

варскую ноту 1867 г., в которой он предлагал России пересмотр статута Черного моря. Бейста угнетало состояние политической изоляции, в котором он очутился к этому времени, испытав крушение всех своих планов, связанных с войной между Францией и Пруссией. Андраши высказался за то, чтобы незамедлительно использовать против России демарш Горчакова. Все это заставило австрийского канцлера оттянуть официальный ответ в надежде, что обстановка как-то прояснится в более благоприятном духе. Ранее намеченная поездка в Мюнхен дала ему повод для подобной оттяжки [35].

Таким образом, в Вене вопрос о русском демарше стал поводом для обострения внутриполитического конфликта между Бейстом и Андраши. Вопрос о Черном море сейчас менее серьезен для Вены, писал Горчаков, чем вопрос о том, сохранит ли свой портфель Бейст или он перейдет в руки Андраши. «Вот почему Бейст стал иудой», — заключал Горчаков [36], имея в виду, что Бейст начал различными способами открещиваться от соответствия его предложений в 1867 г. русской декларации [37]. В дипломатических кругах России существовало мнение, что австрийская позиция во многом зависит от Пешта, поскольку Андраши в значительной степени оттеснил Бейста в руководстве внешними делами [38].

После возвращения из Мюнхена Бейст имел откровенный разговор с русским послом о трудностях своего положения при наличии различных группировок в вопросе об отношении к русскому циркуляру. Но и воинственность Андраши, чреватая угрозой открытого конфликта с Россией, не находила единодушной поддержки в политических кругах Вены и Пешта. Консервативные группировки, в частности «дворцовая партия», заняли сдержанную позицию, не желая способствовать более тесному сплочению России с Пруссией и изоляции Австро-Венгрии от (Пруссо) Германии [39]. Проявляла умеренность и венгерская левая в противовес воинственным выступлениям прессы партии Деака. Пестрота настроений в мадьярском лагере воспринималась Новиковым как обнадеживающий симптом. «Это заставляет думать,— писал он,— что мадьярское возбуждение, которое грозит захлестнуть Бейста, частично парламентский маневр с целью подкрепить кредит Андраши» [40]. Внутренние колебания сохранялись и у самого Андраши, ко-

торый раньше на заседании имперского совета 22 августа не возражал (с известными оговорками) против сближения с Россией в антипрусских целях. Какое-то влияние на него оказывало прусское давление. Прусский посол Швейниц в интимной беседе с венгерским премьером дал откровенно понять тому, что если Германия окажется перед необходимостью выбора между Россией и Австрией, то она займет сторону первой [41]. Однако, когда Андраши стал критиковать односторонние действия Горчакова, Швейниц поспешил заверить, что Пруссия вплоть до этого момента ничего не знала о русском демарше.

На имперском совете 14 ноября было принято решение оказать сопротивление русскому демаршу, но не переступать тех пределов, за которыми Австро-Венгрия рисковала оказаться лишенной поддержки других держав [42]. 15 ноября Бейст направил в Лондон телеграмму с предложением решительного коллективного или идентичного протеста держав, подписавших договор 1856 г. Это делалось, видимо, без большой уверенности в успех (Англия, действительно, отклонила идею коллективного протеста), и в заявлении, направленном 16 ноября в Петербург, Бейст был более сдержан, протестуя, подобно Англии, главным образом против формы русского демарша [43]. Новиков воспринял решения совета, которые в деталях оставались ему тогда неизвестными, как поворот Австро-Венгрии к более жесткому курсу от наметившегося, как ему казалось, перед этим умиротворительного настроения. Причиной такого поворота он считал малоискреннюю позицию Пруссии. «Опасения русско-прусского согласия внушали до сих пор сдержанность Австрии», но корреспонденция из Берлина, отмечал он, опровергла этот факт. В телеграмме Бисмарка, с которой Новиков был ознакомлен, Швейницу предлагалось действовать успокаивающе и подчеркивалась неожиданность русского демарша [44].

Тревожное положение складывалось и в Турции. Но без поддержки крупных европейских держав Османская империя не могла идти на риск войны с Россией. Это позволило Игнатьеву, настойчиво убеждавшему турецкое правительство в том, что Россия не несет угрозы целостности Турции и спокойствию на Востоке, добиться известного смягчения позиции Турции [45].

Лондонская конференция

22 ноября Пруссия предложила телеграммами, адресованными в Вену, Флоренцию и Константинополь, созыв в Петербурге конференции, а в дальнейшем вместе со всеми державами согласилась на предложение России [46] провести конференцию в Лондоне. Конференции предшествовала активная дипломатическая подготовка заинтересованных держав. Особенно бурную деятельность развила Австро-Венгрия. Бейст, пытаясь сколотить сговор против России и Пруссии, предлагал английскому правительству предварительно провести в Константинополе конференцию четырех держав: Австро-Венгрии, Англии, Италии и Турции [47]. Но в Лондоне не решились на такой шаг, ущемляющий, кроме России, и Пруссию. Помимо того, Андраши тайно от Бейста вел переговоры с главой регентского совета Сербии об обеспечении сербского нейтралитета в случае австро-русской войны в обмен на присоединение к Сербии Боснии, Герцеговины и Старой Сербии [48]. На имперском совете министров в Вене 17 декабря была выработана жесткая установка: настаивать в качестве компенсации за отмену нейтрализации Черного моря на предоставлении Турции права открытия проливов, на присутствии в Черном море военного флота европейских держав в количестве, пропорциональном росту русских сил в Черном море; этот флот должен иметь постоянную базу, предоставленную Турцией по соглашению. В случае же если не удастся достичь соглашения о ревизии и если Россия не согласится взять обратно свою декларацию, договор 1856 г. во всех его пунктах остается в силе и державы, подписавшие этот договор, введут в Черное море и базируют там свои корабли [49].

Константинополь бейстовская дипломатия шантажировала угрозой, что прямое соглашение Турции со своим «честолюбивым соседом» приведет к усилению в габсбургской монархии тех течений среди консерваторов и либералов, которые стремятся к сближению с Россией, и возможное в результате этого австро-русское согласие затруднит для Турции сохранение ее владений в Европе [50]. На Турцию оказывалось и английское давление с целью предотвращения прямого русско-турецкого соглашения.

Франция тянула до декабря с согласием на участие в конференции, стараясь добиться включения в ее повестку дня обсуждения условий прекращения франко-прусской войны. За содействие приемлемому для нее перемирию она готова была предложить Австро-Венгрии и Англии поддержку на конференции по восточным делам. Пруссия предупредила, однако, что в этом случае она откажется участвовать в конференции [51].

Из Петербурга торопили с созывом конференции, не соглашаясь с мнением Бруннова, что при современном положении конференция в Лондоне не сулит нужных России результатов и следует ждать конгресса из глав правительств, который возможен лишь по окончании войны. «Ждать конгресса,— возражал Горчаков,— равносильно тому, что отложить вопрос до бесконечности и может быть до обстоятельств, менее благоприятных» [52]. Большая часть русских дипломатов, из посвященных в ход событий, придерживалась той же точки зрения. «Действительно, сезон (трудность использования английского флота глубокой осенью.— *Л. Ш.*) и ситуация момента представляют неоспоримые преимущества»,— писал Убри [53]. Он учитывал при этом и намечавшиеся в Германии перемены, считая, что «большой иллюзией было бы рассчитывать на поддержку (объединенной.—*Л. Ш.*) Германии в восточной политике». Только Пруссия в ее теперешнем положении, подчеркивал он, может быть союзником России в этой области [54]. В предварительных переговорах Россия добивалась, чтобы соглашение, выработанное на конференции, было бы окончательным и не нуждалось в преобразовании в договор [55].

Россия была также против расширения сферы полномочий конференции, способного привести к оттяжке и дополнительному осложнению ее работы. В Петербурге (как и в Константинополе) отрицательно отнеслись к проекту обсуждения на конференции румынских дел [56]. Было отклонено вопреки настояниям Австро-Венгрии и обсуждение вопроса о судоходстве по Дунаю. Протестуя против связи, которую венский кабинет стремился установить между навигацией по Дунаю и ликвидацией ограничений на Черном море, Горчаков подчеркнул, что Россия заинтересована в скорейшем начале конференции с определенной и ограниченной четко задачей; «достигнув цели, эта конференция может быть сменена

другой, которая займется дунайским вопросом» [57]. Россия оговаривала, что речь идет не о выработке нового договора или ревизии договора 1856 г., а лишь исключительно об отмене ограничительных статей этого договора. Но вместе с тем Горчаков настойчиво подчеркивал, что Россия не собирается сводить задачу конференции к простой регистрации русского циркуляра, ибо выраженная в заключении циркуляра готовность пойти на необходимые меры для укрепления статус-кво на Востоке открывает «достаточно широкие горизонты» для обсуждений и решений [58]. Для большей гибкости переговоров Горчаков считал нужным отказаться от письменных проектов и ограничиться устным обсуждением до момента, когда будет достигнуто согласие. «Самолюбие каждого составителя может быть заинтересовано в сохранении выражений или соображений, написанных черным по белому»,— пояснял он [59].

Горчаков обращал внимание Бруннова на тщательность в отборе аргументации предпринятого Россией шага. Он отклонил, в частности, ссылку Бруннова на хорошие отношения с Турцией. «Существо наших отношений с Портой совершенно чуждо нашим решениям. Они внушены только чувством достоинства и долга не оставлять важную часть империи на волю каприза или перемены чувств» [60].

Согласившись на конференцию, державы тем самым признали де-факто отказ России от стеснительных условий 1856 г. Россия не отступала, и необратимость ее решения была условием ее участия в конференции. Гренвиль должен был признать, что «великая держава не берет никогда обратно своих слов», которые она решила сказать в столь категорической и публичной форме [61].

Англо-австрийская дипломатия вынуждена была уступить настойчивому сопротивлению России и устранить из проекта декларации, которую участники должны были подписать на первом заседании конференции, формулировку, определенным образом компрометирующую русский демарш. Вместо первоначальной редакции, где в качестве непременного условия всяких изменений в договоре выдвигалось предварительное обращение с просьбой к другим участникам договора и получение их согласия, была принята компромиссная редакция: «Ни

одна из держав не может ни освободиться от обязательств договора, ни изменить его условия, иначе как с согласия других участников договора, путем дружественного соглашения».

«Не может быть и речи об отказе от нашего циркуляра,— писал Горчаков,— до сих пор никто не осмелился нам это предложить, не сомневаясь в нашем категорическом противодействии... Возможно, что на конференции будет много сказано о неправильной форме, о принципах и т. д. Все это нам совершенно безразлично. Мы не имели другого средства заставить Европу заняться этим делом. Главное, что по существу вопрос будет решен в нашем духе» [62].

Задача теперь заключалась в том, чтобы облегчить державам принятие соглашения, узаконивающего русскую декларацию. Горчаков предлагал Бруннову иметь в виду следующее. 1. Предоставление султану права открытия проливов военным судам иностранных государств, которые Порта найдет нужным призвать в интересах своей безопасности. Горчаков был уверен, что султан не будет злоупотреблять этим правом, ибо ему вряд ли доставит удовольствие «видеть иностранный флот дефилирующим перед окнами сераля». 2. Согласиться на принцип открытого моря, если Англия возьмет на себя инициативу его выдвижения. «Но тогда,— писал Горчаков,— нужно дать хорошо понять, что свободный проход из Черного моря в Средиземное, и наоборот, должен быть признан для всех флагов без исключения» [63]. Имелось в виду предотвращение дискриминации русского флота.

Англия, действительно, выдвинула в ходе предварительных переговоров предложение открыть проливы, но Турция на это не согласилась, несомненно опасаясь, что флот западных держав, получивший свободный доступ в Черное море, станет фактором, угрожающим безопасности и суверенности Османской империи. И вопрос не получил дальнейшего движения.

Лондонская конференция приступила к работе 17 января 1871 г. Англия назначила в качестве своего уполномоченного министра иностранных дел Гренвиля. Остальные страны — участники конференции были представлены своими послами в Лондоне: Россия — бароном Ф. И. Брунновым, Пруссия — графом Берн-

сторфом, Австро-Венгрия — графом Аппони, Турция — Мусурус-пашой, Италия — графом Кадорна. Франция вплоть до последнего заседания не была представлена. Жюлю Фавру прусская главная квартира задержала выдачу пропуска для выезда из Парижа, осажденного прусскими войсками. Как пояснил Бруннову прусский посол в Лондоне, задержка была связана с тем, что Жюль Фавр говорил как-то о намерении обратиться на Лондонской конференции с призывом защитить интересы Франции [64]. По предложению турецкого уполномоченного Мусурус-паши, который как старейший по возрасту и дуайен дипломатического корпуса открыл конференцию, председателем конференции был избран Гренвиль.

Хотя многое было уже обсуждено в ходе предварительных переговоров и некоторые вопросы были согласованы между всеми или частью участников конференции, на конференции все же возникали довольно острые столкновения, связанные с желанием каждой из держав добиться наиболее выгодных для нее компенсаций за свое согласие на отмену черноморских ограничений и получить «гарантии», предупреждавшие последствия усиления России. В начале работы конференции фигурировало австрийское предложение о компенсации и гарантии в виде допуска в Черное море некоторого количества иностранных кораблей, возраставшего бы пропорционально росту черноморских сил России и которым бы Турция предоставила постоянную базу. Однако Турция не выразила расположения к этой идее. Уклонилась, в конечном счете, и Англия от поддержки австрийского плана, не желая идти вразрез с позицией Османской империи. Полагаясь на свое влияние в Константинополе, она предпочитала, чтобы Турция сама распоряжалась проливами. Бейст отступил от настояний на пребывании иностранных судов в Черном море, но еще некоторое время старался провести решение об увеличении числа или качества иностранных судов, находящихся в устье Дуная [65].

Помимо компенсаций, заявленных с трибуны конференции, представители держав пытались добиться от России уступок и в закулисных переговорах с ней. Гренвиль, например, упорно зондировал возможность получить льготы для английского каботажа в Черном море [66].

в Петербурге не согласились на это. Горчаков тут же телеграфировал Бруннову: «Никакие уступки относительно каботажа в пользу иностранцев невозможны» [67].

Русской дипломатии удалось достичь некоторого сближения с Англией, согласившись с требованием султана возвратить Турции суверенные права на проливы.

Ко второму заседанию конференции был подготовлен проект соглашения, основывающийся на проекте, предложенном 23 января Брунновым. В нем подтверждался принцип закрытия проливов в мирное время. Однако султану предоставлялось право открывать проливы для судов дружественных держав, когда он это считал необходимым в интересах безопасности Турции.

Этот пункт вызвал возражения с английской стороны. Гренвиль потребовал, чтобы право султана открыть проливы распространялось не на «дружественные державы», а на «неприбрежные державы». Принятие этой формулировки давало возможность оспаривать право султана открыть проливы для входа туда русского флота, чего именно и добивалась своей «поправкой» английская дипломатия. Прусский и итальянский делегаты выразили согласие с английской формулой. 26 января австрийский делегат, по указанию Бейста, потребовал дополнить британскую формулировку словами «к Черному морю» («неприбрежные к Черному морю государства»). Австрийский канцлер считал, что формула «неприбрежные государства» недостаточно безоговорочно изолировала бы Россию: в проекте соглашения упоминались только проливы, и термин «неприбрежные» мог поэтому толковаться как «нерасположенные на берегу проливов». Австрийская поправка, на которой Бейст решительно настаивал, должна была предотвратить подобное толкование. Таким образом, из всех европейских держав одна Россия как прибрежная к Черному морю лишалась доступа к проливам.

Из Константинополя возражали против английской формулы. Она (тем более с австрийским дополнением) ограничивала права султана в выборе союзников, суживала его возможности маневрирования между странами, заинтересованными в черноморских и средиземноморских проблемах, и, следовательно, теснее связывала его политику с политикой западных держав. Турецкий

представитель счел нужным в выступлении на конференции обратить внимание на антирусскую направленность английского варианта, тем самым способного посеять недоверие между соседними государствами [68].

Бруннов, считая, что главная цель — отмена нейтрализации Черного моря — достигнута, в первый момент не придал должного значения изменениям, предложенным Англией, но австрийское дополнение вызвало у него резкую реакцию. Он увидел в этом не только «новую махинацию» против России, но и желание осложнить и затянуть ход переговоров в Лондоне [69]. Тем не менее Россия не решалась занять категорически отрицательную позицию в отношении английского предложения, которое получило одобрение западных держав. Положение осложнилось тем, что в начале февраля Бейст заключил закулисную сделку с Турцией, упорно не соглашавшейся с формулой «неприбрежные державы». Он выразил готовность принять желательную Порте формулировку «дружественные и союзные державы», если будут сняты ограничения с численности судов, находящихся в устье Дуная, правда, с сохранением за Турцией права контроля. Турецкое правительство положительно откликнулось на это предложение [70]. Речь шла о том, чтобы в статье 19 Парижского договора заменить выражение «deux batiments» (два судна) словом «des batiments» (суда). Австрийский флот в устье Дуная был настолько нежелателен России, что она согласилась уже на английскую формулу, когда Гренвиль взял на себя в ответ обязательство отсоветовать Австрии ее проект относительно устья Дуная [71]. Но Турция оставалась непреклонной. Бейст тоже не желал отказываться от своих претензий в отношении устья Дуная.

Трудность положения России усугублялась опасениями по поводу возможного прусско-австрийского сближения в ходе конференции. Пруссия заняла благожелательную для Австрии позицию в дунайском вопросе. В официальной берлинской печати вдруг стали хвалить австрийского канцлера. У Новикова складывалось мнение, что Бисмарк, подозревая Бейста, «этого большого любителя примирительных коалиций», в стремлении договориться с Англией о новом посредничестве, прежде чем падет Париж, желает купить воздержание австрийского канцлера за услуги на конференции [72].

В ходе переговоров конференция зашла в тупик. Выход из положения помогла найти Италия, которая предложила на четвертом заседании, 7 февраля, принять турецкую редакцию с добавлением, что Турция может открывать проливы «военным судам дружественных и союзных держав в том случае, если это будет признано необходимым для выполнения Парижского договора 30 марта 1856 г.» Эта формулировка, связывающая право султана с защитой Парижского договора, удовлетворила и турок и западные державы. Последние исходили из того, что именно Россию, скорее всего, можно представить страной, угрожающей стабильности Парижского мира, и таким образом, право России входить в число держав, которым Турция может открывать проливы, приобретает, скорее, формальный характер. Итальянское предложение было принято всеми державами, последней, оказавшись в полной изоляции, дала свое согласие Австро-Венгрия.

Подписание Лондонского протокола состоялось 15 марта 1871 г. после того, как в Лондон прибыл французский уполномоченный герцог Брольи.

Россия, несомненно, добилась успеха, сумев чисто дипломатическими средствами ликвидировать тяжелые и унизительные ограничения на Черном море. Этот успех свидетельствовал о росте международного веса России. Достигнутые результаты укрепляли положение России в стратегически важном районе, увеличивали возможность влияния на балканские дела и, наконец, создавали благоприятные условия для дальнейшего развития черноморской торговли.

Горчаковская декларация и общественное мнение России

Царское правительство стремилось организовать общественное мнение вокруг черноморской акции. По опубликовании ноты Горчакова были созваны редакторы петербургских газет и журналов, чтобы выслушать назидательную речь министра внутренних дел Тимашева. Он призвал представителей печати понять серьезность стоящей перед ними задачи: «мы должны быть готовы ко всему», ибо неизвестно, как откликнется Европа.

«От нас зависит настроить,— продолжал он,— в том или другом смысле общественное мнение, ибо общественного мнения самостоятельного в России не существует. Известно, как оно слагается у нас: каждый читает утром за чашкой кофе газету и в течение дня пробавляется той мудростью, которую он в газете прочитал». Затем министр разразился упреками в адрес газет, которые подменяют «разумный патриотизм» «ультра-патриотическими» крайностями, выдумывая «балтийский вопрос». Но все это было только прологом. «Теперь перейдем к делу,— заявил Тимашев.— Вы сами, конечно, догадываетесь, что великий шаг, сделанный Россией, был возможен только при глубоком к нам сочувствии одной из европейских держав. Понятно, что я говорю о Пруссии. Не стану распространяться о том, как это свершилось, но что Пруссия готова нас поддержать и на будущее время — в этом нет сомнений. А если так, то государь не может допустить со стороны нашей печати ни малейшего порицания дружественной нам державы: если попрежнему вы будете держаться враждебного в отношении ее тона, то примите к сведению, что правительство не ограничится угрозами, а прибегнет к суровым карательным мерам» [73].

Правительство явно хотело создать хотя бы видимость единодушия внутри страны для того, чтобы русское заявление не проиграло в своем весе в глазах европейской дипломатии, и одновременно предупредить выдвижение в прессе далеко идущих внешнеполитических претензий и призывов, затруднивших бы русской дипломатии примирительное решение вопроса. В эти дни в Москву прибыл член цензурного комитета Веселаго с целью внушить редакции «Московских ведомостей» необходимость «настроить свою лиру на радостную музыку по поводу русской декларации и вместе с тем не возбуждать национального чувства» [74].

В русской печати вопрос об отмене стеснительных условий Парижского мира поднимался едва ли не с каждым осложнением, возникавшим на Востоке или в Европе. Еще в преддверии франко-прусской войны он снова оказался в поле зрения прессы, а война актуализировала эту проблему. Однако в связи с войной перед Россией возник ряд актуальных проблем и трудностей, связанных с формированием Германской империи, раз-

громом Франции, серьезной перегруппировкой сил на континенте и т. д., и в этих условиях отмена парижских ограничений не могла иметь самодовлеющего значения.

Черноморская декларация правительства нашла одобрительные отклики в общественных кругах России. Последовали приветственные адреса, телеграммы от Петербургского городского общества, Смоленского дворянства, земства Бессарабии, дворянства Екатеринославской, Тамбовской, Уфимской губерний и т. д., особенно сильной была реакция Юга России[75]. Парижский трактат был остро непопулярен во всех слоях русского общества. «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости» и ряд других газет присоединялись к приветствиям общественности. Причем в газетах, в разном смысле и с разной точки зрения высказывающих критические замечания, последние не касались содержания ноты как таковой и ее аргументации, наоборот, всячески расширялись и интерпретировались доказательства справедливости сделанного Россией шага.

«Московские ведомости», например, приводя случаи нарушения Парижского трактата подписавшими его державами, делали вывод, что «обоюдное обязательство, нарушенное одной стороной, теряет силу для другой» и Россия не пользуется даже в полной мере своим правом. Из номера в номер газета полемизировала с возражениями на ноту Горчакова английской и австрийской сторон.

«Неделя» считала, что срок действия Парижской конвенции должен истечь даже с точки зрения Европы. Конвенция возникла из недоверия к крепостнической России, которая представлялась загранице, писала газета, в качестве «громадного военного стана». Но сейчас, считала «Неделя», Россия пережила либеральные преобразования, притом с момента конвенции выросла роль черноморской торговли России, а с открытием Суэцкого канала возникают новые перспективы, и Россия поэтому тем более не в состоянии дольше терпеть постоянную угрозу все увеличивающегося турецкого флота, могущего воспользоваться ее беспомощностью на Черном море.

Но и декларация Горчакова не смогла убедить преобладающую часть общественных кругов России в том, что Берлин является для России ближайшим из возмож-

ных путей к обеспечению русских интересов в восточном вопросе, и заставить пересмотреть оценку русско-прусских отношений. Высказывались также сомнения относительно масштабов и конечного эффекта свершившейся отмены ограничений, правильности примененных методов и т. п.

Деятельность громоздкого государственного аппарата царизма сплошь и рядом была столь нелогична, что сама по себе компрометировала значение важных шагов, предпринимаемых правительством: готовя отмену черноморских статей, ничего не сделали для развертывания работ по восстановлению Севастополя, черноморских морских учреждений и т. п. Строительство железной дороги на Севастополь не только не было закончено, но с нотой Горчакова совпало решение об отсрочке ее сооружения [76]. Все это возбуждало скептицизм в оценке реального значения правительственной декларации для России в ближайшее время и в оправданности тех опасных осложнений, которые декларация могла повлечь за собой. Принимаемые правительством в последний момент меры: отправка военных грузов по единственной железной дороге через Одессу, командировка на юг генерала Тотлебена — не могли остаться в тайне и отнюдь не успокаивали, так как подтверждали, что и в официальных кругах войну считают не исключенной. А между тем невозможность за такой короткий срок ликвидировать прорехи в военной подготовке и в финансовом положении России была очевидной. Сухотин писал о тревоге на московской бирже и падении курса ценных бумаг в связи с опубликованием декларации: «Начинают поговаривать о войне, только с кем? Если Россия разрывает Парижский трактат, то надо ей заводить флот в Черном море и опять воскрешать Севастополь, дабы это уничтожение трактата не звучало пустой фразой. Теперь же в Николаеве строятся только два военных корабля, которые могут быть готовы не ранее 1872 г. ... Наша судьба — все мешкать и действовать полумерами» [77]. Подобное же записывает в своем дневнике 8 ноября Киреев: «Пока нота по восточному вопросу не произвела благоприятного впечатления на общественное мнение, никакого энтузиазма еще не выказывается» [78]. Правда, позднее он отмечает, что общественное настроение начинает раскачиваться, что вообще все

рады, но некоторые находят, что Россия не готова к такому шагу.

В дипломатических кругах выражали «негодование на холодность, если не сказать более, с которой отнеслось к циркуляру канцлера петербургское общество»[79]. Но и среди дипломатов не было единодушия. Первоначально отрицательно отнесся к черноморской акции русский посол в Турции Игнатьев. Будучи в Москве проездом, еще до оглашения ноты в печати, он сообщил под строжайшим секретом князю Черкасскому о решении правительства открыто поднять восточный вопрос, подчеркнув, что это решение принято «вопреки его (Игнатьева.— *Л. Ш.*) совету». По мнению посла, Турция, с поражением Франции лишившаяся своей главной опоры в Европе и поэтому начавшая заискивать перед Россией, согласилась бы на всякое нарушение Парижского договора, но сомнительно, примет ли она смиренно отмену этого трактата. Игнатьев выражал подозрение, что в этом «coup de tête» русского правительства видна «подстрекающая рука затейливой Пруссии»[80]. Раньше Игнатьев уже не раз высказывался за непосредственные переговоры с Портой, лишившейся французской поддержки. В этом направлении он делал даже пробные шаги в виде «академических переговоров» с великим визиром Аали-пашой, вызвавшие сильную тревогу в Англии и неодобрительно встреченные Горчаковым[81].

Маркевич информировал Каткова, что предположение о бисмарковской инициативе довольно распространено в дипломатических кругах Петербурга. Бисмарку приписывается стремление, подтолкнув на этот шаг Россию, отвлечь внимание Англии от прусских притязаний и припугнуть ее призраком восточного вопроса. Помимо того русская декларация, писал Маркевич, «послужит Бисмарку аргументом для удержания Меца и Страсбура: вы видите, скажет он, на примере России, что значит заключать трактаты без серьезных гарантий исполнения»[82].

Пресса в обзорах по черноморскому вопросу старалась дипломатично обходить молчанием значение прусских слуг в его разрешении, этим как бы избегая признания их необходимости. Только в некоторых печатных органах, в том числе в «Санкт-Петербургских ведомостях», шансы на успех декларации прямо связывались

с русско-прусскими отношениями. Активно возражал попыткам ставить успех России в зависимость от прусских услуг Катков [83].

В демократических кругах правительственная декларация вызвала тревогу: не скрывается ли за ней постановка восточного вопроса в целом или программа территориального реванша? Они считали, что в данный момент важнее черноморских дел мир, позволяющий осуществить внутренние преобразования, которые войны или внешнеполитические осложнения поставили бы под угрозу. «Территориальные приобретения для нас совершенно лишняя обуза,— писало «Дело»,— а всякий шаг по пути внутреннего развития величайшее благодеяние... Черноморский флот может оказать услугу только в будущем, а мир необходим теперь, необходим для нашего умственного, социального и экономического благополучия» [84].

Наиболее агрессивные круги из среды русского дворянства и буржуазии, жаждущие активной внешней политики, наоборот, были недовольны тем, что избранным правительством путем черноморский вопрос решался якобы только в принципе, а на ближайшее время положение на Черном море оставалось практически прежним. Наиболее полно выражал эти настроения Катков. Он заявлял, что правительство избрало, по существу, обходный путь, где слово предшествует делу, а не наоборот. «Зачем она (Россия.— *Л. Ш.*) не строила суда и не укреплялась на берегах,— спрашивал Катков,— а уничтожала остатки своих морских заведений на Черном море? Зачем надо предпосылать делу слова?» [85] Еще более откровенно говорил он о правительственной тактике в интимной беседе с Сухотиным: «Следовало бы давно начать строить флот, и если бы нас кто о том спросил, то русское правительство могло бы отвечать, что оно действует по примеру других держав, неоднократно нарушавших Парижский трактат: тогда бы только оно могло весьма основательно сделать предложение о пересмотре этого пресловутого трактата» [86].

Тем не менее «Московские ведомости» резко оппонировали выпадам австрийских и английских газет, пытавшихся скомпрометировать законность действий России. Они напомнили, что конференция по дунайским княжествам была созвана по инициативе России в момент,

когда слияние княжеств было свершившимся фактом, Турция признала слияние и примирилась с воцарением Карла Гогенцоллерна в Бухаресте, конференция же все это узаконила постфактум. «Что же! Россия не запрещает державам, подписавшим трактат,— заключали «Московские ведомости»,— собраться и теперь, чтобы подтвердить принятое ею решение и признать свершившийся факт» [87]. Опасаясь, что декларация России может обернуться для нее острыми международными осложнениями, риск которых, по мнению Каткова, не оправдывался той «моральной» выгодой, которую лишь и можно извлечь из декларации, он старался всячески успокоить правительственные круги Запада, продолжая повторять, что Россия не имеет намерения возбудить восточный вопрос [88].

В среде славянофилов демарш Горчакова укрепил надежды на переход России к активной восточной политике. Однако славянофилы не забывали и опасности, связанные с этим, чтобы слепо предаваться восторгам, тем более что и в самой декларации не все придавало уверенность в успехе. Аксаков оценивал декларацию как вызов к войне, но парадокс, с его точки зрения, заключался в том, что войны-то как раз правительство и не хочет и к «войне не готово ни в каком отношении». Аксаков высказывал тревогу, что, не имея под ногами твердой почвы, чтобы идти до конца, царское правительство в стремлении смягчить сопротивление со стороны других держав вынуждено будет давать гарантии миролюбия и позволит «себя связать по рукам и ногам в прочих частях трактата или под иным новым видом». Таким образом, отмена одной статьи трактата окажется купленной тем, подчеркивал Аксаков, что этот трактат, «уже совсем было обветшавший, совсем было изношенный исторической жизнью, и не в одной какой-либо части, а во всей своей совокупности и целости, будет вновь освежен, подновлен, скреплен, оживший вновь для действительного и позорного для нас своего значения» [89]. К тому же декларация своими многочисленными оговорками о сохранении статус-кво в восточном вопросе в сочетании с последующими уступками и гарантиями могла, по мнению славянофилов, связать Россию в ее славянской политике и скомпрометировать ее в глазах славянства.

Ф. И. Тютчев также отзывался о декларации как о непоследовательном и чреватом осложнениями шаге, но тем не менее все это отступало в его представлении перед значением правительственного акта как сильного психологического фактора, утверждающего национальное достоинство России. Поэтому он присоединяет свой голос к восхвалению Горчакова, негодует на московскую печать, возмущается холодностью, с которой отнеслось к циркуляру петербургское общество [90].

Славянофильские руководящие круги московской городской думы обратились к царю с адресом, в котором одобряли горчаковскую декларацию и одновременно выражали пожелание не просто в почтительной, но в «искренне любовной форме», по выражению Аксакова, предоставления некоторой свободы мнения, печатного слова, религиозной совести. Славянофильская формула предполагала упрочение самодержавия путем жалких реформ. Московский адрес при всей своей благонамеренности был категорически отклонен правительством. Царь усмотрел в адресе даже «стремления конституционные и революционные» [91] и якобы поэтому отложил свою поездку в Москву, хотя позднее этот факт объяснялся болезнью Горчакова [92].

Благоприятный исход русского демарша снял значительную часть аргументов, выдвигаемых в оппозиционных кругах, но тем не менее не привел к единодушному и безоговорочному одобрению свершившегося. При оценке событий большую роль общественное мнение отводило вопросу о том, какой ценой Россия приобрела права на Черное море. Лондонская конвенция по времени совпала с моментом завершения переговоров о мире между Германией и Францией, но русская пресса пыталась обойти связь этих событий. Катков в передовой по поводу Лондонской конвенции настойчиво подчеркивал, что Россия выдвинула «умеренное, для всех безобидное требование». Поэтому нельзя, писал он, «допустить установиться взгляду, что дешевой услугой, которая могла ей быть при этом оказана, на Россию возлагается тяжелый груз благодарности». Помимо того, Катков считал, что нет особых оснований ликовать по поводу достигнутого, так как конвенция, укрепив позиции России на Черном море, вместе с тем предоставила султану право в мирное время пропускать через проливы иностранные

военные суда для защиты Парижского трактата [93].

«Голос», который в отличие от «Московских ведомостей» высоко оценил успех русской дипломатии [94], вынужден был отметить сдержанность, с какой Лондонская конвенция была встречена в Петербурге [95]. Маркевич тоже сообщал Каткову из Петербурга, что решения Лондонской конференции не произвели там сильного впечатления [96].

Правительство было обеспокоено позицией Каткова, тем более что его мнение нашло поддержку и некоторых других органов печати. Против Каткова выступил со статьей в «Голосе» директор Азиатского департамента Стремоухов, законспирировавшись с помощью трех звездочек [97]. Но это существенно не повлияло на тон катковских статей. Бруннов с тревогой доносил из Лондона, что комментарии многих русских газет по поводу значения Лондонской конвенции могут быть использованы для противодействия ее ратификации в английском парламенте. Он считал эти выступления крайне несвоевременными, утверждая, что до обмена ратификациями «благоразумнее сохранять молчание» [98].

Бисмарк же был ущемлен отрицанием или замалчиванием русской прессой заслуг Германии. Когда даже правительственная газета «Журналь де Сан-Петерсбург» в обзоре итогов Лондонской конференции не выделила никак Пруссию, германский канцлер выразил свое неудовольствие послу России [99].

Таким образом, успех циркуляра Горчакова не смог в глазах значительнейшей части общественных кругов России смягчить ощущение новых внешнеполитических трудностей, которые вставали перед Россией с исходом франко-прусской войны, и нерешенности коренных проблем внутренней жизни страны.

Ф. Энгельс, отмечая, что в России общественное мнение расходится с правительственным курсом внешней политики, писал: «Как бы ни были значительны сами по себе успехи, достигнутые на конференции (Лондонской.— *Л. Ш.*), их ни во что не ставят русские панслависты» [100].

Глава VIII

Итоги войны. Образование Германской империи

Миссия Тьера. Попытка России подтолкнуть Пруссию к заключению перемирия

Первым шагом временного французского правительства в поисках мира была посылка в Европу миссии Тьера. Адольф Тьер, один из лидеров орлеанистского крыла монархистов, опытный политик, наторенный в искусстве интриги и дипломатических ухищрений, не занимавший в тот момент официального поста, выехал 12 сентября из Парижа с полномочиями от правительства вести переговоры с нейтральными государствами Европы с целью склонить их к благоприятному для Франции посредничеству в заключении мира. Правительство Трошю — Фавра, только что публично декларировавшее политику национальной обороны, старалось скрыть от патриотически настроенных масс французского народа поездку Тьера, свидетельствующую о его тайных капитулянтских намерениях.

Маршрут Тьера начался с Лондона. При первой же встрече Гренвиль постарался дать понять, что он не признает французского дипломата в качестве официального представителя [1]. Переговоры с британскими министрами (помимо Гренвиля Тьер встречался еще с главой правительства Гладстоном) убедили французского уполномоченного, что на английское дипломатическое вмешатель-

ство в пользу Франции рассчитывать нечего. Не помогла даже прозвучавшая в одной из бесед угроза Тьера в случае отказа Англии искать поддержки в другой стране, имелась в виду Россия[2]. Франко-русское сближение вряд ли импонировало Англии, но на Гренвиля эта угроза не произвела впечатления. Видимо, он исходил из того, что при сложившихся обстоятельствах царское правительство также скорее всего не решится основывать свои внешнеполитические расчеты на тесном единении с потерпевшей военное поражение и переживающей состояние политической неопределенности Францией. Гренвиль стоял на том, что выход только в прямых переговорах французского временного правительства с Бисмарком.

26 сентября Тьер появился на петербургском горизонте и задержался в русской столице на 13 дней, занятых встречами с царем и Горчаковым, посещением различного рода приемов, контактами с представителями русской прессы[3]. В отчете горчаковского ведомства результаты миссии Тьера были впоследствии охарактеризованы следующим образом: встречен хорошо, выражены знаки внимания и сочувствия Франции, но дано понять, что при существующих обстоятельствах не может быть и речи о каком-либо вмешательстве, имеющем характер давления[4]. Сам Тьер был удовлетворен переговорами. У него создалось впечатление, что русское общественное мнение симпатизирует Франции и встревожено военной мощью Пруссии, но в официальном Петербурге существует предубеждение против установившегося во Франции режима и Россию связывают некоторые обязательства по отношению к Пруссии, которые ее вынудила принять в свое время бонапартистская политика; помимо того русская инициатива осложняется отсутствием какого-либо военного успеха Франции. В этих условиях, по утверждению Тьера, он добился всего возможного: обещания услуг русского правительства в обеспечении Франции приемлемых условий мира, заверения, что Россия не признает мира, выработанного без участия Европы[5]. Тьер, видимо, преувеличивал обязательность заявлений своих русских собеседников, но тем не менее Горчаков предпринял практические шаги для того, чтобы добиться согласия Бисмарка на встречу с Тьером для переговоров о перемирии[6].

Однако Горчаков вовсе не желал, чтобы России приписывалось стремление к активному вмешательству и давлению на Пруссию, и, опасаясь, что Тьер может прибегнуть к подобной интерпретации русских намерений с целью воздействия на Вену и Флоренцию, куда он направился из Петербурга, Горчаков телеграфировал туда в адрес русских дипломатических представителей: «Миссия Тьера ни в чем не меняет нашу позицию строгого нейтралитета. Он не получил никаких обещаний, еще меньше обязательств... Постарайтесь, чтобы нам не приписали какого-нибудь шага, противоречащего тому, на что я вам только что указал»[7]. Во время переговоров с Тьером Горчаков отклонил предложение о заключении франко-русского союза как несвоевременного[8].

В Вене, где Тьер был уже вторично (первый раз по пути в Петербург, 23 сентября), он не задержался. Австро-Венгрия помимо всего была связана угрозой русских контрмер в случае, если бы вышла из нейтралитета. Бейст лишь постарался заверить Тьера (так он говорил потом Новикову) в возможности найти в Италии бо́льшую заинтересованность, чем здесь, в оказании помощи Франции. К этому Италию должны побуждать: необходимость обеспечения безопасности собственных границ и долг благодарности по отношению к Франции[9]. Однако и во Флоренции Тьеру не удалось добиться какой-либо реальной помощи.

Шансы на успех вмешательства нейтральных держав несколько повысились в разгар осени 1870 г. Прусская армия испытывала значительные затруднения со взятием Парижа, а новые французские армии, к организации которых в провинции приступил Гамбетта, и массовое патриотическое добровольческое движение, широко развернувшееся во Франции, в перспективе угрожали изменить военную ситуацию. Бисмарк в своих воспоминаниях признается, как опасался он в тот момент вмешательства Европы, считая, что германская армия, находясь между достаточно сильной армией осажденных и провинциальными французскими вооруженными силами, численность и местонахождение которых с трудом поддаются контролю, еще подвержена всяким случайностям войны[10]. Мольтке тоже был обеспокоен неожиданным сопротивлением на Луаре и опасался быть вынужденным оставить осаду Парижа[11].

Если верить Бейсту, то Бисмарк говорил ему, что, продержись Мец еще пятнадцать дней, и продолжение осады могло быть поставлено под сомнение. Бейст писал: «После Седана имелись моменты, когда у прусской главной квартиры не было никакой уверенности, я не скажу в отношении исхода войны, но во всяком случае в отношении жертв, которые она еще должна потребовать, и вмешательство могло бы повлиять на победителя, а вместе с тем воодушевить побежденного на сопротивление и, может быть, придать другой вид Европе после войны» [12].

Энгельс подчеркивал, что именно в октябре — ноябре 1870 г. существовала ситуация, когда вмешательство Англии в войну было реально способным «склонить чашу весов против немцев»[13].

В Германии ширилось сопротивление рабочего класса войне. Второе воззвание Генерального Совета Первого Интернационала разъясняло немецким рабочим изменение характера войны. Имевшая вначале оборонительное значение для Германии, война теперь с падением империи Наполеона III и установлением французской республики превращалась со стороны Германии в завоевательную, грабительскую. ЦК социал-демократической партии Германии требовал заключения почетного для Франции мира и признания французской республики [14]. Маркс на заседании Генерального Совета Интернационала отметил: «Ни одно рабочее собрание не высказалось за аннексию... Аннексия даст Европе повод для сохранения вооружений» [15]. Во время дебатов в северогерманском рейхстаге в ноябре 1870 г. все социалистические депутаты проголосовали против военных кредитов. Даже лассальянцы были вынуждены это сделать под давлением рабочих [16].

Побуждать Бисмарка к скорейшему миру должен был и замедленный темп переговоров с германскими государствами относительно объединения страны и выработки статута германской империи. Убри в то время доносил из Берлина, что в Пруссии начинает сказываться утомление войной. Особенно озабочены деловые круги [17]. Вопрос о перемирии назрел и «отвечает требованиям момента», писал он в другом письме, Франция должна признать невозможность «противостоять угрозам, вытекающим из ее опасного положения», Германии «перемирие внушают большие жертвы людьми и средствами»[18]. Эти обстоя-

тельства позволили Убри высказать мнение, что для русской дипломатии имело бы смысл в осторожной форме присоединиться к посредническим демаршам, которые не предусматривают никакого давления и никаких предварительных условий для Пруссии. «Мы в этом случае подтверждали бы согласие нейтральных, напоминая тем самым Германии о существовании Европы, интересы которой страдают от идущей войны... Форма будет слишком безобидной, чтобы задеть чувства Германии, тогда как сам по себе этот факт может оказать благотворное влияние на положение в целом» [19].

В русской печати сохранялись надежды на возможность поворота военных событий. «Дело» вспоминало, что «Франция бывала еще в худшем положении, но оправлялась и выходила лучшей из войны», а после Седана «она сделала так много для своей защиты, что нет причин сомневаться, что она может сделать еще больше»[20]. По мнению «Голоса», прилив энергии, мужества и самопожертвования, наблюдаемый во Франции, поставил перед германским командованием все усложняющиеся задачи. «Германия, — отмечал «Голос», — могла бы заключить для себя блестящий мир после Седана, но она захотела большего и на этом проигрывает»[21]. В этом же духе писали и «Московские ведомости»[22].

Но с наступлением решающего момента в развитии войны острее стали восприниматься и слабости России, ее неподготовленность к эффективному вмешательству. Наряду с пониманием, что Россия многое может потерять, оставаясь в стороне, вставали грозный призрак Крымской войны и судьба Франции в современной войне как грозное предостережение против слишком смелых действий. Всякий шаг, выводящий Россию из нейтралитета и способный содействовать ее вовлечению в войну, «Неделя» рассматривала как «величайшее бедствие» для России. Россия уже не та, что перед Парижским миром, заключала газета, но у русского правительства есть еще сильный враг внутри, который лишил бы его возможности направить все силы против внешнего врага, — «этот внутренний враг — народная бедность, общественное неустройство и полная социальная анархия»[23]. Опыт самой «несчастной Франции», утверждал «Вестник Европы», должен диктовать России осторожность. «Не воевать нам следует, а учиться»,—писал он, подчеркивая, что Франция

шла впереди России в своем развитии, имела лучшую промышленность, больше железных дорог, оружия и все-таки несет страшные поражения[24]. Западнический «Вестник Европы» не соглашался с тем, что Россия не может остаться в стороне, поскольку усиление «германизма» затронет интересы славянских народов. «Славянство с его будущим, — утверждал он, — интересует нас гораздо менее, чем образование и свобода в будущем для России»[25].

Сознание внутренних и внешнеполитических трудностей накладывало отпечаток и на настроения сторонников наиболее активной внешней политики из «Московских ведомостей» и славянофильского лагеря. У последних еще была в ходу доктрина о непримиримости интересов России и Запада, из которой вытекало, что России не только нет смысла приносить жертвы ради умиротворения Запада, но, наоборот, всякий раздор западных держав для России полезен.

К этому времени Бисмарк усилил дипломатическое давление на Россию, прибегая к слегка завуалированной угрозе ухудшения прусско-русских отношений. Напомнив Горчакову, как непопулярен был якобы в прусских общественных кругах союз с Россией и сколько трудов ему стоило добиться благожелательного перелома, он писал: «Было бы очень жаль, если этому желанному успеху в решающей стадии будет снова нанесен ущерб по случаю мирных переговоров с Францией и новое семя недоверия, взойдя, помешает нам подтвердить на деле наши отношения с Россией, в то время как момент сейчас явно благоприятствует тому, чтобы сделать ощутимой выгоду хороших отношений наших правительств»[26].

Международная обстановка сулила России немало трудностей и опасных осложнений на пути вмешательства. Особую подозрительность возбуждала английская политика. Газеты разных направлений сходились в мнении о наличии явной заинтересованности правящих кругов Англии в усилении Германии и ослаблении Франции. «Среди английских либералов все еще живут предрассудки покойного лорда Пальмерстона относительно России»; против России, отмечала «Неделя», они ищут «естественного союзника». По мнению влиятельного журнала «Вестминстер ревью», таким союзником может явиться как раз сильное немецкое государство; соедине-

ние «непреодолимой германской армии» и «непреодолимого английского флота» позволит Англии «презирать любую европейскую коалицию»[27].

Близкая к демократическим кругам пресса видела и различия в настроениях трудящихся Англии и правящей элиты. Та же «Неделя» отмечала, что чем сильнее рабочий класс Англии «сознает свою солидарность с делом политической свободы во Франции, тем ожесточеннее агитирует он против Германии, и в этом своем ожесточении он находит у себя дома поддержку даже со стороны немцев-социалистов». Особенно выделяла газета влияние Карла Маркса, который «открыто протестует в «Daily News» против притязаний Германии на Эльзас и Лотарингию и даже против «варварства» своих соотечественников в способе ведения войны»[28].

На собрании английских рабочих, созванном 13 сентября 1870 г. Лигой рабочего представительства и лидерами тред-юнионов, большинство, вопреки буржуазным пацифистам, поддержало резолюцию, предложенную членом Генерального Совета Первого Интернационала Аплгартом, требующую от английского правительства использовать все свое влияние для прекращения войны и протестовать против расчленения Франции[29]. Делегация рабочих и демократических организаций добилась приема у премьер-министра Гладстона и 27 сентября передала ему эти требования[30]. Был создан комитет для подготовки демонстраций с призывом признать французскую республику и протестом против аннексии французских территорий[31].

Но отсутствие сплоченности и единства помешало рабочему классу оказать более существенное влияние на внешнюю политику Великобритании. «Не следует думать, что весь рабочий класс в Англии требует войны (с Пруссией.— *Л. Ш.*),— писала «Неделя»,— тогда война сделалась бы неминуемой, но значительная часть его влиятельных вождей уже перешла на сторону войны»[32].

Некоторые перемены в позиции Великобритании все же наметились. По мнению русских дипломатов, они в значительной мере были обусловлены подозрением о некоем русско-прусском соглашении, которое может коснуться восточного вопроса, и желанием Англии опередить Россию в дипломатической инициативе, чтобы овладеть ходом событий и, ускорив завершение войны, помешать

постановке восточных проблем. Новиков предполагал (в этом духе ему также интерпретировал некоторые сведения, полученные им от Бейста, прусский посол в Вене Швейниц), что из Тура смогли внушить Сент-Джемскому кабинету, как важно Англии опередить Россию в посреднических услугах, чтобы преградить путь к осуществлению русских видов на Востоке [33].

17 октября Бьюханен по поручению из Лондона официально запросил Горчакова о возможности договориться между Россией и Англией относительно условий мира, приемлемых для обеих воюющих сторон, и обратиться совместно с другими нейтральными державами к прусскому королю с призывом к умеренности и прекращению осады Парижа. При этом выражалась уверенность, что можно будет получить согласие временного правительства на срытие Меца и Страсбура в качестве предпосылки, облегчающей достижение мира [34].

Но Горчаков, уже подготавливая декларацию по черноморскому вопросу, упорствовал в отрицательном отношении к коллективному демаршу, ссылаясь на его обреченность на неудачу, «так как ни одна из держав не расположена поддержать материально принятую совместно программу». Однако, ответил он в Лондон, было бы весьма полезно добиться перемирия, достаточно продолжительного, чтобы успеть созвать Национальное собрание во Франции и стабилизировать там политическую власть. «Если английское правительство захочет взять инициативу расположить политических деятелей Франции к демаршу подобного рода... оно заслужит признательность всех друзей мира»[35].

В это время в русских дипломатических кругах еще существовала надежда на возможность некоторого смягчения прусских условий. Убри казалось, что в Берлине могут отказаться от Лотарингии, если это позволит им добиться Эльзаса. «Это вообще манера, присущая Бисмарку. Он всегда требует больше, чем желает получить в действительности», — предавался иллюзиям русский посланник [36].

20 октября, следуя совету из Петербурга, Англия нотой, обращенной к французскому и прусскому правительствам, призвала стороны к перемирию, которое позволило бы провести во Франции выборы Национального собрания, дееспособного решать проблему мира [37]. Англий-

ское предложение было официально поддержано Италией и Австро-Венгрией [38]. Неблагоприятное впечатление в Берлине произвел почти угрожающий тон австрийской ноты [39]. Бисмарк отклонил английское предложение, ссылаясь на то, что его принятие может быть воспринято в Париже как проявление слабости Пруссии и этим лишь побудит французское правительство к дальнейшему сопротивлению [40]. Когда же от Гренвиля поступили сообщения о желании французского правительства заключить перемирие, Бисмарк выдвинул новый аргумент, утверждая, что перемирие на чисто военной основе, не предвосхищающее условий будущего мира, даст Франции передышку и время для перегруппировки сил с последующим осложнением военной обстановки в ущерб Пруссии [41].

Окунев энергично поддержал в Туре английские предложения [42]. Представитель министерства иностранных дел в составе турской делегации Шаторди ответил английскому послу и сообщил свой ответ также Окуневу, что турская делегация приветствует отход Англии от позиции воздержания и в принципе согласна на перемирие и созыв Национального собрания и будет рекомендовать это решение правительству в Париже. Однако она просит британское правительство предварительно выяснить в Берлине условия прекращения военных действий и способствовать тому, чтобы они были приемлемы для Франции [43].

В Берлине русская дипломатия воздержалась от прямого демарша в пользу английского предложения. Вместо этого Александр II направил личное письмо прусскому королю с выражением надежды на «справедливый, прочный и длительный мир», но без всяких настояний на участии нейтральных стран в его выработке [44]. Нельзя было рисковать отношениями с Пруссией накануне выступления с декларацией об отмене черноморских ограничений.

В Вене, где со времени миссии Хотека уверовали в готовность России к коллективному демаршу, заговорили о новой позиции России, подозревая, что это связано с русско-прусским секретным соглашением. Новиков пытался разубедить в подобном Бейста и Тьера, в тот момент находившегося в Вене, и утверждал, что русская точка зрения не изменилась с начала войны. «Однако, оставаясь тем же, — говорил Новиков, — наше желание

дружественного вмешательства, даже конгресса, должно повиноваться непреодолимому закону событий, ибо между миссией Хотека и современным моментом, этого нельзя упускать, прошла серия потрясений: седанский позор, пленение Наполеона, падение империи и опьянение победой в прусской главной квартире»[45].

Капитуляция Франции

Турская делегация приняла данный Тьеру в Петербурге совет приступить к непосредственным переговорам с Пруссией и поручила эту миссию Тьеру. 30 октября, получив от немецкого командования благодаря ходатайству России пропуск, Тьер отправился в Париж и после совещания с временным правительством 31 октября встретился с Бисмарком в Версале. Однако восстание в Париже, вспыхнувшее в этот день, как непосредственная реакция на капитуляцию Меца и слухи о начале переговоров с Пруссией связали руки капитулянтов из правительства «национальной обороны».

Хотя правительству удалось подавить восстание, оно было напугано мощью народного возмущения, требованиями восставших создать коммуну для организации решительного отпора прусским захватчикам. В этой обстановке правительство не рискнуло принять бисмарковские условия, в особенности требования территориальных уступок, и 6 ноября Фавр дал указание Тьеру прервать переговоры и возвратиться в Тур. Старый монархист Тьер хорошо понимал двойственность положения республиканского крыла временного правительства. Еще до начала переговоров он говорил Окуневу, что главной трудностью явится территориальный вопрос. Временное правительство, пояснил он, не может взять на себя ответственность за территориальные уступки, ибо этим «республиканская партия во Франции будет скомпрометирована как никогда и может вспыхнуть гражданская война, тогда как владеющие сейчас властью желают прежде всего обеспечить будущее республиканскому режиму»[46].

Выборы в Национальное учредительное собрание, которые были первоначально назначены на 16 октября, с началом переговоров приближены на 2 октября, затем снова отодвинуты на 16 октября, в канун этого срока

были отложены на неопределенное время[47]. Мотивами для отсрочки послужили трудности осуществления выборов в условиях войны, осады Парижа и оккупации значительной части французской территории немецкими войсками.

После неудачных переговоров с Тьером Бисмарк, желая видеть во Франции правительство, способное пойти дальше в переговорах о мире, предложил содействие проведению выборов при продолжающихся военных действиях. Он был готов «обеспечить» свободу выборов во всех оккупированных немецкими войсками департаментах и облегчить на протяжении трех дней сообщение между Парижем и провинцией. Тьер был за то, чтобы согласиться на это. Но временное правительство отказалось воспользоваться предложением Бисмарка. Трех дней было недостаточно для того, чтобы бо́льшая часть взрослого населения, находившаяся в армии или в отрядах франтирёров, могла бы прибыть к месту выборов, исполнить все формальности и вернуться обратно. Права избранного в таких условиях собрания могли быть поставлены под сомнение[48].

Проявившийся в событиях 31 октября явный антагонизм между буржуазным правительством и пролетариатом усилил страх французской буржуазии перед вооруженным народом и стимулировал дальнейшее развитие в ее среде капитулянтских настроений. Избавившись от необходимости вести войну, буржуазия могла бы повернуть все силы на удушение революционного движения в стране. Даже деятельность Гамбетты в Туре по формированию новой армии казалась капитулянтам бельмом на глазу. Кератри, бывший префект полиции, затем командовавший армией в Бретани и лишенный этого поста Гамбеттой, Кашери, бывший депутат законодательного корпуса, политический друг Тьера, сопровождавший его в Версаль во время последних переговоров, и Гийо Монтперо, бывший депутат законодательного корпуса, посетили в начале декабря в Туре Окунева и добивались от него помощи в получении от немецкого командования пропуска в Париж, чтобы Кератри мог там «разоблачить» Гамбетта, доказать, что тот скрывает от правительства действительное положение вещей, поощряя его на бессмысленное сопротивление. Хотя в официальном Петербурге тоже без всякого одобрения относились к деятельности

Гамбетты, который через ложно фокусированные монархические очки представлялся царским политикам чрезмерно левым и излишне разжигающим народные страсти, Окунев уклонился от подобного содействия, сославшись на отсутствие связей с германским командованием и права быть посредником в подобном деле [49].

Правительство Трошю готовило силы для того, чтобы иметь возможность парализовать выступление пролетариата против капитуляции. Принимались преступные меры с целью обескровить пролетарские батальоны национальной гвардии в военных операциях и терроризировать население Парижа голодом в расчете заставить трудящихся столицы примириться с капитуляцией. Трошю считал, что для «успокоения» общественного мнения надо положить на поле боя 10 тыс. национальных гвардейцев. В сражениях 1 и 2 декабря и при вылазке под Бюзенвалем в январе национальная гвардия потеряла 11 тыс. человек. 20 января 1871 г. правительство заявило парижским мэрам, что капитуляция неизбежна [50]. Оно подготовилось к возможному протесту масс, и когда 22 января началось восстание, организованное бланкистами, ключевые позиции находились под контролем правительственных войск. Подавление восстания 22 января расчистило правительству путь к капитулянтскому перемирию.

Правительственные круги Берлина тоже стремились ускорить окончание войны. Подтаивали резервы немецкой армии в тяжелых боях. Возможности французского сопротивления все еще были велики, несмотря на все испытания, которые выпали на долю Франции. Русский военный агент, генерал Витгенштейн, считал, что хотя Париж не отвечает критериям первоклассной крепости, он «представляет такие средства к обороне, как ни одна крепость в мире, и потому может с успехом сопротивляться немецкой армии при том непременном условии, что население Парижа окажет надлежащие настойчивость и энергию, а главный распорядитель обороны — знание дела»[51]. Известные опасения внушало санитарное состояние германской армии под Парижем и трудности ее снабжения [52]. Не исчезала и опасность вмешательства нейтральных держав. В главной прусской квартире, «кажется, очень хотят конца войны», писал Окунев в декабре 1870 г.[53]

Бисмарк продолжал придавать значение плану реставрации Бонапарта с целью заключения с ним мира, но переговоры с Наполеоном упирались в тупик. Бонапартисты туго шли на соглашение, предусматривающее крупные территориальные уступки, полагая, что такая сделка с Бисмарком окончательно подорвет их шансы на поддержку каких-либо общественных слоев Франции. Некоторый перелом наметился в декабре. Евгения согласилась на подписание прелиминариев с уступкой территории, равной приобретенной в 1860 г. (после войны с Австрией), а в начале января передала через своего уполномоченного прусскому послу в Лондоне, что согласна подписать мир с территориальными уступками, требуемыми Пруссией. В этой связи 14 января Бисмарк в докладе королю высказался за целесообразность заключения мира с регентшей. Он считал, что из всех возможных во Франции режимов: республиканского, орлеанистского или бурбоновской монархии — бонапартистский режим представляется для Германии наиболее выгодным, так как у Наполеона более чем у кого-либо будут связаны руки в случае подготовки реванша, учитывая ущерб, нанесенный войной его популярности, неустойчивость его внутренних позиций и недоброжелательное отношение к нему легитимной монархической Европы. Наполеону, считал Бисмарк, придется обеспечивать свое господство или либеральной внутренней политикой, или твердой диктатурой в отношении внутреннего сопротивления его режиму, что свяжет вооруженные силы. Наконец, с Наполеоном (Бисмарк имел в виду заявление Евгении) уже достигнута договоренность по территориальным вопросам [54].

Этот доклад Бисмарк предназначал для того, чтобы отвратить влияние на короля Мольтке, который настаивал на ведении войны до окончательного разгрома противника, что было с точки зрения Бисмарка чревато большим риском [55]. Добиваясь своей цели, Бисмарк запугивал короля возможностью французского реванша. После заключения мира, убеждал он, Франция будет иметь около 350 тыс. хорошо подготовленных солдат и офицеров бывшей императорской армии, выпущенных из плена, и трудно поддающийся учету контингент республиканской армии. Когда эти вооруженные силы будут снабжены оружием, Франция станет сильнее, чем прежде, и

сможет начать войну, как только подыщет союзника, поэтому особенно важно иметь во Франции «правительство, менее способное и склонное к войне против нас», заключал Бисмарк [56].

Однако Наполеон не поддержал свою супругу, продолжая считать, что после уступки Эльзаса и Лотарингии его возвращение к власти во Франции станет вообще невозможным. 20 января он уведомил Бисмарка о задержке на 6—7 дней прибытия Дювернуа, уполномоченного Евгении, в Версаль, как бы подчеркивая этим, что вопрос о территориальных уступках по-прежнему возбуждает сомнения [57].

Бисмарка стали тревожить раздумья о целесообразности осложнять взаимоотношения с Россией и Англией попытками восстановления наполеоновского режима. В Петербурге настойчиво отговаривали от затеи с восстановлением династии, которая была осуждена всей Европой и может «вступить на этот трон лишь для того, чтобы затем быть снова изгнанной» [58]. Да и внутренняя обстановка во Франции делала задачу реставрации Бонапарта крайне трудной. К тому же в Берлине не могли не учитывать враждебной Пруссии позиции значительной части русской прессы и все более широкое распространение антигерманских настроений в общественных кругах Англии, где уже раздавались призывы в пользу сближения с Францией [59]. Поэтому Бисмарк откликнулся на предложение Фавра, сделанное 23 января, и 28 января была заключена «конвенция о перемирии и капитуляции Парижа».

По условиям перемирия все форты Парижа передавались немецким войскам, французская армия в Париже (за исключением одной дивизии) и мобильная гвардия разоружались и переходили на положение военнопленных. Париж обязывался в течение 15 дней выплатить контрибуцию в 200 млн. франков. До 15 февраля должны были быть проведены выборы в Национальное собрание, на которое возлагалась задача решить вопрос о мире. Только парижская национальная гвардия сохранила свое вооружение. Фавр не рискнул взять на себя обязательство разоружить пролетарские батальоны национальной гвардии, понимая, что они не сложат оружие без боя.

Ход событий заставлял Германию договариваться о мире с республиканским правительством Франции [60].

Заключенное на трехнедельный срок перемирие стало начальным этапом капитуляции. Оно было распространено на всю Францию при крайне невыгодной для нее демаркации между французскими и немецкими войсками, благодаря чему под контроль немецкой армии отошли некоторые территории, еще не занятые ею. «Одним из самых странных пунктов» перемирия, подчеркивал Энгельс [61], был пункт, исключающий из сферы действия перемирия четыре департамента, где находилась армия под командованием Бурбаки. Это привело к тому, что армии Бурбаки пришлось отступить за швейцарскую границу, и здесь она была интернирована.

Между тем капитуляция не вызывалась военной необходимостью, возможности обороны еще не были исчерпаны. «...Мы берем на себя смелость заявить, что, если дух сопротивления в народе не ослабеет, положение французов, даже после последних поражений, еще очень прочно»,— писал Энгельс в декабре 1870 г.[62] Он считал, что имеются условия, позволяющие вести войну даже после падения Парижа. Анализируя обстановку в начале февраля, складывающуюся после перемирия, Энгельс подчеркивал, что резервы Франции еще «весьма далеки от истощения, и борьба могла бы продолжаться месяцами»[63]. При всех неблагоприятных условиях перемирия, писал он, Франция могла в течение трех недель привести в порядок свои силы и пополнить их в большей степени, чем Германия, «в этом отношении перемирие дает преимущества французской стороне»[64]. Шаторди незадолго до перемирия заверял Окунева, что падение Парижа — не конец войны, очень скоро Франция будет иметь армию в 1 млн. человек, не считая парижских войск [65].

В Берлине считались с возможностью возобновления военных действий Францией, учитывая настроения Юга Франции, а также «позицию Гамбетты и крайних (левых. — *Л. Ш.*) партий»[66], и принимали меры. Готовились пополнения немецких войск во Франции, планировалось довести их до 800 тыс. человек [67].

Вместе с тем делались шаги и для облегчения заключения мира. 8 февраля в «Провинциаль-корреспонденц» была напечатана статья (на следующий день воспроизведенная всеми берлинскими газетами) сугубо примирительного характера, поднимающая даже вопрос о взаимопонимании в будущем между Германией и Францией.

Русская миссия в Берлине отметила, что это «первая статья такого рода для этой и подобных ей газет»[68]. В правящих кругах Пруссии преобладало желание покончить с войной.

8 февраля были проведены выборы в Национальное собрание. Избранное в условиях оккупации почти трети французской территории и в сроки, не позволившие революционным организациям Парижа установить контакты с провинцией, Национальное собрание стало средоточием реакционных сил. Большинство мест на его скамьях заняли представители монархических группировок — орлеанистов и легитимистов. 17 февраля Собрание заменило временное правительство новым правительством во главе с Адольфом Тьером, который получил пост главы исполнительной власти французской республики. Правительство Тьера было признано европейскими державами, в том числе Россией. 21 февраля Горчаков протелеграфировал Окуневу: «Император разрешает вам вступить в официальные отношения с этим правительством»[69].

19 февраля Тьер и Фавр, за которым был сохранен пост министра иностранных дел, покинули Бордо, где заседало Национальное собрание, для переговоров с Бисмарком в Версале. Переговоры держались в строгом секрете. У Убри создалось впечатление, что даже Тиле, ближайший помощник Бисмарка по министерству иностранных дел, был мало осведомлен об условиях мира, которые обсуждались его шефом в Версале[70]. В эти дни многие как в Германии, так и во Франции предполагали возможность некоторого смягчения бисмарковских требований. В частности, допускалось, что Бисмарк откажется от Меца при условии ликвидации его укреплений[71]. В английской прессе резко осуждалась возможность колониальных требований к Франции, о которых упорно распространялись слухи, несмотря на опровержения со стороны Бисмарка[72].

Переговоры в Версале не уложились в сроки перемирия, и Тьер добился его продления еще на четыре дня, до 12 часов вечера 26 февраля. Предположения о возможности некоторого смягчения условий для Франции не оправдались. Бисмарк не отступал от своих требований, а капитулянтски настроенные Тьер и Фавр уступали. Только требование уплаты огромной контрибуции в сумме 6 млрд. франков вызвало их протест и обращение

к России. Тьер направил письмо Горчакову, которое в интересах срочности и безопасности было передано Габриаку из Парижа шифром по телеграфу, и одновременно Фавр протелеграфировал Габриаку предписание передать письмо Горчакову и добиваться его помощи в решении вопроса о контрибуции.

Тьер писал, что требуемая Германией сумма в 6 млрд. франков, учитывая, что сама война стоила Франции еще 3 млрд. франков, составляет для Франции совершенно непосильный груз: «Каким образом изыскать сразу девять миллиардов! Весь кредит объединенной Европы будет недостаточен для этого. Если на этом будут настаивать, мы не сможем принять мир, ибо мы не будем иметь возможности выполнить наши обязательства»[73].

26 февраля Габриак имел встречу с русским канцлером, последний обнаружил понимание французских трудностей, но высказал неудовольствие тем, что Тьер ничего не написал о территориальных уступках, на которые согласна Франция. Между тем «держава, которая захотела бы поднять голос в пользу уменьшения денежных возмещений, должна знать объем обусловленных территориальных уступок, чтобы важностью одних можно было аргументировать возможность сокращения других (уступок.— *Л. Ш.*)»[74]. На докладе Горчакова, сделанном в тот же день, Александр II написал: «Все, что вы ему сказали, справедливо, и я намерен сказать это завтра Рейсу»[75]. Следствием вмешательства России было сокращение контрибуции на 1 млрд. франков[76]. Оказывая определенное содействие Франции, русская дипломатия на протяжении проходивших в упорном торге франко-германских переговоров в Версале была насторожена необходимостью предотвратить возможную апелляцию Франции к поддержке нейтральных держав через Лондонскую конференцию, заседавшую в это время по черноморскому вопросу. Германия решительно предупредила, что ее уполномоченный немедленно покинет конференцию, как только последует попытка использовать ее для обсуждения мира с Францией. Россия не могла допустить срыва конференции по столь важному для нее вопросу. Бруннов поставил об этом в известность Гренвиля, четко оговорив русскую позицию[77].

26 февраля в Версале состоялось подписание прелиминарного мирного договора на крайне тяжелых и унизи-

тельных для Франции условиях. Она уступала Германии Эльзас и бо́льшую часть Лотарингии, включая Мец, — в общей сложности свыше 14 тыс. кв. километров с населением в 1,6 млн. человек. Обязалась выплатить в течение трех лет контрибуцию в размере 5 млрд. франков при условии, что до выплаты контрибуции продлевается в качестве гарантии оккупация значительной части французской территории и содержание оккупационных войск будет отнесено на счет Франции. Первый взнос в 1 млрд. франков требовалось внести в 1871 г. До ратификации окончательного мирного договора германские военные власти сохраняли в своих руках управление оккупированной территорией. После ратификации управление будет передано французским властям, но они должны считаться «с распоряжениями, которые командующие германскими войсками сочтут необходимым издавать в интересах безопасности, содержания и размещения войск»[78]. Тьеру удалось выторговать у Бисмарка лишь крепость Бельфор с прилегающей территорией, согласившись за это на вступление германских войск в Париж и пребывание их там до ратификации прелиминарного мира[79].

1 марта Национальное собрание ратифицировало прелиминарии 546 голосами против 107 при 23 воздержавшихся. В числе голосовавших против были все 40 депутатов от департаментов Эльзаса и Лотарингии[80].

Для переговоров в Брюсселе об окончательном мирном договоре в качестве германских представителей были выделены Балан, посланник в Брюсселе, и Арним, посланник в Риме. В Берлине считали, такое мнение высказывал Тиле, что переговоры будут трудными и долгими. Причем наиболее трудным представлялся вопрос о судьбе торгового договора, ликвидированного войной, поскольку существующее французское правительство больше склонялось к протекционизму[81]. В прелиминарном договоре вопрос о торговых связях между Германией и Францией был обойден молчанием. Этот пункт очень интересовал Англию, опасавшуюся отказа Франции от выгодного для британских торговых кругов принципа свободной торговли[82]. Кроме того, требовалось еще согласовать ряд других вопросов, определить окончательную пограничную линию в связи с территориальными уступками Франции, размеры территории, которая остается у

Франции вместе с Бельфором, сумму возмещения французской компании восточных железных дорог за железнодорожные линии Эльзаса и Лотарингии, переходящие в собственность Германской империи, и т. д.

Однако, еще до того как начались переговоры в Брюсселе (28 марта), в Париже произошли события исторического значения. Капитулировав ценой национального предательства, французская буржуазия сосредоточила усилия на том, чтобы обезоружить и обескровить революционный пролетариат Парижа. В ответ 18 марта в Париже вспыхнуло революционное восстание, власть в Париже перешла в руки пролетариата в лице Парижской коммуны. Правительство Тьера спаслось бегством в Версаль, куда к этому времени перебралось из Бордо Национальное собрание [83]. Тьеру удалось увести с собой часть регулярных войск. 2 апреля версальцы развязали военные действия против Коммуны. До 28 мая трудящиеся Парижа оказывали героическое сопротивление силам версальской контрреволюции. Парижская коммуна, ее опыт и уроки стали исторической вехой в развитии марксизма и международного рабочего движения.

Революция 18 марта скомпрометировала положение правительства Тьера. «Ничто не могло быть столь фатальным для дела нашей страны, — доносил Фавру из Петербурга маркиз Габриак, — как восстание в Париже... Я знаю, что князь Горчаков был сильно обескуражен, получив эти сведения от г-на Окунева. Нет никакого сомнения, что под влиянием этого связь между Пруссией и Россией станет теснее»[84].

Вместе с тем в некоторых русских газетах факт возникновения Парижской коммуны, против которой бешено ополчилась вся буржуазная и дворянская печать, изображался как прямое следствие упорного стремления Пруссии разгромить своего противника, лишая его возможности почетного мира. «Пруссаки не страшились довести его (противника, то есть Францию.— *Л. Ш.*),— писал «Голос», — до последней степени отчаяния, не задаваясь мыслью о том, какие должны быть последствия этого для самой Франции и, может быть, для всей Европы»[85].

При неуверенности в способности самого французского правительства справиться с внутренним революционным кризисом, в Петербурге возрастала заинтересован-

ность к Пруссии как консервативной силе, способной противостоять распространению революционных идей. Против Коммуны объединялась реакция всей Европы. Ради удушения Коммуны французская буржуазия вступила в прямой сговор с национальным врагом — бисмарковской Германией. Германское правительство согласилось на увеличение армии версальцев до 80 тыс. человек, вместо 40 тыс., которые прелиминарный мир разрешал содержать в Париже. Затем в начале апреля было разрешено еще дополнительное увеличение армии Тьера. Для этого было выпущено из немецкого плена свыше 100 тыс. солдат и офицеров.

Одновременно Бисмарк добивался прямого участия германских войск в подавлении Коммуны с целью окончательно обескровить Францию и навязать ей еще более тяжелые условия мира. Представитель германского Генерального штаба генерал Фабрице старался создать международное мнение о неспособности французского правительства справиться с Коммуной. Он утверждал, что средства, которыми располагает Тьер, недостаточны, сам Тьер нерешителен и теряет голову от трудностей, окружающих его, тогда как настроения парижского населения становятся все более враждебными Версалю[86]. Тьер был против участия германских войск в штурме Парижа, понимая, какие далеко идущие последствия это может иметь. Трудное положение версальского правительства использовалось Бисмарком также для давления и шантажа во время переговоров об окончательном мире в Брюсселе. С этой целью в начале мая он стал отказывать Тьеру в освобождении из плена дополнительного числа солдат и офицеров, что заставило французское правительство обратиться за содействием к России. 3 мая Габриак зачитал Горчакову телеграмму Фавра, в которой тот жаловался, что Пруссия отказывает версальскому правительству в льготах из опасения, как бы оно не использовало 100-тысячную армию для возобновления войны, в то время как Франция, заверял Фавр, «решительно желает мира»[87]. Так как Габриак не мог конкретно сказать, о каких льготах идет речь, потребовалась еще одна телеграмма Фавра. «Мы просим у Пруссии выдать наших пленных, — уточнялось там, — и позволить нам пройти через Сен-Дени, чтобы войти в Париж без штурма. Она хочет вступить туда вместе с нами и раздража-

ется, что мы отклоняем это предложение». В доказательство желания мира французское правительство выражало готовность немедленно преобразовать прелиминарный мир в окончательный, отложив на будущее решение отдельных спорных вопросов [88]. Горчаков, не обещав прямого содействия, тем не менее поручил Убри сообщить в Берлине об этих заверениях Фавра, давая тем самым косвенно понять, что Россия не одобряет бисмарковских планов прямого военного вмешательства [89].

Это, видимо, содействовало ускорению хода мирных переговоров. Они были перенесены из Брюсселя во Франкфурт-на-Майне, куда Фавр выехал 4 мая вместе с министром финансов Пуйе-Кертье для прямых переговоров с Бисмарком [90]. Обсуждение на более высоком уровне, в обстановке, когда Германии удалось оказать значительное давление на Версаль и поставить его перед жесткой альтернативой, привело к быстрым результатам. На Тьера воздействовал и исход муниципальных выборов во Франции 30 апреля 1871 г., на которых главные партии Национального собрания — орлеанисты и легитимисты — потерпели сокрушительное поражение. Это создавало угрозу внутриполитической изоляции Национального собрания и правительства Тьера. Уже 10 мая был подписан окончательный мирный договор между Францией и Германией. Помощь Пруссии в подавлении Парижской коммуны французской буржуазии пришлось оплатить новыми уступками. Ухудшались сроки выплаты контрибуции, она должна была выплачиваться золотом или серебром, а также определенными иностранными ценностями, но не билетами Французского банка. Франция вынуждена была предоставить Германии режим наибольшего благоприятствования в торговле и судоходстве. Взамен территории, прилегающей к Бельфору, Германии была отдана более важная территория у люксембургской границы. Договор обходил вопрос об исключении из суммы контрибуции доли, падающей на провинции, которые переходили к Германии.

21 мая произошел обмен ратификационными грамотами, и Франкфуртский мир вступил в силу. Для этой процедуры во Франкфурт прибыл лично Бисмарк. По сведениям, которыми располагал Убри, поездка канцлера объяснялась главным образом желанием еще раз уточнить ситуацию при встрече с Фавром и отдать себе

отчет в шансах на успех наступления версальцев на Париж и в прочности положения республиканского правительства Франции. Это намерение стимулировалось известиями из Бельгии, позволяющими предполагать возможность легитимистской реставрации — провозглашения графа Шамбора королем Франции с занятием Парижа версальскими войсками[91].

Когда пришло известие о вторжении версальских войск в Париж, Вильгельм заключил: «Теперь, наконец, мир может быть осуществлен»[92]. На случай, если версальцам не удалось бы захватить Париж, германское командование имело предписание «открыть огонь по Парижу»[93].

Русская общественность об условиях мира

Грабительский мир, навязываемый Франции, не встречал ни одобрения, ни оправдания русских общественных кругов. Подобное отношение не всегда определялось моралистическими соображениями, хотя моралистические критерии и пестрели на страницах русских газет при освещении ими прусской программы мира. Главное было в понимании опасностей, которые вытекали из этого мира. В первый момент в глазах некоторых, порой сведущих в политике людей, пертурбация, происходящая в Европе, приобретала даже гиперболизированный характер. Тютчев, например, считал, что отделение Эльзаса и Лотарингии для Франции равносильно гибели: этого «не сможет выдержать ее столь ослабленный организм»[94]. Никитенко говорил об «убийстве Франции»[95]. «Голос» характеризовал условия мира как «смертный приговор Франции»[96]. Подобная гиперболизация последствий войны свидетельствовала о том, насколько остро ощущалась в России значительность перегруппировки европейских сил. Отторжение двух французских провинций в общественных кругах России воспринималось как предпосылка неустойчивости и непрочности мира. «Франция никогда не примирится с потерей этих областей», — писал «Голос»[97]. «Санкт-Петербургские ведомости» высказывались в таком же духе[98]. «Заря» отмечала, что отторжение этих провинций не может серьезно ослабить Францию, а только обострит опасность войны[99]. «Захват

Эльзаса и Лотарингии, — писала «Неделя», — это несчастье не только Франции и Германии, это несчастье всей Европы, всего цивилизованного мира. Это господство «кулачного права»»[100].

Русская печать отвергала тезис об исторических правах Германии на Эльзас и Лотарингию и ссылку на необходимость присоединения их к Германии в целях стратегической безопасности последней. Русские журналисты видели в подобном подходе опасность для «немецких земель Австрии или Швейцарии, или же наших прибалтийских провинций»[101]. В кругах русской общественности не находили отклика вымыслы германских публицистов и националистических историков, подпевавших Бисмарку, что французская нация нравственно пала, развратилась, что вообще романская раса изжила себя и должна уступить главенствующую роль в Европе германской расе. Обозреватель «Зари» объявлял нелепой теорию чередования рас и расовых войн[102]. Лучшей гарантией от войн для государства, утверждалось в журнале, «служат не естественные границы страны, не обладание стратегическими пунктами, не ослабление соседа отнятием целых областей, но более разумное политическое устройство как самого государства, так и соседних с ним земель, более действительное представительство народа, которое не только выражало настоящую волю страны, но имело бы средства для осуществления этой воли»[103].

Экономические условия мира — пятимиллиардная контрибуция — также вызвали критику своей крайней жесткостью. «Отечественные записки» для иллюстрации того, что значили для Франции 5 млрд. франков, привели интересный статистический материал. Эта сумма почти в два с половиной раза превышала бюджет Франции 1871 г. и приблизительно равнялась сумме монет, отчеканенных в Великобритании с 1821 по 1868 г.[104] В некоторых газетах подчеркивалось, что такое перемещение капиталов должно отразиться не только на Франции, но и на всемирном денежном обороте. Так, «Московские ведомости» предсказывали повышение ценности денег, подчеркивая, что это особенно болезненно отзовется на государствах, «прибегающих к иностранным займам», к числу которых относилась и Россия[105]. Европейские экономисты были тоже озабочены возможными последствиями перемещения столь значительной суммы[106].

Отклики в России на образование Германской империи

Образование Германской империи[107] — крупного агрессивно-милитаристского государства в центре Европы существенно влияло на соотношение сил на европейской арене и вместе с поражением Франции определяло новый этап в развитии международных отношений.

Ход исторических событий заставлял даже самых легитимистски настроенных представителей правящего класса России признавать неизбежность германского единства в условиях распада старой европейской политической системы. «Оно осуществилось бы, возможно, благодаря революции. Следовательно, предпочтительнее, чтобы эта задача была решена по инициативе монархов»,— писалось в отчете русского министерства иностранных дел[108].

Подобные соображения заставили царское правительство мириться с фактом создания Германской империи в 1871 г., как несколькими годами раньше оно примирилось с образованием Северогерманского союза[109]. Вопрос заключается только в том, взвешивали в Петербурге, «поглотит ли Германия Пруссию или Германия растворится в Пруссии». Горчаков надеялся, что та роль, которую сыграли в войне германские (особенно южногерманские) монархи, позволит им сохранить свои права в империи и они будут «некоторым противовесом исключительному влиянию Пруссии»[110]. Южногерманские государства, считал русский канцлер, менее агрессивны, расстояние, которое отделяет их от России, делает их более безразличными к вопросам, прямо касающимся русских интересов. Можно, кроме того, по мнению Горчакова, предвидеть многочисленные внутренние трудности, связанные с формированием и функционированием новой империи, не только в виде трений между правительствами отдельных немецких государств, заинтересованными не допустить исключительного влияния одного из них, но и между населением Севера и Юга с их специфическим укладом жизни. Затем внешние трудности, «вытекающие из глубокого ущемления Франции войной», будут оказывать давление особенно на южногерманские государства[111].

Мнение Убри, хорошо знавшего положение дел в Германии, почти совпадало с горчаковским. В ноябре 1870 г., когда определились контуры Германской империи, Убри, «хорошо поразмыслив», пришел к точке зрения, которая, как он выразился, «на первый взгляд кажется парадоксальной». Он отдал предпочтение империи перед Северогерманским союзом. «Конечно, — писал он, — новая объединенная Германия станет более прочной и мощной. Но эта сила мне представляется более спокойной, более консервативной, более монархической». Новая структура предоставляет германским государствам «больше независимости и обеспечивает некоторое равновесие»[112]. Убри не беспокоило, что включение южногерманских государств в общегерманскую организацию противоречит 4-й статье Пражского мира и может вызвать протесты со стороны Австро-Венгрии. «Не нам жаловаться на это нарушение, я не буду огорчен, получив возможность сказать здесь политическим деятелям и членам рейхстага, упрекавшим нас за циркуляр 19(31) октября, а вы?, что делаете вы в течение последних пяти лет и особенно в настоящий момент с Пражским договором?» [113]

В руководящих дипломатических кругах России утверждали, что нет оснований для крайнего беспокойства, выражаемого русской прессой (да и прессой других стран) по поводу последствий войны. «После столь опустошительной войны, — подчеркивалось в отчете министерства,— мир должен стать общей потребностью... Грандиозное предприятие, осуществленное Пруссией, еще далеко не упрочено... Вовне побежденная, но трепещущая и жаждущая мести, Франция останется постоянной сдерживающей силой» [114].

Маркс подчеркивал, что так же, «как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием Северогерманского союза, так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе» [115].

Бисмарк смог добиться опруссачивания Германии под флагом ее объединения, используя в этих целях назревшую потребность в национальном объединении и неспособность трусливой немецкой буржуазии встать на путь революционно-демократической борьбы за национальное единство. «Когда не удалось объединение рево-

люционное,— писал В. И. Ленин,— Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски»[116]. Таким образом, юнкер Бисмарк оказался «душеприказчиком половинчатой немецкой революции 1848 года»[117].

Прусско-юнкерская каста, военизированная, хищная и агрессивная по самой природе своей, обрела новую силу в порабощении Германии. Она создала в лице империи Гогенцоллернов «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»[118].

Почти во всех слоях русского общества образование Германской империи вызвало тревогу, связанную с ощущением непосредственных угроз, таящихся для России, для ее внешней политики, для ее демократического развития (последнее принималось в расчет лишь русской демократией) в существовании этого нового государства. Русский революционер-эмигрант Утин писал еще в ходе войны: «Поглощение Германии Пруссией означало бы создание в центре Европы такой державы, которая своим абсолютизмом и милитаризмом неминуемо затормозит развитие свободной политической жизни, которая усилит в центре Европы то злое начало, которое можно охарактеризовать одним словом «реакция»»[119].

Н. Михайловский, будущий вождь либеральных народников, со страниц «Отечественных записок» возражал против попыток приписать бисмарковской политике немецкие национальные мотивы. В 1848 г., писал он, немцы, действительно, имели перед собой «практическую народную цель — свободу, когда решили раз и навсегда покончить с распрями и притязаниями своих князей и князьков», но Бисмарку удалось извратить эту цель, сделать ее фиктивной, свести ее к военному могуществу Германии[120].

«Неделя» выступила с острой критикой статьи немецкого историка Зибеля, утверждавшего, что национал-либералы поддерживают и принимают империю лишь как символ германского единства, поэтому титул империи не должен пугать воспоминаниями о крестовых походах, о средневековой воинственной Германии. Глубоким заблуждением было бы думать, писала «Неделя», что «немецкая империя удовлетворится одним титулом...»

«Немецкая империя, — подчеркивала газета, — устанавливается, как империя первого Наполеона, на блестящих успехах оружия и сразу обнаруживает завоевательные тенденции и даже вмешательство в чужие дела... Империя, созданная военными успехами, может быть крепкой и прочной лишь при помощи значительных военных сил»[121].

Бакунин бросил в лицо новоявленной империи прозвище «кнутогерманская империя». На его отношении к монархической централизации Германии, кроме анархистского отрицания государственности вообще и славянского контрнационализма, сказывалось и предчувствие опасности, таящейся в усилении пруссачества. Он видел в сложившейся империи Гогенцоллернов новый оплот европейской реакции. «Она (Германская империя. — *Л. Ш.*) будет по необходимости первостепенной и главной представительницей и постоянным источником всех возможных деспотизмов в Европе», — писал Бакунин[122].

Большой тревогой были проникнуты и выступления либеральной прессы. «Голос» еще в начале войны опубликовал статью, где утверждалось, что Пруссия, подобно Австрии, всегда служила препятствием единству Германии, «стремилась поддержать внутреннее разъединение между германскими государствами, гибельное для Германии и служащее частным выгодам Пруссии, открывая ей путь к насильственным захватам соседних земель...» «Говорить, что Пруссия объединила Северную Германию, — писал «Голос», — значит злоупотреблять значением слов, должно сказать, что Пруссия покорила, подчинила себе Северную Германию». Теперь же Бисмарк «хочет создать единую Германию за счет спокойствия Европы». Газета высказывала убеждение, что «историческая миссия Пруссии заключает в себе зародыш кровавых столкновений как для Германии, так и для Европы»[123].

В не менее сильных выражениях писал о Германской империи Никитенко: «В лице Бисмарка Европа подпадает под власть, подобную той, хотя и в другой форме, которая тяготела над ней в лице Меттерниха... Призрак феодального средневекового консерватизма встал из гроба и грозит Европе»[124].

Эти оценки, однако, не означали отрицательного отношения прогрессивной русской интеллигенции к самому

факту объединения Германии. Русская демократия глубоко сочувствовала борьбе германского народа за решение национальной задачи. «Неужели немецкая нация, — писала «Неделя», — менее заслуживает сочувствия в своем стремлении к единству, чем, например, итальянская или греческая?» Но отмечала, что намерения прусского юнкерства не имеют ничего общего с этой национальной задачей [125].

Несколько особняком стоит мнение славянофилов о последствиях войны. Наиболее полно оно, пожалуй, было изложено в статье Данилевского, написанной в декабре 1870 г., когда исход войны уже в значительной мере определился. У Данилевского не возникало сомнений, что Россия выиграла от войны. Во-первых, она избавилась от стеснительных черноморских статей. Во-вторых, исчезает почва для русско-французского антагонизма. Протрезвленная Франция должна будет отказаться от своих «предрассудков» — польского и католического, мешавших до сих пор сближению с ней России. В-третьих, приблизился «последний фазис восточного вопроса»: присоединение Эльзаса и Лотарингии еще не удовлетворит Германию, она не ограничится и присоединением «австронемецких» земель, а постарается поглотить и славянские земли габсбургской монархии. Это в такой степени затронет интересы России, писал Данилевский, что при всем желании она не сможет остаться бездеятельной, тем более что на следующем этапе Германия может поставить вопрос и о балтийских провинциях России. Смена французской гегемонии в Европе германской, по мнению Данилевского, упрощала задачу сплочения славянства, ибо если Франция со времени революции пользовалась симпатиями известной части славянской интеллигенции, то по отношению к Пруссии эти иллюзии отсутствуют [126].

В славянофильском лагере складывалось убеждение, что война представляет собой начало исторического кризиса, открывающего путь к усилению славянства. «Славянство с православием... должно явиться примиряющим началом той крайности, в которую неминуемо впадает победоносный рационализм под знаменами торжествующей Германии», — писал князь Д. Оболенский. Угроза революции, которая, казалось, нависала над Европой, тоже, по мнению славянофилов, должна была

придать особое значение славянскому миру, непричастному якобы к этой революции, «имея в самом себе и в православии все данные для разрешения волнующих весь западный мир вопросов»[127].

В русской прессе прозвучал упрек великим державам в том, что они допустили тяжелую последствиями войну и чреватый новыми осложнениями мир своим бездействием в защите интересов Европы. «Страшная драма разыгралась на наших глазах, — писал «Голос», — при полнейшем безучастии остальных держав. Не было недостатка с их стороны в убеждениях и советах, но все эти советы оказались вполне бессильными, потому что от слов никто не хотел перейти к делу»[128]. «Отечественные записки» также подчеркивали возможность предотвращения войны, не придерживайся каждая из великих держав «эгоистической», «хищнической» политики, которая мешала их объединенному вмешательству[129]. Главную ответственность за бездействие Европы «Голос» возлагал на британское правительство, сорвавшее в августе 1870 г. попытки посредничества, предпринятые Россией. И хотя мирный договор подписан, «но никто, кроме Германии, не празднует умиротворения Европы, и даже в Германии мир этот считается только перемирием», сетовала газета[130].

Англии адресовали главные обвинения и «Московские ведомости». Вразрез со своей критикой русской политики во время войны Катков сейчас смягчал ее оценки в сопоставлении с политикой Англии. Трудно сказать, чем вызывался этот поворот, — антианглийскими настроениями, ознакомлением ли с документами английской «Синей книги» о политике нейтральных держав, желанием ли представить русскую политику в глазах французов в более выгодном свете, чтобы не осложнять путь к сближению в дальнейшем. Россия, находящаяся в «наилучших отношених с Пруссией», писал Катков, не могла «не благоприятствовать Пруссии», но она делала тем не менее все, чтобы сначала предотвратить войну, а затем облегчить бедственное положение Франции. Англия же, подчеркивал он, не поддержала идеи посредничества, а позднее (в октябре 1870 г.) пыталась организовать коллективное давление держав на французское временное правительство, чтобы заставить его согласиться на срытие Меца и Страсбура, и только отказ России принять уча-

стие в подобном демарше помешал осуществлению этого замысла [131].

Таким образом, последствия войны, особенно образование Германской империи, многим в России внушали тревогу. Основания для этой тревоги были прозорливо вскрыты Марксом, когда он писал: «...война 1870 г. так же неизбежно чревата ***войной между Германией и Россией,*** как война 1866 г. была чревата войной 1870 года»[132].

Угроза австро-германского сближения

Послевоенная международная обстановка сулила России много трудностей. Франция была выбита из седла, и, казалось, надолго. Победа Пруссии окончательно разрушила надежды австрийских правящих кругов на возврат Австрии влияния в германских делах. Теперь интересы Австро-Венгрии должны были все активнее сосредоточиваться на Востоке, вступая здесь в острое столкновение с интересами России. Это предвещало возрастающую заинтересованность Вены в германской поддержке, нужной Габсбургам и в их борьбе против национальных устремлений славянских народов.

Вопрос об изменении отношений между Австрией и Пруссией, сложившихся после войны 1866 г., стал темой многих австрийских и немецких газет самых различных направлений уже сразу после седанской катастрофы. Официозная венская печать выдвигала в качестве предпосылки «тесного сближения» отказ Австрии от ограничений Пражского мира, стесняющих Пруссию, и требовала взамен помощи на Востоке [133].

Русская пресса сообщала в январе 1871 г., что Бейст передал Делегациям в Пеште второе дополнение к «Красной книге», состоящее из документов, которые относились к ноябрю-декабрю 1870 г., и среди них три депеши о позиции Австро-Венгрии относительно политических преобразований в Германии. В этих депешах заверялось, что Австрия не намерена настаивать на соблюдении Пражского договора и выражает готовность к сближению с Германией [134].

«Московские ведомости» подробно процитировали статью «Таймс» о русско-германских отношениях по во-

сточному вопросу, соглашаясь с ее выводами, что грубым заблуждением было бы рассматривать Пруссию совершенно равнодушной к судьбе Османской империи. Для Пруссии и германских государств Австро-Венгрия — связующее звено с Востоком, в котором они органически заинтересованы. На этой основе и установится политическая близость Германии и Австрии, писала газета, полагая, что «недалеко то время, когда тесная связь взаимных интересов» обеспечит Австрии содействие Германии. «Через Дунай они (Пруссия и германские государства.— *Л. Ш.*) имеют выход в Черное море, их естественные порты на Адриатическом море — Фиуме и Триест, в то время как Австрия с ее мадьярскими и славянскими владениями должна обращаться к Гамбургу, Бремену и Любеку для соединения с Балтийским и Немецким морями»[135]. «Голосу» виделись симптомы возможности австро-прусского сближения в восторженных откликах на прусские победы некоторой части политических кругов габсбургской монархии. В одном из своих номеров он привел следующее многозначительное утверждение влиятельной австрийской газеты «Нойе фрайе прессе»: «В настоящую минуту Германия имеет совершенно иную задачу, чем соперничество с Австрией: она должна готовиться к неизбежному столкновению со славянством и не может не понять, что эту трудную войну против общего врага ей придется вести в дружеском союзе с нами»[136].

Не лишена была правдоподобия в глазах тогдашних русских публицистов гипотеза о будущем англо-германском союзе или согласии[137]. В Петербурге привлекли внимание рассуждения «Аугсбургише альгемайне цайтунг» о том, что Германия и Австрия связаны общими интересами на Востоке, а поскольку Англия не обладает значительными сухопутными силами, для нее — прямой смысл присоединиться к этим двум государствам. «Если, как мы не сомневаемся, — замечала немецкая газета, — будет упрочен союз трех названных государств, то русская империя должна будет невольно преклониться перед ним»[138]. Поэтому в русской печати нередко выражались опасения по поводу одиночества в грядущей войне. «Всего вероятнее для России — война без союзников против коалиции Пруссии и Австро-Венгрии, а, возможно, Швеции и Турции»,— писал журнал «Русский мир»[139].

В дипломатических кругах Петербурга развитие отношений Германии и Австро-Венгрии было предметом самого острого внимания. Новиков еще по следам седанской катастрофы передавал из Вены, что падение наполеоновской империи заставляет Бейста отказаться от его «французской мании» и искать соглашения с Пруссией по германскому вопросу. Заигрывание Бейста в те дни с прусским послом Швейницем убеждало Новикова, что «дыма без огня не бывает»[140].

В декабре 1870 г. была опубликована австрийская «Красная книга» с подборкой документов, предназначенных обосновать необходимость австро-германского сближения, и содержащая выпады против России, на которые, видимо, по указанию министерства иностранных дел резко реагировал «Журналь де Сан-Петерсбург»[141]. Этот вынужденный поворот в австрийской политике способствовал усилению позиций Андраши и дал повод венгерской партии Деака для критики установок, которым Бейст следовал накануне войны и в ее начальной фазе[142].

Кратковременное пребывание у власти в австрийской половине империи правительства Хоэнварта (февраль — октябрь 1871 г.), представляющего антигермански настроенные феодально-клерикальные круги Австрии, не изменило наметившихся тенденций в австрийском внешнеполитическом курсе. Последовавшая в ноябре 1871 г. отставка Бейста, которого Бисмарк продолжал считать главным препятствием для австро-германского сближения, и приход к руководству министерством иностранных дел Австро-Венгрии венгерского аристократа Дьюла Андраши придали перспективе австро-германского сближения явственные очертания.

Русской дипломатии приходилось ломать голову над вопросом, что может скрываться за этим сближением. Цели Австро-Венгрии были очевидны: она искала опору для преодоления внутренних трудностей и для решения задач своей политики на Балканах, куда теперь переносился центр ее экспансионистских интересов[143]. В русском министерстве иностранных дел полагали, что Австрия способна использовать против России и польский вопрос, так как те слои польского движения, которые ранее искали поддержки Франции, теперь могут переориентироваться на Австрию[144]. Не исключалось, что габсбургская монархия, не найдя выхода из острых на-

циональных противоречий, попытается прибегнуть к триализму, создав видимость уравнения славянской части империи с австрийской и венгерской, и получит благодаря этому новые возможности для экспансии на Балканах в ущерб интересам славянства и России[145]. Таким образом, не было почвы для сомнений, что австрийская политика в основных своих тенденциях направлена против России.

Труднее было определить, что ищет Германия в сближении с Австро-Венгрией. Бисмарк заверял, что в «обмене любезностями, который происходит в последнее время между Германией и Австрией», нет ничего, угрожающего России. «Всегда предпочтительней,— говорил он Убри,— жить в хороших отношениях с соседней державой, когда это возможно. Наши демарши не должны и не могут нанести ущерб нашим отношениям с Россией. Мы твердо предупредили в Вене, что Австрия не должна ставить нас перед необходимостью выбирать между двумя союзами. В выборе нет нужды, но если бы возникла необходимость, он не вызвал бы сомнений у нас»[146].

Горчаков мало доверял Бисмарку, но здесь он допускал возможность известного доверия, так как эти заверения совпадали с его собственными предположениями об объективных внешнеполитических возможностях Германии. «Мы ищем гарантий в существе вещей, а не в миролюбивых заверениях Бисмарка», — подчеркивал Горчаков[147]. Он считал, что по крайней мере в ближайшее время Германия, поглощенная внутренними заботами, вызванными объединением страны, и необходимостью считаться с угрозой французского реванша и враждебностью Ватикана, не захочет ссориться с Россией и будет использовать сближение с Австрией главным образом в рамках своих внутренних и западных интересов[148]. Горчаков допускал, что Германия, возможно, будет оказывать даже сдерживающее воздействие на антирусскую политику Дунайской монархии[149]. В этой связи он придавал известное значение обмену телеграммами между императором Александром II и Вильгельмом I, который можно было рассматривать как обязательство чести со стороны Пруссии[150]. И, действительно, антирусское острие австро-германского сближения стало сказываться не сразу. Потребовалось еще несколько лет, чтобы оно вылилось в военный союз против России.

Уроки войны

Опыт последних войн и осложнение международной обстановки после франко-прусской войны требовали от России принятия серьезных оборонительных мер. Актуализировались проблемы строительства стратегических объектов, и особенно вопрос о военной реформе. «Военное дело стало предметом общегражданских толков у штатских людей, — писал «Голос», — необходимость увеличения вооруженных сил настоятельна, бездействуя, мы могли бы накликать на себя беду непоправимую»[151]. 1871-й год вызвал обостренный интерес к военным делам и вооружениям. «Только и слышишь оживленные споры о достоинствах ружей Бердана и Крнка, да о скорострельных и обыкновенных пушках» [152].

В международных обозрениях русских газет частой темой стало сопоставление военных возможностей России с военными возможностями ее потенциальных противников. Эти сопоставления приводили обычно к неутешительным выводам. Катковский орган, например, подсчитал, что в России всего 650 тыс. полевых войск, разбросанных на громадной территории при плохой железнодорожной связи, и 1272 орудия, тогда как в одном Северогерманском союзе было 429 тыс. солдат, ландвер в 230 тыс. человек и 1248 орудий [153]. «Русский мир» высказал предположение о возможности войны с австро-прусской коалицией, располагающей вооруженными силами в 1870 тыс. человек против 873 тыс. русских. «А нам следовало бы, — заключала газета, — при расчете вооруженных сил иметь наготове всю сумму войск наших ближайших соседей» [154].

Еще в начале войны, комментируя бюджет Северогерманского союза на 1871 г., русская печать с тревогой отмечала, что наиболее значительные суммы по этому бюджету ассигнуются на укрепление крепостей восточной границы Пруссии (Кёнигсберг, Пиллау, Лётцен, Торн и др.). Привлекало внимание также интенсивное развитие железных дорог у русской границы: кроме линии Данциг — Кёнигсберг, проходившей вдоль побережья и облегчавшей противодействие высадке с моря, прокладывалась параллельно всей русской границе дорога от Торна до Инстербурга на соединение с уже готовой линией Инстербург — Тильзит [155].

Консервативная русская публицистика пропагандировала мысль, что Пруссия обязана своим успехом прежде всего преимуществам военной организации и что уроки 1870 г. требуют использования прусской военной системы. «Эта система, — утверждали «Московские ведомости», — есть дело выработанное, доказанное, очевидное, и, имея ее в виду, было бы непростительно умничать, ломаться и гримасничать с претензией на оригинальность». По мнению газеты, роковая ошибка Франции заключалась как раз в том, что, проводя военные преобразования, она не прибегла к коренной реформе в духе прусского опыта: «Не дошло до сознания, что прусская система не есть дело местное, что она имеет характер всеобщности»[156].

Если не все консерваторы принимали без оговорок прусские военные порядки, то лишь потому, что им казалось, будто система ландвера сближает армию с народом. Они возражали против замены недостающей регулярной армии ополчением. «Жизнь войска от жизни народа надо резко отделять», — писал «Русский мир»[157]. Подобным же духом были пропитаны статьи генерала Фадеева в «Биржевых ведомостях». Россия не может, заявлял он, подражать Пруссии в военном устройстве, ибо Пруссия умеет легко «обращать народ в войско и опять растворять войско в народе», русская же армия якобы всегда была «солдатской, без примеси временных народных элементов, жила своей жизнью». Он утверждал, что армия в России обогнала все остальные стороны государственной и общественной жизни, сравнивая армию с дамбой, вокруг которой земля еще растворена и обособленность которой поэтому особенно необходимо сохранить[158]. Интересно, иронизировали по поводу рассуждений генерала-реакционера «Отечественные записки», «кто именно ездит по этой дамбе, для кого она, собственно, построена, если весь остальной народ в государстве играет незавидную роль жидкой грязи»[159].

Либеральная интеллигенция также не осталась в стороне от увлечения прусской военной системой, но не приписывала ей решающего значения в исходе франко-прусской войны. «Несомненно, что будь Франция свободна, будь она как в 1792 г., она сумела бы справиться с внешним врагом»,— писал «Вестник Европы». Сейчас же французам мешала сплотиться утеря «инстинкта

инициативы в государственных и общественных делах» благодаря 20-летнему деспотизму бонапартистской империи[160]. Журнал призывал не подходить поверхностно к оценке прусско-германских успехов, отдавая себе ясный отчет, что необходимо сделать «для охранения наших интересов», ибо если не поспешить с этим, то действительно новая Германия станет опасной для России[161].

Демократические круги, отмечая преимущества прусского опыта в подготовке массовых военных резервов, решительно протестовали против представления о прусской армии как о народной, против слепого преклонения перед прусской военной организацией. Так, «Неделя» подчеркивала, что в прусской армии, кроме элементов народного ополчения, есть и другие черты, в силу которых она может играть «самую незавидную роль». Ядро этой армии, писала газета, «составляют старые солдаты-ремесленники, а во главе ее стоит офицерская каста, слишком наполовину состоящая из прусского юнкерства, проникнутого весьма воинственными инстинктами и полного презрения ко всему штатскому», существует кастовый суд и множество других средств, рассчитанных на то, «чтобы войско забыло о существовании немецкого народа и знало бы только своих собственных начальников»[162].

Против идеализации Пруссии резко выступили «Отечественные записки». В основе прусской цивилизации «лежит что-то весьма неладное», замечали они. Используя «прусский образец», Россия может оказаться на опасном пути[163]. Вреднейшим последствием войны «Отечественные записки» считали тенденцию к всеобщей милитаризации, которая возникла в различных странах как реакция на рост германской военной мощи[164].

Демократическая печать возражала против проектируемого военным министерством длительного (семилетнего) срока военной службы, подчеркивая, что за такой срок молодой крестьянин отвыкнет от производительного труда, а при низком уровне образования, покинув армию, не сможет приобрести полезной профессии. Долгосрочная служба являлась также предпосылкой, способствующей отрыву армии от народной жизни и воспитанию профессионалов-военных[165].

Против семилетнего срока выступала и либеральная печать, и даже некоторые консервативные органы («Мос-

ковские ведомости»)[166]. Промышленники опасались, что массовая армия проектируемых масштабов с длительным сроком службы оттянет много рабочих рук и будет чрезмерно дорога.

Объединенная Германия, располагающая открытым Северным морем и крупными портами на балтийском побережье, имела очевидные преимущества перед Россией, которые могли быть нейтрализованы только соответствующим развитием русских торговых и морских баз[167]. Хотя часть буржуазной прессы успокаивалась тем, что русский флот еще значительно превосходит флот Германии, уже находились голоса, заявлявшие, что, получив в победоносной войне огромные контрибуции, Германия сможет в короткий срок форсировать морское строительство. «Московские ведомости» поднимали вопрос о возвращении Швецией, переданного Россией Норвегии в 1826 г., Варангерского (Варяжского) берега с незамерзающими гаванями. «Только приобретение возможности создать русский флот на Севере,— писала газета,— могло бы уравновесить невыгоды, которые проистекают для России от появления могучего германского флота не только в Балтийском, но и в Немецком (Северном.— *Л. Ш.*) морях»[168].

Война приковала внимание русской интеллигенции к важным проблемам общественного развития. Катастрофа, постигшая Францию, страну глубоких демократических традиций, не выдержавшую столкновения с грубой военной силой, требовала объяснения.

Наиболее ярким откликом на эти вопросы в революционно-демократической литературе тех дней, несомненно, была статья М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сила событий», опубликованная в «Отечественных записках» после краха французской империи. В этом страстном памфлете проявилась неистребимая вера великого сатирика-демократа в народные демократические традиции, в их превосходство перед мещанским практицизмом официальной немецкой культуры, перед тупой самодовольной мощью военщины. Опыт войны, утверждал Салтыков-Щедрин, заставляет отбросить ходячее представление о патриотизме как о чем-то врожденном, находящем, по утверждению начальства, наилучшее выражение в беспрекословном выполнении начальственных предписаний. Франция, в конце XVIII в. сообщившая миру «позыв к

свободе», подарившая ему серию «универсальных идей», пренебрегла, по мнению Салтыкова-Щедрина, множеством «домашних подробностей, устройство которых обеспечивает жизнь от захватов и неожиданностей», и в этом ее беда, здесь немцы оказались впереди, но, в свою очередь, немцы еще недостаточно уразумели, что в «некоторых случаях даже самое лучшее устройство подробностей без гарантии общих идей все-таки не больше, как здание, выстроенное на песке»[169]. Патриотизм, подчеркнул, таким образом, Салтыков-Щедрин, проявляется лишь в органическом сочетании «мелких, домашних» дел с благородными общечеловеческими идеями, с интересами других народов [170].

Резкой критике подвергает писатель официозную доктрину воинствующей реакции: «Тишина внутри и неприступность извне — вот идеал страны сильной и благоденствующей». Щедрин призывает к активному отношению каждого гражданина к интересам и нуждам своей страны [171]. Развитие демократии и широкой общественной инициативы писатель отмечал как непременное условие внешней силы каждого государства, считая, что бедой Франции была ее бюрократическая централизация и «искусственное обезличение страны». Нет сомнения, что Франция извлечет из этого урок, заключал Щедрин, прозрачно намекая, что этот призыв относится и к России, ибо в изображении сатириком отрицательных черт французского деспотизма нельзя было не узнать черты и тогдашней русской действительности.

На страницах прессы демократического направления защищались принципы мирного сотрудничества стран честной дипломатии [172].

Представители реакционных кругов старались в своей пропаганде обусловить иммунитет России к радикальным общественным переменам, происходившим на Западе. В отличие от Франции, утверждалось Катковым, в России не может быть недоверия между правительством и народом [173]. Активизировалось распространение идеи «исконности» русского монархизма, «органической» связи самодержавия с народом.

Революционные события 1870—1871 гг., особенно Парижская коммуна, вызвали усиление реакционных веяний и в лагере русских либералов.

Заключение

Исследование русской политики во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. убеждает, что Россия, локализируя войну в пользу Пруссии, имела при этом в виду собственные интересы и не собиралась предоставлять Пруссии полную свободу в осуществлении ее планов. Русская дипломатия предпринимала попытки сплочения нейтральных держав с целью воздействия на решение послевоенных проблем, намечала программу посреднической инициативы нейтральных держав и схему приемлемого мира, искала путей к соглашению с Австро-Венгрией, способному стать препятствием на пути осуществления крайних требований Пруссии. Однако взаимное недоверие, царящее в лагере нейтральных государств, и глубокая противоречивость их интересов не позволили России добиться своей цели.

Особое значение имела позиция Англии. Правящие круги Англии опасались возможных последствий войны, в том числе осложнения восточного вопроса Россией. Эти опасения и затруднения, испытываемые ею во внешней и внутренней политике, настраивали Англию против войны. Но, с другой стороны, сильная Пруссия стала приобретать большое значение во внешнеполитических расчетах Великобритании, в ее антифранцузской и антирусской политике.

Поведение России определялось противоречивыми факторами. Незавершенность реформ и наличие существенных пробелов в военной и стратегической подготовке вынуждали царское правительство придерживаться осторожного курса, но в то же время некоторые успехи капиталистического развития, достигнутые во второй половине 60-х гг., стимулировали активность правящих кругов России, особенно в решении проблемы освобождения от ограничений на Черном море, навязанных России Па-

рижским договором 1856 г., которые ущемляли ее безопасность, осложняли освоение южных районов страны и развитие внешней торговли через черноморские порты, приобретавшей все большее значение. Используя обстановку, сложившуюся в ходе войны, Россия сумела дипломатическими средствами добиться ликвидации тяжелых и унизительных стеснений на Черном море.

Военная катастрофа Второй империи, предопределенная внутренней гнилостью режима, переживающего глубокий кризис, явилась в то же время расплатой за внешнеполитический авантюризм правительства Наполеона III, за его пренебрежение к поискам реальных возможностей сближения с Россией. Между тем вплоть до начала франко-прусской войны Россия испытывала неудовлетворенность результатами сотрудничества с Пруссией. Пруссия, не желая ввязываться в восточные осложнения, часто маневрировала в ущерб интересам России, что в совокупности с опасениями перед возможностью чрезмерного усиления Пруссии поддерживало заинтересованность русской дипломатии в сближении с Францией. Однако Франция до самого последнего момента предпочитала искать противовес Пруссии в союзе с Австро-Венгрией и Италией, не желая поступаться своими восточными интересами. Авантюризм наполеоновской политики нельзя, конечно, объяснять только просчетами дипломатии, он являлся прямым следствием кризиса империи и самой природы бонапартистского режима, нуждавшегося для своего существования в постоянном обновлении военных и внешнеполитических успехов. Многие из буржуазных историков, часто гиперболизируя роль внешнеполитических просчетов в числе факторов, определивших крушение империи, фактически обеляют бонапартистский режим, затушевывают его органическую реакционность и социальную обреченность.

Уроки франко-прусской войны служат одним из исторических аргументов в пользу франко-русского согласия как необходимой предпосылки устойчивости внешнеполитического положения Франции. Жизненная важность для Франции хороших отношений с Россией нашла подтверждение и в процессе развития франко-германских отношений после Франкфуртского мира, когда главным образом благодаря твердой позиции России, не желающей допустить полного разгрома Франции, были сорваны бисмар-

ковские планы новой превентивной войны против Третьей республики. Союз с Россией, заключенный в начале 90-х гг., укрепил международные позиции Франции и позволил ей вернуть себе положение великой державы.

Самым тяжелым для России и Европы следствием войны было создание юнкерско-буржуазной Германской империи, которая своей крайне агрессивной политикой внесла особую напряженность в европейские отношения, став постоянным очагом военной опасности. Усиление Германии вызывало тревогу в политических и общественных кругах России и нарастание антинемецких и профранцузских настроений. Этому процессу способствовало также обострение политических и экономических противоречий между Германией и Россией. Вместе с тем русское самодержавие видело в империи оплот монархизма и консерватизма и поддерживало в течение ряда лет близость с ней ради борьбы против революционных и демократических сил в Европе. Эта близость в еще большей степени диктовалась развитием англо-русских противоречий, бисмарковской политикой «заигрывания» с Россией и некоторыми другими обстоятельствами.

Франко-прусская война оставила глубокий след в общественном движении России. Ее уроки подчеркнули необходимость углубления социальных и экономических преобразований в стране. Это особенно остро воспринималось в демократических кругах России, на которые большое влияние оказала Парижская коммуна.

Примечания

Введение

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 14.

[2] «Русская старина», 1912, № 3, с. 606.

[3] Ротштейн Ф. А. Из истории прусско-германской империи. М., 1948 (далее цит.: Ротштейн Ф. А. Указ. соч.).

[4] Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974 (далее цит.: Киняпина Н. С. Указ. соч.).

[5] Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970 (далее цит.: Сенкевич И. Г. Указ. соч.).

[6] Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-славянских связей в 50—70 годы XIX в. М., 1970 (далее цит.: Никитин С. А. Указ соч.).

[7] Манфред А. З. Внешняя политика Франции. 1871—1891. М., 1952 (далее цит.: Манфред А. З. Указ. соч.); Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. М., 1951.

[8] Антюхина-Московченко В. И. История Франции. 1870—1918. М., 1963 (далее цит.: Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч.); см. также: Гутман Д. С. И. С. Тургенев о франко-прусской войне и Парижской коммуне.— «Новая и новейшая история», 1969, № 2 (далее цит.: Гутман Д. С. Указ. соч.); Оболенская С. В. Российские либералы о франко-прусской войне.— В кн.: Французский ежегодник. 1969. М., 1971 (далее цит.: Оболенская С. В. Указ. соч.); Шнеерсон Л. М. Франко-прусская война 1870—1871 гг. и общественное мнение России.— «Ученые записки Белорусского университета, серия истории», вып. 23, 1955; вып. 30, 1957; Он же: Декларация Горчакова 19 (31) октября 1870 г. по черноморскому вопросу в оценке русской общественной мысли.— Там же, вып. 6, 1948.

[9] Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956 (далее цит.: Желубовская Э. А. Указ. соч.).

[10] Басилая Ш. К вопросу об отношении царского правительства к Парижской коммуне. Сухуми, 1954; Итенберг Б. С. Россия и Парижская коммуна. М., 1971 (далее цит.: Итенберг Б. С. Указ. соч.); Куниский С. Д. Русское общество и Парижская коммуна. М., 1962.

[11] Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960 (далее цит.: Нарочницкая Л. И. Указ. соч.); Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962 (далее цит.: Шнеерсон Л. М. Указ. соч.).

[12] Engelberg E. Deutschland. 1848—1871. Berlin, 1959 (далее цит.: Engelberg E. Op. cit.); Beiche H. Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870/71. Berlin, 1957; Die grosspreussi-

sche-militarische Reichsgründung 1871. Voraussetzungen und Folgen. Berlin, 1971, u. s. w.

[13] Diószegi J. Osterreich-Ungarn und der französisch-preussische Krieg. 1870—1871. Budapest, 1974 (далее цит.: Diószegi J. Op. cit.). Эта книга на венгерском языке была опубликована в 1965 г.

[14] Reiners L. Bismarck, Bd. 2 (1864—1871). München, 1957, S. 362—363.

[15] «Politik», 1971, 15. Januar.

[16] Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. Paris, 1913, p. 536 (далее цит.: Charles-Roux Fr. Op. cit.).

[17] Mosse W. E. The European Powers and the German Question. 1848—1871. Cambridge, 1958 (далее цит.: Mosse W. E. Op. cit.); Он же: The Rise and Fall of the Crimean System. 1855—1871. London, 1963.

Глава I

[1] Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967, с. 284 (далее цит.: Хромов П. А. Указ. соч.).

[2] Там же, с. 294.

[3] Там же, с. 304; см. также: Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времени Петра Великого до наших дней. Спб., 1909, с. 198 (далее цит.: Витчевский В. Указ. соч.).

[4] Витчевский В. Указ. соч., с. 202. В 1868 г. были сняты пошлины с ввоза чугуна, железа и частей машин.

[5] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1952, с. 94 (далее цит.: Лященко П. И. Указ. соч.); Хромов П. А. Указ. соч., с. 296.

[6] Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949, с. 508 (далее цит.: Мендельсон Л. Указ. соч.).

[7] Хромов П. А. Указ. соч., с. 297.

[8] Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954, с. 93.

[9] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 560, оп. 22, д. 120 (далее цит.: ЦГИАЛ).

[10] Золотов В. А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX века. Ростов н/Д., 1966, с. 91 (далее цит.: Золотов В. А. Указ. соч.).

[11] Там же, с. 90.

[12] «Весть», 1866, 3 (15) февраля.

[13] Там же, 1 (13) января.

[14] Мендельсон Л. Указ. соч., с. 452.

[15] Лященко П. И. Указ. соч., с. 110.

[16] До 1859 г. срок действительной службы в русской армии был 15 лет.

[17] Зайончковский П. А. Биографический очерк о Д. А. Милютине.— В кн.: Милютин Д. А. Дневник. 1873—1875, т. 1. М., 1947, с. 25.

[18] Центральный государственный военный исторический архив, ф. ВУА, 1 ч., д. 1326, л. 33 (далее цит.: ЦГВИА).

[19] Там же, л. 10.

[20] С 333 тыс. до 483 тыс. человек (ЦГВИА, ф. ВУА, 1 ч., д. 1326, л. 10).

[21] ЦГВИА, ф. 400, оп. 18/607, 2 отд., д. 3, л. 4. В записке приводились и экономические соображения в пользу прямой железнодорожной связи Москвы с Варшавой, Ригой и Северо-Западным краем (л. 6).

[22] См. карту железнодорожной сети 1870 г. в приложении к кн.: Кислинский Н. А., Чегодаев П. В. Наша железнодорожная политика по документам архива комитета министров, т. 2. Спб., 1902 (далее цит.: Кислинский Н. А., Чегодаев П. В. Указ. соч.).

[23] Покровский В. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1. Спб., 1902, с. 5.

[24] Записки генерал-адъютанта Обручева за 1868—1883 гг.— ЦГВИА, ф. 401, оп. 2/956, д. 75, л. 14.

[25] Кислинский Н. А., Чегодаев П. В. Указ. соч., т. 1, с. 333—335.

[26] Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, папка 7849, с. 205 (далее цит.: РОБЛ).

[27] Сабуров П. Материалы по истории русских финансов 1867—1897 гг. Спб., 1899, прилож. № 39.

[28] Золотов В. А. Указ. соч., с. 95. Через балтийские порты экспортировалось 17,2%, а через западную сухопутную границу — 14,7% хлеба.

[29] Золотов В. А. Внешняя торговля России через порты Черного и Азовского морей в конце XVIII—XIX вв. Автореф. дисс. на соискание учен. степени докт. ист. наук. Ростов н/Д., 1966, с. 15—16.

[30] «Неделя», 1866, 17 (29) июля; 14 (26) августа.

[31] Будберг—Горчакову, 20 июля (1 августа) 1866 г.— Архив внешней политики России, канцелярия министерства иностранных дел, 1866 г., д. 172, л. 115—125 (далее цит.: АВПР, канц.). «Относительно Германии,— писал Горчаков,— убаюкивались надеждой, что Южная Германия под более или менее прямым влиянием Австрии объединится в федерацию. Надежда не оправдалась. Южные государства выказали мало расположения к расколу Германии» (АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л 40).

[32] Витчевский В. Указ. соч., с. 26.

[33] Брандт Б. Иностранные капиталы и их влияние на экономическое развитие страны, т. 3. Спб., 1899, с. 231—232.

[34] Гулишамбаров С. Всемирная торговля и участие в ней России. Спб., 1898, с. 44—46, 48—49 (далее цит.: Гулишамбаров С. Указ соч.).

[35] Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, с. 298.

[36] Миллер П. Русская транзитная торговля в XIX в.— «Русское обозрение», 1903, № 6, с. 89 и др.; Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1876, с. 195.

[37] Гулишамбаров С. Указ. соч., с. 81.

[38] Там же.

[39] Там же, с. 73.

[40] Bondi G. Deutschlands Aussenhandel. 1815—1870. Berlin, 1958, S. 136 (далее цит.: Bondi G. Op. cit.).

[41] «Москва», 1867, 21 января (2 февраля).

[42] «Вестник Европы», 1866, кн. 1, историческая хроника; «Биржевые ведомости», 1866, 5 (17) января; «Торговый вестник», 1867, № 7, с. 46.

[43] «Вестник Европы», 1866, кн. 4, с. 25—30.

[44] Кислинский Н. А., Чегодаев П. В. Указ соч., с. 32—33.

[45] «Голос», 1867, 10 (22) февраля.

[46] «Московские ведомости», 1867, № 27; см. также: Записка А. А. Киреева «Некоторые данные по вопросу о продолжении Кёнигсберго-Лыкской железной дороги».— РОБЛ, ф. А. А. Киреева. Черновик записки вложен в дневник Киреева и сверху на ней его рукой сделана надпись: «Представлена В. К. (великому князю. — *Л. Ш.*) 14 мая 1869 года». Записка, вероятно, должна была склонить наследника к противодействию прусскому проекту.

[47] «Голос», 1867, 10 (22) февраля.

[48] «Московские ведомости», 1866, 15 (27) декабря.

[49] «Весть», 1866, 31 октября (12 ноября).

[50] Герцен А. И. Соч., т. 19. М., 1937, с. 10.

[51] Там же, т. 4, с. 188.

[52] Цит. по ст.: П. С. Русская и немецкая восточная политика.— «Русская мысль», 1882, № 5, с. 20.

[53] «Неделя», 1866, 23 октября (4 ноября).

[54] Там же, 17 (29) июля.

[55] «Отечественные записки», 1866, вып. 5, с. 151—153.

[56] «Москва», 1867, 14 (26) января.

[57] Там же, 19 (31) января; 18 (30) января.

[58] Там же, 16 (28) февраля.

[59] Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960, с. 67.

[60] АВПР, отчет МИДа за 1868 г., л. 38—39.

[61] Там же, канц., 1867 г., д. 163, т. 1, л. 113.

[62] Auswärtige Politik Preussens. 1858—1871. Diplomatische Aktenstücke. Oldenburg, 1932—1939. Bd. 8, N 373 (далее цит.: APP).

[63] Депеша Горчакова, 16 (28) августа 1866 г.— Les Origines diplomatiques de la guerre de 1870/71. Recueil de documents publiés par le ministére des affaires étrangéres. Paris, 1910—1932, vol. 12, N 3511 (далее цит.: Les Origines).

[64] Ibid.

[65] АВПР, канц., 1866 г., д. 33, л. 439—442.

[66] Там же, д. 173, л. 506—508.

[67] АВПР, отчет МИДа за 1866 г., л. 95—96.

[68] Там же, л. 92.

[69] Там же, л. 100—101.

[70] Там же, л. 67—68.

[71] Нарочницкая Л. И. Указ. соч., с. 135—139; Шнеерсон Л. М. Указ. соч., с. 237—239, 288.

[72] «Голос», 1866, 14 (26) августа.

[73] АВПР, отчет МИДа за 1866 г., л. 122.

[74] «Санкт-Петербургские ведомости», 1866, 20 сентября (2 октября).

[75] Linkenheil R. «Revue des deux Mondes» und Deutschland (1830—1871). Schramberg/Schwarzwald, 1962, S. 93—94.

[76] «Весть», 1866, 31 октября (12 ноября).

[77] Там же.

[78] Там же. 1867, 30 июня (12 июля). Газета считала, что политика покровительства чревата для России риском опасных осложнений и жертв.

[79] «Неделя», 1867, 8 (20) января.

[80] «Биржевые ведомости», 1867, 1 (13) января.

[81] «Голос», 1866, 25 ноября (7 декабря).

[82] Charles-Roux Fr. Op. cit., p. 400.

[83] Донесение Будберга, 21 октября (2 ноября) 1866 г.— АВПР, канц., 1866 г., д. 172, л. 235—237.

[84] Письмо Будберга Горчакову, 24 февраля (8 марта) 1867 г.— Там же, 1867 г., д. 132, л. 81—87.

[85] Письмо Горчакова Будбергу, 16 (28) ноября 1866 г., доклад Горчакова Александру II, 15 (27) ноября 1866.— Там же, д. 66, л. 496—504.

[86] Записка Горчакова Александру II, 24 февраля (8 марта) 1866 г.— Там же, л. 21.

[87] Доклад Горчакова Александру II, 15 (27) ноября 1866 г.— Там же, л. 496—504.

[88] Там же.

[89] Телеграмма Талейрана, 29 ноября 1866 г.— Les Origines, vol. 13, N 3843; Донесение Талейрана, 29 ноября 1866 г.— Ibid., N 3843.

[90] Доклад Горчакова Александру II, 15 (27) ноября 1866 г.— АВПР, канц., 1866 г., д. 66, л. 496—504.

[91] Там же.

[92] АВПР, канц., 1866 г., д. 66, л. 496—504.

[93] Там же, д. 174, л. 274—284.

[94] Там же, д. 173, л. 547—557.

[95] Горчаков — Бруннову, 26 ноября (8 декабря) 1866 г.— АВПР, канц., 1866 г., д. 128, л. 409—416.

[96] АВПР, канц., 1866 г., д. 128, л. 409—416; Les Origines, vol. 14, N 4019.

[97] АВПР, канц., 1866 г., д. 127, л. 632—638.

[98] Там же, д. 220, л. 595—601; Les Origines, vol. 14, N 4019.

[99] АВПР, отчет МИДа за 1866 г., л. 115.

[100] Les Origines, vol. 14, N 4105.

[101] Ibid.

[102] Талейран, 27 февраля 1867 г.— Les Origines, vol. 14, N 4268.

[103] Талейран, 28 февраля 1867 г.— Ibid., N 4275.

[104] Записка Горчакова — Александру II, 19 (31) января 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 15—17. Действительно, в инструкции послу в Константинополе Бурре 25 января Мустье писал: «Я не тороплю Вас с осуществлением этой программы, Вы должны только осторожно подготовить почву» (Les Origines, vol. 14, N 4110).

[105] Сенкевич И. Г. Указ. соч., с. 79, 82—83. Эти «намерения» были связаны с чисто тактическими и демагогическими расчетами французской дипломатии.

[106] Записка Горчакова Александру II, 12 (24) февраля 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 25—28.

[107] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 50.

[108] Там же, л. 53—54.

[109] Меттерних—Бейсту, 10 декабря 1866 г.— APP, Bd. VIII, S. 223.

[110] АВПР, канц., 1866 г., д. 219, л. 266 (вырезка статьи).

[111] Штакельберг — Горчакову, 16 (28) ноября 1866 г.— АВПР, канц., 1866 г., д. 220, л. 60—66.

[112] Там же.

[113] Штакельберг — Горчакову, 26 декабря 1866 г. (7 января 1867 г.).— АВПР, канц., 1866 г., д. 220, л. 154—161.

[114] Горчаков — Александру II, 14 (26) января 1867 г.— Там же, 1867 г., д. 48, л. 9—10.

[115] АВПР, канц., 1866 г., д. 33, л. 503—504.

[116] Там же, отчет МИДа за 1866 г., л. 117. Надо отметить, что Горчаков осенью 1866 г. имел в виду использовать момент для ревизии Парижского договора, но не путем обязывающего посредничества какой-либо державы и европейских обсуждений, а односторонней декларацией, как это будет сделано в 1870 г. Однако план Горчакова не был одобрен на совещании у императора (Нарочницкая Л. И. Указ. соч., с. 85; Шнеерсон Л. М. Указ. соч., с. 322—325).

[117] Горчаков — Александру II, 25 ноября (7 декабря) 1866 г.— АВПР, канц., 1866 г., д. 66, л. 525—526.

[118] Грамон — Мустье, 19 января 1867 г.— Les Origines, vol. 14, N 4080.

[119] Мустье — Грамону, 8 января 1867 г.— Les Origines, vol. 14, N 4021. «Парижский договор,— писал Мустье,— единственный материальный результат славной войны, из которой мы не извлекли никакой материальной выгоды. Бейст предлагает нам аннулировать этот результат».

[120] Будберг — Горчакову, 11 (23) февраля 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 132, л. 56—60.

[121] Записка Горчакова Александру II, 16 (28) февраля 1867 г.— Там же, д. 48, л. 39; Письмо Горчакова Будбергу, 16 (28) февраля 1867 г.— Там же, д. 134, л. 33—35.

[122] Будберг—Горчакову, 11 (23) февраля 1867 г. — Там же, д. 132, л. 56—60. Чтобы дать некоторую гарантию Франции, Россия соглашалась на обмен депешами.

[123] Там же.

[124] Будберг — Горчакову, 30 июня (12 июля) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 133, л. 40—42.

[125] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 34—35.

[126] Там же, л. 35.

[127] Там же, канц., 1867 г., д. 196, л. 732.

[128] Сенкевич И. Г. Указ. соч., с. 62.

[129] АВПР, канц., 1867 г., д. 95, л. 355—357.

[130] Бруннов — Горчакову, 9 (21) января 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 95, л. 23—25.

[131] Горчаков — Бруннову, 11 (23) января 1867 г.— Там же, д. 98, л. 146—148.

[132] Телеграмма Горчакова Будбергу, 20 марта (1 апреля) 1867 г.— Там же, д. 134, л. 53.

Глава II

[1] Горчаков—Бруннову, 28 марта (9 апреля) 1867 г. — АВПР, канц., 1867 г., д. 98, л. 185—186.

[2] Там же.

[3] «Московские ведомости», 1867, 30 марта (11 апреля).

[4] «Голос», 1867, 28 марта (9 апреля).

[5] «Биржевые ведомости», 1867, 22, 24, 28 марта (3, 5, 9 апреля).

[6] APP, Bd. 8, N 474, 477, 478.

[7] Донесение Горчакова Александру II, 5 (17) апреля 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 92—97; Донесение Рейса Бисмарку, 5 (17) апреля 1867 г.— APP, Bd. 8, N 502.

[8] Горчаков — Бруннову, 28 марта (9 апреля) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 98, л. 185—186; Записка Горчакова Александру II по поводу демарша в Гааге, 20 марта (1 апреля) 1867 г.— Там же, д. 48, л. 69.

[9] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 84.

[10] Докладная записка Горчакова Александру II, 20 марта (1 апреля) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 69.

[11] О переговорах Бруннова с Латуром д'Овернем и Стенли см.: Бруннов — Горчакову, 3 (15) апреля 1867 г., и приложения к этой депеше—записку Латура д'Оверня и копию письма Латура д'Оверня Бруннову, 13 апреля 1867 г.—АВПР, канц., 1867 г., д. 96, ч. 1, л. 18—31; Les Origines, vol. 16, N 4665, 4666, 4696, 4700.

[12] Горчаков — Бруннову, 8 (20) апреля 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 98, л. 22—24.

[13] Донесение Убри, 5 (17) апреля 1867 г.— Там же, д. 17, л. 428.

[14] Убри — Горчакову, 13 (25) апреля 1867 г.— Там же, л. 444—447.

[15] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 134; Les Origines, vol. 16, N 4826.

[16] Les Origines, vol. 16, N 4848.

[17] АВПР, канц., 1867 г., д. 19, л. 469.

[18] Там же, д. 132, л. 165—167.

[19] Там же, д. 17, л. 483—487.

[20] Там же, д. 92, л. 47—52.

[21] Бруннов — Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 96, ч. 1, л. 91—100; см. также: Les Origines, vol. 16, N 4965.

[22] Les Origines, vol. 16, N 4965, 4974.

[23] Бруннов — Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1867 г.—АВПР, канц., 1867 г., д. 96, ч. 1, л. 91.

[24] Там же, л. 112—113.

[25] Les Origines, vol. 16, N 5061.

[26] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 149.

[27] Тогда французская дипломатия была вынуждена признать важную роль, сыгранную Россией в урегулировании люксембургского конфликта. Французское правительство выразило по этому поводу благодарность России (Les Origines, vol. 17, N 5154). В разговоре с Горчаковым, посетившим Париж в начале июня 1867 г., Наполеон подтвердил, что урегулированием спора Франция обязана главным образом России (Отчет Горчакова Александру II, 22 мая (3 июня) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 179).

[28] Подробнее о люксембургском кризисе см.: Шнеерсон Л. М. В преддверии франко-прусской войны. Франко-германский конфликт из-за Люксембурга в 1867 г. Минск, 1969.

[29] Горчаков — Штакельбергу из Потсдама, 19 (31) мая 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 165, л. 441—443.

[30] Там же.

[31] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 13—14; Горчаков — Будбергу, 9 (21) апреля 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 134, л. 80—81.

[32] АВПР, канц., 1867 г., д. 165, л. 441—443.

[33] Телеграмма Горчакова Будбергу, 14 (26) мая 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 134, л. 114.

[34] Телеграмма Будберга 14 (26) мая 1867 г.— Там же, д. 133, л. 313; Письмо Будберга, 16 (28) мая 1867 г.— Там же, д. 132, л. 317—319.

[35] Les Origines, vol. 15, N 4619.

[36] Michael H. Bismarck, England und Europa (Vorwiegend, 1866—1870). München, 1930, S. 150. Михаель ссылается на письмо Вильгельма I королеве Августе, написанное в начале июня 1867 г.

[37] «L'Opinion nationale», 1867, 2 juin.

[38] «L'Avenir national», 1 juin.

[39] «L'Epoque», 1867, 5 juin. «Я имею слабость к амнистиям... И я счастлив амнистией полякам... но амнистия оговорена для тех, поведение которых было удовлетворительно».

[40] Ibid.

[41] «L'Avenir national», 1867, 1, 4 juin.

[42] Содержание беседы излагается по протокольной записи, датированной 3 июня 1867 г., представляющей собой, видимо, отчет Горчакова царю об этой беседе (АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 173—187; отчет МИДа за 1867 г., л. 17—20). Таким образом, И. Г. Сенкевич ошибается, когда утверждает в своей книге (с. 132): «Наполеон III избежал встречи с русскими гостями, и переговоры вел Мустье». Кроме того, как видно из отчета МИДа (л. 23—24), Александр II тоже обсуждал политические проблемы с Наполеоном III.

[43] Письмо Будбергу, 5 (17) июня 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 134, л. 294—297.

[44] Сенкевич И. Г. Указ. соч., с. 133.

[45] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 22—23.

[46] Там же, л. 26—27.

[47] Там же, л. 83.

[48] АВПР, канц., 1867 г., д. 164, л. 27—31.

[49] Beust Fr. Trois quarts siécle. Memoires, vol. 2. Paris, 1888, p. 117—118 (далее цит.: Beust Fr. Op. cit.).

[50] Ibid., p. 118—119; Oncken H. (Hrsg.). Die Rheinpolitik Kaiser Napoleon III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/71. Bd. 2, Berlin und Leipzig, 1926, N 510 (далее цит.: Oncken).

[51] АВПР, канц., 1867 г., д. 164, л. 27—31.

[52] Там же, л. 23—25.

[53] Там же, л. 50—51, 84—85, 149 и др.

[54] Укскюль — Горчакову, 9 (21) августа, 1867 г.— АВПР, канц. 1867 г., д. 164, л. 53—54.

[55] Укскюль — Горчакову, 26 июля (7 августа) 1867 г.— Там же, л. 27—31.

[56] АВПР, канц., 1867 г., д. 97, л. 2—6.

[57] Там же, отчет МИДа за 1867 г., л. 41.

[58] Укскюль — Горчакову, 13 (25) августа 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 164, л. 57—59.

[59] Донесение Озерова из Мюнхена, 24 августа (5 сентября) 1867 г.— Там же, д. 106, л. 228—231. Наполеон, проезжая через Мюн-

хен, тоже заверил Гогенлоэ, что он принял свершившиеся перемены в Германии, но Франция и Австрия решили противиться «дипломатическим путем» всякому нарушению Пражского договора относительно Южной Германии.

[60] Убри — Горчакову, 2 (14) сентября 1867 г.— Там же, д. 18, л. 320—322.

[61] АВПР, канц., 1867 г., д. 48, л. 387—393.

[62] Сенкевич И. Г. Указ. соч., с. 141—143.

[63] Там же, с. 163.

[64] РОБЛ, дневник Д. А. Милютина за 1867 г., папка 7848, л. 229.

[65] Там же, л. 230.

[66] АВПР, канц., 1867 г., д. 19, л. 575.

[67] Горчаков — Убри, 7 (19) декабря 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 19, л. 759—761.

[68] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 77—80.

[69] Там же, л. 82.

[70] Там же, канц., 1867 г., д. 165, л. 636—637.

[71] Engelberg E. Op. cit., S. 220.

[72] Les Origines, vol. 15, N 4349.

[73] Benaerts P. Les Origines de la grande Industrie Allemagne. Paris, 1933, p. 647.

[74] Bondi G. Op. cit., S. 118.

[75] Matter P. Bismarck et son temps, vol. 2. Paris, 1906, p. 583—584 (далее цит.: Matter P. Op. cit.).

[76] Убри — Горчакову, 5 (17) ноября 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 18, л. 516—519.

[77] Les Origines, vol. 17, N 5401.

[78] Matter P. Op. cit., p. 615.

[79] Hohenloe-Schilingfürst Ch. Denkwürdigkeiten, Bd. 1. Stuttgart—Leipzig, 1907, S. 201 (далее цит.: Hohenloe Ch. Op. cit.).

[80] APP, Bd. 8, N 262.

[81] Hohenloe Ch. Op. cit., S. 217.

[82] Озеров — Горчакову, 11 (23) декабря 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 106, л. 3.

[83] Les Origines, vol. 14, N 4112.

[84] Hohenloe Ch. Op. cit., S. 261.

[85] APP, Bd. 8, N 201.

[86] Les Origines, vol. 14, N 4091.

[87] АВПР, отчет МИДа за 1868 г., л. 132.

[88] Weber R. Kleinbürgerliche Demokraten in der deutschen Einheitsbewegung. 1863—1866. Berlin, 1962, S. 273.

[89] Engelberg E. Op. cit., S. 221.

[90] Ledigkeit K. W. Liebknecht und A. Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung. 1862—1869. Berlin, 1958, S. 124.

[91] Matter P. Op. cit., p. 629.

[92] Les Origines, vol. 21, N 6615.

[93] Ibid., N 6639.

[94] Кларендон—королеве Виктории, 28 октября 1868 г.—Oncken, Bd. 3, N 641.

[95] АВПР, отчет МИДа за 1869 г., л. 92—93.

[96] Les Origines, vol. 21, N 6789.

[97] Горчаков—Будбергу, 25 июня (7 июля) 1867 г.— АВПР, канц., 1867 г., д. 134, л. 385—390. Напечатано в «Les Origines» (vol. 17,

N 5337). Англия тоже не согласилась на предложение из Парижа сделать предупреждение Пруссии относительно нарушения «линии Майна» в связи с созывом таможенного парламента (Michael H. Op. cit., S. 108—109).

[98] «Голос», 1868, 16 (28) апреля.

Глава III

[1] Oncken, Bd. 2, N 532.

[2] Ibid., N 537.

[3] Ibid., N 534.

[4] Бейст — Меттерниху, 12 мая 1868 г.— Les Origines, vol. XXI, N 6715.

[5] Michael H. Op. cit., S. 109—110.

[6] Цит. по: «Голос», 1870, 8 (20) августа.

[7] Rheindorff K. England und der deutsch-fronzösische Krieg 1870—1871. Bonn—Leipzig, 1923, S. 13—14 (далее цит.: Rheindorff K. I).

[8] Michael H. Op. cit., S. 110.

[9] Les Origines, vol. XXI, N 6676, 6679.

[10] Ibid., N 6689.

[11] Platzhoff W. England und der Kaiserplan vom Frühjahr 1870.— «Historische Zeitschrift», 1923, H. 3, S. 467 (далее цит.: Platzdorff W. Op. cit.).

[12] Michael H. Op. cit., S. 267.

[13] АВПР, отчет МИДа за 1869 г., л. 119—120.

[14] Oncken, Bd. III, N 739, 737, 741.

[15] Michael H. Op. cit., S. 276—277.

[16] Ibid., S. 165.

[17] Bismarck O. Die Gesammelten Werke. Berlin, 1927, Bd. 6[b], N 1033 (далее цит.: G. W.); АВПР, канц., 1868 г., д. 18, л. 73—77.

[18] Принц Наполеон приехал в Берлин 4 марта 1868 г. (Les Origines, vol. XXI, N 6546).

[19] АВПР, отчет МИДа за 1868 г., л. 14—15, 17.

[20] «Голос», 1868, 12 (24) апреля.

[21] G. W., Bd. 6[b], N 1120.

[22] Письма Горчакова — Убри, 20 февраля (3 марта), 4 (16) марта 1868 г.— АВПР, канц., 1868 г., д. 19, л. 113, 116.

[23] АВПР, отчет МИДа за 1868 г., л. 22. К сожалению, автор не смог выяснить вопрос до конца. Часть донесений Убри, относящихся к переговорам, отсутствует в папке с донесениями из Берлина. Там, например, остались только канцелярские обложки донесений Убри № 27 и 28 от 10 (22) февраля и № 51 от 9 (21) марта 1868 г.

[24] APP, Bd. 8, N 380; 436.

[25] Michael H. Op. cit., S. 166.

[26] Рейс — Вильгельму I, 5 февраля 1868 г.— APP, Bd. IX, S. 670.

[27] Ibid.

[28] Бисмарк—Рейсу, 16 февраля 1868 г.— G. W., Bd. 6[a], N 1064.

[29] См. запись на обложке весьма секретной депеши Убри, 10 (22) февраля 1868 г.— АВПР, канц., 1868 г., д. 17, л. 110.

[30] АВПР, канц., 1868 г., д. 19, л. 113.

[31] Там же, л. 114.

[32] Рейс — Вильгельму I, 4 марта 1868 г.— APP, Bd. IX, S. 759.

[33] Письмо Убри, 24 февраля (7 марта) 1868 г.— АВПР, канц., 1868 г., д. 17, л 458.

[34] АВПР, канц., 1868 г., д. 19, л. 116.

[35] Бисмарк — Рейсу, 14 марта 1868 г.— G. W., Bd. 6[a], N 1099.

[36] В АВПР в папке донесений из Берлина имеется лишь канцелярская обложка этого донесения Убри от 9 (21) марта 1868 г.

[37] АВПР, канц., 1868 г., д. 17, л. 478—480.

[38] Горчаков — Убри, 23 марта (4 апреля) 1868 г.— АВПР, канц., 1868 г., д. 19, л. 131.

[39] Бисмарк — Рейсу, 22 марта 1868 г.— G. W., Bd. 6[a], N 1108.

[40] G. W., Bd. 6[a], N 1108.

[41] Несколькими месяцами раньше Горчаков писал в инструкции Убри: «Не нужно уничтожать с сегодняшнего дня надежду на то, что та или другая сторона может втянуть нас в свою орбиту. Неопределенность может предоставить нам выгоды в тех направлениях, где наши интересы имеют особо важное значение» (АВПР, канц., 1867 г., д. 19, л. 683).

[42] АВПР, канц., 1868 г., д. 17, л. 478—480.

[43] Там же, д. 19, л. 131.

[44] Там же; см. также: G. W., Bd. 6[b]. Vorb. an N 1120.

[45] АВПР, канц., 1868 г., д. 17, л. 485.

[46] Сенкевич И. Г. Указ. соч., с. 193.

[47] АВПР, отчет МИДа за 1868 г., л 84.

[48] Там же, л. 90.

[49] G. W., Bd. 6[b], N 1334.

[50] Ibid., Vorb. an N 1334.

[51] Ibid., N 1334.

[52] АВПР, отчет МИДа за 1869 г., л. 91—92.

[53] Там же, л. 92.

[54] Горчаков—Убри, 28 февраля (12 марта) 1870 г.—АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 330.

[55] Письмо к Моренгейму, 30 июля (11 августа) 1867 г.— Там же, 1867 г., д. 19, л. 701.

[56] АВПР, отчет МИДа за 1867 г., л. 7—8.

[57] Флери был назначен послом в Петербург 25 сентября, прибыл туда 5 ноября 1869 г.

[58] Горчаков дал ему хвалебную характеристику в письмах к Штакельбергу (АВПР, канц., 1869 г., д. 127[a], л. 342; 1870 г., д. 119, л 118). «Он проявляет такт, осмотрительность и постоянное желание развивать и укреплять добрые отношения между обеими странами. В Зимнем дворце, так же как и в петербургских салонах, он чувствует себя очень хорошо» (л. 162).

[59] АВПР, канц., 1869 г., д. 127[a], л. 342.

[60] Les Origines, vol. XXVII, N 8028.

[61] Ibid., vol. XXVI, N 7841.

[62] G. W., Bd. 6[b], N 1336.

[63] Fleury. La France et la Russie en 1870. Paris, 1902, p. 4—6 (далее цит.: Fleury. Op. cit.).

[64] Ibid., p. 102.

[65] Горчаков — Штакельбергу, 19 (31) декабря 1869 г.— АВПР, канц., 1869 г., д. 127[a], л. 343.

[66] АВПР, канц., 1867 г., д. 164, л. 27—31.

[67] Тур д'Овернь — Бенедетти, 22 ноября 1869 г.— Les Origines, vol. XXVI, N 7760.

[68] АВПР, канц., 1869 г., д. 127[a], л. 344.

[69] Les Origines, vol. XXVI, p. 41.

[70] Дарю — Флери, 6 января 1870 г.— Les Origines, vol. XXVI, N 7854.

[71] Горчаков — Штакельбергу, 1 (13) января 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 106—112.

[72] Les Origines, vol. XXVI, N 7887.

[73] Дарю — Флери, 31 января 1870 г.— Les Origines, vol. XXVI, N 7905. Дарю ссылался также на опасность вызвать в этом случае недовольство других держав, подписавших договор 1856 г., особенно Англии.

[74] «Revue de deux Mondes», 1908, mai, p. 29.

[75] Fleury. Op. cit., p. 52.

[76] Ibid., p. 5.

[77] Charles-Roux. Op. cit., p. 468.

[78] «Московские ведомости», 1868, № 184.

[79] Там же, 1869, № 252.

[80] «Деятельность», 1870, 10 (22) февраля.

[81] «Journal de Saint-Petersburg», 1870, 10 (22) февраля.

[82] Fleury. Op. cit., p. 58—59.

[83] «Московские ведомости», 1870, 8 (20) февраля.

[84] «Голос», 1870, 18 февраля (2 марта).

[85] Там же.

[86] Дарю — Флери, 28 марта 1870 г.— Les Origines, vol. XXVII, N 8046.

[87] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 9.

[88] «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, 3 (15) января.

[89] «Вестник Европы», 1870, № 1, с. 434. С подобными оценками международной обстановки выступили и многие другие газеты.

[90] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850, с. 38.

[91] АВПР, отчет МИДа за 1869 г., л. 72.

[92] РОБЛ, ф. к/5, дневник А. А. Киреева 1868—1869 гг., л. 67.

[93] Поводом для конфликта явилась покупка французской компанией бельгийской железнодорожной линии, имеющей стратегическое значение. В Брюсселе сочли, что это усиливает угрозу французского вторжения в Бельгию, особенно в перспективе франко-прусской войны. 23 февраля 1869 г. бельгийское правительство провело закон, запрещающий без его согласия передачу бельгийских железных дорог иностранцам, и придало этому закону обратную силу. В результате возникшего конфликта Наполеон отступил и дал новые заверения в неприкосновенности бельгийского нейтралитета.

[94] Les Origines, vol. XXVI, N 7854, 7864.

[95] Ibid., N 7887.

[96] Ibid., N 7907.

[97] Ibid., N 7888.

[98] Ollivier E. L'Empire liberal, vol. VIII, p. 65.

[99] Les Origines, vol. XXVI, N 7901.

[100] Ibid., N 7901, 7884.

[101] Ibid.

[102] Перцев В. Н. Проект франко-прусского разоружения 1870 г.— «Голос минувшего», 1914, № 4.

[103] Les Origines, vol. XXVI, N 7922.

[104] Ibid., N 7993, 8004.

[105] Вертер — Бисмарку, 21 января 1871 г.— Oncken, Bd. III, N 774, 775.

[106] Les Origines, vol. XXVI, N 7922. Кларендон привел этот факт Лавалетту как доказательство крайней осторожности, с какой он предпринял демарш, не позволившей Бисмарку разгадать роль Франции в нем.

[107] Ibid., N 7931.

[108] Начальное сокращение ничего не стоило французскому правительству. Ежегодно цифра рекрутского набора и так не набиралась из-за отсутствия необходимости. Этот шаг предпринимался также с демагогической целью улучшить внутриполитическое положение империи.

[109] Rheindorff K. I, S. 21.

[110] Michael H. Op. cit., S. 292.

[111] Ibid.

[112] Бисмарк — Бернсторфу, 17 января 1870 г. — G. W., Bd. 6[b], N 1478.

[113] Platzhoff W. Op. cit., S. 463—464.

[114] «Revue de deux Mondes», 1908, mai, p. 7.

[115] G. W., Bd. 6[b], Anm., S. 279—281.

[116] Убри — Горчакову, 19 апреля (1 мая) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 17, л. 195—199.

[117] Les Origines, vol. XXVI, N 7948, 7953, 7959; vol. XXVII, N 8015. Дарю заявил прусскому посланнику, что король придал в своем выступлении весьма связывающий и мало соответствующий 4-й статье Пражского мира характер отношениям Северогерманского союза и южногерманских государств (N 7953).

[118] Убри — Горчакову, 6 (18) февраля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 33.

[119] Там же, л. 34—35.

[120] Сен-Валье — Дарю, 16 февраля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVII, N 7940.

[121] Les Origines, vol. XXVII, N 8015.

[122] Ibid.

[123] Die politischen Reden des Fürsten Bismarck, Bd. IV. Berlin, 1893, S. 305 u. f. Принятие Бадена в Северогерманский союз грозило осложнить отношения не только с крупными европейскими державами, прежде всего с Францией, но также с Баварией и Вюртембергом. Оно могло быть воспринято в Мюнхене и в Штутгарте как акт давления на баварскую и вюртембергскую политику. Об этом писал Бисмарк прусскому посланнику в Бадене и добавлял, «чтобы общественное мнение, особенно во Франции, освоилось с мыслью, что объединение Германии наша естественная и правомерная цель, не запрещенная договором», необходимо время (G. W., Bd. 6[b], N 1517).

[124] Les Origines, vol. XXVI, p. 367.

[125] Заявление «Провинциаль-цайтунг» приводилось в русской прессе, так же как аналогичное заявление «Бадише корреспонденц» («Русский инвалид», 1870, 19 февраля (3 марта); Les Origines, vol. XXVII, N 7991).

[126] «Весть», 1870, 24 февраля (8 марта).

[127] Там же, 22 февраля (6 марта).

[128] Убри—Горчакову, 13 (25) февраля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 137.

[129] Желубовская Э. А. Указ. соч., с. 160—220.

[130] Окунев — Александру II, 1 (13) июня 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 4—12.

[131] Убри — Александру II, 16 (28) мая 1870 г.— Там же, д. 18, л. 22—23. Бисмарк подчеркнул, что назначение Грамона тем знаменательнее, что в свое время Наполеон говорил Бисмарку о Грамоне в мало лестных выражениях.

[132] АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 20—27.

[133] Les Origines, vol. XXVI, N 7913.

[134] Ibid., vol. XXVII, N 8215; G. W., Bd. 6^b, Vorb. an N 1560.

[135] Les Origines, vol. XXVII, N 8208.

[136] Ibid., N 8185.

[137] Ibid., N 8234, 8261. В таком же духе рассказывал об эмсском свидании граф Шувалов, находившийся в царской свите. Он добавлял, что был затронут также вопрос о прусской пропаганде, возбуждающей немецкое население Прибалтики, и о передаче Северного Шлезвига Дании.

[138] Ibid., N 8234.

[139] Бруннов — Горчакову, 1 (13) апреля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 114—115.

[140] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 10.

[141] Горчаков—Окуневу, 23 апреля (5 мая) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 7.

[142] Телеграмма и депеша Сурда—Грамону, 4 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVIII, N 8246, 8247.

[143] Убри — Горчакову, 26 июня (8 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 93—97. Александр II сделал в этом месте на полях депеши помету: «В этом не имеется никакого сомнения».

[144] Флери — Грамону, 7 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVIII, N 8307.

[145] Окунев — Горчакову, 27 июня (9 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 78.

[146] Убри — Вестману, 3 (15) июля 1870 г.— Там же, д. 18, л. 153—157.

[147] Убри — Вестману, 28 июня (10 июля) 1870 г.— Там же, л. 112.

[148] См. его доклад королю, 9 марта 1870 г.— G. W., Bd. 6^b, N 1521.

[149] См. письмо Бисмарка — Карлу Антону, 28 мая 1870 г.— Ibid., N 1557. Князь Карл Антон еще в декабре 1868 г. писал своему сыну Карлу, королю Румынии: «Кроме того, Франция ввиду наших связей с Пруссией не может никогда допустить воцарения Гогенцоллернов по ту сторону Пиренеев. Там уже накопилась ревность оттого, что один из Гогенцоллернов господствует на Нижнем Дунае» (Dittrich J. Bismarck, Frankreich und die spanische Thronkandidatur der Hohenzollern. München, 1962, S. 3 — далее цит.: Dittrich J. Op. cit.).

[150] Убри — Вестману, 30 июня (12 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 160. Александр II сделал здесь помету: «В этом теперь главная трудность, и это я сказал Флери».

[151] Бейст — Меттерниху, 11 июля 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 871.

[152] Окунев—Горчакову, 27 июня (9 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 84—90.

[153] Убри — Горчакову, 26 июня (8 июля) 1870 г.— Там же, д. 21, л. 155—156. «Я не хочу,— писал Убри,— обвинить прусское правительство или Бисмарка в том, что они содействовали этой интриге, но очень трудно допустить, как мне кажется, что они не знали о ней». Кстати, еще в октябре 1868 г. Убри сообщил весьма секретным письмом Горчакову, что в числе кандидатов на испанский трон упоминается принц Гогенцоллерн и что ему стало известно из надежного источника, что Бисмарк недавно послал в Испанию полковника Генерального штаба Штранца и еще двух офицеров, чтобы действовать в пользу Гогенцоллерна (АВПР, канц., 1868 г., д. 18, л. 419).

[154] Окунев — Горчакову, 27 июня (9 июля) 1870 г. — Там же, д. 117, л. 77[а].

[155] «Московские ведомости», 1870, 3 (15) июля.

[156] «Голос», 1870, 2 (14) июля.

[157] «Неделя», 1870, 5 (17) июля.

[158] Его бабка по отцу была из рода Мюрата, бабка с материнской стороны — урожденная Богарне, дочь первой жены Наполеона I. Сам Леопольд был женат на сестре португальского короля.

[159] «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, 28 июня (10 июля).

[160] Там же, 15 (27) июля; 26 июля (7 августа).

[161] Флери — Грамону, 7 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVIII, N 8337.

[162] «Война,— сказал Александр II французскому послу,— была бы европейским бедствием, от которого выиграла бы только европейская революция» (Fleury. Op. cit., p. 131).

[163] Цит. по кн.: Michael H. Op. cit., S. 297. «Существование сильного и компактного государства в Центральной Европе в качестве противовеса Франции и России было по душе британскому общественному мнению» (Millman R. British Foreign Policy and the coming of the Franco-Prussian war. Oxford, 1965, p. 175).

[164] Бруннов — Вестману, 1 (13) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 214—215.

[165] АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 216.

[166] Michael H. Op. cit., S. 300.

[167] Rheindorff K. I, S. 43. Леопольд был женат на сестре португальского короля.

[168] Бейст действительно считал, что возникшие осложнения на руку Австрии, углубляя противоречия между Францией и Пруссией. «Кроме того, самолюбие короля Виктора Эммануила, который жаждал испанской короны для итальянского принца, будет также уязвлено и отношения между Флоренцией и Берлином не станут от этого более нежными» (Письмо Бейста—Меттерниху, 5 июля 1870 г.—Oncken, Bd. III, N 842).

[169] Телеграмма и депеша Рейса — Бисмарку, 9 июля 1870 г.— In.: Lord P. H. The Origines of the War of 1870. Cambridge, 1924, p. 164, 167—170 (далее цит.: Lord P. H. Op. cit.). В заключение Рейс отмечает, что все же «симпатии императора на нашей стороне».

[170] Вестман — Убри, 30 июня (12 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 259. В Архиве внешней политики России не удалось обнаружить личного письма Александра II к прусскому королю, относящегося к первым дням конфликта из-за кандидатуры Гогенцоллерна, о котором упоминается в переписке Флери и в донесении Лайонса Гренвилю (Dittrich J. Op. cit., S. 230). Нет упоминания

о нем и в отчете МИДа. Там указывается лишь, что Александр II «использовал отъезд Рейса в Берлин, чтобы передать прусскому королю настоятельную просьбу не поддерживать кандидатуру принца Леопольда» (АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 21). В папке «Prusse (Roi)» имеется проект личного письма Александра II Вильгельму I, датированный более поздним временем, 23 июля, когда война уже началась. Это письмо написано в ответ на письмо Вильгельма от 17 июля. В письме Александра II подчеркивается, что воцарение Гогенцоллерна в Мадриде не принесло бы пользы ни Пруссии, ни Испании ввиду постоянной враждебности Франции. Александр напомнил, что по аналогичным мотивам он в свое время отказал своему племяннику, герцогу Лейхтенбергскому, в разрешении принять греческую корону. «Я ему отказал и как глава семьи и как монарх,— оба качества, которые, по моему мнению, нельзя разделять» (АВПР, канц., 1870 г., д. 114, л. 14). Дитрих отмечает, что и в немецких документах нет упоминания о письме Александра II, относящегося к начальной стадии конфликта (Dittrich J. Op. cit., S. 230). Однако это обстоятельство не вносит никаких корректив в оценку позиции царского правительства, ибо точка зрения России, как мы это видим, была самым определенным образом доведена до сведения Берлина.

[171] Rheindorff K. I, S. 106.

[172] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 54.

[173] Убри — Вестману, 13 (25) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 394.

[174] Горчаков — Бруннову, 7 (19) июля 1870 г.— Там же, д. 84, л. 50.

[175] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, д. 7850, л. 48.

[176] Сведения из Берлина в несколько преувеличенном виде изображали требования Франции как требование письменного извинения короля перед Наполеоном. Бисмарк в таком же духе интерпретировал требование Грамона в беседе с русским посланником 14 июля (Убри — Вестману, 2 (14) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 140). Грамон это категорически отрицал в своем циркуляре от 24 июля: «Я не требовал, чтобы король написал извинительное письмо (une lettre d'excuse), как это утверждают берлинские газеты в своих официозных комментариях (Les Origines, vol. XXIX, N 8739).

[177] Депеша Флери, 15 июля 1870 г.— In.: Charles-Roux. Op. cit., p. 480.

[178] Окунев—Вестману, 5 (17) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 108—111 и приложение, л. 114.

[179] Австрийскому и английскому послам Грамон объяснил требование гарантий на будущее крайне возбужденным общественным мнением Франции, утверждая, что император не имеет никаких задних мыслей (Телеграмма Меттерниха—Бейсту, 13 июля 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 878; Les Origines, vol. XXVIII, p. 258).

[180] Oncken, Bd. III, N 888, 891. Наполеон попытался переложить ответственность за столь далеко зашедшие события на Эмиля Оливье. Он сказал, как передает Витцум: «Оливье превосходный человек, но он ничего не смыслит в больших делах».

[181] На основании этого Витцум поставил под сомнение примирительные намерения французского правительства. «Идея конгресса, правда, была выдвинута на совете 14 июля самим Наполеоном,— пишет Витцум в своих воспоминаниях,— но это предложение не имело последствий» (Oncken, Bd. III, S. 443. Abm. I).

[182] Окунев—Вестману, 5 (17) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 113.

[183] Окунев — Горчакову, 27 июня (9 июля) 1870 г.— Там же, л. 77.

[184] Les Origines, vol. XXIX, N 8739.

[185] Ibid., vol. XXVIII, N 8465.

[186] Ibid., N 8504, 8553. Нагнетанию атмосферы в Германии способствовали и претензии на рейнские границы, откровенно выражаемые некоторыми французскими газетами, особенно «Пюи» и «Либертэ» (Les Origines, vol. XXVIII, N 8565, 8600).

[187] Ibid., N 8532.

[188] Ibid., N 8457 (Bem.).

[189] Горчаков — Бруннову, 7 (19) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 49—50.

[190] Бруннов — Вестману, 4 (16) июля 1870 г.— Там же, д. 81, л. 247.

[191] Озеров — Горчакову, 5 (17) июля 1870 г.— Там же, д. 96, л. 82—84.

[192] Дальше этого Англия не может пойти, пояснил Гренвиль русскому послу, в ее намерения не входит занять угрожающую позицию по отношению к Франции (Бруннов—Вестману, 4 (16) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 243).

[193] Убри — Вестману, 3 (15) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 149—151.

[194] Les Origines, vol. XXVIII, N 8541, 8542.

[195] Ibid., vol. XXIX, N 8605; см. об этом также: Убри—Вестману, 7 (19) июля 1870 г. — АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 202—204.

[196] Les Origines, vol. XXVIII, p. 399.

[197] Вестман — Убри, 7 (19) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 265.

[198] Убри — Вестману, 7 (19) июля 1870 г.— Там же, д. 18, л. 206—209.

[199] Тогда был еще не известен факт фальсификации депеши Бисмарком.

[200] Les Origines, vol. XXIX, N 8719, 8731, 8732.

[201] Ibid., N 8719.

[202] Ibid., N 8731, 8732.

[203] Ibid., N 8892. Циркуляр был опубликован в «Журналь офисьель».

[204] Окунев — Вестману, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 324—325.

[205] Депеши Убри, 7 (19) и 13 (25) июля 1870 г.— Там же, д. 18, л. 196, 270.

[206] Fletcher W. A. The mission of Vincent Benedetti to Berlin. 1864—1870. Hague, 1965, p. 264.

[207] См., например: «Московские ведомости», 1870, № 161, 28 июля (9 августа). Текст этого письма см.: Les Origines, vol. XXIX, N 8828.

[208] «Revue des deux Mondes», 1911, vol. I, N 2, p. 300.

[209] Michael H. Op. cit., S. 305.

[210] Rheindorff K. I, S. 176—177.

[211] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 9.

[212] АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 212.

[213] Гренвиль передал русскому послу копии проекта договора и меморандум, которым сопровождался проект (Бруннов — Горчакову, 29 июля (10 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 82, л. 22—29).

[214] Рейндорф, пожалуй, прав, считая, что соглашение к тому же ничем не укрепляло гарантий бельгийского нейтралитета, так как, «не располагая континентальной шпагой», англичане практически вряд ли могли помешать его нарушению (Rheindorff K. I, S. 55).

[215] Вестман — Бруннову, 28 июля (9 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870, д. 84, л. 84—86. Царь одобрил тон Вестмана. См. также: Телеграмма Горчакова, 29 июля (10 августа) 1870 г.— Там же, л. 90.

Глава IV

[1] Lord P. H. Op. cit., N 211, p. 245.

[2] Ibid., N 229, p. 254.

[3] Убри—Горчакову, 4 (16) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 188.

[4] Убри — Вестману, 2 (14) июля 1870 г.— Там же, л. 145—148.

[5] Телеграмма поверенного в делах Пфуля — Бисмарку, 16 июля 1870 г.— G. W., Bd. 6^b, S. 389.

[6] АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 406, 409. Бисмарк подчеркнул, что хотел бы получить эти пушки с согласия России, хотя закон позволяет правительству арестовать иностранные военные заказы.

[7] Там же, л. 429; д. 18, 325—326.

[8] Там же, д. 81, л. 249—250.

[9] «Правительственный вестник», 11 (23) июля 1870 г. Горчаков пояснял, что нейтралитет России не означает безразличия к «интересам мира и общего равновесия» (Письмо Бруннову, 7 (19) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870, д. 84, л. 51).

[10] Хотек — Бейсту, 23 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8734.

[11] Александр II информировал прусского короля о своем заверении (АВПР, канц., 1860 г., д. 114, л. 16) и получил в ответ письмо Вильгельма, где подтверждались гарантии (л. 18).

[12] Les Origines, vol. XXIX, N 8734. Копию этого донесения Хотека Бейст 23 июля переслал Меттерниху в Париж с указанием использовать конфиденциальным образом в беседе с Грамоном (N 8835).

[13] Берхтольсхейм — графу Белегарде, генерал-адъютанту Франца Иосифа, 22 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, Apendice, N 6.

[14] Сабуров П. А. Россия—Франция—Новая Германия. 1870—1880 гг. Спб., 1911, с. 5.

[15] Heinze G. Bismarck und Russland bis zur Reichsgründung. Würzburg, 1939, S. 91; Platzhoff W. Die Anfänge des Dreikaiserbundes. 1867—1871. Berlin, 1920, S. 300.

[16] G. W., Bd. 6^a, N 1757, Vorbem.

[17] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 8051.

[18] Там же. Нейтралитет России, инструктировал Петербург русского посланника в Берлине, не только прикрывает границы Пруссии с русской стороны, но и, «обязывая Австрию к той же позиции, раз-

рушает планы, угрожающие Пруссии со стороны Богемии». И далее: «Чем дольше будет Австрия оставаться немобилизованной, тем свободнее будет чувствовать себя прусское правительство в Саксонии и Силезии» (Вестман — Убри, 18 (30) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 398).

[19] Вестман — Убри, 18 (30) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 393—394.

[20] Убри—Вестману, 2 (14) июля 1870 г.— Там же, д. 18, л. 145—148.

[21] «И положение Дании, и положение Австрии зависят от того, какой оборот примут первые военные сражения» (Вестман — Убри, 18 (30) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 397).

[22] ЦГВИА, ф. ВУА, ч. 1, д. 1326, л. 10.

[23] Там же, ед. хр. 1328, л. 124.

[24] Там же, ф. 402, оп. 1930, д. 26 Ведомость по военному министерству, л. 41—43; Донесения главных управлений военного министерства, л. 12—40.

[25] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 8047, 8050.

[26] ЦГВИА, ф. 401 (ВУА), оп. 2/296, д. 75.

[27] Васильчиков сообщал, что Австрия в три недели может иметь 400 тыс. человек, в восемь недель — остальных, число «которых невозможно назвать» (АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 312).

[28] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850, л. 56.

[29] Орлов — Горчакову, 30 марта (11 апреля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 164—167.

[30] См. вырезку из «Фремденблатт» (АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 193).

[31] Васильчиков — Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 195—196.

[32] Горчаков — Орлову, 20 февраля (4 марта) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 67. Назначение Клячко, который был известен и антипрусскими настроениями, в качестве гофрата в австрийское министерство иностранных дел вызвало отрицательные реакции также в Пруссии (Бисмарк — Рейсу, 20 февраля 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1511). Бейст объяснял назначение Клячко желанием использовать его влияние для умиротворения австрийских поляков, причем в Вене утверждали, что Клячко будет занят архивными работами.

[33] Инструкция Новикову, утвержденная царем, 21 июня (3 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 258—265.

[34] Письмо Орлова — Горчакову из Вены, 2 (14) апреля 1870 г.— Там же, д. 147, л. 52—54.

[35] Там же.

[36] ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 299.

[37] Там же, л. 1, 22. Донесения волынского губернатора от 3 (15) июля и 1 (13) августа 1870 г.

[38] Там же, л. 11. Отношение министерства иностранных дел, 15 (27) июля 1870 г.; Письмо Горчакова — Васильчикову, 14 (26) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 112—114. Были намечены охранительные меры — началась высылка «неблагонадежных» лиц по указанию III Отделения из Царства Польского во внутренние губернии.

[39] Diószegi J. Op. cit., S. 29.

[40] Казо — Грамону, 14 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVIII, N 8512. Но вместе с тем венгерская ставка на нейтралитет не означа-

ла безразличия к исходу войны. Венгерский официозный орган «Пешти напло» заявлял в самый канун войны: «Каждая победа Франции — наша победа и каждое ее поражение — также поражение и для нас» (G. W., Bd. 6[b], N 1653, Vorbem.). Многие газеты в Чехии тоже высказывали симпатии Франции (Naujoks E. Bismarcks auswärtige Pressepolitik und die Reichsgründung. Wiesbaden, 1968, S. 426).

[41] Казо — Грамону, 16 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8596.

[42] Dószegi J. Op. cit., S. 30.

[43] Васильчиков — Вестману, 6 (18) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 145.

[44] Les Origines, vol. XXIX, N 8596

[45] Dószegi J. Op. cit., S. 45.

[46] Ibid., S. 79—80.

[47] Ibid., Anhang, S. 295—296. Protokoll des gemeinsammen Ministerrates.

[48] Ibid., S. 61—67.

[49] Mosse W. E. Op. cit., p. 307.

[50] Dószegi J. Op. cit., S. 60.

[51] Бейст — Меттерниху, 11 июля 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 871.

[52] Dószegi J. Op. cit., S. 46.

[53] Les Origines, vol XXIX, Apendice, N 2.

[54] Ibid., vol. XXVIII, N 8516.

[55] Ibid., vol. XXIX, N 8606.

[56] Ibid., vol. XXIX, N 8595.

[57] Грамон — Бейсту, 17 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8607; Oncken, Bd. III, N 900. 15 июля Наполеон в беседе с австрийским дипломатом Витцумом тоже настаивал на выдвижении австрийского обсервационного корпуса в Богемии. Витцум ответил: «Вы знаете, Сир, что мы не имеем других обязательств, кроме обязательства не заключать союза, не предупредив об этом вас, вы знаете также, что мы не виноваты в том, что проектируемый договор об оборонительном союзе между Австрией, Францией и Италией остался в состоянии проекта» (Oncken, Bd. III, N 891).

[58] Телеграмма Казо — Грамону, 20 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8691.

[59] Депеши Казо — Грамону, 20 и 21 июля 1870 г.— Ibid., N 8693, 8695.

[60] Телеграмма Тура д'Оверня — Грамону, 23 июля 1870 г.—Ibid., N 8736. После назначения Грамона министром иностранных дел и вплоть до приезда Тура д'Оверня французское посольство в Вене возглавлял в качестве поверенного в делах Казо, который не пользовался симпатиями Бейста (N 8743).

[61] Грамон — Казо, 20 июля 1870 г.— Ibid., N 8682.

[62] Oncken, Bd. III, N 935.

[63] Цит. по кн.: Dószegi J. Op. cit., S. 32.

[64] Телеграмма Грамона — Казо, 21 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8702.

[65] Грамон — Туру д'Оверню, 23 июля 1870 г.—Ibid., N 8724. «Так как мы заинтересованы в выигрыше времени, чтобы Австрия могла подготовиться и для заключения наших союзов, я не вижу никакого

неудобства в том, чтобы венский кабинет начал переговоры в Петербурге, напротив, это было бы кстати».

[66] Ibid.

[67] Ibid., N 8594.

[68] Ibid., N 8696.

[69] Ibid., N 8701.

[70] См. об этом подробнее: Diószegi J. Op. cit., S. 51.

[71] Телеграмма Бейста — Хотеку, 27 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8805.

[72] Горчаков — Васильчикову, 18 (30) июля 1870 г.,— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 46.

[73] АВПР, канц., 1870 г., д. 18, л. 248; д. 22, л. 395—396.

[74] Там же, д 145, л. 357—363.

[75] Там же, д. 147, л. 91.

[76] Mosse W. E. Op. cit., p. 311; Diószegi J. Op. cit., S. 70—71, 94.

[77] Васильчиков — Вестману, 27 июля (8 августа) 1870 г.—АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 395—401.

[78] Mosse W. E. Op. cit., p. 317—318.

[79] Телеграмма Васильчикова, 17 (29) июля 1970 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 302.

[80] Телеграмма Васильчикова, 20 июля (1 августа), и письмо, 21 июля (2 августа) 1870 г.— Там же, л. 308, 429—435.

[81] Речь идет о выводе французских войск из Рима. Примерный текст телеграммы Бейста сообщил Васильчикову венгерский помощник государственного секретаря (Письмо Васильчикова, 21 июля (2 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 436—438).

[82] Телеграмма Васильчикова 19 (31) июля 1970 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 304.

[83] См. этот проект: Oncken, Bd. III, Anlage an N 930.

[84] Бейст — Меттерниху, 27 июля 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 930. Важнейшие статьи проекта гласили, что застигнутые врасплох настоящей войной обе монархии начнут с провозглашения благожелательного для Франции нейтралитета и на случай необходимости защиты этого нейтралитета поставят на военное положение свои армии так скоро, как это можно будет сделать. Достаточно вооружившись, они согласуют свои общие действия, «имея в виду или совместное посредничество, или вступление в войну». Особой статьей предусматривалось, что Австрия будет добиваться от Наполеона немедленной эвакуации французских войск из папских владений, но на условиях, соответствующих желаниям и интересам Италии, и так, чтобы обеспечить внутренний мир в этом королевстве.

[85] Телеграмма Меттерниха, 1 и 2 августа 1870 г.— Ibid., N 941, 942.

[86] Витцум — Бейсту, 6 августа 1870 г.— Ibid., N 950.

[87] По поводу этого контрпроекта Витцум писал в своей телеграмме: «Это сшитый белыми нитками одобрения наказ дать делу законный ход» (Oncken, Bd. III, S. 519, Anm. 1).

[88] Витцум — Бейсту, 7 августа 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 954.

[89] Бейст — Витцуму, 9 августа 1970 г.— Ibid., N 957.

[90] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850, л. 46.

[91] Рапорты Витгенштейна, 1 (13) февраля 1869 г. и 2 (14) ноября 1868 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 440, ед. хр. 186; ед. хр. 185, л. 31.

[92] Рапорты Витгенштейна, 1 (13) февраля и 11 (23) апреля 1869 г.— Там же, ед. хр. 186, л. 6—9, 38—39. В марте 1869 г., сообщая о концентрации на восточных границах армии в 254 тыс. человек, Витгенштейн сделал вывод, что Франция сможет «без дальнейших приготовлений предпринять наступательные действия к Рейну, как только она того захочет» (л. 16—19).

[93] «Русский инвалид», 1870, 7 (19) июля. Флери в своей переписке приводит мнение генерала Тотлебена, высказанное принцу Георгу Мекленбургскому, совпадающее в общем с прогнозом «Русского инвалида» (Fleury. Op. cit., p. 161).

[94] См., например: «Московские ведомости», 1870, 5 (17) июля.

[95] Там же, 21 июля (2 августа); «Неделя», 1870, 19 (31) июля.

[96] «Вестник Европы», 1870, сентябрь, с. 380—381.

[97] АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 185—189.

[98] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 26.

[99] Окунев, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 185—189.

[100] Там же.

[101] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 26—27. Окунев не поддался на провокацию, ответив, что Россия достаточно обширна и могущественна, чтобы не нуждаться в аннексиях. Александр II одобрил этот ответ. В Петербурге хорошо знали Грамона, и недоверие к нему дополнительно осложняло франко-русские отношения этих дней. «Лично мне господин Грамон не внушает никакого доверия. Я знаю его очень близко и очень давно»,— писал Окунев. Александр II вторил: «Таково же и мое мнение» (АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 312).

[102] Грамон — Туру д'Оверню, 28 июля 1870 г. — Les Origines, vol. XXIX, N 8811. На заседании совета министров 6 июля Грамон резко возражал Оливье, высказавшемуся за необходимость союза с Россией, и отстаивал план союза с Австро-Венгрией.

[103] Грамон — Туру д'Оверню, 23 июля 1870 г. — Ibid., N 8724. Тур д' Овернь соглашался с мнением Грамона, считая, что сближению с Россией якобы мешают «интимные отношения между петербургским и берлинским дворами» и трудность подыскания таких уступок России, которые не ущемили бы Англию. «Более разумно ограничить наши притязания стремлением продлить, пока это будет нам нужно, русский нейтралитет» (N 8834).

[104] Les Origines, vol. XXIX, N 8631.

[105] Ibid., N 8680.

[106] «Переговоры, которых вы требуете от меня, очень трудны. Нужно, чтобы я мог что-то предложить в обмен на то, что вы хотите, чтобы я просил»,— писал Флери в Париж (Les Origines, vol. XXIX, N 8717).

[107] Грамон — Флери, 23 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8723.

[108] Ibid.

[109] Окунев — Вестману, 21 июля (2 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 409. В Петербурге хотели получить от французского правительства более обязывающие гарантии в этом направ-

лении. Александр II высказал Флери пожелание, чтобы в «Журналь офисьель» заметкой в несколько строк было бы подтверждено раз и навсегда полное воздержание Франции (Телеграмма Флери, 5 августа 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8909).

[110] Окунев — Вестману, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 158—168.

[111] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 414.

[112] Вестман — Окуневу, 12 (24) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 177.

[113] Горчаков — Окуневу, 21 июля (2 августа) 1870 г. —Там же, д. 119, л. 179.

[114] Флери — Грамону, 1 августа 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8871.

[115] Телеграмма Окунева—Вестману, 21 июля (2 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 409.

[116] Там же.

[117] Горчаков — Окуневу, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 54—56.

[118] Донесение Окунева, 28 июля (9 августа) 1870 г.— Там же, д. 117, л. 196—197.

[119] Грамон — Флери, 6 августа 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8923.

[120] Горчаков — Окуневу, 21 июля (2 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 178—188.

[121] Там же.

[122] Письмо Окунева, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 312—321.

[123] АВПР, канц., 1870 г., д. 56, л. 157.

[124] Телеграмма Флери, 5 августа 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8909. Русский император сказал, телеграфировал Флери, «что он считал бы естественной готовность Италии оказать помощь Франции».

[125] Телеграмма Васильчикова, 17 (29) июля, и депеша, 26 июля (7 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 302; д. 145, л. 383—387.

[126] Там же.

[127] Там же, д. 147, л. 95—97.

[128] Les Origines, vol. XXIX, N 8698. См. также: переписка Наполеона III с Виктором Эммануилом II (N 8571, 8617, 8686, 8705).

[129] Ibid., N 8931

[130] Ibid., N 8945.

[131] Ibid., N 8953.

[132] Казо — Грамону, 5 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXVIII, N 8264.

[133] Донесение, 18 июля 1870 г.— In: Diószegi J. Op. cit., S. 33.

[134] Казо — Грамону, 20 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8693.

[135] Гросул В., Чертан Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969, с. 167—168.

[136] Там же, с. 166.

[137] Телеграммы Грамона — Казо и в Бухарест, 20 июля 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8683, 8679.

[138] Вестман — Убри, 18 (30) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 395.

[139] Васильчиков о нем хорошо отзывался (Письмо Васильчикова, 30 июня (12 июля) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 325).

[140] Об этом разговоре с Орчи см.: Секретная телеграмма Васильчикова, 6 (18) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 282.

[141] Вестман — Убри, 7 (19) июля 1870 г.—Там же, д. 84, л. 65—66.

[142] АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 397.

[143] Les Origines, vol. XXVI, N 7943; vol. XXVII, N 8011, 8040.

[144] «Le Reveil», 1870, 31 juillet.

[145] Les Origines, vol. XXVIII, N 8520, 8545.

[146] Ibid., vol. XXIX, N 8614.

[147] Ibid., N 8577.

[148] Ibid., N 8583; см. также: Письмо датского посланника в Париже Мольтке, 18 июля 1870 г.— Oncken, Bd. III, N 901.

[149] Les Origines, vol. XXIX, N 8583.

[150] АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 38—39.

[151] Телеграмма Моренгейма из Копенгагена, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 30, л. 117.

[152] АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 38—39.

[153] Депеша Моренгейма, 8 (20) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 30, л. 38. Моренгейм старался убедить датского министра иностранных дел Розенберна в опасности такой постановки вопроса. Он напомнил, что берлинский кабинет оправдывал свою задержку с выполнением этих условий главным образом моральной невозможностью решиться на какие-либо уступки, пока Пруссия находится под постоянной угрозой войны с Францией. По его мнению, Дании нельзя было выбрать худшего времени, чем настоящий момент, чтобы возобновить подобные настояния в Берлине (л. 38—39).

[154] Вестман — Убри, 20 июля (1 августа) 1870 г.— Там же, д. 84, л. 72.

[155] Убри — Вестману, 17 (29) июля 1870 г.— Там же, д. 18, л. 310.

[156] Там же, л. 310—312.

[157] Там же, л. 312.

[158] Горчаков — Убри, 25 июля (6 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 276.

[159] Окунев — Вестману, 14 (26) июля 1870 г.— Там же, д. 117, л. 125—130.

[160] Горчаков — Убри, 25 июля (6 августа) 1870 г.— Там же, д. 22, л. 275.

[161] Вестман — Убри, 18 (30) июля 1870 г.— Там же, л. 397.

[162] Горчаков — Убри, 25 июля (6 августа) 1870 г.— Там же, л. 273.

[163] Les Origines, vol. XXIX, N 8909, note 2.

[164] Ibid., N 8907, 8909.

[165] Вестман — Бруннову, 20 июля (1 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 72. В телеграмме подчеркивалось, что в случае вступления Дании в войну России и Англии будет трудно сохранять нейтралитет.

[166] Горчаков — Убри, 25 июля (6 августа) 1870 г.— Там же, д. 22, л. 274.

[167] Донесение Бруннова, 29 июля (10 августа) 1870 г.— Там же, д. 82, л. 11—12.

[168] Бруннов — Горчакову, 5 (17) августа 1870 г.— Там же, л. 36—38.

[169] Окунев — Горчакову, 11 (23) августа 1870 г.— Там же, д. 117, л. 257—259.

[170] Там же.
[171] Les Origines, vol. XXIX, N 8898, note 1.
[172] Телеграмма Кадора, 10 августа 1870 г.— Les Origines, vol. XXIX, N 8952. Составители публикации не обнаружили отчетов Кадора о своей миссии. По отчетам же датского министра иностранных дел своему правительству, Кадор требовал заключения оборонительного и наступательного союза как предварительного условия французского обязательства высадить затем в Северном Шлезвиге корпус в 30 тыс. человек.
[173] Бруннов — Горчакову, 5 (17) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 82, л. 36.
[174] АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 84—85.
[175] Там же.
[176] Бруннов — Горчакову, 20 августа (1 сентября) 1870 г.—АВПР, канц., 1870 г., д. 82, л. 67—68.
[177] Бруннов — Вестману, 22 июля (3 августа) 1870 г.— Там же, д. 81, л. 307—308.
[178] Убри — Вестману, 18 (30) июля 1870 г.— Там же, д. 19, л. 212.
[179] Reindorff K. I, S. 60, 63.
[180] Ibid., S. 67.
[181] Ibid., S. 64.
[182] Бруннов — Вестману, 15 (27) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 284—290.
[183] Убри — Горчакову, 6 (18) августа 1870 г.— Там же, д. 19, л. 70—72.
[184] Донесения Убри, 7 (19) и 9 (21) августа 1870 г.— Там же, л. 87, 89.
[185] Русский генеральный консул писал из Данцига, что французская блокада малоэффективна и иностранные суда находят способ проникать в данцигский порт. Французские корабли держатся на значительной дистанции от берега и рассеяны по различным портам (Донесение Фрейтага, 14 (26) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 135—136).
[186] АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 331.
[187] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина. Воспоминания 1870—1870 гг., папка 7850, л. 56.
[188] «Отечественные записки», 1870, № 9, с. 116.
[189] Незадолго до начала войны издание этой газеты прекратилось.
[190] «Отечественные записки», 1870, № 9, с. 82.
[191] Там же, № 8, с. 246.
[192] Относит к ним Северную войну и войну 1812 г.
[193] «Отечественные записки», 1870, № 9, с. 139—141.
[194] Там же, с. 121—124.
[195] «Колокол», 1866, № 230, 1 (13) декабря.
[196] «Отечественные записки», 1870, № 9, с. 117.
[197] Там же, с. 149.
[198] Там же, № 8, с. 245—246.
[199] «Дело», 1870, № 7, с. 68.
[200] «Неделя», 1870, 12 (24) июля.
[201] Там же, 19 (31) июля.
[202] Гутман Д. С. Указ. соч.
[203] «Голос», 1870, 5 (17) июля.
[204] Там же, 10 (22) июля.
[205] Там же, 15 (27) июля.

[206] Там же.
[207] Там же, 31 июля (12 августа).
[208] «Московские ведомости», 1870, 21 июля (2 августа).
[209] Там же, 31 июля (12 августа).
[210] Там же, 29 августа (10 сентября).
[211] Там же, 12 (24) июля.
[212] Там же.
[213] Там же.
[214] Там же.
[215] Там же, 5 (17) июля.
[216] Там же, 21 июля (2 августа).
[217] Там же, 5 (17) июля.
[218] Никитин С. А. Указ. соч., с. 234 и сл.
[219] Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, с. 65 и сл. (далее цит.: Феоктистов Е. М. Указ. соч.).
[220] «Деятельность», 1870, 11 (23) июля.
[221] Там же, 26 июля (7 августа).
[222] Там же, 6 (18) августа. Газета иронизировала, что в случае войны с Англией и Пруссией курс русских фондов поднимался бы, вероятно, при поражениях России.
[223] В 1872 г. он поэтому прекратил издание.
[224] Позднее изданная отдельной книгой.
[225] Данилевский Н. Россия и Европа. Спб., 1888, с. 49—51 (далее цит.: Данилевский Н. Указ. соч.).
[226] Там же, с. 433.
[227] «Москва», 1867, 12 (24) августа.
[228] «Литературное наследство», № 19-21, с. 205.
[229] Данилевский Н. Указ. соч., с. 435.
[230] «Заря», 1870, август, с. 202.
[231] Там же, с. 204.
[232] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 26. Энгельс разделял предположения Маркса о возможности поворота в русской политике (с. 30).

Глава V

[1] Тарков—Милютину, 1 (13) августа 1870 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1328, л. 99.
[2] Васильчиков—Вестману, 27 июля (8 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 145, л. 395—401.
[3] Diószegi J. Op. cit., S. 129—130.
[4] Телеграмма Убри, 4 (16) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 465. По поводу битвы под Мецом Бисмарк сказал русскому посланнику, что это «начало конца сопротивления французской армии».
[5] Убри — Горчакову, 3 (15) августа 1870 г.— Там же, д. 19, л. 227.
[6] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850, с. 66.
[7] Там же, ф. А. А. Киреева, Дневник, л. 27.
[8] «Independent Belge», 1870, 11 novembre.
[9] Fleury. Op. cit., p. 192.
[10] Charles-Roux. Op. cit., p. 486.

[11] Окунев — Горчакову, 11 (23) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 240—245.

[12] АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 420. Александр II наложил резолюцию: «Пусть остается в Париже до новых указаний». В таком духе 13 августа Окуневу была направлена телеграмма (д. 19, л. 224).

[13] Об этих событиях Окунев сообщал в своих депешах 28 июля (9 августа) 1870 г. (АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 207—211, 219). Тогда Окунев отмечал, что при наличии всеобщего недовольства Наполеоном и его министерством «все партии, за исключением левой, чувствуют необходимость объединиться в настоящий момент вокруг Наполеона на двух условиях — смены командования и министерства» (л. 219).

[14] «Вестник Европы», 1870, сентябрь, с. 388.

[15] Там же, с. 394.

[16] «Дело», 1870, № 8, с. 64.

[17] Бруннов — Горчакову, 5 (17) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 83, л. 170—172.

[18] Рейс — Бисмарку, 17 августа 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1757.

[19] Горчаков — Бруннову, 8 (20) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 83[b].

[20] Там же.

[21] АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 252.

[22] Бруннов — Вестману, 15 (27) июля 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 81, л. 286. Против этой фразы Гренвиля Александр II сделал помету: «Это то же, что я говорил Бьюханену».

[23] Rheindorff K. I, S. 58.

[24] Телеграмма Бруннова, 24 июля (5 августа) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 83, л. 378.

[25] АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 82.

[26] Rheindorff K. I, S. 75.

[27] Сироткин В. Г. Указ. соч., с. 143.

[28] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 52—53.

[29] Rheindorff K. I, Anlage N 33, S. 178.

[30] Dószegi J. Op. cit., S. 131.

[31] АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 81.

[32] «Московские ведомости», 1870, 30 июля (11 августа).

[33] Убри — Горчакову, 3 (15) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 226—227. Особенно важно было, с его точки зрения, сохранить свободу рук в предвидении всяких возможностей для пересмотра договора 1856 г.

[34] АВПР. канц., 1870 г., д. 84, л. 96.

[35] Там же, д. 82, л. 48—49.

[36] Там же, л. 49.

[37] Там же, д. 147, л. 323.

[38] Горчаков — Новикову, 18 (30) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 154—166.

[39] Донесения Новикова, 23 августа (4 сентября) и 29 августа (10 сентября) 1870 г.— Там же, д. 146, л. 27—30, 56—62.

[40] Телеграмма Новикова, 31 августа (12 сентября) 1870 г.— Там же, д. 147, л. 342.

[41] Новиков—Горчакову, 18 (30) августа 1870 г.— Там же, д. 146, л. 14—18.

[42] Убри—Горчакову, 31 июля (12 августа) 1870 г.—Там же, д. 19, л. 25—26. Сверху на депеше помета Александра II: «Хорошо сделал».

[43] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 1870, 11. August.

[44] Горчаков — Новикову, 1 (13) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 184, л. 121—123. Горчаков опасался, что развитию «добрых ростков» может помешать поведение Бейста, но рекомендовал Новикову ничем не демонстрировать личного предубеждения против австрийского министра.

[45] Бейст — Хотеку, 2 августа 1870 г.— In: Mosse W. E. Op. cit., p. 311.

[46] Mosse W. E. Op. cit., p. 318.

[47] Когда в сентябре возникли предположения о возможности отзыва Хотека из Петербурга, Новикову было поручено передать Бейсту, что русское правительство сожалело бы об отставке Хотека (Горчаков — Новикову, 28 августа (9 сентября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 291).

[48] Беседы Александра II и Горчакова с Хотеком 14 августа 1870 г. цит. по кн.: Mosse W. E. Op. cit., p. 319—322; Diószegi J. Op. cit., S. 133—136.

[49] Новиков — Горчакову, 18 (30) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 14—18. Александр II сделал здесь помету: «Это верно».

[50] G. W., Bd. 6^b, N 1736, 1737.

[51] Горчаков — Васильчикову, 2 (14) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л 126—130.

[52] См. об этом подробнее: Diószegi J. Op. cit., S. 138—146. Андраши в это время уже высказывался за ориентацию на Пруссию, но так как в венгерской партии Деака была еще сильна враждебная Пруссии группировка, а, с другой стороны, сотрудничество с Россией могло сейчас поднять удельный вес австрийских дипломатических акций, он не решился категорически отвергнуть предложения Бейста.

[53] Новиков — Горчакову, 18 (30) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 107—112.

[54] Горчаков — Новикову, 18 (30) августа 1870 г.— Там же, д. 148, л. 138—145.

[55] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 57.

[56] Там же, д. 148, л. 138—145.

[57] Горчаков — Новикову, 18 (30) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 154—166.

[58] Там же. «Так как здесь решили ни при каких обстоятельствах не вступать на путь материального военного давления на воюющих,— комментировал Хотек,— и вместе с тем не хотят обрекать себя на выслушивание отказа, то должны выдвигать только такие предложения, очевидную приемлемость которых можно предвидеть» (Mosse W. E. Op. cit., p. 328).

[59] Телеграмма Горчакова — Васильчикову, 11 (23) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 289.

[60] Делегации австрийского рейхстага и венгерского сейма,— решающие вопросы, касающиеся империи в целом.

[61] Новиков — Горчакову, 4 (16) сентября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 86—97.

[62] Бруннов — Горчакову, 21 августа (2 сентября) 1870 г.— Там же, д. 82, л. 73—82.

[63] Rheindorff K. I, S. 132—133. Разговор с Делане изложен в депеше Бернсторфа Бисмарку от 24 августа (S. 189—190).

[64] G. W., Bd. 6[b], Anm. 4 an N 1755.

[65] Бруннов — Горчакову, 20 августа (1 сентября) 1870 г.—АВПР, канц., 1870 г., д. 82, л. 52—56.

[66] Там же.

[67] Там же, л. 61—65.

[68] Цит. по кн.: Charles-Roux Fr. Op. cit., p. 485.

[69] Fleury. Op cit, p. 202.

[70] Charles-Roux Fr. Op. cit., p. 489.

[71] Mosse W. E. Op. cit., p. 334—335.

[72] Rheindorff K. Die Schwarze-Meer (Pontus)-Frage vom Pariser Frieden von 1856 bis zum Abschlusz der Londoner Konferenz von 1871. Bonn, 1925, Anlage N 10 (далее цит.: Rheindorff K. II).

[73] G W., Bd. 6[b], Vorb. an N 1745.

[74] Jbid.

[75] Ibid., N 1757.

[76] Александр II — Вильгельму I, 9 (21) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 114, л. 23—24.

[77] Убри — Горчакову, 21 августа (2 сентября) 1870 г.— Там же, д. 19, л. 162—165.

[78] Rheindorff K. I, S. 132—133.

[79] «Kreuzzeitung», 1870, 20. August.

[80] Ibid., 22. August

[81] Вырезка из «Кёльнише цайтунг», приложение к донесению Убри (АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 295).

[82] Charles-Roux Fr. Op. cit., p. 487.

[83] Бисмарк — Рейсу, 15 и 22 августа 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1745, 1757.

[84] Телеграмма Бисмарка, 24 августа 1870 г.— Ibid., N 1759.

[85] Рейс—Бисмарку, 30 августа 1870 г.— In: Rheindorff K. II, S. 145.

[86] Бисмарк — Рейсу, 6 сентября 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1783.

[87] Убри писал 24 августа, что после боев у Меца «положение французской армии представляется очень скомпрометированным» (АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 115).

[88] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 58.

[89] Новиков телеграфировал 4 сентября: «Бейст склонен думать, что посредничество России, Австрии и Италии, даже без активного содействия Англии, может быть эффективным, но только будучи предварительно принятым в Париже. Он ни в коем случае не возьмет инициативу на себя, желает нашей инициативы и хочет пояснения нашим намерениям» (АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 328). Горчаков сообщил Новикову 9 сентября: «Мы не приняли посреднической инициативы, которой Бейст хочет от нас» (АВПР, канц., 1870 г., д. 148, л. 291).

Глава VI

[1] Kersten K. Bismarck und seine Zeit. Berlin, 1930, S. 317—318; Бисмарк — Швейницу и Бисмарк — Рейсу, 8 октября 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1850, 1851.

[2] Новиков — Горчакову, 29 августа (10 сентября) 1870 г.—АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 118—121.

[3] Это сообщение, датированное 11 сентября, было опубликовано сначала во французских газетах оккупированного Реймса, а затем перепечатано другими газетами, в частности «Кёниглихер-пройссишер штаатс-цайтунг», вырезку из которой Убри приложил к своему донесению от 10 (22) сентября 1870 г. (АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 280).

[4] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 1870, 13. September.

[5] G. W., Bd. 6^b, N 1773, 1774; Убри — Горчакову, 23 августа (4 сентября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 173.

[6] Убри — Горчакову, 23 августа (4 сентября) 1870 г.— Там же, д. 21, л. 270, 271.

[7] Geuss H. Bismarck und Napoleon III. Köln, 1959, S. 278—279 (далее цит.: Geuss H. Op. cit.).

[8] Телеграмма Бисмарка — Бернсторфу, 9 и 10 сентября, Рейсу, 9 сентября 1870 г.— G. W., Bd. 6^b, N 1788, 1789, 1792.

[9] Окунев — Горчакову, 28 августа (9 сентября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 3—9.

[10] Об этом разговоре Окунев сообщил телеграммой 26 августа (7 сентября), подробнее — депешей (АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 443; д. 118, л. 3—9).

[11] Телеграмма Окунева, 27 августа (8 сентября), и депеша, 28 августа (9 сентября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 117, л. 445; д. 118, л. 11—13.

[12] Телеграмма Новикова, 26 августа (7 сентября) 1870 г.— Там же, д. 147, л. 337.

[13] Итенберг Б. С. Указ. соч., с. 300.

[14] Телеграмма Горчакова — Окуневу, 27 августа (8 сентября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 65.

[15] Горчаков — Окуневу, 28 августа (9 сентября) 1870 г.— Там же, л. 199—203.

[16] Бруннов — Горчакову, 26 августа (7 сентября) 1870 г.— Там же, д. 83, л. 194—195.

[17] Gabriac. Souvenirs diplomatiques de la Russie et d'Allemagne (1870—1872). Paris, 1896, p. 20 (далее цит.: Gabriac. Op. cit.).

[18] Письмо Витгенштейна — Милютину, 28 августа (9 сентября), и донесение, 5 (17) сентября 1870 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1328, л. 13, 19.

[19] Помета Александра II на депеше Окунева, 28 августа (9 сентября) 1870 г. (АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 8).

[20] Gabriac. Op. cit., p. 9. Временное правительство отозвало Флери из Петербурга 6 сентября 1870 г. Временным поверенным в делах остался маркиз Габриак.

[21] «Голос», 1870, 3 (15) сентября.

[22] Rheindorff K. I, S. 92.

[23] АВПР, канц., 1870 г., д. 119, л. 199—203.

[24] «Московские ведомости», 1870, 8 (20) сентября.

[25] Совет Главного управления по делам печати выразил недовольство появлением подобных материалов на страницах «Недели» и других изданий (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 8, л. 299, 372—373).

[26] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 8, л. 489—495.

[27] G. W., Bd. 6^b, N 1951.

[28] Ibid., Vorbem. an N 1810, 1812.

[29] Bohlman. Die Friedens-Bedingungen und ihre Verwerthung. Berlin, 1870.

[30] Sybel H. Die künftigen Friedens-Bedingungen. Berlin, 1870; Wagner A. Elsass und Lotharingen und ihre Wiedergewinnung für Deutschland. Leipzig, 1870.

[31] АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 177.

[32] Убри — Горчакову, 3 (15) августа 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 40—42; «Голос», 1870, 29 августа (10 сентября). Позднее Убри сообщил, что баденское правительство не согласно принять «столь опасный дар», как Эльзас (АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 179).

[33] «Старина и новизна», кн. 22, с. 262.

[34] G. W., Bd. 6[b], N 1801.

[35] Ibid., N 1808.

[36] Ibid.

[37] «Staatsanzeiger». 1870, 23. September.

[38] АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 318.

[39] Убри — Горчакову, 12 (24) сентября 1870 г.— АВПР, канц, 1870 г., д. 21, л. 321.

[40] Там же, л. 319.

[41] Бисмарк — Бернсторфу, 15 октября 1870 г.— G. W., Bd. 6[b], N 1863. Но все окончилось благополучно с точки зрения Бисмарка, так как британский кабинет принял решение устраниться от выражения своего мнения.

[42] Желубовская Э. А. Указ. соч., с. 394.

[43] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч, с. 52.

[44] Rheindorff K. I, S. 79.

[45] АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 92—95.

[46] Убри сообщал в это время о наличии данных, свидетельствующих, что Бисмарк уже не столь категоричен в своем желании заключить мир только с империей (АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 284).

[47] Убри— Горчакову, 4 (16) сентября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 250.

[48] Помета на полях телеграммы Убри, 10 (22) сентября 1870 г.— Там же, д. 21, л. 493.

[49] АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 303; G. W., Bd. 6[b], N 1824.

[50] Никитенко А. В. Записки и дневник, т. 2. Спб., 1905, с. 458 (далее цит.: Никитенко А. В. Указ. соч.).

[51] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 245 (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина).

[52] «Старина и новизна», кн. 22, с. 261.

[53] Там же, с. 265—266.

[54] Манфред А. З Указ. соч., с. 80—81.

[55] «Вестник Европы», 1870, сентябрь, с. 398—399.

[56] «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, № 226, 18 (30) августа.

[57] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 8. л. 296—299.

[58] «Голос», 1870, 28 августа (9 сентября).

[59] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 245.

[60] «Отечественные записки», 1870, вып. 11, с. 90.

[61] «Дело», 1870, № 11, с. 110.

[62] «Голос», 1870, № 280.

[63] «Московские ведомости», 1871, 10 (22) января.

[64] В этой связи Главное управление по делам печати 30 сентября 1870 г. вынесло решение предупредить циркулярным письмом всех губернаторов, что губернские ведомости должны и в своем неофи-

циальном отделе строго сообразовываться с направлением «Правительственного вестника» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 8, л. 478—483).

[65] «Русский архив», 1894, вып. 7, с. 434.

[66] «Современные известия», 1870, № 281.

[67] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, 1870 г., ед. хр. 8, л. 317—323.

[68] Там же, л. 371—372.

[69] «Отечественные записки», 1871, январь, с. 230 (внутренняя хроника).

[70] «Московские ведомости», 1870, 29 июля (10 августа).

[71] Там же, 23 августа (4 сентября).

[72] Там же, 25 августа (6 сентября).

[73] «Голос», 1870, 27 августа (8 сентября).

[74] Там же, 29 августа (10 сентября).

[75] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 36.

Глава VII

[1] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850 «Воспоминания 1870—1871», с. 56.

[2] Там же, дневник А. А. Киреева, к/6, л. 33.

[3] Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России.— «Литературное наследство», 1935, т. 19-20, с. 211—212.

[4] Б. М. Маркевич — М. Н. Каткову, 9 (21) ноября 1870 г. — РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 32, л. 245. Татищев передал Маркевичу сказанное ему Горчаковым, что «инициатива свершенного шага принадлежит всецело государю».

[5] Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Спб., 1907, с. 143 (далее цит.: Горяинов С. Указ. соч.). Позднее Горчаков рассказывал, что именно он во время франко-прусской войны подал мысль ликвидировать ограничения на Черном море («Русская старина», 1883, октябрь, с. 176).

[6] АВПР, канц., 1870 г., д. 21, л. 281.

[7] Бисмарк О. Мысли и воспоминания, т. 2. М., 1949, с. 99 (далее цит.: Бисмарк О. Указ. соч.).

[8] Горяинов С. Указ. соч., с. 136.

[9] Там же, с. 173—174.

[10] Б. М. Маркевич — М. Н. Каткову, 5 (17) ноября 1870 г. — РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 32, л. 244.

[11] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 109—110. Поэтому было решено предпринять демарш, пишется в отчете, «несмотря на инсинуации г-на Бисмарка, который считал его несвоевременным и советовал отложить до заключения мира».

[12] Телеграмма, 7 (19), и письмо, 9 (21) ноября 1870 г., Убри.— АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 521; 102—104.

[13] Вильгельм — Александру II, 12 ноября 1870 г.— In: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette (1871—1914). Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 2, S. 9 (далее цит.: Die Grosse Politik); Александр II — Вильгельму I, 19 (31) октября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 114, л. 37—38.

[14] АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 415. Убри сомневался в истинности подобных разъяснений, сделанных ему помощником Бисмарка

Тиле. «Я мог только поблагодарить Тиле за благожелательную интерпретацию,— пишет он,— но не знаю, действительно ли такова была мысль Бисмарка».

[15] Убри — Горчакову, 7 (19) ноября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 90—100. Но Тиле, как показалось русскому посланнику, не разделял этого опасения, не допуская, что державы могут зайти так далеко. Но если последует их выступление против России, к которому примкнет Франция, говорил Тиле, «то первым результатом для нас подобного поворота дел будет то, что мы избавимся от французского флота» (л. 100).

[16] Die Grosse Politik, Bd. 2, S. 18—19.

[17] G. W., Bd. 6^{b}, S. 590.

[18] Die Grosse Politik, Bd. 2, S. 9

[19] Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952, с. 103—107; Горчаков — Бруннову, 20 октября (1 ноября) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 114—117.

[20] АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 135.

[21] Там же, д. 84, л. 114—117.

[22] Там же, л. 121—122. Убри, который высказал мнение о целесообразности заинтересовать таким образом Англию, было дано из Петербурга указание воздержаться от всякого упоминания этой идеи, предоставив Бруннову инициативу ее выдвижения и выбор момента (д. 22, л. 458—459).

[23] Там же, д. 83, л. 408, 410.

[24] Там же, д. 85, л. 151.

[25] Там же, д. 83, л. 408, 410.

[26] Там же, отчет МИДа за 1870 г., л. 124.

[27] Киняпина Н. С. Указ. соч., с. 97.

[28] АВПР, канц., 1870 г., д. 83, л. 419. Гренвиль скрыл от Бруннова миссию Рассела. Бруннов узнал о ней от прусского посла Бернсторфа.

[29] Там же, л. 416.

[30] Там же, л. 410.

[31] Diószegi J. Op. cit., S. 196.

[32] Die Grosse Politik, Bd. 2, N 222.

[33] АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 157.

[34] Там же, л. 133. Однако Горчаков испытывал некоторое беспокойство относительно приема, который Одо Рассел найдет у Бисмарка (д. 22, л. 295).

[35] Diószegi J. Op. cit., S. 189.

[36] АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 128.

[37] Он опубликовал, в частности, в Красной книге свою депешу к Хотеку, в которой пытался доказать различие между своими предложениями и декларацией Горчакова.

[38] Новиков — Горчакову, 8 (20) ноября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 372—379.

[39] Новиков — Горчакову, 16 (28) ноября 1870 г.— Там же, л. 422—428.

[40] АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 385.

[41] Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz, Bd. 1. Berlin, 1927, S. 282.

[42] Diószegi J. Op. cit., S. 194.

[43] Ibid., S. 199—200.

[44] АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 361—369.

[45] Киняпина Н. С. Указ. соч., с. 98—100.

[46] Телеграмма Горчакова — Бруннову, 13 (25) ноября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 165.

[47] АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 6.

[48] Diószegi J. Op. cit., S. 203.

[49] Ibid., S. 215—216.

[50] Ibid., S. 208—209.

[51] Ibid., S. 210—211.

[52] Телеграмма Бруннову, 15 (27) ноября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 170.

[53] АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 437.

[54] Там же, л. 426. На полях помета Александра II: «Я надеюсь только на Пруссию».

[55] Телеграмма Горчакова — Бруннову, 13 (25) декабря 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 227.

[56] Горчаков — Бруннову, 14 (26) декабря 1870 г. — Там же, л. 230.

[57] Горчаков — Бруннову, 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.)— Там же, д. 85, л. 231—237.

[58] АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 165.

[59] Там же, д. 85, л. 171.

[60] Там же, л. 172; д. 84, л. 211.

[61] Там же, д. 85, л. 184.

[62] Горчаков—Убри, 21 ноября (3 декабря) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 469—470.

[63] Горчаков — Бруннову, 4 (16) декабря 1870 г.— Там же, д. 85, л. 199—200.

[64] Бруннов — Горчакову, 9 (21) января 1871 г.— Там же, 1871 г., д. 68, л. 6—12. Правительство «национальной обороны» пыталось использовать заинтересованность России во французской поддержке на конференции и добивалось официального признания его Петербургом, но получило отказ (д. 93, л. 478).

[65] Diószegi J. Op. cit., S. 229—230.

[66] АВПР, канц., 1871 г., д. 68, л. 187.

[67] Там же, д. 69, л. 9.

[68] Киняпина Н. С. Указ. соч., с. 107.

[69] Телеграмма и письмо Бруннова, 24 января (5 февраля) 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 68, л. 22—23; 13—17.

[70] Diószegi J. Op. cit., S. 234.

[71] Ibid.

[72] Новиков — Горчакову, 6 (18) января 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 8—13.

[73] Речь Тимашева была записана Краевским, а Феоктистов, получивший эту запись от Краевского, привел ее в своих воспоминаниях (Феоктистов Е. М. Указ соч., с. 108—109).

[74] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 247; «Литературное наследство», 1935, т. 19-21, с. 253.

[75] «Неделя», 1870, 16 (28) ноября.

[76] РОБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 7850 «Воспоминания 1870—1871», с. 87.

[77] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 245—246.

[78] РОБЛ, дневник А. А. Киреева, к/6, л. 33.

[79] Б. М. Маркевич — М. Н. Каткову, 22 ноября (4 декабря) 1870 г.— РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 32, л. 255.

[80] Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров, т. 2. М., 1929, с. 203—204 (далее цит.: Тютчева А. Ф. Указ. соч.).

[81] Горяинов С. Указ. соч., с. 130—134.

[82] РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 34, л. 1153.

[83] «Московские ведомости», 1870, 12 (24) ноября.

[84] «Дело», 1870, № 11, с. 128—129.

[85] «Московские ведомости», 1870, 5 (17) ноября. Позиция, занятая Катковым, вызвала недовольство царя и Горчакова. «Отзыв ваш о декларации, как и следовало ожидать, стал канцлеру поперек горла»,— писал Маркевич (РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 34, л. 1152).

[86] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 246.

[87] «Московские ведомости», 1870, 6 (18) ноября.

[88] Там же, 12 (24) ноября.

[89] «Литературное наследство», 1935, т. 19-20, с. 253—254.

[90] Там же, с. 240—241, 243.

[91] Тютчева А. Ф. Указ. соч., с. 213, 218.

[92] «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 249. Подробнее о московском адресе см.: Никитин С. А. Указ. соч., с. 268—270.

[93] «Московские ведомости», 1871, 12 (24) марта.

[94] «Голос», 1871, 5 (17) и 20 марта (1 апреля).

[95] Там же, 7 (19) марта.

[96] РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 32, л. 282.

[97] Никитин С. А. Указ. соч., с. 274—275.

[98] АВПР, канц., 1871, д. 68, л. 66.

[99] Убри—Горчакову, 11 (23) марта 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 16, л. 32—37.

[100] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 295.

Глава VIII

[1] Rheindorff K. I, S. 81—82.

[2] Ibid., S. 85.

[3] Так, он встретился с сотрудником «Московских ведомостей» Градовским и имел с ним длительный разговор на политические темы (Письмо Градовского, 17 (29) сентября 1870 г.— РОБЛ, ф. М. Н. Каткова, папка 22).

[4] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 75.

[5] Донесение Окунева о содержании телеграммы Тьера из Петербурга, которую Шаторди зачитал Окуневу (АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 70—73).

[6] Телеграмма Александра II — Вильгельму I, 10 (22) октября, с рекомендацией переговоров с Тьером и просьбой пропуска для Тьера в Париж (АВПР, канц., 1870 г., д. 114, л. 27).

[7] АВПР, канц., 1870 г., д. 56, л. 625.

[8] Манфред А. З. Указ. соч., с. 69.

[9] АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 240—242.

[10] Бисмарк О. Указ. соч., с. 103.

[11] Welschinger H. Bismarck. 1815-1898. Paris, 1912, p. 118.

[12] Beust Fr. Op. cit., vol. 2, p. 395.

[13] Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871. Протоколы. М., 1965, с. 72.

[14] Engelberg E. Op. cit., S. 234.
[15] Генеральный Совет Первого Интернационала..., с. 27.
[16] Engelberg E. Op. cit., S. 236.
[17] АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 430—435.
[18] Там же, д. 20, л. 354.
[19] Там же, д. 19, л. 432—433.
[20] «Дело», 1871, № 1, с. 81—82.
[21] «Голос», 1871, 1 (13) января.
[22] «Московские ведомости», 1870, 16 (28) декабря.
[23] «Неделя», 1870. 9 (21) августа.
[24] «Вестник Европы», 1870, сентябрь, с. 363—364.
[25] Там же, с. 366.
[26] Rheindorff K. II, Anlage 21.
[27] «Неделя», 1871, 17 (29) января.
[28] Там же.
[29] Генеральный Совет Первого Интернационала..., с. 380, прим. 37.
[30] Там же, с. 381, прим. 41.
[31] Там же, с. 32.
[32] «Неделя», 1871, 17 (29) января.
[33] Донесения Новикова, 11 (23) и 14 (26) октября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 264—272; 275—282.
[34] Rheindorff K. I, S. 93.
[35] Горчаков — Бруннову, 7 (19) октября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 85, л. 99—100.
[36] АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 348, 366.
[37] Горчаков писал Убри, что предложение, которое он сделал в ответ на английский проект демарша нейтральных держав, тут же и почти под его диктовку стало содержанием телеграммы Бьюханена Гренвилю. «Дитя определенно наше, хотя телеграмма Гренвиля и не содержит упоминания о действительных родителях. Мы только предоставили Англии инициативу» (АВПР, канц., 1870 г., д. 22, л. 283).
[38] G. W., Bd. 6^b, Vorb. an N 1891.
[39] Ibid., N 1892; Убри — Горчакову, 13 (25) октября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 19, л. 430—435.
[40] G. W., Bd. 6^b, N 1891.
[41] Ibid., Vorb. an N 1898. В этой связи Бисмарк выразил обеспокоенность появлением в «Журналь де Сан-Петерсбург» от 25 октября статьи, способной вызвать в Туре впечатление, что Россия может поддержать французское предложение перемирия без мира, «очень выгодное для французских вооружений» (Телеграмма Рейсу, 29 октября 1870 г.— G. W., Vorb. an N 1898).
[42] АВПР, канц., 1870 г., д. 84, л. 111, д. 85, л. 115.
[43] Окунев — Горчакову, 13 (25) октября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 98—103.
[44] Александр II — Вильгельму I, 11 (23) октября 1870 г.— Там же, д. 114, л. 33.
[45] Донесение Новикова 2 (14) октября 1870 г.— Там же, д. 146, л. 224—229.
[46] Окунев — Горчакову, 13 (25) октября 1870 г.— Там же, д. 118, л. 105—111.
[47] АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 82—85.
[48] Об этом Окуневу сказал Шаторди (Окунев—Горчакову, 2 (14) ноября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 151—154).

[49] Окунев — Горчакову, 29 ноября (11 декабря) 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 118, л. 196—198.

[50] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 80.

[51] ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1328, л. 18—19.

[52] АВПР, канц., 1870 г., д. 20, л. 394.

[53] Там же, д. 118, л. 198.

[54] G. W., Bd. 6^b, N 2005.

[55] Geuss H. Op. cit., S. 303. Мольтке в представленном королю проекте французской капитуляции выдвигал крайние условия, имея в виду с отклонением их возобновить военные действия и оккупировать всю территорию Франции, продиктовав ей безусловную капитуляцию (Ерусалимский А. Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1965, с. 77 — далее цит.: Ерусалимский А. Указ. соч.).

[56] G. W., Bd. 6^b, N 2005.

[57] Geuss H. Op. cit., S. 300, 302, 307.

[58] G. W., Bd. 6^b, N 2045.

[59] Манфред А. З. Указ. соч., с. 75.

[60] Бисмарк и сейчас не отказался от переговоров с бонапартистами, сохраняя их в резерве и стремясь муссированием бонапартистской угрозы оказывать давление на ход переговоров о мире с французским правительством (G. W., Bd. 6^b, N 2045).

[61] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 257.

[62] Там же, с. 205.

[63] Там же, с. 258.

[64] Там же, с. 262.

[65] АВПР, канц., 1871 г., д. 93, л. 11—14.

[66] Там же, д. 15, л. 73.

[67] Там же, л. 128—129.

[68] Там же, л. 119.

[69] Там же, д. 94, л. 454.

[70] Там же, д. 15, л. 167—170.

[71] Там же, л. 123—126.

[72] Rheindorff K. I, S. 156.

[73] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 420.

[74] Доклад Горчакова Александру II, 13 (25) февраля 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 38, л. 26—27.

[75] АВПР, канц., 1871 г., д. 38, л. 26.

[76] Там же, л. 29.

[77] Бруннов — Горчакову, 10 (22) февраля 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 66, л. 283—285.

[78] Текст прелиминарного договора приводится в русском переводе в кн.: Ротштейн Ф. А. Указ. соч., с. 183—186.

[79] Тьер к тому же рассчитывал, что Национальная гвардия попытается помешать вступлению германских войск в Париж и это даст повод немецкой военщине расправиться с революционными силами Парижа.

[80] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч., с. 89.

[81] АВПР, канц., 1871 г., д. 16, л. 6—7.

[82] Там же, д. 15, л. 245.

[83] Германские войска эвакуировались из Парижа 11 марта.

[84] Русская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г. М.—Л., 1933, с. 70.

[85] «Голос», 1871, 9 (21) марта.

[86] АВПР, канц., 1871 г., д. 16, л. 132—134; л. 478, 479.

[87] Там же, д. 19, л. 42—43.
[88] Там же, л. 46—47.
[89] Там же, л. 43; д. 16, л. 206—209.
[90] Там же, д. 16, л. 259.
[91] Там же, л. 232—236.
[92] Там же.
[93] Ерусалимский А. Указ. соч., с. 88.
[94] «Старина и новизна», кн. 22, с. 288.
[95] Никитенко А. В. Указ. соч., т. 2, с. 415.
[96] «Голос», 1871, 17 февраля (1 марта).
[97] Там же, 1870, 14 (26) сентября.
[98] «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, 18 (30) августа.
[99] «Заря», 1871, январь, с. 145.
[100] «Неделя», 1870, 13 (25) сентября.
[101] «Голос», 1870, 28 августа (9 сентября).
[102] «Заря», 1870, сентябрь, с. 204; декабрь, с. 323—324.
[103] Там же, 1871, январь, с. 145—146.
[104] «Отечественные записки», 1871, январь, с. 201—202.
[105] «Московские ведомости», 1871, 21 февраля (5 марта).
[106] АВПР, канц., 1871 г., д. 15, л. 244—245.
[107] После долгих и трудных переговоров с южногерманскими государствами, в ходе которых Бисмарк использовал шантаж, политическую интригу и подкуп, было достигнуто соглашение относительно создания Германской империи и основных принципов, определяющих ее структуру. 18 января 1871 г. последовало публичное провозглашение Германской империи, этот акт состоялся в Зеркальном зале Версальского дворца. В апреле 1871 г. была принята рейхстагом конституция Германской империи.
[108] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 95.
[109] Шнеерсон Л. М. Указ. соч., с. 242—247.
[110] АВПР, отчет МИДа за 1870 г., л. 96.
[111] Там же, л. 96—97.
[112] Там же, канц., 1870 г., д. 20, л. 421—422. Из пометы на полях письма Убри видно, что Александр II соглашался с посланником.
[113] Там же, л. 426.
[114] Там же, отчет МИДа за 1871 г., л. 25—26.
[115] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 278.
[116] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 120.
[117] Там же, т. 14, с. 14.
[118] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 28.
[119] Ротштейн Ф. А. Указ. соч., с. 177.
[120] «Отечественные записки», 1871, т. 194, с. 543.
[121] «Неделя», 1871, 12 (24) января.
[122] Бакунин М. А. Избр. соч., т. 2. М., 1919, с. 95.
[123] «Голос», 1870, 31 июля (12 августа).
[124] Никитенко А. В. Указ. соч., т. 2, с. 442, 417.
[125] «Неделя», 1870, 12 (24) июля.
[126] «Заря», 1871, январь, с. 238—239, 255—256.
[127] Оболенская С. В. Указ. соч., с. 54—55.
[128] «Голос», 1871, 17 (29) марта.
[129] «Отечественные записки», 1870, № 9, с. 138.
[130] «Голос», 1871, 18 (30) марта; 16 (28) сентября.
[131] «Московские ведомости», 1871, 12 (24) февраля.
[132] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 272.

[133] Донесение Новикова, 12 (24) сентября 1870 г.— АВПР, канц., 1870 г., д. 146, л. 117—121.

[134] «Голос», 1871, 4 (16) января.

[135] «Московские ведомости», 1870, 23 сентября (5 октября); 30 сентября (12 октября).

[136] «Голос», 1870, 1 (13) сентября.

[137] См., например: «Неделя», 1871, 17 (29) января; «Голос», 1871, 29 апреля (11 мая).

[138] «Голос». 1871, 29 апреля (11 мая).

[139] «Русский мир», 1871, 3 (15) сентября.

[140] АВПР, канц., 1870 г., д. 147, л. 118—121. В Лейпциге осенью 1870 г. была опубликована брошюра «Мысли об австрийской политике будущего» («Gedanken über die österreichische Politik der Zukunft»), написанная одним из бейстовских чиновников Оппенгеймером. В ней развивались следующие положения: Австрия будто бы была готова прийти на помощь Германии, если бы французские войска, одержав победу, перешли Рейн; Пруссия хорошо сделала, использовав Россию, чтобы добиться успеха в 1866 и 1870 гг., но с ее стороны было бы ошибкой ориентироваться на этот союз после войны, ибо это равносильно поощрению панславизма и русских притязаний на Востоке, опасных для Германии. В итоге делался вывод о необходимости внешнеполитического союза между Германией и Австро-Венгрией (д. 20, л. 417).

[141] Новиков — Горчакову, 21 марта (2 апреля) 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 64—69.

[142] АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 221—223. В начале 1871 г. была опубликована брошюра «Граф Андраши и его политика» («Graf Andrassy und seine Politik»), где превозносилась позиция Андраши на фоне критики политики Бейста.

[143] Там же, отчет МИДа за 1871 г., л. 73.

[144] Там же. Польский вопрос не потерял своего значения в европейской политике после восстания 1863 г. Последние исследования польских историков свидетельствуют об эксплуатации Бисмарком в ходе переговоров 1870—1872 гг. опасений России, что автономия Галиции создаст в лице последней новый Пьемонт — отправную базу для восстановления польского государства (Boreisza J. W. Entre deux periodes de L'Histoire universelle: les annes 1870—1871. Moscou, 1970, p. 3).

[145] АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 34.

[146] Убри — Горчакову, 11 (23) марта 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 16, л. 49—52.

[147] Там же, отчет МИДа за 1870 г., л. 97.

[148] Там же, отчет МИДа за 1871 г., л. 43—44.

[149] Там же, л. 51.

[150] Там же, л. 27.

[151] «Голос», 1871, 8 (20) мая.

[152] «Отечественные записки», 1871, январь, с. 229.

[153] «Московские ведомости», 1871, 23 января (4 февраля).

[154] «Русский мир», 1871, 3 (15) сентября. Расхождение в цифрах, вероятно, объясняется тем, что «Московские ведомости» имели в виду только полевые войска.

[155] «Московские ведомости», 1870, 19 (31) июля.

[156] Там же, 1871, 23 января (4 февраля).

[157] «Русский мир», 1871, 27 ноября (9 декабря).
[158] «Отечественные записки», т. 194, с. 235.
[159] Там же.
[160] «Вестник Европы», 1870, сентябрь, с. 394.
[161] Там же, октябрь, с. 904—905.
[162] «Неделя», 1871, 12 (24) января.
[163] «Отечественные записки», 1870, ноябрь, с. 90—91.
[164] Там же, 1871, январь, с. 260.
[165] Там же, с. 231—233.
[166] Там же; «Голос», 1871, 6 (18) января.
[167] «Московские ведомости», 1871, 19 апреля (1 мая); «Деятельность», 1870, 29 ноября (11 декабря).
[168] «Московские ведомости», 1871, 19 апреля (1 мая).
[169] «Отечественные записки», 1870, октябрь, с. 450.
[170] Там же.
[171] Там же, с. 456—457. «Но чего доброго, такой человек понял бы,— замечает Салтыков-Щедрин,— что для ограждения интересов отечества нет даже надобности пристреливать себе подобных».
[172] Там же, 1870, август, с. 246; «Неделя», 1870, 19 (31) июля.
[173] «Московские ведомости», 1870, 8 (20) сентября.

Краткий именной указатель

Аксаков И. С. 152, 153
Александр II 23, 26, 41—44, 48, 49, 66—69, 74, 75, 82, 83, 91, 93, 97—101, 105, 109, 122, 127—130, 136—138, 156—159, 165—168, 173—175, 178, 185, 187, 193, 196, 227, 235, 251
Андраши Д. 116, 121, 132, 133, 167—170, 177, 200—203, 250, 287
Антюхина-Московченко В. И. 4, 260, 281, 282, 290, 296
Арним 236

Балан 236
Бакунин М. А. 245, 297
Бебель А. 57
Бейст Ф. 30—32, 47, 48, 53, 59—63, 66, 73, 76, 94, 109, 110, 113—123, 127, 133, 163—170, 200—203, 207—209, 222, 226, 227, 248, 250
Бенедетти В. 51, 100, 103—105
Бернсторф 171, 185, 207, 208
Бирилева М. И. 194
Бисмарк О. 3—5, 39—44, 50—58, 62—75, 85—109, 136, 143, 153, 159, 161, 166, 171, 175—179, 183—196, 199, 200, 202, 209, 214, 218—239, 243—245, 250, 251
Больман 183, 289
Бонди Г. 262, 268
Борисов Ю. В. 4
Брей 98, 101
Брольи 210
Бруннов Ф. 27, 33, 38—40, 91, 92, 96, 101, 108, 137, 138, 159, 161, 170—172, 180, 194, 198, 199, 204—209, 218, 235
Будберг А. 25, 27, 32, 34, 42
Бьюханен 106, 226, 295
Бюхер Л. 94

Варнбюллер 92
Васильчиков 122, 123, 133, 134, 155, 167
Вертер 272
Вестман 106, 110, 137, 274, 276—278, 282, 283
Виктор Эммануил II 123, 282
Виктория (англ. королева) 105
Вильгельм I 23, 44, 65, 66, 70, 88, 91, 94, 156, 175, 196, 240, 251, 275, 291
Вимпфен 66
Висконти-Веноста Э. 161, 172
Витгенштейн Э. 124, 181, 281, 289
Витцум 67, 99, 122, 123

Габриак 235, 237, 238, 289
Гамбетта Л. 186, 221, 229, 230, 233
Гардвелл 200
Герцен А. И. 16, 143, 263
Гладстон В. 104, 199, 200, 219, 225, 227
Гогенлоэ-Шиллингсфюрст Х. 54—58, 268
Гогенцоллерн Антон 94
Гогенцоллерн Карл 99, 131—133, 216
Гогенцоллерн Леопольд 93—100
Горчаков А. М. 19—33, 36, 37, 39, 41—46, 49—51, 56, 57, 59, 64—71, 73—78, 80—82, 91, 93, 96, 98, 101, 109, 110, 114, 129, 130, 136—139, 157, 161, 163—169, 172—176, 181—183, 186, 193—201, 204—206, 208, 210, 212, 214, 216—221, 224, 226, 234—239, 242, 251
Горяинов С. 291, 294
Грамон А. 32, 47, 90, 91, 93, 94, 98—101, 103, 117—120, 125—131, 133, 135—137
Гренвиль Дж. 97, 101—104, 137—140, 160, 161, 170—172, 185, 186, 198—200, 205—209, 219, 220, 235, 292
Гросул В. 282
Гулишамбаров С. 262
Гутман Д. С. 260, 284

Данилевский Н. 153, 246, 285
Дарю 77, 78, 80, 83, 84, 86—88, 271
Делане 171, 288
Деспре 179
Дизраэли Б. 160
Диосеги И. 4, 116, 260, 278, 279, 282, 285—287, 292, 293
Дитрих И. 275
Д'Овернь Латур 38, 119, 157, 171, 271, 279, 281
Дювернуа 232
Евгения (супруга Наполеона III) 63, 90, 186, 231, 232

Елена (вел. княгиня) 173, 174
Ерусалимский А. С. 296, 297

Желубовская Э. А. 4, 260, 273
Жомини 79, 110, 151, 194
Зайончковский П. А. 261
Зеедлер 113
Зибель Г. 183, 244, 289
Золотов В. А. 260, 262

Игнатьев Н. П. 49, 71, 203, 214
Итенберг Б. С. 260, 289

Кадор 136, 138, 284
Кадорн 207
Казо 119, 120, 132, 133
Катков М. Н. 16, 36, 79, 80, 146—150, 191, 214—218, 247, 256
Кашери 229
Кератри 229
Керстен К. 288
Киняпина Н. С. 4, 260, 292, 293
Киреев А. А. 82, 156, 193, 213
Кларендон 58, 63—65, 84—87, 91, 268
Клячко 113
Константин Николаевич (вел. князь) 194
Краевский А. А. 146, 147
Кутузов 174, 195
Кюн 117

Лавалетт 84
Лайонс 138, 179
Ласкер 89
Ледигкейт К. 268
Ленин В. И. 6, 260, 297
Лефрень Ж. (Эли Реклю) 144
Либкнехт В. 57
Линкенхайль Р. 263
Лофтус 85, 86, 185
Максимилиан (эрцгерцог) 46, 47

Мантейфель 195
Манфред А. З. 4, 260, 290, 294, 296
Маркевич Б. М. 214, 291, 294
Маркс К. 6, 105, 154, 192, 222, 225, 243, 248, 277, 285, 288, 291, 294, 296, 297
Мендельсон Л. 260
Меттерних К. 99, 117, 179, 245, 264, 275, 280
Миллер П. 262
Милютин Д. А. 49, 50, 81, 98, 110, 111, 141, 156, 193
Михайловский Н. 244
Михаель Г. 267, 269, 272, 274, 276
Мольтке Х. К. 192, 221, 231, 283, 296
Монтперо Г. 229
Моренгейм 33, 135, 283
Мосс У. 260, 279, 280, 287, 288
Мустье 23, 24, 28, 30, 32, 33, 39, 42, 45, 46, 265
Мусурус-паша 207

Наполеон III 5, 19, 33, 34, 41—48, 58—65, 67, 78, 81, 84, 93, 99, 119, 126—129, 143, 147, 155, 158, 178, 182, 183, 186, 188, 198, 222, 228, 231, 232, 245, 258
Наполеон (принц) 269
Нарочницкая Л. И. 4, 260, 263
Нигра К. 179
Никитенко А. В. 187, 240, 245, 290, 297
Никитин С. А. 4, 260, 263, 285, 294
Ниэль 63, 124
Новиков Е. П. 113, 114, 164, 165, 168, 169, 180, 201, 202, 209, 221, 226, 227, 250

Оболенский Д. 246, 297
Оболенская С. В. 260
Обручев Н. Н. 10, 112, 262
Озеров 267, 276

Окунев 93, 95, 98, 100, 103, 126—130, 136, 138, 157—159, 171, 179, 180, 227—230, 233, 234, 237
Оливье Э. 76, 83, 84, 105, 281
Онкен Г. 269, 275, 279, 280, 283
Орлов Н. А. 114, 278

Паликао 158
Пальмерстон 224
Перцев В. Н. 271
Пигарев К. Ф. 291
Пий IX 161
Потоцкий 91, 92, 113
Прим (маршал) 94, 95
Прусский принц 23, 69, 92
Пфуль 277

Раaслов 135
Рассел О. 105, 160, 198—200
Рейндорф К. 269, 272, 274—277, 284, 286, 288—290, 295, 296
Рейнерс Л. 4, 260
Рейс Г. 36, 50, 67—69, 71, 73, 97, 110, 174—176, 235
Рейтерн М. А. 8
Ротштейн Ф. А. 4, 260, 296, 297
Рошфор А. 43
Руэр 63

Сабуров П. А. 262, 277
Салазар 94
Салтыков-Щедрин М. Е. 255, 256, 299
Сен-Валье 272
Сенкевич И. Г. 4, 260, 264, 265, 267, 268, 270
Сироткин В. Г. 286
Стенли 27, 39, 40, 48, 61
Стремоухов 67, 68, 218
Сухотин С. Г. 187, 189, 190, 213, 215, 290

Талейран 24, 28, 74, 264
Тарков Ф. 111, 285
Татищев С. С. 194, 291
Тауфкирхен 36, 43
Тиле 93, 234, 236, 292
Тимашев 210, 211, 293
Тотлебен 213
Трошю 180, 182, 186, 219, 230
Тургенев И. С. 146, 260
Тьер А. 84, 180, 219—221, 227—229, 234—239, 296
Тютчев Ф. И. 153, 184, 188, 195, 217, 240
Тютчева А. Ф. 294

Убри П. П. 53, 67, 69—71, 73, 88, 93, 94, 98, 102, 104, 105, 110, 136, 156, 162, 164, 178, 183, 185, 187, 194, 204, 222, 223, 226, 234, 239, 243, 251
Укскюль 267
Утин 244

Фабрице 238
Фавр Ж. 179—181, 186, 187, 207, 219, 228, 232—235, 238, 239
Фадеев 253
Феоктистов Е. М. 151, 285, 293
Фиш 195
Флери 47, 74—80, 98, 122, 123, 126—130, 157, 173
Флетшер В. А. 276
Форкад 23
Франц Иосиф 46, 47, 99, 109
Фуришон 140

Хотек 121—123, 164—169, 227, 228, 277, 287
Христиан (король Дании) 137
Хромов П. А. 261

Чарторыйский 91, 113
Чегодаев П. В. 262, 263
Черкасский 214
Чертан Е. 282

Шамбор 240
Шарль-Ру 5, 260, 264, 271, 285
Шаторди 227, 233, 294, 295
Швейниц 202, 226, 250
Штакельберг Э. 20, 32, 72, 91

Энгельберг Е. 260, 268, 295
Энгельс Ф. 4, 6, 176, 192, 218, 222, 233, 277, 285, 288, 291, 294, 296, 297

Оглавление

Введение 3

Глава I

Между Францией и Пруссией **7**

Внутреннее положение России 7
Взаимоотношения с Пруссией 12
Новые тенденции в восточной политике 17
Россия и Франция 21

Глава II

Нарастание франко-прусского конфликта . . . **35**

Люксембургский кризис 1867 г. 35
Визит Александра II и Горчакова в Париж 41
Встреча в Зальцбурге 46
Германские дела и Россия 51

Глава III

На пороге войны. 1868—1870 . . . . . **61**

Австро-французские переговоры о союзе 61
«Военное соглашение» Александра II и Вильгельма I . . . 66
Попытки улучшения франко-русских отношений 74
Иллюзии умиротворения в Европе 81
Атмосфера снова сгущается 87
Инцидент Гогенцоллерна 93

Глава IV

Начало войны и русский нейтралитет **107**

Русская декларация о нейтралитете 107
Россия и Австро-Венгрия 113
Франция и Австро-Венгрия 118
Австрийская декларация о нейтралитете 120
Франция 124
Датский нейтралитет 134
Война и общественное мнение России 141

Глава V

Первые поражения Франции и дипломатия России **155**

«Лига нейтральных» 155
Русско-австрийские переговоры 164
Англия 170
Германия против посредничества 172

Глава VI

После Седана **177**

Падение Второй империи. Отношение России к временному правительству 177
Прусская программа мира. Циркуляры от 13 и 16 сентября . 183
Перемены в настроениях общественных кругов России . . 187

Глава VII

Черноморский вопрос **193**

Русская декларация от 31 октября 1870 г. 193
Лондонская конференция 203
Горчаковская декларация и общественное мнение России . 210

Глава VIII

Итоги войны. Образование Германской империи **219**

Миссия Тьера. Попытка России подтолкнуть Пруссию к заключению перемирия 219
Капитуляция Франции 228
Русская общественность об условиях мира 240
Отклики в России на образование Германской империи . . 242
Угроза австро-германского сближения 248
Уроки войны 252

Заключение **257**

Примечания **260**

Краткий именной указатель **300**

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ШНЕЕРСОН

Франко-прусская война и Россия

Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг.

Редактор *В. В. Сербантович*. Оформление *В. С. Шнаревича*. Младший редактор *Н. А. Полторжицкая*. Художественный редактор *И. Е. Беленькая*. Технические редакторы *М. Н. Кислякова, В. П. Безбородова*. Корректор *В. А. Жданович*. АТ 24077. Сдано в набор 28/VI 1976 г. Подписано в печать 11/XI 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 17,79. Тираж 1650 экз. Заказ 787. Цена 1 руб. 94 коп. Издательство Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Минск, ул. Кирова, 24. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский пр., 68.